Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

Digitized by Google

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·

SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII

EX LIBRIS

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ,

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. ПОГОДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ II. (=по. 4)

№ 3. (1845:7)

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1845.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва Апрѣля 7-го дня, 1845 года.

Цензоръ В. Флеровъ.

MILIBKOV LIBR...

Digitized by Google

AP50
П165
1845:7

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЖИЗНЬ СТЕФЕНСА.

(продолженіе).

Но согласіе, которое царствовало между виновниками этого важнаго литературнаго переворота, доставляло великую пріятность нашей общей жизни въ Іенѣ.

При всякомъ органическомъ развитіи, различныя образованности, едва отличаясь, исходятъ изъ одного пункта; здѣсь каждый, не нарушая единства, стремился своими средствами къ общему дѣлу, и союзъ столькихъ людей въ высшей степени замѣчательныхъ дѣйствовалъ значительно. Фихте и Шеллингъ поняли свое отличіе, но тогда еще не высказались. Они видѣлись не часто; Фихте не могъ находить наслажденія въ натуральной философіи Шеллинга, и между ними скрывалось враждебное разъединеніе. Но такъ какъ въ это время, Фихте преподавалъ Этику и съ нею связанное естественноое право, то оба, Шеллингъ и Фихте, шли нѣсколько времени рядомъ, и безъ ссоры. Это былъ послѣдній остатокъ Кантовскаго разлученія между Практической и Теоретической Философіей, обоими еще не сознаннаго, но обоими уже властвующаго.

Но не одни пребывающіе въ Іенѣ, и отсутствующіе участвовали также въ литературномъ союзѣ, и дѣйствовали въ одинаковомъ духѣ. Берлинъ былъ у насъ тогда въ большомъ презрѣніи и почитался сборищемъ плоскихъ умовъ и пошлаго здраваго смысла.... Всеобщая Германская библіотека, издаваемая *Николаемъ*; Берлинская ежемѣсячная газета, издаваемая *Бистеромъ*, казались намъ рѣзкимъ отпечаткомъ пошлыхъ разсужденій. Однакоже и въ Берлинѣ имѣли мы значительныхъ союзниковъ, между коими Шлейермахеръ былъ мнѣ вовсе незнакомъ. Тикъ нравился мнѣ какъ поэтъ, хотя первыя сочиненія

M304457

Digitized by Google

его не сдѣлали никакого впечатлѣнія въ Германіи. Братья Шлегели первые обратили вниманіе на блестящій и самобытный талантъ этого писателя и вообще непонятно, почему прелесть его поэтическаго языка и свѣжесть воззрѣнія остались такъ долго незамѣтны.

Ав. В. Шлегеля переводъ Ромео и Юліи, обозрѣніе этой піэсы, статья его о Дантѣ, разговоры связанные съ такою работою, — все отдаляло мысли наши отъ сжатой современной литературы и мелочныхъ ея занятій, и пріучало насъ искать обширнаго размѣра въ стихотворствѣ; мы видѣли, что понятіе о Поэзіи, нѣкогда проникавшее жизнь, искуство, науку и гражданственность, изчезло совершенно, и чувствовали, что его оживить должно.

Способность понимать искусство была также пробуждена; до сихъ поръ я имѣлъ объ немъ только предчувствіе. Лаокоонъ Лессинга заставлялъ меня мыслить, но не показывалъ предмета. Я прочелъ Винкельмана — перваго, который оживилъ пластическое искусство древнихъ. Классическій языкъ его, простой, величественный, чудесный, странно звучалъ для того времени, въ которое вышло его сочиненіе. Читая его книгу, я приведенъ былъ въ такое же положеніе, въ какомъ вѣроятно былъ самъ Винкельманъ, когда въ маленькомъ городкѣ своемъ прилѣпился къ пластическому искуству древнихъ. До тѣхъ поръ я не видалъ еще ничего; глазъ мой былъ закрытъ для искуства. То что Гёте привѣтливо показывалъ мнѣ, могло имѣть цѣну только для открытыхъ очей. Съ сѣвернымъ прямодушіемъ сознавался я, что мнѣ недостаетъ художественнаго смысла, и съ сокрушеяіемъ думалъ, что это существенно нравственный недостатокъ. Я былъ перенесенъ въ другой, высшій міръ, и все, что въ этотъ мірѣ жило, не должно быть мнѣ чуждо. Какъ въ природѣ ощутительно окружали меня небо и земля, горы, моря, растенія и животныя, такъ и въ духовномъ мірѣ, въ которомъ я дышать начиналъ, всѣ предметы должны были со мной сродниться. Не могъ я подобно другимъ показывать того энтузіазма, котораго не чувствовалъ. Гёте утѣшалъ меня. Вся моя надежда полагалась на Италію, куда со временемъ мечталъ съѣздить, но Гёте эту надежду обратилъ на

Digitized by Google

Дрезденъ. „Поѣзжайте туда, сказалъ онъ, сокровища, которыя вы тамъ найдете, будутъ введеніемъ вашимъ въ художественный смыслъ.“ — Прямодушіе, съ которымъ я стремился къ невѣдомымъ мнѣ наслажденіямъ духовнымъ, очень ему нравилось.

Музыка также была мнѣ непостижима. Были мелодіи, которыя трогали меня до глубины души; но обширный міръ звуковъ только смущалъ меня, и впечатлѣніе минутами произведенное отдѣльною пѣснью, терялось въ запутанномъ цѣломъ — мнѣ непонятномъ. Когда я слушалъ Гайдена или Моцарта, то чувствовалъ смутное и томительное страданіе, и никакъ не понималъ восторга около меня раздающагося.

Но все, мнѣ непонятное, было теперь возбуждено. Меня волновало не холодное размышленіе, но пламенная новая жизнь, и самое предчудствіе страданія было мнѣ подстреканіемъ къ горячему любопытству.

Всѣ, тогда еще дружные писатели, собирались часто у гостепріимнаго, привѣтливаго Фромана. Многія дамы посѣщали его; Гёте не рѣдко являлся. Со мною обходились какъ съ самымъ близкимъ родственникомъ и я никогда не забуду материнскаго вниманія г-жи Фроманъ.-Мужъ ея издавалъ тогда Зербино, сочиненіе Тика; оно выходилъ листочками и каждый выпускъ читали мы вмѣстѣ. Поэтическіе звуки этой чудной драммы глубоко въ душѣ моей отзывались, и теперь еще, при одномъ воспоминаніи, переносятъ меня въ свѣтлый міръ веселой поэзіи. Какъ ребенокъ, перенесенный на чужую сторону, знакомится вдругъ со множествомъ предметовъ, такъ и я узналъ въ это время какую невѣроятную силу имѣетъ воспріимчивость во всемъ внутренно пережитомъ, а не просто передуманномъ. ....Извѣстно, что въ Зербино находится очень много намёковъ на мимолетныя явленія тогдашней литтературы. Это возбудило такое негодованіе въ нѣкоторыхъ мелкихъ писателяхъ, что при иныхъ нельзя было назвать.....Тика. Въ Тарантѣ, гдѣ я провелъ лѣто 1801-го года, былъ между прочими Пасторъ, принадлежащій къ числу новопросвѣщенныхъ литтераторовъ. Въ проповѣдяхъ своихъ излагалъ онъ народу иногда Медицину, иногда обработываніе полей и посѣвъ картофеля. Я спросилъ у него однажды, какія мысли приходятъ ему въ голову, когда

Digitized by Google

зажигаютъ у алтаря свѣчи, и какъ онъ соглашаетъ свои картофельныя проповѣди съ служеніемъ алтаря! — Онъ удивился этому вопросу и не отвѣчалъ мнѣ.

Между тѣмъ, какъ вокругъ меня жизнь такъ богато развивалась, дѣйствіе Іены распространялось въ обширномъ кругу и во всѣхъ отрасляхъ литтературы. Брауново ученіе въ медицинѣ подходило такъ близко къ умозрительности, что привлекло многихъ Нѣмецкихъ врачей. Кажется, имена Эшенмайера, Виндишмана и Гёрреса тогда уже начинали гремѣть.

Фихте, который уже нѣсколько лѣтъ жилъ въ Іенѣ, сдѣлался также въ это время предметомъ жестокихъ нападеній, и горячаго почитанія.—Этою же зимою получено было знаменитое письмо Якоби. Всѣхъ поразило странное его воззрѣніе на такъ называемую умозрительность. Ее должно знать, говорилъ онъ, и должно уважать потому, что она сообщаетъ тѣнь духовности, но предаваться ей не должно, тѣмъ менѣе еще развивать логически въ жизнь. Знаменитое мѣсто, въ которомъ онъ даетъ предпочтеніе нравственной личности, противъ формализма нравственной законности, произвело тогда сильное впечатлѣніе. Оно классическое въ своемъ родѣ; приведу здѣсь нѣкоторыя мѣста: Да, говорилъ онъ, я тотъ отверженный, которому противна воля, которая ничего не хочетъ; — я хочу лгать, какъ Дездемона лгала умирая; хочу лгать и обманывать, какъ Пиладъ лгалъ выдавая себя за Ореста; хочу быть убійцей, какъ Тимолеонъ; какъ Эпаминондъ нарушать законы; какъ Отонъ готовъ на самоубійство; — хочу въ субботу рвать колосья, потому, что я голоденъ и потому, что законъ сдѣланъ для человѣка, а не человѣкъ для закона. Святое убѣжденіе внутреннее говоритъ мнѣ, что право помилованія всѣхъ такихъ преступниковъ противъ буквы всеобщаго безусловнаго закона, есть царственное преимущество человѣка, печать его возвышеннаго сана, божественной природы.“ —

Это письмо, написанное на зеленой бумажкѣ, потому что у Якоби болѣли глаза, переходило изъ рукъ въ руки и привлекало столько же похвалы, сколько порицанія.

.....

Всего болѣе отличалось это счастливое время житья нашего въ Іенѣ, трудолюбіемъ и прямотою, которыя надъ всѣми

Digitized by Google

нами владычествовали. Каждый убѣжденъ былъ, что съ противникомъ сражаться слѣдуетъ на его собственной почвѣ, что нельзя довольствоваться пустыми пошлостями и остротами, что борьба ничтожна, если не поддержана свѣдѣніями и наблюдательностью. Стоящіе во главѣ этого времени отличались уже замѣчательными сочиненіями; подобно Лессингу, который вышелъ съ рѣшительной оппозиціей противъ господствующей литтературы, они пріобрѣли уже право гражданственности и значительной собственности въ литтературномъ мірѣ; они знали чего хотѣли, имѣли опредѣленную цѣль, и рѣзкая ихъ критика поражала противника силою сосредоточенной мысли, своебытнаго воззрѣнія, твердаго, укрѣпленнаго и уничтожающаго всякое сопротивленіе. Правда, въ этой борьбѣ было довольно дерзкой самонадѣянности, но никто не искалъ минутнаго, проходящаго вліянія. Это время было не вялое, безсильное, требующее подстрѣканія, для того, чтобы выказаться минутнымъ эффектомъ; нѣтъ, оно было полно юношеской силы, во всѣхъ направленіяхъ сознавало слѣды соединяющаго духа; это была жизнь кипящая, смѣлая, а не судорожныя движенія умирающаго. Обвиняли нѣкоторыхъ, особливо братьевъ Шлегелей въ охотѣ къ парадоксамъ; но все, что проистекало изъ великаго цѣлаго, не должно ли было казаться парадоксомъ для тѣхъ, кто довольствовались раздробленными пошлостями ежедневной чувственной жизни.

.....

Я чувствовалъ, какъ древній Спиноза начинаетъ во мнѣ снова двигаться, оживать, какъ дремлющая необходимость просыпается въ своей первородной свободѣ; это время дѣйствовало и на меня съ необыкновенной силой; вся богатая природа тѣснилась ко мнѣ и искала осмысленія. Прежнія времена обновились; давно умершіе духи заговорили, и если я не все разслушалъ, не все такъ понялъ какъ слѣдовало, то не разлучался же никогда съ явившимися мнѣ, съ отвѣчавшими удовлетворительно на мою довѣренность. Странно только то, что все, что другимъ являлось враждебнымъ религіи, мнѣ никогда такимъ не казалось; напротивъ, для меня воскресала свѣтлая моя юность, въ исканіи моемъ возвращалась ко мнѣ цвѣтущая, радостная природа, плѣнившая меня во дни моего младенче-

Digitized by Google

ства. Глубокое воспоминаніе тихой религіозной покорности, покоилось въ дѣятельноиъ моемъ стремленіи, и выше всѣхъ созиданій разума, воздвигалось нѣчто высшее, живительное, къ новой жизни и дѣяѣльности побуждающее. Когда я вспоминаю это время, то кажется оно мнѣ разительно сходнымъ съ тихой жизнью моей въ Роксфильдѣ. То, что мною владѣло тогда, теперь было въ моей власти. Я высказалъ себѣ, что оно вѣнецъ и цѣль всѣхъ размышленій.

.....

Между тѣмъ приближалось время отъѣзда изъ Іены: мнѣ необходимо нужно было отправиться въ Фрейбергъ, тамъ только могъ я работать самостоятельно. Я намѣренъ былъ проѣхать черезъ Берлинъ, чтобы посмотрѣть на этотъ городъ. Никто въ Іенѣ не уважалъ Берлина, и въ умственномъ отношеніи онъ имѣлъ мало для меня привлекательнаго. Бѣдность природы, особенное просвѣщеніе, лицемѣріе Николая и Бистера, и Всеобщая Германская Библіотека, произвели такое печальное въ умѣ моемъ впечатлѣніе, что я пугался долгаго въ Берлинѣ пребыванія. Мнѣ сказывалц, что Лессингъ не нашелъ тамъ себѣ мѣста; Гёте не любилъ Берлина и никогда въ немъ не бывалъ. Но въ Берлинѣ жили наши три союзника: Шлейермахеръ, сотрудникъ Атенея, Фридрихъ Шлегель и Тикъ.

Прежде отъѣзда моего изъ Іены, случилось тамъ важное событіе. Саксонскій Дворъ, по доносу Теолога Рейнгарда обвинилъ Фихте въ атеизмѣ. Все это произшествіе сдѣлалось такъ извѣстно, и такъ много толковали объ этомъ въ новѣйшія времена, что я почитаю излишнимъ входить въ подробности. Поводъ къ этому обвиненію, была журнальная статья *Фонберга* о нравственномъ устройствѣ міра. Фихте взялъ на себя отвѣтственность за эту статью. Подробное описаніе этого можно найти въ Біографіи Фихте, писанной его сыномъ. Можно представить, какое впечатлѣніе сдѣлало на всѣхъ насъ это обвиненіе: мы всѣ были раздражены и видѣли притѣсненіе нашей ученой дѣятельности. Фихте велъ себя твердо и съ достоинствомъ. Въ объясненіи, котораго отъ него потребовали, изложилъ онъ намѣреніе оставить Іену, если стѣснена будетъ ему свобода

Digitized by Google

преподаванія. Изъ Веймара получилъ онъ выговоръ за неосторожныя выраженія на счетъ священныхъ предметовъ, и увѣщаніе впередъ быть осторожнѣе. Видно было намѣреніе Веймарскаго Двора дать такой оборотъ дѣлу, какъ будто Фихте самъ захотѣлъ взять отставку. Удаленіе его изъ Іены было неизбѣжно. Когда же Фихте объявилъ, что полученный имъ выговоръ не такого рода, что бы заставить его вытти въ отставку, то въ Веймарѣ были вынуждены дать ему эту отставку. Все пришло въ волненіе; Паулусъ всѣхъ жарче стоялъ за Фихте. Я часто бывалъ у него въ домѣ; тамъ горячо разсуждали, не нужно ли будетъ студентамъ подать прошеніе. Большая оныхъ часть состояла изъ иностранцевъ; слава Фихте привлекла ихъ и они имѣли нѣкоторое право требовать, что бы имъ оставили профессора, для котораго они изъ дальнихъ странъ пріѣхали; я написалъ въ чернѣ такое прошеніе, гдѣ выставилъ великія заслуги Фихте и мнимое право студентовъ. Эту бумагу принесъ я къ Паулусу, ее переписали съ немногими измѣненіями и я не сомнѣвался, что мнѣ удастся посредствомъ соотечественника моего Мальте Мюллера, который имѣлъ большое вліяніе на студентовъ, пріобрѣсть очень много подписей.

Между тѣмъ въ Веймарѣ происходило точно такое же явленіе. Также написана отъ имени Студентовъ просьба къ Герцогу, въ которой умоляли удержать Фихте въ Университетѣ. Въ этой просьбѣ содержалось также признаніе, что Фихте читалъ свои лекціи съ непростительной неосторожностью, но что всѣми любимый, достоинъ онъ пощады и милости Герцога. Гуфландъ юристъ. отдалъ это прошеніе студенту Б.... изъ Рюгена, увѣряя притомъ, что самъ Фихте одобряетъ это сознаніе. Б. желая услужить Фихте, бѣгалъ изъ дому въ домъ за подписями и ему удалось собрать многія.

Вдругъ входитъ ко мнѣ одинъ молодой человѣкъ, которому я хотѣлъ передать мое прошеніе, что бы онъ положилъ его въ Аудиторіи, для подписи студентамъ, онъ самъ читалъ другую просьбу, написанную совсѣмъ въ другомъ духѣ и видѣлъ множество подписанныхъ именъ. Я испугался, схватилъ свою бумагу и побѣжалъ отыскивать Б. котораго я зналъ благородное

Digitized by Google

расположеніе: я нашелъ его на улицѣ, перебѣгающаго изъ дома въ домъ, и увелъ съ собою въ чьи-то ворота. Я былъ въ высшей степени раздраженъ, представилъ ему какое торжество доставитъ врагамъ Фихте разносимая имъ бумага, прочелъ ему мою просьбу, и сказалъ, что она одобрена Профессоромъ Паулусомъ; легко мнѣ было убѣдить добраго юношу, тѣмъ болѣе, что я показалъ ему источникъ, откуда проистекала враждебная эта бумага и познакомилъ со всѣми отношеніями. Онъ совершенно со мною согласился, пошелъ во всѣ Аудиторіи, и передъ всѣми признался откровенно въ невольной своей ошибкѣ. Послѣ обѣда въ тотъ же день мое прошеніе лежало передо мною подписанное нѣсколькими сотнями именъ, и два депутата отправились въ Веймаръ, подать его Герцогу. — На вечеръ я былъ приглашенъ къ юристу Гуфланду; я засталъ его въ пресердитомъ расположеніи духа, и признаюсь, смотрѣлъ съ тайнымъ удовольствіемъ на его досаду, потому, что зналъ ея причину. — Послѣ, когда черезъ нѣсколько лѣтъ, прочелъ я жизнь Фихте, то увидѣлъ, съ удивленіемъ, что Герцогу поданы были двѣ просьбы; стало быть противникамъ Фихте, удалось исполнить свое намѣреніе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отсылки нашего прошенія студенты приглашены были къ Проректору Лодеру; ему отъ Двора поручено было объяснить студентамъ положеніе дѣла и то, что Фихте самъ вызвалъ себѣ отставку.

Это произшествіе во многихъ отношеніяхъ было для меня значительно; правда, я видался съ Фихте не часто, занятія мои и образъ мыслей отдаляли меня; но я любилъ, и уважалъ его, и строгость нравственнаго чувства, на которомъ основалъ онъ всю свою философію, пріобрѣла ему совершенное мое почтеніе. Когда мы видались, разговоръ тотчасъ касался его философіи и переходилъ въ споръ, я не могъ признавать его безусловную, формальную, нравственную истину; Fiat justitia, pereat mundus, совершенное торжество формальной нравственности, ужасало меня. Когда я услышалъ, какъ онъ утверждалъ, что ни подъ какимъ условіемъ нельзя сказать неправды; то осмѣлился привести ему слѣдующее предположеніе: „женщина въ родахъ лежитъ опасно больная; въ другой

Digitized by Google

комнатѣ умираетъ ея ребенокъ; врачи рѣшительно объявили, что малѣйшее потрясеніе будетъ ей стоить жизни. Ребенокъ умеръ. Я сижу у постели больной и она спрашиваетъ о здоровьи малютки. Истина убьетъ ее, долженъ ли я сказать истину? —" Должно отклонить вопросъ, отвѣчалъ Фихте. — „Это все равно, что сказать о смерти ребенка, возразилъ я. Я солгу ей, воскликнулъ я рѣшительно, солгу, и назову эту ложь моей правдой" — „Твоей правдой? закричалъ Фихте съ негодованіемъ. Нѣтъ такой правды, которая бы принадлежала человѣку! Правда должна управлять тобою, а не быть твоею. — Умретъ эта женщина отъ правды, то пусть умираетъ!"

Я замолчалъ потому, что видѣлъ, что никогда мы не поймемъ другъ друга. Видѣлъ, что мнѣ невозможно доказать ему, что глубочайшая ложь заключается въ такомъ абсолютномъ отсутствіи любви. Фихте самъ, не смотря на жестокость своего ученія, былъ самый добрый, мягкій человѣкъ и конечно самъ солгалъ бы въ подобныхъ обстоятельствахъ.

И такъ, въ жизни моей видѣлъ я, какъ обвинили въ атеизмѣ и вытѣснили съ мѣста человѣка, котораго я глубоко уважалъ. То, что въ исторіи прежнихъ столѣтій заставляло меня содрогаться, происходило теперь предъ моими глазами, въ тѣсномъ кругу нашего общества. Всѣ воспоминанія дѣтства во мнѣ проснулись и я спросилъ себя, точно ли неосновательекъ выговоръ полученный почтеннымъ философомъ?....Что ученіе Фихтево прямое, строгое послѣдствіе Кантовскаго, это было и для меня ясно. Ибо гдѣ найти предметъ вѣрнаго познаванія? только въ явленіи? — Но философія искала не явленія, а самой истины. Нравственное чувство и его выраженіе, т. е. совѣсть, это такіе же неотразимые факты, какъ и время, пространство и категорія. Замѣтимъ впрочемъ одно существенное отличіе: содержаніе не есть явленіе, а нѣчто *само по себѣ* существующее. Правда—не льзя сказать про нравственность, что она существуетъ какъ внѣшніе предметы; потому, что она остается вѣчнымъ *долгомъ*, требованіемъ, которое безпрестанно возобновляется. Но это требованіе — не явленіе чего либо, но основа явленія, единственное безусловное самобытіе; это — непосредственно истинное, и приходитъ къ намъ не изъ внѣ, но есть наше собственное дѣло.

Digitized by Google

Я помню какъ Фихте, въ тѣсномъ кругу друзей, разсказывалъ намъ происхожденіе своей философіи и какимъ образомъ первая мысль о ней внезапно поразила его и овладѣла имъ. Долго носился онъ съ мыслію, что истина заключается въ единствѣ предмета и познаванія; онъ дознался, что это единство не можетъ быть найдено въ границахъ чувственности; и между тѣмъ гдѣ только оно являлось (какъ на примѣръ въ математикѣ) порождало оно одинъ мертвый, неподвижный формализмъ, чуждый жизни и дѣла. Тогда внезапно поразила его мысль, что дѣло, въ которомъ самопознаніе находитъ и содержитъ себя, есть очевидно *Знаніе*. *Я* познаетъ себя изъ себя раждающимся; мыслящее и мыслимое *я*, познаваніе и предметъ познаванія, суть единое, и изъ этой точки единства, а не изъ разсѣяннаго созерцанія времени, пространства, и категорій, проистекаетъ знаніе. Если я, спрашивалъ онъ самого себя, остановлю этотъ актъ самопознанія, который лежитъ основаніемъ всякаго мышленія и дѣйствія человѣка, который скрытъ въ его раздробленныхъ мнѣніяхъ и поступкахъ; если я разовью его въ чистой, отвлеченной послѣдовательности, то не обнаружится ли въ немъ, какъ въ математикѣ, неоспоримая несомнѣнность, съ тою только разницею, что явится здѣсь живою, дѣятельною, производящею?.....

.....

Если мы обдумаемъ, какъ Фихте образовался изъ Кантовой философіи, то ясно увидимъ, что то основное предположеніе, та путеводная и устроительная сила, которая лежитъ въ основаніи его самобытнаго *Я*, есть ничто иное, какъ безусловный законъ нравственности, и что этотъ законъ неотходно предстоялъ ему въ продолженіи всего развитія его философіи. Конечно непонятно, какимъ образомъ могъ законъ нравственности, который есть только требованіе, только стремленіе къ дѣйствительности, не бывъ самъ дѣйствительностью, — какимъ образомъ онъ можетъ явиться началомъ устрояющимъ, самобытною дѣятельностью мысли; которой значеніе зависитъ единственно отъ внутренняго согласованія ея начала съ ея дѣятельностью. Но изъ этой непостижимости, произошли всѣ понятія.

Digitized by Google

И такимъ образомъ носилъ Фихте въ себѣ святую тайну, которая необъяснимо лежала въ основаніи его философіи; тайну недоступную и невыразимую. Потому всего важнѣе было для него, вывести изъ этого скрытаго начала все выразимое, очевидное, проявляющее его въ сферѣ опредѣленнаго познаванія. Изъ этого основанія понималъ онъ Бога. Я зналъ это и видя, какъ обвиняютъ его въ безбожіи, видѣлъ въ этомъ обвиненіи печальный признакъ бѣдной мелкости нашего времени. Его преслѣдовали за то, что его ученіе о Божествѣ было противно тому узкому понятію о Богѣ, котораго болѣе боятся, чѣмъ почитаютъ, котораго даже не почитаютъ, котораго даже не боятся, но отдаляютъ въ какую-то неясную безконечность, которая скрываетъ его отъ насъ за его неизмѣнными законами, — это понятіе казалось мнѣ незначительнымъ и жалкимъ въ сравненіи съ таинственнымъ Богомъ нравственно живымъ. — Но не смотря на эти мысли мои о божествѣ Фихтевомъ, тайный голосъ говорилъ мнѣ: это не тотъ Богъ, котораго зналъ ты въ дѣтствѣ, котораго лишился и котораго ищешь.

Впрочемъ не одно это предчувствіе о Божественномъ бытіи отдаляло меня отъ Фихте; и въ другомъ отношеніи сдѣлался онъ мнѣ чуждымъ..... ....

.....

1799.

Горько мнѣ было разстаться съ Іеной. Я поѣхалъ на Веймаръ, чтобы видѣться съ Гёте, который снабдилъ меня на дорогу, многими духокрѣпительными ободреніями. Когда простился я съ Гёте, то всѣ отношенія, отъ которыхъ теперь отрывался, живо представились глазамъ моимъ: мнѣ казалось, что едва распустившійся прекрасный цвѣтокъ, по всѣмъ вѣтрамъ развѣетъ пестрые и благоуханные листки свои, и неизъяснимая грусть наполнила мнѣ сердце..... .....

Дня два провелъ я въ Галле. Здѣсь все было полно радостной надежды, все измѣнилось. Новый Король объѣзжалъ годъ тому назадъ всѣ свои провинціи, и восторгъ, съ которымъ онъ былъ принятъ, все еще былъ предметомъ разговора. Многаго, всего ожидали отъ прямоты его воли, отъ его жела-

Digitized by Google

ній и знанія времени. Прекрасная, возвышенная супруга его, отличнымъ умомъ своимъ, чистою нравственностью своею возбуждала восторгъ и обожаніе. Вездѣ раздавалась хвала высокой четѣ. Каждый, съ кѣмъ только имѣлъ я какое нибудь сношеніе, говорилъ объ энтузіазмѣ, съ которымъ Король и Королева были приняты, о прекрасныхъ свойствахъ Короля, о прелести, любезности Королевы; разсказывали съ любовью многія, прекрасныя черты ихъ характера. Вся страна та, показалась мнѣ преображенною; любовь и преданность возвысили ее; — и для меня все прояснилось, и всѣ мрачныя ожиданія мои превратились въ надежду..... .....

Тутъ же познакомился я съ Рейхардомъ. Совершенно чужимъ вошелъ я въ гостепріимный домъ, въ среду семейства, котораго образованность была весьма извѣстна, въ которомъ всякій членъ, отецъ, мать, дочери, привлекали общее вниманіе. Та изъ дочерей, которая потомъ стала моей женой, въ то время была въ Гамбургѣ. Рейхардъ собирался въ Берлинъ, дать тамъ концертъ. Меня встрѣтилъ онъ съ тою простосердечною откровенностью, которая такъ его отличала. Слухи до меня объ немъ дошедшіе, были совсѣмъ неблагопріятны. Демократическія его мнѣнія, знакомство со многими главами Французской революціи, привлекли ему негодованіе Берлинскаго двора и отдалили отъ него Гёте. Шлегель также разстался съ нимъ, хотя сохраняли наружную связь. — Съ великимъ предубѣжденіемъ вошелъ я въ его свѣтлое, веселое жилище; онъ повелъ меня въ садъ, который плѣнилъ меня своей изящностью и мѣстоположеніемъ: это было одно изъ лучшихъ Германскихъ сочиненій Рейхарда, просто, безъ всякихъ садовыхъ украшеній.

Рейхардъ далъ мнѣ адресъ свой въ Берлинѣ и убѣдительно приглашалъ меня туда.

Тутъ же узналъ я человѣка, котораго слава и вліяніе, призвали меня въ Германію, и котораго значительность умѣлъ я понять. Это былъ докторъ Рейль. Онъ пріобрѣлъ уже извѣстность своими практико-медицинскими сочиненіями и изслѣдованіемъ объ устройствѣ нервъ. Могучая наружность этого знаменитаго врача, свѣтлый взоръ его, кроткое спокойное лице

Digitized by Google

а болѣе участіе, съ какимъ занимался натуральной философіей, предупредили меня въ его пользу. Онъ не былъ изъ числа тѣхъ, которые принимаютъ нравящуюся имъ теорію, по первымъ ея началамъ и по ней соображаютъ свою практику, но онъ зналъ, что надежда постигнуть жизнь, основана на одной только умозрительной теоріи. Отъ него слышалъ я изрѣченіе примѣчательное въ устахъ практическаго врача: „жизнь и формы ея развиваются въ нашихъ глазахъ, сказалъ онъ мнѣ, но въ явленіяхъ получаемъ ее уже готовую и потому ими объяснить ничего не можемъ.“ — Въ это время Рейль занимался химическимъ процессомъ опредѣляющимъ, по его мнѣнію, форму органовъ, высшимъ началомъ образованныхъ. Помню, что я оспоривалъ его тогдашніе химическіе выводы, онъ отвѣчалъ мнѣ смѣючись: „всякій объясняетъ себѣ вещи какъ умѣетъ лучше; дайте намъ лучшее объясненіе; мы примемъ его охотно. Между врачами найдете вы живое участіе и послушныхъ учениковъ.“ — Изъ всѣхъ ученыхъ, съ которыми я познакомился внѣ Іены, Рейль былъ замѣчательнѣйшій и для меня одинъ изъ самыхъ значительныхъ.

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1799 пріѣхалъ я въ первый разъ въ Берлинъ.

.....

Уже нѣсколько недѣль провелъ я въ Берлинѣ прежде, нежели вздумалъ посѣтить Рейхарда. Я нашелъ его озабоченнаго билетами для концерта; мнѣ онъ далъ также билетъ и звалъ послѣ концерта на ужинъ. Онъ очень выговаривалъ мнѣ, за чѣмъ я прежде не пришелъ къ нему, и жалѣлъ, что не могъ познакомить меня со многими интересными семействами, потому, что тотчасъ послѣ концерта долженъ обратно ѣхать въ Гибихенштейнъ. — Вышедши отъ него, я поѣхалъ съ однимъ Копенгагенскимъ пріятелемъ въ Постдамъ, и возвратились въ Берлинъ прямо къ концерту. Вездѣ на уличныхъ столбахъ прибиты были афиши, что концертъ отмѣненъ. — Я не зналъ, принять ли мнѣ приглашеніе на послѣдующій ужинъ. Реихардъ оскорбясь малымъ числомъ разошедшихся билетовъ, отмѣнилъ концертъ, но великолѣпный ужинъ ожидалъ насъ въ большой залѣ Крауза (что теперь гостинница Бранденбургская) и мно-

Digitized by Google

жество гостей было уже въ собраніи. — Рейхардъ былъ веселъ и привѣтливъ. — За столомъ, противъ меня сидѣлъ зять его, Тикъ, съ своею женою.—Тикъ былъ очень хорошъ собою, строенъ; свѣтлый взоръ его былъ исполненъ огня, въ чертахъ лица отражался отличный умъ; всѣ сужденія его были рѣзки, полны смысла и значенія. Я весьма былъ радъ, что снова взошелъ въ соприкосновеніе съ такими значительными людьми.

.....

Изъ Берлина выѣхалъ я вмѣстѣ съ пріятелемъ моимъ, Норвежцемъ Моллеромъ, и мы проѣздомъ только взглянули на плѣнительный Дрезденъ. Онъ остался мнѣ какъ скрытое сокровище, въ виду для будущихъ моихъ наслажденій.

Внутренній міръ мой, въ Іенѣ для меня развернувшійся, преслѣдовалъ меня и въ Фрейбергѣ. Именно здѣсь нашелъ онъ свое самостоятельное развитіе. Но прежде разскажу я, какъ передо мною разкрылся другой, внѣшній міръ и какое имѣлъ онъ сочувствіе съ моимъ внутреннимъ.

Чужестранцы бывшіе въ Фрейбергѣ ѣздили въ Дрезденъ для отдохновенія. И мы, съ Моллеромъ, проѣзжая Дрезденъ имѣли намѣреніе какъ можно скорѣе туда возвратиться, что бы провести тамъ нѣсколько времени. Прекрасныя окрестности, веселое положеніе города восхитили насъ при первомъ, поверхностномъ взглядѣ и мы радовались, что Фрейбергъ недалеко отъ такого привлекательнаго города. Между тѣмъ прошло нѣсколько мѣсяцовъ прежде, нежели мы могли выѣхать изъ Фрейберга. Наконецъ, слабое здоровье Вернера помѣшало ему продолжать свои лекціи и мы, въ концѣ Августа, наняли верховыхъ лошадей, и поѣхали черезъ Грилленбургскій лѣсъ, на Тарантъ, въ Дрезденъ. Наступалъ вечеръ, мы надѣялись доѣхать до Таранта и тамъ переночевать. Въ деревнѣ *Гарта* многія дороги сходились. Моллеръ, прилежно вникающій въ философію, началъ разговоръ о Кантовой критикѣ телеологической силы сужденія. Мы не смотрѣли на дорогу и безсознательно, поѣхали по самой широкой. Завлеченные разговоромъ ѣхали мы тихо и когда уже совершенно стемнѣло, замѣтили, что сбились съ дороги и заѣхали въ лѣсъ; мы воротились назадъ, искали широ-

Digitized by Google

кой, торной дороги и послѣ долгихъ поисковъ увидѣли уединенное жилище позади лѣсу выстроенное. Съ трудомъ могли мы разбудить обитателей этого домика, и на силу удалось уговорить одного изъ нихъ, показать намъ дорогу въ Тарантъ. Онъ взялъ фонарь и пошелъ впереди насъ, безъ дороги, прямо черезъ лѣсъ; конечно больше часу прошло, прежде нежели вывелъ онъ насъ въ долину Вейзерица. „Здѣсь вамъ нельзя заблудиться, сказалъ намъ проводникъ, переѣзжайте рѣку, на той сторонѣ прямая дорога въ Тарантъ. Черезъ четверть часа вы туда доѣдете.“ — Но мы не знаемъ положенія Таранта, поѣхали по широкой дорогѣ, и заблудились опять. Поздно ночью пріѣхали мы въ Гокендорфъ, сошли съ усталыхъ лошадей, чтобы дать имъ отдыхъ, но сами не могли рѣшиться лечь между толпою извощиковъ. По утру пріѣхали мы въ Тарантъ и тотчасъ поспѣшили въ Дрезденъ. Утомленные бдѣніемъ ночнымъ, восхищенные прелестью мѣстъ между Тарантомъ и Дрезденомъ, прелестью города явившагося намъ въ блескѣ утренняго солнца, мы выпили для подкрѣпленія вина, больше чѣмъ нужно было на тощій желудокъ и спѣшили прямо въ Галлерею.

Высокія залы, густо обставленныя картинами, поразили меня своимъ величіемъ; зрители, группами и отдѣльно, двигались тихо и торжественно по обширнымъ покоямъ. Такъ какъ я составилъ себѣ преувеличенное понятіе обо всѣхъ картинахъ, удостоенныхъ занять мѣсто въ такой славной галлереѣ, то огромное число ихъ изумило меня. Старикъ Ридель водилъ насъ по заламъ и мы обязаны были внимать его поученіямъ. Мы не подумали о томъ, что трезвость и внутреннее спокойствіе необходимы для мирнаго созерцанія картинъ; пестрые образы двигались и колебались передо мною; точно въ такомъ же хаосѣ смѣшивались въ головѣ моей и путались имена живописцевъ. Слишкомъ долгое (по моему) время провели мы въ залахъ украшенныхъ богатствомъ Нидерландской школы, наконецъ вступили во внутреннія комнаты, гдѣ висѣли картины Италіанской школы. Здѣсь-то съ самыхъ раннихъ лѣтъ жаждалъ я увидѣть сокровища искуства, прославленныя вѣками. Съ поэзіей былъ я знакомъ съ младенчества, я чувствовалъ внутри все, что поэтъ желаетъ высказать, а способъ передаванія, какъ бы ни былъ

Digitized by Google

изященъ и превосходенъ, чуждымъ для меня не былъ. Здѣсь же новый міръ открывался мнѣ посредствомъ новаго чувства, котораго я въ себѣ не предполагалъ. Все это неясно и смутно тѣснилось въ душѣ моей. Я былъ утомленъ въ высшей степени и едва могъ противустоять сну, который меня клонилъ. Лица, изображенныя на картинахъ, ходили передо мною какъ привидѣнія, выступали изъ рамъ и двигались вмѣстѣ съ толпою посѣтителей.

Въ ушахъ моихъ странно раздавался однообразный голосъ проводника, и меня давило мучительное опасеніе, чтобы каждый встрѣчный не замѣтилъ состоянія, въ которомъ я находился. Вдругъ подошли мы къ большой картинѣ, она стояла внизу, близко къ намъ, потому, что съ нея копировали. Въ облакахъ носился женскій образъ; на рукахъ ея былъ дивный младенецъ. Эта картина поразила меня. Напряженіе, въ которомъ я находился, достигло высшей степени, я забылъ гдѣ я. Глубокое чувство проникло все существо мое и я залился слезами. Старикъ Ридель съ удивленіемъ глядѣлъ на меня; эти насильственно вырвавшіяся слезы возвратили мнѣ сознаніе, я опомнился, отъ полусоннаго мечтанія и старался овладѣть собою. Всѣ предстоящіе смотрѣли на меня съ любопытствомъ и тутъ только узналъ я, что картина меня поразившая, была славой всей галлереи, Рафаэлева Мадонна.

Я обрадовался когда мы вышли на улицу; съ трудомъ добрались мы до гостинницы, я заснулъ глубокимъ сномъ, не слушая упрёковъ Моллера. Пестрота картинъ смущала меня и во снѣ, но надъ всѣми, какъ божественное явленіе, носилась Мадонна. Когда, подкрѣпленный сномъ, я всталъ на другое утро, то съ великимъ смущеніемъ вспоминалъ случившееся со мною вчера, въ галлереѣ.

Извѣстно, что вмѣстѣ съ воскреснувшей поэзіей, католическая религія получила вновь глубокое значеніе. Средніе вѣка со всей ихъ силой, поставлены были выше настоящаго времени, которое хотя призвано было къ великимъ, важнымъ дѣламъ, но терялось въ пустыхъ отвлеченностяхъ, въ поверхностныхъ понятіяхъ заступающихъ мѣсто богатой природной основы. Государства и науки должны изъ самихъ себя, изъ нѣдръ

Digitized by Google

своихъ развиваться и образоваться. Это движеніе времени не было и мнѣ чуждо. И мнѣ казалось то время великихъ битвъ, звучныхъ пѣсенъ и глубокой набожности безмѣрно богатымъ, въ сравненіи съ нищетою настоящаго. Вездѣ въ стихотвореніяхъ явились хвалебныя пѣсни Мадоннѣ, и за произведеніями Тика, Августа Вильгельма Шлегеля и Новалиса, всѣ юные стихотворцы преклонили колѣна передъ ея алтаремъ. Направленіе этого времени развилось позднѣе во всемъ своемъ преувеличеніи, но родилось оно тогда; и я посреди всей этой восторженной молодёжи, могъ почитать себя первымъ изъ посвященныхъ, кому явилась Мадонна; глубокое чувство овладѣло мною во всей истинѣ своей, невольно; между тѣмъ какъ юные стихотворцы выбивались изъ силъ, чтобы излить чужое, подложное чувство въ многотрудныхъ стихахъ. — Могу рѣшительно сказать, что случившееся со мною, образовало во мнѣ переломъ. Мнѣ стало ясно, что поразившее меня внезапно, имѣло основу въ моей прежней, прошедшей жизни. Искусство хранило въ ней темное мѣсто, гдѣ обитали невидимые и неизвѣдомые мною духи. Способность была тутъ, но не было ни во мнѣ самомъ, ни внѣ меня предмета, ее осмыслившаго; она проснулась вдругъ; болѣзненно, насильственно, безъ всякаго переходнаго развитія. Мнѣ сдѣлалось необходимо разсмотрѣть ближе и взвѣсить содержаніе этого важнаго для меня момента. Вполнѣ объяснить его я не могъ, но живое впечатлѣніе осталось навсегда, и не покидало меня во время многократныхъ поѣздокъ моихъ въ Дрезденъ, гдѣ я старался образовать способность свою къ міру искусства. И въ этомъ-то смыслѣ могу я сказать, что Мадонна мнѣ явилась.

Это происшествіе никогда не изгладилось изъ моей памяти. Добродушный Ридель объ этомъ постарался. Всякій разъ когда приходили иностранцы или художники въ галлерею, онъ разсказывалъ имъ о томъ, какъ молодой человѣкъ, вполнѣ незнакомый съ искуствомъ, былъ глубоко пораженъ чуднымъ изображеніемъ Рафаэлевой кисти. Часто разсказы эти случались въ моемъ присутствіи, и хотя они не мало меня смущали, но имѣли существенную для меня выгоду. Ридель познакомилъ меня со всѣми художниками, въ Дрезденѣ жившими; всѣ любители искуства, всѣ дилетанты толпились около меня, при всякомъ

Digitized by Google

пріѣздѣ моемъ изъ Фрейбурга въ Дрезденъ. Я познакомился чутъ съ молодыми стихотворцами, которые знали названія всѣхъ школъ, всѣ выраженія, которыми художники судятъ о картинѣ; которые спѣшили отъ одной картины къ другой, останавливались при извѣстно славной и приходили въ восторгъ. Но обыкновенно они смотрѣли тогда не на картину, а на собственное созданіе своего воображенія, которое изъ нея выходило. Этотъ лжеобразъ, выглядывая на нихъ изъ за настоящаго, часто выражался сонетомъ. Не одни философы строили міръ, внѣ видимыхъ предметовъ,—жалкое a priori хозяйничало и въ мірѣ поэзіи. Дѣйствительно, очень мало людей, которые радуются предметами, умѣютъ съ ними сжиться, имъ предаться, мыслить и хотѣть въ чистомъ, простомъ, не мечтательномъ смыслѣ.

.....

Шеллингъ и Августъ Вильгельмъ Шлегель стали дѣятельными сотрудниками литературной газеты; — но ихъ участіе должно было показаться весьма опаснымъ для этого журнала. Оба выступили съ такою рѣшительностію противъ враговъ своихъ, что колебали всѣ основы газеты: большая часть ея сотрудниковъ и именно тѣ, которымъ она обязана была своею славою, грозили оставить ее, такъ что можно было бояться совершеннаго ея прекращенія. Эти обстоятельства вовлекли меня въ литературную борьбу, на которую до сихъ поръ я смотрѣлъ какъ посторонній зритель. Помѣщенный въ литтературной газетѣ разборъ Шеллинговыхъ *Идей*, былъ до такой степени плохъ, что даже редакторы, по неволѣ въ этомъ сознавались. Однажды самъ Шеллингъ выразилъ желаніе, чтобы разборъ его сочиненій взялъ на себя я. Мнѣ сообщилъ о томъ Шлегель и увѣрялъ будто Гуфландъ готовъ исполнить Шеллингово желаніе. Всякій пойметъ, какъ обрадовало меня подобное предложеніе. Оно дало мнѣ самоувѣренность, мужество и возвысило мою душу. Возможность дѣятельности, и такой почетной дѣятельности, въ самомъ центрѣ духовнаго кипѣнія, увлекшаго меня изъ отечества въ Германію, — почти удивила меня. Прошло однако нѣсколько времени, покуда я положительно узналъ Гуфландово мнѣніе. Однажды, невзначай, онъ началъ со мною слѣдующій раз-

Digitized by Google

говоръ: „Вы безъ всякаго сомнѣнія, убѣждены, сказалъ онъ, что Философія природы не можетъ и не должна никогда переступать тѣ границы, которыя положилъ ей Кантъ въ своей Метафизикѣ естественной науки и въ критикѣ Телеологической силы разсудка.“—„Напротивъ!“ — отвѣчалъ я рѣзко, замѣчая, что вопросъ сдѣланъ съ умысломъ. „Тѣ преграды, которыя Кантъ считалъ неодолимыми, уничтожаютъ возможность всякой Философіи природы; Шеллингъ переступилъ за нихъ и совершенно правъ.“ — Здѣсь кончился нашъ разговоръ и я могъ быть увѣренъ, что Литературная газета не изберетъ меня въ свои рецензенты. Во всемъ этомъ дѣлѣ ходатаемъ моимъ былъ Шлегель и потому я принужденъ былъ разсказать ему свой разговоръ съ Гуфландомъ. Тогда-то и Шлегель рѣшился разорвать союзъ съ Литературною газетою. Положеніе дѣлъ очевидно принуждало ихъ отважиться на рѣшительную борьбу съ этимъ журналомъ. Шеллингъ самъ просилъ меня приготовить разборъ его сочиненій, для помѣщенія въ его собственномъ журналѣ Умозрительной физики: (Zeitschrift für Speculative Physik). Онъ уже рѣшился издавать его.

Между тѣмъ Шеллингова Философія природы возбуждала всеобщіе толки; слава ея распространялась болѣе и болѣе, и умножилось число ея приверженцевъ, особенно между медиками. Не знаю, производила ли когда нибудь какая книга такой шумъ, какой произвело появленіе перваго нумера Шеллингова журнала. Самая первая статья была моя критика Шеллинговой *Welt-Seele* и его *Начертанія*, (Entwurf.), и при ней въ видѣ приложенія, нападеніе на литературную газету. Такимъ образомъ, завлекся я въ журнальную войну. Было одно обстоятельство, принудившее меня принять въ ней сильное участіе и открыто выступить передъ ученымъ свѣтомъ; обстоятельство чисто личное: Авг. Вил. Шлегель сообщилъ, какъ я сказалъ выше, Шеллингу о моемъ разговорѣ съ Гуфландомъ и о томъ, какъ послѣдній заставилъ меня высказать мнѣніе о Шеллинговой философіи. Очевидно было, что именно послѣ этого разговора, редакторы рѣшились не поручать мнѣ разбора Шеллинговыхъ сочиненій. Шеллингъ упомянулъ объ этомъ печатно, въ своемъ нападеніи на газету, а Гуфландъ обвинилъ меня въ томъ, что я употребилъ во зло гостепріимство, которымъ пользовался въ его домѣ

Digitized by Google

и непозволеннымъ образомъ обнародовалъ пріятельскіе разговоры. Я разсказалъ уже, почему я сообщилъ разговоръ Шлегелю, но тутъ же просилъ его не говорить о томъ ни слова Шеллингу. Гуфландово обвиненіе до глубины души потрясло меня. — Помню, что мой отвѣтъ былъ и неловокъ и длиненъ; я заботился только объ одномъ: чтобы совершенно оправдаться въ нарушеніи правъ гостя; обвиненіе въ такомъ неблагородномъ, низкомъ поступкѣ унижало меня въ собственныхъ глазахъ.....

.....

Между тѣмъ новое направленіе распространялось и мало по малу обнимало всѣ отрасли науки, всѣ виды поэзіи. Различіе между древнимъ и новымъ, между классическимъ и романтическимъ міромъ, явилось во всемъ своемъ объемѣ и важности, послѣ сочиненія Фридриха Шлегеля; „Поэзія Грековъ и Римлянъ," — становилось основаніемъ художественной критики и господствующимъ вопросомъ того времени; изъ него возникалъ уже новый взглядъ на всю исторію человѣчества. Это раздѣленіе Исторіи на двѣ великія эпохи, это развитіе особеннаго смысла для пониманія каждой изъ нихъ, — заключало въ себѣ великое сокровище созерцаній и выходящихъ изъ нихъ опредѣленій, болѣе или менѣе ясныхъ, но занимавшихъ въ то время каждаго образованнаго человѣка. Для меня, отличіе новой поэзіи, съ самаго начала, сосредоточилось въ одномъ моментѣ: въ преобладаніи личности; и важное вліяніе на все развитіе моего образа мыслей имѣло то, что на отличіе новой поэзіи я смотрѣлъ какъ на необходимое слѣдствіе христіанства. Такимъ образомъ положено основаніе тому способу пониманія всей Исторіи, который сталъ главнымъ дѣломъ всей моей жизни и далъ особенный характеръ моимъ понятіямъ о природѣ.

Чѣмъ болѣе возрастала любовь къ поэзіи среднихъ вѣковъ, тѣмъ плодоноснѣе являлось новое направленіе. Велика была заслуга Тика: онъ устремлялъ общее вниманіе на созданія древнѣйшей Германской поэзіи. Всѣмъ извѣстно, какое огромное дѣйствіе имѣло на публику разсужденіе Гёте „о Нѣмецкомъ искусствѣ." (Ueber deutsche Art und Kunst). Оно очистило соръ, который скрывалъ ее отъ нашихъ глазъ, потерявшихъ способ-

Digitized by Google

ность видѣть, пробудило наше внутреннее зрѣніе и поставило передъ нами великое это зданіе. Эта статья, и Гецъ-фонъ-Берлихингенъ — вырвали наше поколѣніе изъ самодовольной ограниченности и направили къ міру глубокомысленнаго искусства, къ могущей силѣ прошедшаго, которое казалось навсегда прошедшимъ, но котораго ничѣмъ нельзя уже было отстранить. Однако же опытъ Гете все еще остался одинокимъ, удивительнымъ; никто не зналъ какое дать мѣсто новому, странному впечатлѣнію. Тикъ довершилъ дѣло Гёте.

Жизнь, которую я велъ въ Фрейбергѣ, совершенно противуположна была пребыванію моему въ Дрезденѣ. Здѣсь замолкали искусство и поэзія: опредѣленные предметы, меня занимавшіе, вызывали мышленіе опредѣленное по всѣмъ направленіямъ. Я занимался не одними Минералогіей и Горными науками. Важное открытіе столба Вольтова волновало всѣхъ физиковъ. Получивъ значительную сумму изъ Даніи, промѣнялъ я ее на талеры и построилъ себѣ довольно сильный столбъ. Въ началѣ развитія всякаго важнаго физическаго открытія есть всегда много разительнаго: вольтово открытіе тѣмъ болѣе меня волновало, что оно сдѣлалось не случайно. Такъ точно, какъ понятія развиваются въ душѣ человѣка, постепенно выходя изъ собственныхъ выводовъ, такъ и явленія природы выходятъ изъ подъ рукъ глубокомысленнаго испытателя. Когда онѣ предстоятъ намъ въ наружномъ своемъ безпорядкѣ, то онъ обходится съ ними съ тою же ясною опредѣленностью, съ какою проницательные люди разбираютъ свои собственныя мысли. Они принуждены отказаться отъ неясности фактическаго безпорядка и подчиниться строгому закону послѣдовательнаго мышленія. Съ самаго открытія электрофора и конденсатора, всѣ явленія приняли порядокъ логической мысли. Споры съ Гальвани развили ихъ еще яснѣе; наконецъ Вольтаическій столбъ образовалъ послѣднюю степень строгаго мыслимаго процесса; этотъ столбъ не изобрѣтенъ, онъ вызванъ былъ во всемъ своемъ устройствѣ, и вынужденъ открывать таинства, до сихъ поръ недосягаемыя естествоиспытателю. Столбъ гальваническій сдѣлался тѣмъ же для теллурической физики, чѣмъ кеплеровы законы для космической.

Digitized by Google

Я съ утра до вечера производилъ опыты надъ столбомъ, и всякое открытіе, теперь уже малозначущее, доставляло мнѣ тогда величайшее удовольствіе. Прежде всего разложилъ я нашатырь, и первый зажегъ фосфоръ посредствомъ столба, что къ удивленію моему нашелъ напечатаннымъ въ тогдашнихъ литературныхъ газетахъ. Результатъ моихъ опытовъ послалъ я къ Гильберту, и они напечатаны въ его „Annales.“ — Эта новость занимала всѣхъ, даже и не физиковъ. Ко мнѣ приходилъ Вернеръ и Шарпантье; комната моя безпрестанно наполнялась любопытными, и дамами. — Но такъ какъ столбъ мой составленъ былъ изъ талеровъ, въ которыхъ я имѣлъ нужду, то онъ постепенно уменшался, и скоро эксперименты мои совсѣмъ прекратились. Другое, важнѣйшее дѣло меня занимало. — Въ Фрейбергѣ издалъ я мое сочиненіе: „О внутренней исторіи земли.“ — (Beytrage Zür inneren Naturgeschichte der Erde.)

....

Въ Веймарѣ нашелъ я Шеллинга, которой уже цѣлый мѣсяцъ жилъ тамъ у Гёте. Шеллингъ только что кончилъ тогда свой трансцедентальный идеализмъ. Проѣзжая черезъ Іену познакомился я, у Августа Вильгельма Шлегеля, съ его братомъ Фридрихомъ Шлегелемъ, и успѣлъ замѣтить его враждебное расположеню къ Шеллингу. Онъ неутомимо насмѣхался надъ *безусловнымъ тождествомъ*, и тогда уже я слыхалъ отъ него нѣкоторыя остроты, которыя послѣ стали приписывать Гегелю. Признаюсь, что и у меня бывали часы, когда я могъ издѣваться надъ самыми важными стремленіями времени; уже въ Копенгагенѣ сталъ я иронически говорить именно о всемъ, что было для меня самаго священнаго, потому, что хотѣлъ остаться одинокимъ и утаить себя отъ окружавшаго меня общества. Обращая такимъ образомъ оружіе противниковъ, противъ моего собственнаго, глубочайшаго убѣжденія, я совершалъ надъ собою опытъ, который, могу сказать, былъ мнѣ очень полезенъ: въ этихъ испытаніяхъ, обнаруживалось все, что было прочнаго, и вѣчно-неизмѣннаго въ моемъ образѣ мыслей, что прежде было какъ будто скрыто за облаками. Новое, еще не вполнѣ выразившееся направленіе, можетъ быть предметомъ отвлеченной конструкціи, — но опредѣленная дѣйствительность непремѣнно

Digitized by Google

будетъ насмѣхаться надъ нимъ, потому что не вдругъ оно является тѣмъ, чѣмъ *должно быть*, а все совершающееся, имѣетъ необходимо слабую, открытую для насмѣшекъ, сторону. Это сочетаніе надежды съ насмѣшкою, выражали постоянно Фихте и Гёте; недавно еще олицетворила его одна весьма замѣчательная, исполненная ума женщина: *Рахель*.

Я многимъ обязанъ Фридриху Шлегелю. Наукообразное направленіе, созданное и немедленно принятое Августомъ Вильгельмомъ Шлегелемъ, возбудилось во мнѣ младшимъ его братомъ. — Фридрихъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный человѣкъ; сложенъ стройно, черты лица правильны, красивы и въ высшей степени *умны*. Въ наружности его было что-то спокойное, даже флегматическое. — Когда онъ глубоко задумавшись, сидѣлъ въ креслахъ, развивая какую нибудь мысль, то обыкновенно обхватывалъ двумя пальцами, большимъ и указательнымъ, — лобъ свой, медленно сдвигалъ ихъ къ бровямъ, потомъ также медленно двигалъ ихъ по стройному своему носу; и чѣмъ глубже шелъ въ развитіи своей мысли, тѣмъ привычнѣе пальцы его, соединенные на концѣ носа, продолжали проводить по воздуху длинную, прямую линію. При этомъ говорилъ онъ медленно и обдуманно, и могъ иногда довести меня до отчаянія. Я бѣгалъ разгорячившись взадъ и впередъ по горницѣ и часто прерывалъ нить его мыслей, но онъ оставался спокойно въ своихъ креслахъ. Въ послѣдствіи Тикъ сдѣлалъ на насъ каррикатуру: Шлегель представленъ былъ сидящимъ, и въ глубокомъ раздумьи держащимъ передъ носомъ сложенные два пальца; я вздернулъ носъ вверхъ и размахиваю руками и ногами. Я вскорѣ очень тѣсно сблизился съ Фр. Шлегелемъ, хотя съ самаго начала чувствовалъ, что мнѣнія наши были совершенно различны, но забывалъ это ежеминутно; довольно замѣчательно, что можно, исходя изъ началъ совсѣмъ противуположныхъ, сойтись въ крайнихъ результатахъ. Фрид. Шлегель жилъ весь въ исторіи. Природа была ему совершенно чужда; оба брата не понимали даже наслажденія, доставляемаго прекраснымъ мѣстоположеніемъ. Такая ограниченность, въ людяхъ отличныхъ и въ высокой степени умныхъ, была мнѣ вовсе непонятна. Такъ напр. Лессингъ и Вильгельмъ Гум-

Digitized by Google

больдъ, были совершенно лишены способности понимать музыку: не имѣли органа музыкальнаго.

Трудно встрѣтить другаго человѣка, личность котораго дѣйствовала бы сильнѣе, чѣмъ Фр. Шлегеля. Каждую сообщаемую ему мысль понималъ онъ глубокимъ и значительнымъ образомъ. Онъ могъ съ легкостію говорить о моихъ натуро-философическихъ идеяхъ; — но всѣ его сочиненія доказываютъ, что онъ не понималъ живаго взгляда на природу. Его остроты были неистощимы и мѣтки. Онъ не повторялъ ихъ и умѣлъ радоваться остротамъ чужимъ. Онъ говорилъ, что вѣрнѣе всего можетъ опредѣлить глубину и объемъ всякаго ума, по тѣмъ остротамъ, которыя его плѣняютъ. Въ Кантовой Антропологіи находилъ онъ истинный, острый, историческій умъ. Дѣйствительно не только въ этомъ сочиненіи, но и во всей методѣ его философіи преобладаетъ видимо остроуміе надъ другими качествами.

.....

Въ Іенѣ познакомился я съ Новалисомъ. Я прежде объ немъ много слыхалъ, и едва-ли былъ еще человѣкъ, котораго бы я такъ страстно желалъ узнать лично. Я засталъ его у Фридриха Шлегеля, на рукахъ котораго онъ, черезъ два года послѣ, умеръ. Наружность его, при первомъ впечатлѣніи, напоминала простоту благочестивыхъ Христіанъ прежнихъ вѣковъ. Самая одежда укрѣпляла это впечатлѣніе, и необыкновенная простота оной не согласовалась съ знатностію его происхожденія. Онъ былъ высокъ, строенъ и сложенія явно чахоточнаго. Лицемъ смуглъ, черноволосъ. На тонкихъ губахъ иногда виднѣлась ироническая улыбка, но по большой части выражалась серіезная кротость и необыкновенная доброта. Впалые глаза горѣли неземнымъ пламенемъ. Онъ вполнѣ былъ поэтъ. Все что существуетъ разрѣшилось для него въ глубокій миѳъ.

....

Его нельзя назвать мистикомъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова; мистики ищутъ внѣ той чувственности, въ которой сами закованы, глубокой тайны, заключающей въ себѣ ихъ свободу и духовную дѣйствительность. Для Новалиса, эта таинственная

Digitized by Google

область была отчизной; изъ нея смотрѣлъ онъ на видимый міръ и на всѣ его отношенія. Этотъ прирожденный миѳъ, принадлежащій къ существу его, разкрывалъ ему философію, науки, искуства; и указывалъ на значительныя въ духовномъ мірѣ личности. Потому-то чудная прелесть языка его, его мелодическій стиль не были выучены, а просто ему свойственны; потому онъ съ одинакою легкостію обращался съ науками и съ поэзіей; самыя глубокія мысли также мало могутъ отрицать сродства своего съ сказкой, какъ самая пестрая произвольная сказка можетъ имѣть свою тайную, умозрительную мысль. Генрихъ фонъ Офтертингенъ и Ученикъ въ Саисѣ произвели сильное впечатлѣніе, и, подобно живущему въ эфирѣ духу ихъ автора, казалось, обладаютъ тайнами, которыхъ ищетъ философія, посредствомъ своей строгой методы. Поэтому Новалисъ могъ свободно высказывать всякое мнѣніе, и когда онъ увѣрялъ что философъ долженъ имѣть внутреннюю методу, но, возвысясь надъ нею, долженъ учить не по ней, а совершенно выходя изъ нее — то всего яснѣе и понятнѣе выражалъ собственное существо свое.

Въ большомъ обществѣ, или съ незнакомыми, могъ онъ сидѣть по нѣсколько часовъ молча и погрузясь въ мечтаніе. Нѣжное внутреннее чувство открывало ему присутствіе скрытыхъ, внутренно противоположныхъ натуръ; онъ весь раскрывался только тогда, когда встрѣчалъ сродныя себѣ души, и въ этомъ случаѣ говорилъ охотно, живо и въ высшей степени одушевленно.

Старики, которые въ жизни дѣйствовали многосторонно и значительно, любятъ — (когда изчезла уже эпоха ихъ дѣятельности и когда прошедшее является полузабытымъ среди движущагося въ другихъ направленіяхъ настоящаго,) — любятъ подробно разсказывать о прежнемъ времени, обо всемъ, что сдѣлали и что пережили, и мы охотно слушаемъ умнаго разскащика. Прошедшее оживаетъ въ его словахъ, и какъ бы само разкрываетъ свое самое существенное значеніе, и своимъ явленіемъ даетъ новый смыслъ живому настоящему.

Такъ все, что говорилъ и писалъ Новалисъ, казалось истекало изъ первоначальной, глубокой старины духа, и являлось

Digitized by Google

значительнымъ, но не яснымъ, среди шумной дѣятельности настоящаго.

Я провелъ съ нимъ только нѣсколько дней въ Іенѣ, нѣсколько недѣль — въ Фрейбергѣ, куда онъ пріѣхалъ къ своей невѣстѣ, дочери Бергауптмана — Шарпантье, — и наконецъ засталъ его въ Дрезденѣ, ужь опасно больнаго. Разставаясь съ нимъ, я ясно предчувствовалъ, что уже больше не увижу его. — Немногіе оставили на всю мою жизнь такое сильное впечатлѣніе, какъ Новалисъ. — Мнѣ весело было слушать его, и онъ съ своей стороны принималъ дружеское участіе въ умозрѣніяхъ и идеяхъ, меня волновавшихъ. Мой историческій взглядъ на природу казался ему важнымъ и многообѣщающимъ. Все, что я читалъ изъ его произведеній, все что слышалъ отъ него, все что пережилъ съ нимъ, постоянно сопровождало мою жизненную пѣсню, какъ чудесные аккорды, или какъ далекое эхо, внятно передававшее мнѣ все, что лежало въ глубинѣ моей души, и что я самъ едва осмѣливался выговаривать.

Въ послѣдствіи я узналъ людей, которые находились вполнѣ подъ вліяніемъ Новалиса; людей посвятившихъ себя практической жизни, эмпирическихъ изыскателей природы, которые дорожили духовною тайною нашего существованія, и думали, что въ произведеніяхъ Новалиса таится сокровище. Для нихъ его поэтическія — религіозныя мысли были чудесными, многообѣщающимв изреченіями оракула.....

Новалисъ былъ христіанинъ и человѣкъ вѣрующій въ самомъ глубокомъ смыслѣ этого слова. — Склонность его къ Католицизму всѣмъ извѣстна; — никто, можетъ быть, не увлекъ за собою столько молодежи къ Католической церкви. Послѣ, въ полномъ изданіи его сочиненій появилась защита Іезуитовъ; но не смотря на это, я думаю, что во глубинѣ души своей онъ былъ протестантъ.....

....

....

Въ Дрезденѣ я нашелъ Тика и его семейство. — Онъ поселился тамъ; и въ это время, въ домѣ его сестры, вышедшей за мужъ за Эрнста, придворнаго Саксонскаго чиновника,

Digitized by Google

жилъ Фридрихъ Шлегель. Тикъ мнѣ ровесникъ, слѣдовательно ему тогда было 28 лѣтъ. Онъ былъ хорошъ собою, строенъ, духовная сила и чудесная свѣтлость глазъ и донынѣ сохранились вполнѣ. Во всѣхъ его движеніяхъ выражалась какая-то особенная прелесть, даже изящество; рѣчь его вполнѣ соотвѣтствовала его наружности. Его разговоръ едвали не лучше его сочиненій. — Насъ невольно увлекаетъ не только изумительная ясность, съ которою онъ обсуживаетъ предметы, но и прелесть, и звучная округленность рѣчи, исполненной неодолимаго могущества. Трудно найти другую, болѣе сильную личность. Я никогда не видалъ, чтобы онъ разгорячился. Въ разговорѣ онъ обхватываетъ предметъ съ покойною ясностью, — насквозь видитъ его, и говоритъ удерживая свой энтузіазмъ, отъ чего изложеніе получаетъ внутреннюю теплоту, которая, кажется, будто вытекаетъ изъ самаго предмета, изъ его живаго духовнаго значенія. — Онъ сказывалъ мнѣ, что когда случалось ему слышать, какъ въ аристократическихъ кругахъ съ важностію произносили судъ надъ предметами, въ высшей степени значительными; когда особенно презрительно разсуждали объ лучшихъ достоинствахъ Гёте, — тогда онъ чувствовалъ себя невольно возмущеннымъ: всего его проникало сильное негодованіе, онъ блѣднѣлъ, — но молчалъ; — а я, (я долженъ признаться) — я началъ бы безразсудно спорить. Я видалъ его вмѣстѣ съ заклятыми врагами, и они всегда были побѣждаемы его могущественною личностью; скажу смѣло, — что эта личность, всѣмъ доступная, привѣтливая, имѣла такое же огромное вліяніе въ свое время — какъ и его сочиненія. Я немогу даже и выразить, какъ онъ сталъ мнѣ дорогъ, послѣ такого долговременнаго, душевнаго, родственнаго союза, неизмѣннаго среди всѣхъ самыхъ различныхъ обстоятельствъ, и ненарушеннаго даже разномыслiемъ въ важнѣйшихъ предметахъ. Когда онъ говорилъ о томъ, что коротко зналъ, наприм. о поэтахъ обожаемыхъ имъ, о Гёте, Шекспирѣ, даже иногда о Гольбергѣ, тогда онъ радушно и щедро дѣлился всѣми своими мыслями. Его литературная дѣятельность и сильное, всеобъемлющее вліяніе его поэзіи, недавно мастерски оцѣнены въ разсужденіи Брандиса, приложенномъ ко второму изданію Витторіи Аккоромены.

Digitized by Google

Многіе изъ молодыхъ поэтовъ обогатились мыслями, вырванными изъ разговоровъ Тика, но никогда не называли его. Многіе перешли на враждебную сторону, и если въ ихъ нападкахъ есть хоть искра ума, они обязаны ею тому сокровищу, богатствомъ котораго неумѣли вполнѣ воспользоваться. — Съ своей стороны, я долженъ сознаться, что многіе взгляды, публично мною высказанные, проистекаютъ изъ сомнительнаго источника, — я самъ не знаю, вполнѣ ли они принадлежатъ мнѣ — или я обязанъ ими разговорамъ Тика, исполненнымъ богатаго содержанія. — Покуда болѣзнь не лишила его полной свободы движеній, его быстрая и богатая Мимика была стольже удивительна какъ и неподражаемая гибкость выговора. Если бы онъ вступилъ на сцену, то былъ бы величайшимъ актёромъ своего времени.

.....

Насталъ день рожденія жены Тика. — Онъ былъ особенно веселъ, хотѣлъ для праздника играть на театрѣ, и взялъ на себя всѣ роли. — Но ихъ должно было еще выдумать. Онъ потребовалъ отъ меня тему, — а я задалъ ему выдумать и сыграть піэсу, въ которой любовникъ и орангъ-утангъ были бы одно и тоже лице. При его тогдашнемъ веселомъ расположеніи, я не могъ ничего выбрать удачнѣе.

Тикъ удалился на полчаса, — зрители, т. е. его семейство и нѣкоторые друзья усѣлись въ одной половинѣ комнаты; другая представляла сцену. Первый его монологъ перенесъ насъ въ большой торговой городъ, — передъ нами гавань, въ которой множество кораблей; взадъ и впередъ ходилъ Капитанъ, только что возвратившійся изъ Африки. Изъ его разговора мы узнали, что онъ привезъ съ собою кучу всякихъ рѣдкостей природы, въ подарокъ старому своему другу, — страстному охотнику до подобнаго рода собраній. Хотѣлъ бы я знать, спросилъ онъ, всели старый дуракъ такой же космополитъ, какимъ былъ прежде. Въ это время приходитъ одинъ изъ молодыхъ его пріятелей, съ лицемъ въ высшей степени опечаленнымъ. Они узнаютъ другъ друга. Капитанъ спрашиваетъ, что съ нимъ сдѣлалось, ужь не влюбленъ ли онъ — и молодой че-

Digitized by Google

ловѣкъ сознается. Капитанъ узнаетъ, что онъ влюбленъ въ дочь его стараго друга, страстнаго собирателя рѣдкостей природы, и что любимъ взаимно. Но отецъ рѣшительно не соглашается на бракъ — и здѣсь начинается собственно завязка піэсы. — Капитанъ предлагаетъ несчастному влюбленному представить его старику, какъ орангъ-утанга, воспитаннаго и образованнаго Лондонскимъ Африканскимъ обществомъ. — Сцена перемѣняется.— Передъ нами Капитанъ и старикъ. Веселый морякъ мало по малу заводитъ разговоръ объ главномъ предметѣ.—Глубокія остроты сыплются одна за другой.— Наконецъ, къ удивленію старика, онъ начинаетъ говорить объ Педагогическомъ институтѣ въ Сіерра Леона.— Не однихъ негровъ желаютъ образовать гуманные англичане. Хотятъ испытать, сколь глубоко можетъ проникнуть драгоцѣнное Европейское образованіе въ сіи отдаленныя страны, и при этихъ важныхъ опытахъ, не хотятъ ограничиться одними такъ называемыми людьми. Въ лѣсахъ не бритыя творенія бѣгаютъ уже на заднихъ лапахъ. Уже они сморкаются. Ихъ пріучили прилично сидѣть на стульяхъ и употреблять ножи и вилки, что съ большимъ трудомъ могли внушить неграмъ. — Камперъ доказалъ, что горло ихъ образовано сходно съ человѣческимъ, слѣдовательно только языкъ связанъ и нужно только его развязать, — разумѣется, что это дѣло трудное; — нельзя отвергать, что большая часть опытовъ не удалась; и что безсмысленныя животныя поступали также, какъ и простой народъ, когда у него отнимаютъ его поэзію и религію, стараясь дать ему новую образованность; что они также сопротивлялись и упорствовали; но что надъ нѣкоторыми опыты увѣнчались успѣхомъ, — и что онъ привезъ съ собою одинъ изъ образцовыхъ экземпляровъ, юношу много обѣщающаго, только что выпущеннаго изъ Оранг-утангской Гимназіи, — и выдержавшаго блестящій экзаменъ. Языкъ еще не совсѣмъ свободно поворачивается, но если хорошенько прислушаться, можно услышать множество превосходныхъ мыслей о человѣческомъ счастіи, о разведеніи акаціи и цикорія, и тому подобныхъ вещахъ, служащихъ къ облагороживанію человѣческаго рода. — Но до сихъ поръ ему оставили его природную шубу. Лондонская Врачебная Оберъ-Коллегія должна рѣшить, когда можно будетъ его выбрить не повредя его здоровью. — Но теперь

Digitized by Google

онъ можетъ являться только въ кругу самыхъ просвѣщенныхъ людей, — которые охотно простятъ ему нѣкоторыя отступленія отъ моды. — Этотъ молодой человѣкъ подаетъ большія надежды. Въ Лондонѣ онъ будетъ продолжать столь счастливо начатое образованіе — и потомъ, какъ просвѣщенный воспитатель, выманитъ изъ глубины лѣсовъ остальныхъ Орангутанговъ, и привьетъ имъ Европейское развитіе. — Онъ до сихъ поръ еще съ виду чрезвычайно страненъ, и всякаго человѣка съ предразсудками, непріятно поразилъ бы своею шерстью и неразвязностію своего языка. Но у него прекрасное, нѣжное сердце; онъ разливается въ слезахъ, когда ему читаютъ чувствительныя мѣста изъ драмъ Шиланда и Коцебу, и вообще онъ добръ во глубинѣ души. Въ чудакѣ, пріятелѣ Капитана, сильно возгорѣлось желаніе узнать юношу, предолѣвшаго всѣ естественныя препятствія, и который, какъ казалось, представлялъ первый примѣръ развитія, далѣе границъ, опредѣленныхъ людскими предразсудками. — Является переодѣтый любовникъ, говоритъ мало, почти ворчитъ, — но рѣчь его полна прекрасныхъ мыслей, проникнута чувствительностію; — когда онъ удалился — старикъ разсыпался въ похвалахъ ему, онъ ожидалъ переворота въ Исторіи отъ этого новаго явленія. — Чего нельзя надѣяться, думаетъ онъ, отъ такъ называемыхъ скотовъ, когда нѣкоторые изъ нихъ, образованные подобно сему, могутъ такъ поучительно и умно разсуждать о своемъ первобытномъ состояніи. Подобный молодой человѣкъ можетъ основать школу, гдѣ преподаваніе будетъ основано на инстинктѣ, и другихъ способностяхъ, принадлежащихъ звѣрямъ, и уже утраченныхъ людьми. Тогда Капитанъ осмѣлился сдѣлать своему другу предложеніе, въ началѣ его удивившее. „Отдайте вашу дочь этому отличному Орангъ-Утангу. Онъ встрѣтилъ ее на лѣстницѣ, когда мы входили къ вамъ; путешествуя по большимъ дорогамъ, онъ встрѣчалъ многихъ женщинъ, удивлявшихся ему, даже приходившихъ отъ него въ восхищеніе, — и не скрывавшихъ своего сердечнаго волненія, — но всѣ онѣ не дѣлали на него никакого впечатлѣнія, — хотя онъ уже начиналъ предчувствовать, чѣмъ будетъ для него одно изъ этихъ обворожительныхъ существъ. — Но когда онъ увидѣлъ вашу дочь, — въ полномъ восхищеніи и потрясенный до глубины

Digitized by Google

души онъ воскликнулъ: какое чудесное созданіе! — и отъ этого сильнаго потрясенія онъ потерялъ нѣсколько волосъ, которые лежатъ у васъ на лѣстницѣ. Голосъ сдѣлался звучнѣе, глаза блестящѣе, — все лицо просвѣтлѣло. — Безъ всякаго сомнѣнія вашей дочери предназначено окончить духовное развитіе Оранг-утанга.“ Старикъ началъ возражать — Капитанъ опровергалъ его: „вы сами, воскликнулъ онъ наконецъ, сдѣлаетесь безсмертнымъ. Поспѣшите воспользоваться благопріятною минутою, любезный другъ, поспѣшите, съ вашимъ именемъ соединится навсегда самая удивительная эпоха въ исторіи. — Ваша дочь будетъ счастлива, когда сознаетъ великое значеніе задачи ея жизни. Тутъ будетъ положено основаніе новому поколѣнію, которое соединитъ въ себѣ всѣ преимущества животныхъ, съ возвышенными и благородными направленіями, развивающимися въ наше время въ человѣчествѣ!“ — Мнѣ невозможно передать всѣхъ остротъ, мгновенно раждавшихся и проникавшихъ всю піэсу. Счастливы были бы наши комическіе писатели, если бы имъ удалось, въ цѣлой піэсѣ, представить такое богатство остроумія, которое тутъ было въ каждомъ отдѣльномъ явленіи. Чѣмъ дѣло кончилось, можно угадать. Дочь сначала противится, наконецъ соглашается, и послѣ заключенія брака Оранг-утангъ дѣлается человѣкомъ, — что гуманному отцу несовсѣмъ пріятно. — Мнѣ не случалось видѣть ничего подобнаго; всѣ лица были живы передъ нами. Потокъ рѣчи не прерывался. — Съ быстротою мысли переносился онъ изъ одного лица въ другое.

Піэсу эту повторяли нѣсколько разъ въ тѣсныхъ дружескихъ кружкахъ, — всѣ эти представленія, никогда не производили на меня того сильнаго впечатлѣнія, которое испыталъ я при первомъ представленіи, — когда Тикъ самъ игралъ и въ то же время изобрѣталъ.

Такъ, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ жилъ я съ Тикомъ и Фридрихомъ Шлегелемъ; и мы видались ежедневно. Чѣмъ стало для меня это время—трудно сказать. Духовное вліяніе такого замѣчательнаго человѣка нельзя опредѣлить; — подобные люди дѣйствуютъ, возбуждая собственную нашу природу. — Вліяніе это не сковываетъ насъ, какъ нѣчто чуждое,

Digitized by Google

намъ навязанное. Все вызывается, развивается изъ насъ самихъ и чѣмъ сильнѣе ихъ вліяніе, тѣмъ свободнѣе, тѣмъ самостоятельнѣе чувствуемъ мы самихъ себя. Въ этомъ кругу я изучилъ искуство и пріучился различать простое отъ манернаго, природу искуства отъ школьной искуственности. — Великія эпохи, художниковъ Италіи, Испаніи, Англіи, и нашей прошедшей Германіи какъ бы приблизились ко мнѣ; я былъ перенесенъ въ средину ихъ, силою могучаго духа, имъ сроднаго. Я какъ бы жилъ въ эти цвѣтущія времена; я наслаждался великимъ прошедшимъ, какъ будто оно было богатое настоящее, и съ радостію встрѣчалъ каждый новый день.

.....

Немногіе имѣли такую счастливую молодость, какую я. Мнѣ минулъ тридцатый годъ, и исключая два печальные года, прочая моя жизнь такъ была весела, какъ рѣдко бываетъ человѣческая жизнь. Во все это время, даже и въ печальную годину, никогда, ни на одну минуту, будущее не являлось мнѣ въ мрачномъ видѣ. А между тѣмъ настоящее дарило меня обильными наслажденіями; и я ими не пренебрегалъ. Независимъ я былъ въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Каждый, съ кѣмъ я приходилъ въ какое нибудь соприкосновеніе, встрѣчалъ меня доброжелательно: потому что я не мѣшалъ никому, и какъ ни велико было мое счастіе, однако не много нашлось людей, которые бы мнѣ завидовали.

Справедливо было и мнѣ раздѣлить наконецъ общую участь смертныхъ. Обстоятельства, которыя наконецъ заставили меня оставить отечество, грозно стали передо мною, тотчасъ послѣ возвращенія моего на родину. (1802).

.....

(Не смотря на покровительство многихъ значительныхъ мужей Даніи, особенно Графа Шиммельмана, и на извѣстность, пріобрѣтенную имъ въ Германіи, Копенгагенская дѣятельность Стефенса встрѣтила важныя препятствія. Начальникомъ всей учебной части былъ тогда въ Даніи Герцогъ Аугустенбургскій, зять Короля, человѣкъ очень благонамѣренный и образованный, который хотѣлъ пробудить Университетъ и школы отъ глубокаго сна, тяготѣвшаго нядъ ними. Но онъ съ неудовольствіемъ

Digitized by Google

мотрѣлъ на философское движеніе, которое какъ казалось въ то время, насильственно нарушало порядокъ и покойствіе Нѣмецкой литературы. Стеффенсъ долженъ былъ ему представиться и былъ принятъ холодно. Герцогъ выразилъ ему свое негодованіе противъ тогдашняго направленія Германской словесности).

„На васъ сильно нападаетъ Николаи," сказалъ онъ. Простите, Ваша Свѣтлость я къ стыду моему въ первый разъ узнаю, что существуетъ философъ или натуралистъ, который носитъ это имя."

„Я разумѣю, съ досадою отвѣчалъ Герцогъ, книгопродавца Николаи".—Такихъ нападеній не могу конечно узнать, потому что того, что онъ пишетъ, я не читаю.

Герцогъ отпустилъ меня и сильно разсердился.

Друзья мои, объяснили мнѣ, что значитъ нападеніе Николаи. Добрый старикъ, считалъ своею обязанностью всѣми силами противудѣйствовать вредному вліянію, которое я могъ бы имѣть на Датское юношество. Покуда я приготовлялся ѣхать на родину, онъ напечаталъ обо мнѣ почти цѣлый выпускъ Нѣмецкой библіотеки: разумѣется, осуждалъ меня, опровергалъ громкими восклицаніями; къ нападеніямъ на мое лице присоединилъ изложеніе безконечнаго вреда, проистекающаго изъ той философіи, которая, презирая всякій опытъ, все хочетъ построить a priori; даже обвинилъ меня въ томъ, что предаваяся фантастическимъ мечтаніямъ непонятной философіи, я безполезно растратилъ тѣ суммы, которыя щедрое правительство давало мнѣ для основательнаго изученія минералогіи. Этотъ выпускъ былъ посвященъ Герцогу Аугустенбургскому, даже украшенъ его портретомъ; — и почти достигъ своей цѣли.

Не смотря на препятствія въ Октябрѣ 1803 Стеффенсъ началъ читать въ Копенгагенскомъ Университетѣ публичныя лекціи:

„Я былъ въ странномъ расположеніи духа. То, что въ молодости являлось мнѣ, какъ чудесная тайна, къ чему при всѣхъ внѣшнихъ препонахъ влекло меня внутреннее стремленіе, что я самъ недовѣрчиво отклонялъ отъ себя, что тща-

Digitized by Google

тельно скрывалъ отъ враждебныхъ споровъ, то самое долженъ былъ теперь проповѣдывать всенародно. Я испытывалъ то, что конечно испытывалъ всякій предъ исполненіемъ труднаго предпріятія: мною вдругъ овладѣлъ невыразимый страхъ, будущее являлось мнѣ въ грозномъ видѣ.— Я зналъ, что мои будущія чтенія возбуждаютъ всеобщее любопытство — но зналъ то съ какимъ могущественнымъ предразсудкомъ долженъ я бороться; я рѣшился медленно развивать свою мысль избѣгая всего, что можетъ ожесточить противъ нея: но съ тѣмъ вмѣстѣ ясно видѣлъ, что нѣтъ ни одного средняго звена, между господствующимъ мнѣніемъ и умозрѣніемъ, которое я проповѣдывалъ, что здѣсь необходимъ скачекъ, что постепенный переходъ отъ условнаго къ безусловному и духовно свободному невозможенъ, что неизбѣженъ безконечный соблазнъ. Тогда то понялъ я высокое достоинство безусловнаго: оно уже не было для меня отвлеченностью, но жизнію, образомъ мыслей, живымъ Источникомъ познанія. Послѣднюю минуту передъ вступленіемъ на каѳедру провелъ въ своей уединенной комнатѣ и молился: послѣ самаго ранняго дѣтства, это была первая моя истинная молитва.

Я жилъ тогда прямо противъ своей будущей аудиторіи: такъ, что мнѣ нужно было только перейдти черезъ улицу. Я успѣлъ однако замѣтить какое любопытство возбуждало открытіе моихъ чтеній: толпы уже тѣснились передъ дверми университета; корридоры были набиты людьми; въ аудиторіи, которая была во второмъ этажѣ, казалось невозможнымъ протѣсниться, и прошло нѣсколько времени покуда мнѣ дали дорогу. Въ залѣ вмѣщалось до пяти сотъ слушателей; всѣ окна были заставлены любопытными, я съ большимъ трудомъ могъ добраться до каѳедры. Когда я взошелъ на нее во всей залѣ сдѣлалась мертвая тишина. Тогда только оставила меня тоска, и всего проникло радостное сознаніе важности этого мгновенія. Только при первыхъ словахъ слушатели могли замѣтить во мнѣ минутный трепетъ. Я еще не смѣлъ импровизировать и читалъ по тетради. Послѣ напечаталъ я первыя десять лекцій, и онѣ важны для меня, потому что изъ нихъ видно, какъ ясно было для меня уже

Digitized by Google

въ то время основное положеніе философіи, въ развитіи которой прошла вся моя жизнь: а именно, что Богъ познается нами, какъ живое личное единство живыхъ вѣчныхъ личностей, и что въ этомъ смыслѣ онъ есть источникъ всякаго познанія. Неудивительно, что мои первыя чтенія понравились, это былъ потокъ внутренней жизни, который я съ большимъ усиліемъ удерживалъ обдуманнымъ трудомъ. Слушатели не могли не замѣтить, что я былъ проникнутъ святымъ сознаніемъ важности моего призванія, что меня увлекала не холодная система, но пламенный образъ мыслей (Gesinnung). Такого рода преподаваніе было ново для Копенгагенскаго университета; то, что я говорилъ, совершенно незнакомо всѣмъ слушателямъ. Участіе къ моимъ чтеніямъ возрастало съ каждымъ днемъ. Я могу смѣло сказать это, потому что во всѣхъ концахъ Даніи и Норвегіи живутъ еще люди, бывшіе въ молодости моими слушателями.... Одинъ неожиданный случай еще удвоилъ мою самоувѣренность и придалъ мнѣ новыя силы. Когда я въ пятый или шестый разъ взошелъ на каѳедру, то не могъ доискаться своей тетради. Зала была полна, какъ обыкновенно; даже нельзя было затворить дверей потому, что въ коридорахъ стояли густыя толпы. Я на минуту задумался. Вспомнилъ впрочемъ, что и въ послѣднихъ чтеніяхъ я не смотрѣлъ въ тетрадь, что она даже мѣшала мнѣ. Теперь ее вовсе не было, а предметъ, о которомъ мнѣ должно было говорить, былъ для меня со всѣми его подробностями совершенно ясенъ.— Я объявилъ слушателямъ, что тетрадь моя пропала, и что они должны удовольствоваться импровизаціею. Вся зала смотрѣла на меня съ живымъ любопытствомъ. Ждали неловкой, медленной рѣчи и удивились, когда она полилась яснѣе, живѣе, быстрѣе, даже опредѣлительнѣе обыкновеннаго. Тутъ только убѣдился я во враждебномъ расположеніи своихъ противниковъ: стали говорить, что все это была фарса напередъ придуманная, что я нарочно оставилъ дома рукопись, выучивши ее наизусть; что это сдѣлано для того, чтобы удвоить впечатлѣніе, производимое моими чтеніями. Опровергнуть слухъ этотъ было мнѣ весьма нетрудно — стоило только читать всегда безъ тетради. Я очень былъ тому радъ и такимъ образомъ навсегда освободился отъ тетради.

Digitized by Google

Это было въ Октябрѣ 1803 года Стеффенсу не давали въ Копенгагенскомъ университетѣ Профессорскаго мѣста; нѣсколько времени онъ оставался частнымъ преподавателемъ. Въ Мартѣ 1804 получилъ онъ приглашеніе занять въ Галле мѣсто Ординарнаго Профессора Философіи Натуры Физіологіи и Минералогіи. Многія обстоятельства, всего же болѣе невозможность самостоятельной дѣятельности въ Копенгагенѣ, заставили его съ радостью принять приглашеніе Гальскаго университета и навсегда проститься съ родиною, друзьями и родственниками.

„Не буду слышать вкругъ себя сладкихъ звуковъ своего языка: я долженъ сроднить свою мысль, свою жизнь съ другимъ нарѣчіемъ. Когда изъ нашихъ глазъ исчезли берега Зеландіи, мнѣ казалось, будто безвозвратно отдался я чуждому духу, невѣрной, грозной судьбѣ. Но мало по малу будущее прояснилось; нѣмецкая рѣчь, жившая во мнѣ съ первыхъ отроческихъ лѣтъ, манила къ себѣ родственными, привѣтливыми, звуками. Въ Германіи меня ждали нѣмецкіе друзья и родные, и подлѣ меня стояла жена моя съ великою радостью возвращавшаяся на родину, веселая, счастливая — и мрачныя привидѣнія разсѣялись.

.....

От 1804 — 1806 Стефенсъ професорствоавлъ въ Гале.

Въ одно время со мною призванъ былъ въ Галле экстраординарнымъ профессоромъ человѣкъ, который сдѣлалъ эпоху въ моей жизни: — Шлейермахеръ. Шлейермахеръ былъ, какъ извѣстно, (его знали и помнятъ многіе) маленькаго роста, даже нѣсколько горбатъ, что однако не безобразило его. Всѣ движенія его были живы, черты лица необыкновенно значительны. Проницательность его глазъ имѣла даже, можетъ быть, что-то отталкивающее; казалось онъ всего видитъ на сквозь.

Шлейермахеръ былъ нѣсколькими годами старѣе меня: лице продолговатое, всѣ черты рѣзко обозначенныя, выдавшійся впередъ подбородокъ; глаза живые и огненные, взглядъ во всякую минуту важный, сосредоточенный и глубокомысленный. Я видалъ его въ самыхъ разнообразныхъ житейскихъ обстоя-

Digitized by Google

тельствахъ — задумчиваго и шутливаго, кроткаго и разсерженнаго, въ минуты сильной радости и въ минуты сильнаго горя; и никогда, казалось, не оставляло его его неизмѣнное спокойствіе—оно было выше, могущественнѣе всякаго преходящаго душевнаго движенія: но это спокойствіе вовсе не было природною неподвижностію; на всемъ лицѣ его играла легкая иронія; онъ волновался глубокимъ участіемъ, и сквозь наружное спокойствіе просвѣчивала доброта почти младенческая. Власть ума чудеснымъ образомъ укрѣпила и изощрила его чувства. Среди самаго горячаго разговора отъ него не ускользало ничто; онъ видѣлъ все что происходило вокругъ него, слышалъ все, даже не громкій разговоръ другихъ собесѣдниковъ.....Мы вполнѣ и безусловно подружились, и я испыталъ на себѣ самомъ, самымъ очевиднымъ образомъ, что безусловная преданность не только не уничтожаетъ самостоятельности, но возвышаетъ ее. Такъ точно присвоилъ меня себѣ Гете, такъ Шелингъ, такъ теперь Шлейермахеръ. Именно то, направленіе, по которому напрасно называли его спинозизмомъ, привлекло меня, потому что являлось не въ образѣ естественной необходимости, а какъ живѣйшій источникъ безусловной свободы. Не смотря на діалектическій отрицательный способъ, изложеніе его было проникнуто дѣйствительностью того положительнаго, всеобъемлющаго единства, въ которомъ преображается всякое отрицаніе. Мы жили въ самой тѣсной, духовной связи, сообщали другъ другу наши мнѣнія, мысли, даже склонности. Прогулки, поѣздки за городъ, все было у насъ вмѣстѣ; наши лучшіе слушатели, тѣ, которымъ наука была нешутка, — принадлежали намъ обоимъ. Они замѣчали, что между его поэтическими и моими философскими лекціями существуетъ внутреннее согласіе, и что мы взаимно дополняемъ одинъ другаго. И въ самомъ дѣлѣ, мы мѣнялись тѣмъ, что знали; если Шлейермахеръ слушалъ мои лекціи о физикѣ, то самъ изъяснялъ мнѣ греческую философію: черезъ него узналъ я Платона.

Глубина, сосредоточенность, даже религіозность, съ какой смотрѣлъ Шлейермахеръ на жизнь и науку, внушали ему глубокое презрѣніе ко всему, что въ наукѣ и въ жизни казалось ничтожнымъ и мелочнымъ. Въ городѣ ходили про него странные слухи, Съ ужасомъ разсказывали о томъ, что профе-

Digitized by Google

соръ Богословіи и Пасторъ ходитъ ботанизировать въ зеленой куртке, цветныхъ панталонахъ и съ ружьемъ на плече.....

.....

Такъ жилъ я совершенно счастливый: самые прекрасные виды открывались мне въ будущемъ; желанная деятельность, кругъ которой безпрестанно разширялся и обещалъ богатое развитіе, приводила въ движеніе всѣ мои способности; семейство, мои друзья, мои слушатели дарили меня душевнымъ счастіемъ. Но земля, на которой выросла для меня блаженная жизнь, колебалась подъ нашими ногами — а я и не замечалъ того. Впрочемъ понималъ, въ какомъ отчаянномъ положеніи находится Пруссія; меня тревожилъ и ужасалъ возникшій изъ революціи великанскій образъ и со страхомъ думалъ я о будущемъ.

Весною 1806 поехалъ я вместе съ Шлейермахеромъ и его сестрою въ Берлинъ. Весна была удивительная и Берлинъ исполненъ жизни. Политическія произшествія съ каждымъ днемъ становились грознее, и чемъ более приближалась развязка, темъ сильнее высказывалось энергическое убѣжденіе, требовавшее решительнаго сопротивленія.

Гумбольдъ, который за годъ передъ темъ возвратился изъ южной Америки, жилъ тогда въ Берлине. Бартольди только что пріехалъ изъ Греціи. Я пошелъ отыскивать Фихте: въ большомъ доме, где была его квартира, взходя на лестницу встретилъ очень хорошо одетаго молодаго человека, у котораго и спросилъ; какъ пройти къ Фихте. „Я не знаю, кто такой Фихте“ ответчалъ молодой господинъ. Признаюсь я посмотрелъ на него съ удивленіемъ. Какимъ образомъ Фихте, бывшій тогда на вершине своей славы, следовательно однимъ изъ знаменитейшихъ мужей целой Германіи, могъ быть вовсе неизвестенъ образованному молодому человеку, именно въ томъ доме, где жилъ Фихте: это показалось мне очень страннымъ и дало понятіе объ огромномъ и столичномъ характере Берлина.

Мы застали Берлинъ въ сильномъ броженіи. — Меня всего более занимали ученые, возбуждавшіе тогда всеобщее любопытство. То, что слышалось тогда отъ Бартольди, о Грекахъ, о безнадежномъ состояніи этого доблестнаго народа — было

Digitized by Google

мнѣ совершенно ново; меня увлекали въ его разсказахъ, народныя сцены этого угнѣтеннаго края. Бартольди былъ сообщителенъ, разсказы его живы и поучительны. Знакомство мое съ Іоанномъ Миллеромъ, казалось мнѣ тогда весьма счастливымъ для меня событіемъ. Я съ великимъ наслажденіемъ читалъ его исторію Швейцаріи, уважалъ основательность его свѣдѣній, удивлялся уму, освѣщающему его разсказъ. Его знакомство имѣло вліяніе даже на мои занятія. Въ то время многіе пытались построить исторію по началамъ философіи природы. Онъ явился критикомъ этихъ опытовъ и безъ пощады высказалъ свое негодованіе въ нѣсколькихъ разборахъ, помѣщенныхъ въ Іенской литературной газетѣ. Хотя я очень коротко зналъ, что у него направленіе вовсе не умозрительное а художественное, и что онъ совершенно не способенъ оторваться отъ отдѣльныхъ историческихъ изслѣдованій, однако долженъ былъ согласиться съ нимъ во многомъ, и въ его борьбѣ съ неумѣстнымъ умозрѣніемъ, видѣлъ полезное для себя предостереженіе.

Но всего важнѣе было для меня знакомство съ Александромъ Гумбольдтомъ. Я давно уже поклонялся удивительному дарованію этого удивительнаго испытателя природы. Его подземная флора, его геогностическія розысканія, гдѣ онъ первый указалъ на однообразную формацію древнѣйшихъ горныхъ слоевъ — мысль бывшая живымъ зародышемъ всей новѣйшей геогнозіи; — его подробныя наблюденія о возбужденныхъ Вольтовымъ столбомъ мускулахъ и нервахъ; его эвдіометрическіе опыты; — всѣ эти труды заставили меня признать въ немъ одного изъ первыхъ умовъ нашего времени. Я видался съ нимъ каждый день; разговоры его были въ высшей степени поучительны: неизмѣримое богатство наблюденій по всѣмъ направленіямъ естественной науки; могущественное, многостороннее созерцаніе природы края еще неизвѣстнаго и почти недоступнаго для насъ; ясное доказательство необходимости подвергнуть и прочія части свѣта, — весь шаръ земной, такому же изслѣдованію — все это почти уничтожало меня. Я видѣлъ передъ собой создателя физической географіи; мужа, который и до сихъ поръ, въ глубокой старости, сбираетъ всѣ плоды отдѣльныхъ изслѣдованій въ одну огромную, обнимающую весь зем-

Digitized by Google

ной шаръ систему, и разширяетъ предѣлы науки, имъ же основанной. Никогда не бывало ученаго, который лучше бы умѣлъ овладѣть безконечнымъ разнообразіемъ предметовъ, входящихъ въ его изслѣдованія. Все чего онъ однажды коснулся, принадлежитъ ему навсегда; во всякую минуту служатъ ему разнообразныя явленія природы цѣлаго земнаго шара и ученыя замѣчанія всѣхъ временъ. Если бы я познакомился съ нимъ въ другое, не столько смутное время, онъ конечно овладѣлъ бы мною еще исключительнѣе, еще глубже.... Но и тогда онъ сдѣлалъ эпоху въ моей жизни.

Въ обществахъ, середи которыхъ я жилъ, выражался народный восторгъ, проистекавшій изъ чистѣйшаго источника. Какъ иностранецъ я не могъ отчетливо судить: можетъ ли Пруссія устоять еще нѣсколько лѣтъ противъ грозы; но дѣятельность тогдашняго времени имѣла такую великую бодрость, что заслоняла отъ меня будущія, еще не ясныя бѣды. Ненависть къ направленію развившемуся во Франціи и уничтожавшему всякую Германскую народность, высказывалась во мнѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Высокое призваніе Германіи, заставившее меня покинуть отечество, неудержимое стремленіе внутренней моей жизни — разрушалось французскою силою. А для меня оно было сокровищемъ, святынею; сѣмена, которымъ я желалъ развитія, носили въ себѣ, по моему убѣжденію, обѣтованіе будущей исторической жизни. Я тогда уже былъ увѣренъ, что эта жизнь неузнана и непостигнута грозными нашими врагами, что всю Французскую революцію проникало тайное предчувствіе духовной силы, которая все, что революція признавала за высочайшее, должна подчинить высшему началу и удержать въ этой подчиненности. Французы хотѣли уничтожить въ Германіи именно то, что было для меня святынею, и я не скрывалъ своей ненависти къ Французскому народу, выражалъ ее не въ однихъ разговорахъ, но и съ каѳедры и выражалъ въ сильныхъ, даже односторонніхъ выходкахъ; даже считая своею обязанностью распространять ее и собирать такимъ образомъ силами умственнаго движенія, дружину противъ непріятеля. Подобная дружина, правда, не смотрѣла на политическія обстоятельства; борьба была болѣе внутренняя, чѣмъ внѣшняя; въ тогдашнемъ нашемъ положеніи нужно было побѣдить духовную

Digitized by Google

силу врага, скрывавшуюся въ глубинѣ нашихъ собственныхъ убѣжденій. Наши убѣжденія были впрочемъ всеобщія Германскія, но не Прусскія. Нужна была опасность Пруссіи, чтобы спасеніе нашей святыни, соединилось съ ея спасеніемъ. Но ея опасность могла ли долго оставаться неизвѣстною? уже до отъѣзда въ Берлинъ, разговоры съ Шлейермахеромъ привязали меня къ Пруссіи; въ Берлинѣ всеобщее одушевленіе такъ увлекло меня, что навсегда опредѣлило мой образъ мыслей.

Настали прекрасные, свѣтлые весенніе дни; Подъ Липами, у распустившихся деревьевъ собирался цвѣтъ города. Когда умами овладѣваетъ всеобщее волненіе, тогда упадаютъ всѣ грани, раздѣляющія отдѣльныя семейства и общества; все уступаетъ силѣ общихъ выгодъ, изчезаетъ все, что отдаляло людей и дѣлало ихъ чужими другъ для друга. Часто, Подъ Липами, я сближался съ людьми, которыхъ однажды мелькомъ видѣлъ и они подходили ко мнѣ, и начинался разговоръ, какъ будто между старыми пріятелями.

Въ странномъ положеніи находилась тогда Пруссія; Прусскія войска заняли Ганноверъ; Ганноверцы ненавидѣли Прусаковъ еще больше, чѣмъ Французовъ; ждали, что Англія объявитъ Пруссіи войну; дружба Россіи охладѣла; Австрія, покинутая Пруссаками въ самую опасную для нея минуту — ожесточилась. Казалось, Пруссія оставлена безъ надежды на произволъ Французовъ. И именно въ это время ожила сила, которой предназначено было побѣдить Францію. Вся благородная, лучшая часть народа живо симпатизировала съ Англіею, за то что сія держава готовилась объявить намъ войну. Тогда-то я въ первый разъ понялъ, что и меня можетъ увлечь политическая дѣятельность. И прежде не былъ я равнодушенъ къ политическимъ предметамъ: даже едва не сдѣлался Якобинцемъ; я имѣлъ даже политическій образъ мыслей, тѣсно связанный съ моими прочими ученными мнѣніями но все это оставалось теоріею, наукою, надеждою; я и не предчувствовалъ, что такое настоящая политическая дѣятельность.

.....

Цѣлое лѣто провели мы въ Галле, нетерпѣливо ожидая развязки и никто изъ насъ не могъ предвидѣть, что театромъ

Digitized by Google

войны будетъ та сторона, гдѣ мы сами жили. Мы думали, что прусскія войска двинутся, какъ бывало прежде, на Реинъ; успокоивали себя военною репутаціею арміи; предполагали, что и въ случаѣ неудачи, хотя бы даже Пруссія и доведена была до опасной зависимости отъ французскаго Императора, буря не коснется нашихъ частныхъ гражданскихъ отношеній. Пруссаки привыкли давать своему войску безусловное предпочтеніе передъ Австрійскимъ, и потому примѣръ Австріи не пугалъ никого. Кто же могъ ждать, что даже наше университетское ученіе скоро будетъ остановлено непріятелемъ? Число моихъ слушателей умножалось. Я читалъ тогда въ первый разъ Экеперименталную физику. Казалось, предстоящая война не можетъ помѣшать намъ. Осенью къ Галле подошло наше войско. Въ Гибихенштейнѣ у тестя моего стояло нѣсколько генераловъ, которые издавна были со мною знакомы. Многіе изъ нихъ послѣ, во время войны, совершенно потеряли присутствіе духа, и обнаружили самый вредный и недостойный образъ мыслей; въ это время, скажу откровенно, разговоры ихъ испугали меня. У нихъ не было того здороваго одушевленія, которое проистекаетъ изъ свѣжей полноты всѣхъ душевныхъ силъ, а какая-то близорукая надменность, какая то вѣра въ магическую силу, давно отжившихъ, и ослабѣвшихъ, среди долгаго мира, военныхъ формъ. Казалось, они и не предчувствуютъ, какую страшную силу имѣетъ армія, совершившая переворотъ и въ военномъ искусствѣ и въ исторіи; армія восторженная побѣдами, неслыханными въ новѣйшія времена. И на такую армію надѣялись они нагнать паническій страхъ, призракомъ семилѣтней войны и Прусскимъ щегольствомъ, А между тѣмъ никто неуважалъ Прусскаго солдата; въ немъ боязнь военныхъ опасностей изгонялась только страхомъ наказанія — Онъ не былъ проникнутъ народнымъ побѣдоноснымъ духомъ, который одушевлялъ тогда французское войско.

Войска, собранныя вокругъ Галле, быстро пошли впередъ: разнесся слухъ, что непріятель ворвался въ Турингію: тогда то мы увидѣли, что поле борьбы будетъ вблизи отъ насъ. Нѣсколько дней сряду, въ городѣ господствовала совершенная тишина, но тишина проникнутая мучительнымъ безпокойствомъ. Роковая борьба овладѣла всѣми умами. Насъ охраняло сильное

Digitized by Google

войско, но мы сами должны были ждать, сложа руки, какъ оно рѣшитъ нашу участь. Однажды, вмѣстѣ съ однимъ ганноверскимъ дипломатомъ — образованнымъ и отъ души ненавидѣвшимъ французовъ, мы смотрѣли, какъ нѣсколько кавалерійскихъ эскадроновъ проходило по улицамъ и любовались ихъ гордою осанкою: „неправдали, сказалъ мнѣ гановерскій дипломатъ, что взглядъ на нихъ возбуждаетъ увѣренность, что эти люди непремѣнно должны побѣдить?“

Расположеніе Французской и Прусской арміи предвѣщало близкое, генеральное сраженіе; и каждую минуту, съ тоскою ждали мы извѣстій, Вдругъ разнесся слухъ о несчастной битвѣ при Заальфельдѣ. Принцъ Луи былъ убитъ. Можетъ статься, что отчаяніе и страхъ быть свидѣтелемъ всеобщаго, конечнаго пораженія, заставили его искать смерти:—эта мысль распространяла между нами уныніе. А между тѣмъ безпрестанно приходили новыя извѣстія о приближеніи непріятельской силы. Настало роковое 14 го Октября. Въ этотъ день вдругъ разошелся по всему городу слухъ, что дано сраженіе и совершенно проиграно. Какъ могъ такъ быстро дойти до насъ этотъ слухъ — этого никто не могъ постигнуть, потому что всѣ знали, что сражаться будутъ около Ауэрштета. Страшное извѣстіе, которое сообщали другъ другу на ухо, вдругъ было опровержено новымъ, утѣшительнымъ. Заговорили о совершенной побѣдѣ надъ французами. — Народъ былъ въ восторгѣ, внезапная радость овладѣла всѣми моими друзьями. Чтобы узнать что нибудь достовѣрное, я бросился бѣжать по Мерзбургской дорогѣ; бѣжалъ такъ скоро, какъ только могъ; почти на половинѣ дороги, припалъ ухомъ къ землѣ — и ясно услышалъ канонаду; но канонада постепенно удалялась къ Сѣверо-Западу, и слѣдовательно доказывала отступленіе Прусской арміи, потому что извѣстно было, гдѣ она расположена. Я едва осмѣлился сообщить друзьямъ свои опасенія: они были еще въ совершенномъ упоеніи отъ слуховъ о побѣдѣ. Черезъ сутки пришла роковая вѣсть.....

(Черезъ два дни Французы уже были и въ Галле).

„Конные и пѣшіе солдаты разсыпались по улицамъ — и начали грабить. Три или четыре кавалериста стали стучаться

Digitized by Google

въ двери нашего дома; мы не отпирали. Они обѣщали намъ удовольствоваться двумя стаканами вина — и просили только подать имъ вино изъ окошка: въ нашемъ совѣтѣ рѣшено было согласиться на это требованіе. Но никто не смѣлъ подать воинамъ то, чего они просили: вызвался я. Отворили окно — и случилось чего можно было ждать: одинъ изъ всадниковъ приставилъ мнѣ ко лбу пистолетъ и закричалъ, что застрѣлитъ меня, если сей часъ же не будетъ отперта дверь. Разумѣется, дверь отперли, они кинулись въ комнаты, и я первый долженъ былъ отдать имъ свои часы, денегъ у меня не было въ карманѣ. У Шлейермахера взяли бѣлье и деньги. На открытомъ бюро между бумагами лежали деньги Пастора Гасса: они перешарили бумаги, но по счастью не видали денегъ. Потомъ оставили насъ въ покоѣ: тутъ только мы опомнились.

Что Прусская армія не только разбита, но совершенно уничтожена, въ этомъ уже никто изъ насъ не могъ сомнѣваться; городъ и университетъ безъ защиты достались во власть непріятеля и не предвидѣлось конца этому его владычеству. Вся наша будущая жизнь и дѣятельность внезапно были уничтожены: всѣ прежніе самые обдуманные жизненные планы, вдругъ потеряли всякое значеніе .....

Ночь провели мы не у Шлейермахера, какъ бывало обыкновенно, а у типографщика Шиммельпфенинга, который пригласилъ всѣхъ насъ къ себѣ. Въ томъ же домѣ жилъ глухой Профессоръ Гоффбауэръ: онъ занималъ квартиру на заднемъ дворѣ, и потому ничего еще не зналъ о происшедшемъ. Мы принуждены были кричать ему, что мы во власти непріятеля, — и быть свидѣтелями его ужаса.

Какое странное состояніе духа бываетъ тогда, когда жителей цѣлаго города постигнетъ какая нибудь общая бѣда. Глубже всѣхъ понялъ это Шекспиръ: ѣдкія остроты, страшный юморъ родится въ минуту отчаянія. Конечная погибель государства, неизбѣжное (какъ казалось) разрушеніе всего, что было священно и дорого, носилось передъ нашими глазами въ видѣ темной громады самыхъ разнообразныхъ и самыхъ невыносимыхъ ожиданій; разорвались взаимныя связи знакомства, соединявшія семейства; только тѣ, кто случайно были вмѣ-

Digitized by Google

стѣ, могли сообщать другъ другу свое горе: казалось, цѣлая бездна отдѣляетъ насъ отъ ближайшихъ улицъ — которыхъ участь была намъ неизвѣстна. Кто осмѣливался выходить на улицу, слышалъ тамъ темные разсказы о ужасныхъ жестокостяхъ, созданныхъ разстроеннымъ воображеніемъ. Каждую минуту ждали мы пожара, грабежа и самыхъ отвратительныхъ явленій Мы собрались именно для того, чтобы вмѣстѣ защищать нашихъ женщинъ. Каждый изъ насъ рѣшился умереть, но оружія, правда, у насъ было слишкомъ мало. Ночь положили мы провести безъ сна, въ разговорахъ..... У Гоффбауэра, погребъ былъ набитъ рейнвейномъ лучшаго сорта, которымъ онъ очень скупился. Мы увѣрили его, что рейнвейнъ не уйдетъ отъ вниманія французовъ, и что слѣдовательно жалѣть его не слѣдуетъ,— и пировали съ дикимъ изступленіемъ покуда все общество не задремало подъ утро на стульяхъ. На другой день мы увидѣли, что страхъ нашъ былъ напрасный. Въ Галле вступилъ Бернадоттъ, и должно отдать справедливость великому порядку, который соблюдался въ его корпусѣ.— (Грабители принадлежали къ авангарду, догонявшему бѣжавшіе остатки Прусскаго войска, и потому быстро прошли черезъ Галле; а Бернадоттъ издалъ прокламацію успокоившую жителей).

Этимъ отрывкомъ оканчиваемъ мы наши выписки изъ книги Стеффенса, о которой хотѣли мы дать нѣкоторое понятіе нашимъ читателямъ; но мы не могли представить здѣсь самой замѣчательной стороны ея, заключающійся въ изображеніи внутренняго развитія его религіозно философской мысли. Разборы системъ Спинозы, Фихте, Шеллинга, Гегеля и другихъ мыслителей, ихъ вліянія на постепенно развивающійся образъ мыслей автора, его отношенія къ различнымъ католическимъ и протестантскимъ партіямъ, его добросовѣстное исканіе истины, его волненія, его сомнѣнія, его страданія и радости, его борьба и конечное успокоеніе, — все это составляетъ предметъ, столько же любопытный, сколько поучительный. Послѣдній X-й Томъ его біографіи доходитъ почти до настоящаго времени; жизнь его разсказана вполнѣ. Послѣдняя страница его книги оканчивается такъ:

Digitized by Google

„Теперь я готовъ оставить жизнь, какъ прежде въ мо-„лодости своей оставилъ родину; съ такою же надеждою я со-„бираюсь въ путь; но чувство во мнѣ другое: нестройность, „безпорядокъ, смущенія вокругъ меня—уже меня не тревожатъ „моя прежняя дѣтская надежда свѣтло лежитъ передо мною; „но теперь уже она не отвлеченная, не отдѣленная отъ меня „мысль: она въ полномъ смыслѣ слова МОЯ надежда."

Теперь эта свѣтлая надежда это глубокое ожиданіе мыслящей души, — уже исполнилось. 14-е Февраля, 5-ти дневной болѣзни Стеффенсъ окончилъ свое земное поприще, столь добросовѣстно и многозначительно имъ совершенное столь откровенно, столь тепло и поучительно разсказанное.

Его похоронили на томъ же кладбищѣ, гдѣ лежитъ его другъ Шлейермахеръ. Весь Университетъ, всѣ ученые, королевская фамилія, всѣ замѣчательные люди Берлина провожали его гробъ. Но изъ прежнихъ товарищей его молодости, изъ близкихъ свидѣтелей его лучшихъ минутъ, — остались уже не многіе. Можетъ быть одна горсть снѣжной земли, какъ замѣчаетъ одинъ Нѣмецкій журналъ, брошенная дружескою рукою Шеллинга на его могилу была глубоко связана съ тѣмъ далекимъ воспоминаніемъ о прежней, свѣтлой, невозвратной эпохи Германской жизни, когда оба они, Шеллингъ и Стефенсъ, еще начинали свое блестящее поприще.

Отъ могилы Стефенса, всѣ провожавшіе его, не сговариваясь, прошли на гробъ Шлейермахера.

Digitized by Google

НАУКИ.

О НАРОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭЗІИ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

(Письмо Профессора Максимовича къ М. П. Погодину).

Замѣчанія твои о бытіи у насъ исторической поэзіи въ древнее, до татарское время, оправдываютъ прежнія объ этомъ заключенія, и тебѣ нечего опасаться, чтобъ утвержденіе твое показалось парадоксомъ. Есть однакожь въ твоемъ утвержденіи такія понятія, на которыя едва ли согласиться можно. И вотъ объ нихъ мое тебѣ слово.

Поборникъ Скандинавства въ нашей исторіи, ты хочешь распространить его и на нашу народную поэзію. Потѣшается ли Кіевскій Князь Святославъ Ярославичь въ терему своемъ пѣснями и музыкою: тебѣ видится въ немъ *Норманскій конунгъ*; какъ будто только у Норманскихъ властителей и водились пѣсни съ музыкою! Воспѣваются ли у насъ подвиги князей и ихъ дружины: тебѣ кажется, что наши пѣсни подражаніе *сагамъ Исландскимъ*, и проистекли изъ одного съ ними источника, какъ будто одни Скандинавскіе пѣвцы и величали своихъ конунговъ! Не однѣ саги раздавались въ терему Кіевскихъ князей. — „Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю.“ Бывали на Руси и *Гудцы* съ пѣснями Половецкими. Отъ разныхъ народовъ, наслушалась пѣсень древняя Русь, и можетъ быть многіе звуки изъ тѣхъ пѣсенъ отзывались въ пѣніи Русскомъ. Однако источникомъ народной поэзіи Русской было собственное *живое чувство*, ее „зараждаетъ души глубина!“

Ты говоришь, что у Скандинавовъ перенята наша *Историческая* поэзія; а *Лирическая* развивалась изъ *соб-*

Digitized by Google

ственныхъ, т. е. Славянскихъ началъ. Зачѣмъ такой раздѣлъ? какъ будто только съ пришествія Варяжскаго настали у насъ былины, отзывавшіяся пѣснями въ нашемъ народѣ! Какъ будто историческое пѣснопѣніе у Славянскаго племени не развивалось изъ собственныхъ началъ жизни! Поэзія Сербскаго народа, столь богатая историческими пѣснями, свидѣтельствуетъ уже, что и наши предки-Славяне, какъ Днѣпровскіе такъ и Ильменскіе, могли имѣть собственную историческую поэзію. Притомъ же, народная поэзія *Историческая* есть только отрасль *Лирической*: изъ нея возникаетъ она и образуется, слѣдственно имѣетъ одно съ нею начало, отъ того и самыя древнія историческія пѣсни наши, какъ Великорускія такъ и Украинскія, ничѣмъ—кромѣ содержанія своего—не отличаются отъ другихъ пѣсенъ, называемыхъ у тебя *Лирическими*. Въ самомъ раздѣлѣ твоемъ нашей народной поэзіи есть, кажется, невѣрность. Отдѣляя историческую отъ Лирической, ты историческую сравниваешь съ *Сагою*; подъ именемъ которой у тебя и пѣсня и сказка; между тѣмъ какъ по понятію нашего народа: „сказка складка, а пѣсня быль.“ Такимъ образомъ историческая пѣсня въ особенности отличается отъ сказки, по существу своему. Не все, что разукрашенное вымысломъ разсказывается въ народѣ о быломъ, заимствовано изъ пѣсенъ. Скорѣе пѣсня о разукрашенномъ событіи можетъ считаться позднѣйшимъ плодомъ преданія сказочнаго, но такая пѣсня не есть уже *историческая* въ строгомъ смыслѣ: она складка, а не быль“ здѣсь т. е. на Украйнѣ и теперь ходятъ въ народѣ многіе складные разсказы о Кіевской старинѣ: какъ напримѣръ Кіяне выдали Татарамъ своего рыцаря, о силѣ котораго провѣдали Татары, и не знали Кіяне; какъ этотъ рыцарь, взявъ на копье *золотыя ворота*, проѣхалъ съ ними черезъ Татарскій станъ и поставилъ ихъ въ Царьградѣ; а выѣзжавъ съ ними изъ Кіева сказалъ: ой Кіяне, Кіяне, Панове Громада, дурна ваша рада! Колибъ вы меня не выдавали, пока свѣтить сонце, вороги бъ Кіева не достали! Но эти разсказы конечно никогда не были пѣснями. Такимъ же образомъ и нѣ-

Digitized by Google

которые изъ приводимыхъ тобою разсказовъ, записанныхъ Несторомъ, не могутъ, я думаю, быть приводимы въ свидѣтельство о бытіи Историческихъ пѣсенъ въ древней Руси. Но ты и такія сказанія начинаешь только съ Олега, и всю эту такъ называемую у тебя *историческую поэзію* ведешь изъ Скандинавіи, или покрайней мѣрѣ отъ Скандинавовъ, которые—замѣчу [мимоходомъ—могли передавать своей Сагѣ здѣшнія, наши событія, напримѣръ Олегову смерть отъ коня, безъ сомнѣнія нѣкогда прославленную и въ нашихъ пѣсняхъ. Однако и такая поэзія, частію историческая, частію сказочная, безъ сомнѣнія, была и у нашихъ предковъ своя Славянская. Самъ же ты въ своемъ Несторѣ приводишь изъ Шафарика „классическое мѣсто о древнихъ Славянскихъ пѣсняхъ." Тамъ исчислены событія, какія Несторъ по мнѣнію Шафарика взялъ изъ своенародныхъ Славянскихъ сказаній и пѣсенъ; Прибавь къ тому и сказаніе о дани *вданной* Козарамъ Полянами Днѣпровскими. „И сдумавше Поляне, и вдаша отъ дыма мечь. И несоша Казари ко Князю своему и къ старѣйшинамъ, и рѣша имъ: се налѣзохомъ дань нову!—Они же рѣша: откуду? они же рѣша: въ лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпровскою.—Они же рѣша: что суть вдали? Они же показаша мечь.—Рѣша старци Казарстіи: не добра дань, княже! мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною, рекше саблями; а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечь!"

Это почти цѣликомъ изъ пѣсни въ честь Славянскаго оружія—меча, которую сложили, конечно, сами Поляне, при первомъ освобожденіи своемъ отъ Козаръ, во время Оскольдово; въ послѣдствіи она получила и ту припѣвку или присказку Христіянскую, съ какою находимъ ее у Нестора. Такими припѣвками и въ наше время завершали бандуристы старыя думы о подвигахъ казацкихъ.

По вашему понятію о продолженіи скандинавства въ Запорожьи, Запорожскія и вообще Казацкія историческія пѣсни всего болѣе должны бы сходиться съ сагами Исландскими; но онѣ-то менѣе всѣхъ пѣсенъ Русска-

Digitized by Google

го народа похожи на саги. Любимый, господствующій размѣръ украинскихъ пѣсенъ находимъ и въ народныхъ балладахъ шотландскихъ: не уже ли же сказать, что онъ перенятъ оттуда, какъ лирическій размѣръ Ломоносовскихъ одъ у Гинтера? Не только въ общихъ условіяхъ сходятся иногда пѣсни разныхъ народовъ; но иногда повторяются въ нихъ сами собою, не заимственно, самыя частныя черты. Сколько бы ни находилось сходнаго у русской народной поэзіи со скадинавскою или еще болѣе съ Греческою; но она *самобытна* и *своеобразна*. Прежде всего и всего болѣе она должна быть соображаема не съ Исландскими сагами, а съ пѣснями западно-славянскими, съ которыми она составляетъ одну родную семью: съ ними у нея одинъ общій источникъ — *живое чувство Славянина*.

Вотъ почему для объясненія пѣсни Игоря, прежде всего ее надо было сравнить съ народными русскими пѣснями, особенно съ южно-русскими, а потомъ съ пѣснями нашей западной братіи. Между тѣмъ, отъ перваго извѣстія въ Spectateur du Nord до Грамматина включительно, ее сравнивали преимущественно съ Оссіаномъ; а ты жалуешь ее теперь въ *Саги*! это не совсѣмъ справедливо еще и потому, что пѣснь Игорю не была пѣснопѣніемъ извѣстнымъ, сложеннымъ для пѣнья, какъ наши народные великорусскіе *стихи*, *думы* украинскихъ бандуристовъ и *саги* Исландскія. Пѣвецъ Игоря не былъ гусляромъ, подобно Бояну, коего вѣщіе персты падали на живыя струны, какъ 10 соколовъ на стадо лебедей. Пѣснь Игорю неимпровизована и не пропѣта, а сочинена и написана какъ пѣснь о Калашниковѣ Лермонтова, или русскія пѣсни Мерзлякова и Дельвига. Разница та, что новѣйшіе поэты пробовали придавать искуственной письменной поэзіи характеръ поэзіи народной, и на ея ладъ настроивали иногда свою лиру; а пѣвецъ Игоря возводитъ народную изустную поэзію на степень *образованія письменнаго*, на степень *искусства*. Онъ поэтъ родившійся въ вѣкѣ изустной поэзіи, полный пѣснями и вѣрованіями своего народа, но онъ вмѣстѣ и поэтъ грамат-

Digitized by Google

ный, причастный высшимъ понятіямъ своего времени; онъ *поэтъ-писатель*. Его пѣсня полна еще всею искренностію и красотою народной поэзіи, но она есть уже сочиненіе написанное — въ этомъ и состоитъ ея значительность въ развитіи народной Русской поэзіи. Почему пѣвецъ Игоря избралъ такой не громкій походъ и воспѣлъ его такъ живо? Конечно потому, что онъ былъ не только современникъ своего героя; но вѣроятно принадлежалъ къ его дружинѣ и участвовалъ въ его ополченіи; къ такому заключенію приводитъ все въ его пѣснѣ: и его любовь къ Игорю, и яркая обрисовка современныхъ князей, особенно величаніе отца Ярославнина и живая скорбь объ упадающей Руси, выражающаяся то воспоминаніями о прежнихъ князьяхъ русской силы и славы, то укоризнами князьямъ междоусобствующимъ, наконецъ нѣкоторыя обмолвки и такія подробности, какъ напримѣръ: *серебряные* берега Донца, или оборотъ: „что ми шумитъ, что ми звенитъ давеча рано передъ зарями!“ Пѣснь Игорю могла выйти только изъ подъ пера современника, личностью своею близкаго къ своему герою. Всѣ сомнѣнія о ея подлинной древности напрасны, и тебѣ не многое же оставалось досказать объ этомъ послѣ Руссова и Сахарова, который все изслѣдованіе объ этой пѣснѣ посвятилъ не ей, а разсмотрѣнію того, что объ ней писано приверженцами и противниками. Меня одно удивило, отъ чего въ Шафариковомъ народописаніи, переведенномъ Бодянскимъ — пѣснь Игорю отнесена къ концу XIV вѣка? Не опечатка ли это, которую повторяетъ и Дубенскій? Покрайней мѣрѣ въ Чешскомъ подлинникѣ (2-го изданія на стр. 18) написано: „въ концѣ XII столѣтія.“ Впрочемъ еслибъ это было и чье нибудь мнѣніе, то оно не болѣе, какъ опечатка въ Литературной критикѣ.

Называй, если угодно *сагами* наши народные *стихи* историческіе и богатырскіе: эти пѣснопѣнія точно явились *неписанные*, поются въ народѣ нѣсколько вѣковъ, передаваясь изустно, какъ живое преданіе по старой памяти. Но пѣснь Игорю не имѣла, кажется, этой прекрас-

Digitized by Google

ной доли въ своемъ народѣ; наши предки знали ее не по памяти, а по грамотѣ, какъ и мы, ихъ потомки.

Въ художественномъ отношеніи, пѣснь Игорю представляетъ цѣлое стройное созданіе, и я не могу согласиться съ тобою считать ее отрывкомъ большой Саги о всѣхъ Русскихъ происшествіяхъ, изъ которой выключено начало. Такую мысль внушаютъ тебѣ слова въ началѣ пѣсни: „отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря;“ между тѣмъ какъ ты не нашелъ ни слова о Владимірѣ и его предшественникахъ. „О предшественникахъ,“ т. е. объ Рюрикѣ, вѣщемъ Олегѣ, Игорѣ, конечно нѣтъ ни слова, потому что и не предположено. Но въ пѣсни Игорю вся 6-я глава (по моему дѣленію) посвящена воспоминанію о прежнихъ Князьяхъ. Тамъ воспомянуты и Ярославъ и Мономахъ, и Олегъ, ковавшій крамолу мечемъ, и Борисъ Вячеславичь, положенный славою на зеленомъ коврѣ земли.... послѣ воззванія къ современнымъ Князьямъ вступиться за земли Русскую, за раны Игоревы, пѣвецъ опять предается воспоминаніямъ. Въ 11-й главѣ находимъ поэтическую поминку по Васильковомъ сынѣ; находимъ пѣсни о Всеславѣ Полоцкомъ; а за тѣмъ — изъ глубины душевной вырвавшееся слово о Владимірѣ „стонати Русской земли, помянувше първую годину първыхъ князей! Того стараго Владиміра нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ. Сего бо нынѣ сташа стлзи Рюриковы, а друзіи Давыдовы.....“

Какого же еще, ужели большаго, *слова* о Владимірѣ захотѣлъ ты отъ пѣсни Игорю?.... но оно было бы въ ущербъ цѣлой пѣсни, въ которой все почти обозначается быстро и сжато, иногда одною чертою.

И такъ пѣснь Игорю, хотя и принадлежитъ къ народной Русской поэзіи, но будучи созданіемъ письменнымъ, не можетъ быть названа *сагою*. Пѣвецъ Игоря вмѣстѣ съ Даніломъ Заточникомъ и Владиміромъ Мономахомъ опровергаетъ твое мнѣніе, будто въ древней, до Татарской Руси „кромѣ духовенства писать было некому.“ Вспомни и объ удаломъ Буслаевѣ, которому и *письмо* и *грамота въ науку пошли!*

Digitized by Google

Едва ли и то правда, что въ среднія времена (послѣ нашествія Татарскаго) некому было сочинять народныхъ богатырскихъ стиховъ, въ которыхъ воспоминаются времена Владиміровы. Было же кому слагать пѣсни о Михаилѣ Черниговскомъ и Александрѣ Невскомъ; о Симеонѣ Гордомъ или о *Щелканѣ Дудентьевичѣ* (1327). Къ тому же или къ послѣдующему поколѣнію пѣвцевъ, я думаю, принадлежатъ не только такіе стихи, какъ на примѣръ о Борисѣ и Глѣбѣ, но и *богатырскіе*. Они весьма могли быть сложены вновь, по древнимъ сказаніямъ. Дѣйствительныя событія и лица являются въ нихъ уже сказочными; все древнее сводится въ одинъ вѣкъ Владиміровъ; самый складъ ихъ и языкъ показываютъ, что они сложены не на Югѣ Русскомъ, и не какъ пѣснь туземныхъ современниковъ; а на Русскомъ Сѣверѣ, какъ воспоминаніе потомкомъ. Было время, что и дѣла давно минувшихъ лѣтъ, преданье старины глубокой воодушевляли народныхъ пѣвцевъ нашихъ также, какъ и былина современная, которая внушала имъ пѣсни *историческія*.

Кіевъ 1845 Февр. 20.

ОТВѢТЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Не тратя лишнихъ словъ....

Сѣверный Конунгъ пришелъ къ намъ Рюрикъ „съ роды своими.“ Преемники его до Ярослава были въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ своею родиной, живали тамъ по долгу, женились на Норманкахъ, даже послѣдніе — Владиміръ на Рогнѣдѣ, Ярославъ на Ингигердѣ. Это были чистые Норманны, до внуковъ Ярославовыхъ. Вотъ уже которое поколѣніе вполнѣ ославянилось, и перестало можетъ быть во все говорить своимъ языкомъ, а начало нашимъ;

Digitized by Google

Норманнъ въ пятомъ, шестомъ колѣнѣ сдѣлался Малороссіяниномъ. *).

Норманнскіе Князья пришли къ намъ разумѣется съ своимъ языкомъ, съ своими обычаями и вѣрованіями; коихъ признаки мы и видимъ ясно въ нашихъ лѣтописяхъ.

Итакъ если мы читаемъ въ Сѣверныхъ лѣтописяхъ описаніе ихъ пировъ и пѣсень, совершенно подобное съ нашими **), то какимъ же образомъ не признать ихъ тождественными, не приписать имъ одного происхожденія, что я и дѣлаю, и что ты отрицаешь по предубѣжденію.

Этого мало: въ самомъ содержаніи пѣсень представляются многія черты одинакія: какого же подтвержденія надо и для логическаго вывода и для историческаго свидѣтельства!

Какъ человѣкъ, и его языкъ, его характеръ, измѣнился, (Норманнъ сдѣлался Малороссіяниномъ), такъ измѣнились и его пѣсня, его законъ, его обычай; Русская былина есть уже не то, что Исландская сага, хотя и будетъ отъ нея свое происхожденіе.

Напрасно ты указываешь мнѣ на Сербскія пѣсни и слова Шафариковы! Наши Славяне находились совершенно въ другихъ отношеніяхъ, нежели западные и южные ихъ братья. Для удовлетворенія тебѣ я могу сказать развѣ то, что *если бъ* не приходили къ намъ Норманны и *если бъ* безъ нихъ мы пустились сами на какіе нибудь

*) Такъ точно Малороссіянинъ Андрей Боголюбскій переселился на Сѣверовостокъ, сохраняя разумѣется свое Малороссійское происхожденіе, равно какъ и братья его Михалко и Всеволодъ, препоручившіе посадничества пришедшимъ съ ними „Русьскымъ Дѣтскимъ," но ихъ дѣти, еще болѣе внуки, начавшіе княжить послѣ Монголовъ, подверглись туземному вліянію, и между Великороссіянами сдѣлались сами Великороссіянами. Точно такъ Гедиминъ былъ чистымъ Литвиномъ, равно какъ и его дѣти, но его внуки, рожденные отъ Русскихъ матерей, живя въ Малоруссіи и Бѣлоруссіи, сдѣлались Малороссіянами, Бѣлорусцами, и позабыли свое Литовское нарѣчіе.

**) См. Москв. N 1, стр. 16.

Digitized by Google

удалые подвиги, то разумѣется, возникла бы и безъ чуждаго побужденія своя Историческая поэзія, какъ возникла послѣ Украинская вслѣдствіе отношеній козачества къ сосѣднимъ странамъ. Но этого не было, слѣд. и толковать объ этомъ нечего.

Своеобразность и самобытность Русской народной поэзіи я вполнѣ принимаю, и нѣсколько сагъ, пропѣтыхъ предъ Рюрикомъ или Олегомъ, нисколько не мѣшаютъ ей, какъ самобытности и своеобразности Крыловой басни не мѣшаетъ ни Езопова, ни Федрова, ни Лафонтенова. Не сказалъ ли я, что историческая поэзія приняла у насъ другой, *свой* характеръ? Объ чемъ же ты споришь?

Въ дополненіе къ твоему сходству Шотландскихъ балладъ съ Запорожскими пѣснями, которое не есть заимствованіе, ты можешь найти у меня много примѣровъ въ отвѣтахъ Качановскому. Изъ словъ твоихъ заключаю, что ты не понялъ моей мысли объ отношеніи Исландскихъ сагъ къ нашимъ историческимъ пѣснямъ. Пушкинъ былъ чистый Русскій, а родомъ былъ онъ по матери Арапъ, а по отцѣ Прусакъ.

Скандинавство съ Запорожьемъ находится въ слишкомъ отдаленномъ родствѣ, и сравнивать казацкія пѣсни съ Исландскими сагами смѣшно, — а называть сагами, въ смыслѣ нарицательномъ, можно.

Раздѣлять поэзію предоставляю вамъ, Филологамъ и Словесникамъ — какъ угодно!

Перехожу къ мысли, тебѣ принадлежащей. Ты думаешь, что Слово о Полку Игоревѣ сочинено поэтомъ грамотнымъ, какъ пѣсня о Царѣ Иванѣ Васильевичѣ сочинена Лермантовымъ.

Это мысль новая, и радъ бы я былъ, еслибъ ты успѣлъ доказать ее: ты обогатилъ бы Исторію Русской Словесности цѣлымъ періодомъ, — хотя только въ учебной книгѣ. Но нѣтъ! Это было бы уже слишкомъ много! Такого періода у насъ не было, до нашего времени.

Если бы слова сочинялись грамотными людьми, то онѣ бы разумѣется писались, а если бы писались, то должны бы дойти до насъ. И куда вставить этотъ періодъ?

Digitized by Google

Ты называешь Слово стройнымъ цѣлымъ, и потому не соглашаешься, что бъ оно было отрывкомъ изъ большой саги, какъ я мимоходомъ намекнулъ. Можетъ быть ты правъ, но я напомню тебѣ только, что есть тысячи эпизодовъ во всѣхъ поэмахъ, которые сами по себѣ представляютъ стройныя цѣлыя.

„До Монголовъ, кромѣ Духовенства писать было не кому," сказалъ я разумѣется *вообще*, и два-три исключенія не уничтожаютъ правила.

„Едва ли и то правда," продолжаешь ты, „что въ среднія времена некому было сочинять народныхъ богатырскихъ стиховъ." Сочинять, слагать пѣсни о современныхъ событіяхъ было всегда кому, но не о прошедшихъ. О прошедшихъ только старыя пѣсни подновлялись....распространялись....смѣшивались, что и сказалъ я въ своей письмѣ. Сочиненія о прошедшихъ событіяхъ принадлежатъ періоду поэзіи письменной, грамотной, котораго у насъ по моему мнѣнію не было, и котораго будемъ мы развѣ ждать въ подарокъ отъ твоихъ изысканій.

Мнѣ очень жаль, что ты до сихъ поръ остаешься при своемъ анти-норманнскомъ предразсудкѣ. Причиною полагаю то, что ты строишь свою систему только на нѣсколькихъ мѣстахъ нашей лѣтописи, толкуемыхъ тобою превратно. Но ты возми лѣтописи, Норманновъ въ Скандинавіи, Франціи, Англіи, Италіи,— почитай ихъ, и увидишь однихъ и тѣхъ же людей съ нашими Варягами, — одинъ и тотъ же характеръ, одинъ и тотъ же образъ дѣйствія, одни и тѣ же пріемы, одни и тѣ же обычаи, вѣрованія, повѣрья, до малѣйшихъ подробностей, увидишь, — и согласишься со мною, чего искренно тебѣ желая, для пользы науки и истины, остаюсь и проч.

М. Погодинъ.

Марта 15.
1845.

P. S. Ты спрашиваешь меня, почему въ переводѣ Шафарикова Народописанія Слово о Полку Игоревѣ отнесено къ 14 вѣку. — это загадка, о коей долженъ отвѣчать тебѣ переводчикъ.

Digitized by Google

О ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

(Письмо къ М. П. Погодину).

Ваша статья, помѣщенная въ 1-мъ № Москвитянина, — *Параллель Русской Исторіи съ Исторіею Западныхъ Европейскихъ Государствъ*, — возбудила во мнѣ сильное желаніе высказать тѣ мысли, которыя она произвела во мнѣ.

Я знаю, что Русская Исторія для Васъ не случайное, ремесленное занятіе; что Вы сосредоточили на ней Ваши мысли и поставили её цѣлью Вашей жизни не для того, чтобы сдѣлать её орудіемъ къ достиженію другихъ внѣшнихъ цѣлей; и даже не для того, что бы новыя открытія, въ наукѣ важной и малообработанной, льстили Вашему самолюбію. Я знаю, что Ваши постоянные, ученые труды основаны на искренней любви къ истинѣ и къ нашему народу, и что эта любовь безкорыстна, именно потому, что она искренна. Вотъ почему я увѣренъ, что не оскорбятъ Васъ никакія замѣчанія, внушенныя тѣмъ же чувствомъ и тѣмъ же стремленіемъ къ истинѣ, которое лежитъ въ основѣ Вашей ученой дѣятельности.

Ваша главная мысль — что есть коренное, яркое различіе между исторіею западной (латыно-германской) Европы и нашей исторіею — неоспорима. Но статья Ваша, мнѣ кажется, выражаетъ *два*, *совершенно противуположные взгляда*, которые наполняютъ ее противорѣчіями, хотя впрочемъ я долженъ сказать, что именно въ этихъ противорѣчіяхъ я вижу много достоинства; потому, что они доказываютъ добросовѣстность Вашихъ изслѣдованій. Нѣтъ ничего легче, какъ насильственно связать событія въ одну логическую систему; Вамъ живое изслѣдованіе истины было дороже систематической стройности.

Но соединеніе двухъ, несовмѣстимыхъ взглядовъ, разрушаетъ ихъ опредѣлительность и читателю становится трудно составить себѣ ясное понятіе о тѣхъ коренныхъ началахъ Русской Исторіи, которыя отличаютъ её отъ

Digitized by Google

Европейскаго Запада. По этому я думаю, что если мы отдѣлимъ основныя начала обоихъ взглядовъ, то для насъ будетъ яснѣе ихъ противуположность, а можетъ быть и виднѣе, который изъ нихъ ближе къ истинѣ.

Главное отличіе древней Россіи отъ западной Европы Вы полагаете въ томъ, что на Западѣ государства основались на *завоеваніи*, котораго *у насъ не было*.—Это истина несомнѣнная. Но вслѣдъ за тѣмъ, начиная вычислять отличительныя черты нашей исторіи, вышедшія, по Вашему мнѣнію, изъ этого основнаго начала, Вы приводите такія, которыя, если бы существовали, то доказывали бы совершенно противное.

1. „Призваніе, говорите Вы, и завоеваніе были въ то *грубое, дикое время*, очень близки, сходны между собою.“ (См. Москв. № 1 Отдѣлъ Наукъ, стр. 5.)

Въ такомъ случаѣ различіе отъ Запада было бы очень не велико; а если предположить, что различіе въ послѣдствіи могло увеличиться, то этому противорѣчитъ дальнѣйшее развитіе вашей мысли; а именно:

2. „Пространство представляло невозможность *быстраго завоеванія*.“ (См. тамъ же, стр. 14).

3. „Такая обширная страна (какъ Россія при Ярославѣ) не могла быть *вдругъ завоевана*, подобно Франціи, Англіи, Ломбардіи, Ирландіи; пройдти это пространство взадъ и впередъ, вдоль и поперёкъ, не достанетъ жизни одного поколѣнія, а *покорить, содержать въ повиновеніи*, кольми паче. Такъ и было.“.... (См. тамъ же, стр. 13.)

Слѣдовательно *завоеваніе также было*, но только *не быстрое*; и если различіе отъ Западной исторіи существовало въ началѣ, то уничтожилось по довершеніи завоеванія. Далѣе вы говорите:

4. „Первыя 200 лѣтъ послѣ призванія составляютъ одно происшествіе: *начало государства*.“(См. тамъ же стр. 9.)

Digitized by Google

5. „Страны лежавшія вдали отъ рѣкъ, по сторонамъ, оставались долго *въ покоѣ*, *пока князья распространились по всѣмъ городамъ*.“ (См. тамъ же, стр. 15.)

6. „Мы *подчинились спокойно первому пришедшему*.“ (?!) (См. тамъ же, стр. 16.)

7. „Наши Словене приняли *чуждыхъ господъ* безъ всякаго сопротивленія.“ (!?) (тамъ же, стр. 16.)

За тѣмъ слѣдуетъ изображеніе народнаго характера самое мрачное и несправедливое.—Не ясно ли, что если бы *такъ было*, то въ самомъ дѣлѣ призваніе и завованіе не только были бы *очень близки*, *сходны между собою*, но и совершенно *одно и тоже*? Все различіе нашей исторіи отъ Западной состояло бы только въ томъ, что тамъ завованіе совершилось *вдругъ*, а у насъ *мало по малу*; что тамъ завоеванные *покорены силою*, а нашъ народъ будто бы *самъ добровольно подчинился первому пришедшему*, (?!) охотно принялъ *чуждыхъ господъ* и равнодушно согласился, что бы эти *чуждые господа* его *покорили* и *держали въ повиновеніи* (!!). Къ тому же надобно замѣтить, что Вы даже не предполагаете, что бы повиноваться этимъ *чуждымъ господамъ* было для нашего народа очень покойно; потому что Вы же говорите, что только „*страны, лежавшія въ глуши, оставались долго въ покоѣ, пока князья распространились по всѣмъ городамъ*.“

Вотъ одинъ изъ тѣхъ двухъ взглядовъ, которые выражены въ вашей статьѣ.

Если бы представленное въ этихъ строчкахъ изображеніе нашей старины было справедливое, то Вы сами не могли бы имѣть столько любви къ нашей древней Россіи; не могли бы посвятить ей столько постоянныхъ трудовъ, столько полезныхъ годовъ Вашей жизни; не могли бы имѣть столько сочувствія съ Русскимъ народомъ: такой странный народъ былъ бы *явленіемъ* единственнымъ, небывалымъ въ лѣтописяхъ міра, и трудно было бы намъ думать съ любовью о его прошедшей жизни. Надобно признаться, что тотъ человѣкъ, который уже *по самому климату своей земли* не можетъ имѣть никакого сочувствія съ дѣлами своего народа (см. тамъ же стр. 15.), —

Digitized by Google

и тотъ народъ, который *подчиняется спокойно первому пришедшему* (см. тамъ же стр. 16.), который принимаетъ *чуждыхъ господъ* безъ всякаго сопротивленія, котораго *отличительный характеръ* составляетъ *безусловная покорность и равнодушіе* (см. тамъ же стр. 16.) и который даже *отрекается отъ своей вѣры* по одному приказанію *чуждыхъ господъ* (см. тамъ же стр. 16.) — не можетъ внушить большой симпатіи. Это былъ бы народъ, лишенный всякой духовной силы, всякаго человѣческаго достоинства, отверженный Богомъ; изъ его среды не могло бы никогда выдти ничего великаго. Если бы таковъ былъ Русскій народъ въ первые два вѣка своихъ лѣтописныхъ воспоминаній, то всю его послѣдующую исторію мы бы должны были признать за выдумку; потому что энергія и благородство не могутъ быть народу привиты никакими *чуждыми господами*. — Вся наша исторія этому противорѣчитъ, и Вамъ лучше другихъ извѣстно, какова была встрѣча *всѣхъ чуждыхъ господъ*, которые пытались *покорить* и *держать въ повиновеніи* нашихъ предковъ: какъ во время татарскихъ нашествій ни одинъ русскій городокъ не былъ взятъ, безъ самаго отчаяннаго отпора; какая сильная, непрерывная борьба продолжалась во все время татарскаго могущества; и наконецъ какова была та *покорность* и то *равнодушіе*, съ которыми мы встрѣтили *чуждыхъ господъ* въ 1612 и въ 1812 годахъ. А что касается до готовности нашего народа *отречься отъ вѣры по приказанію чуждыхъ господъ*, то Вамъ также лучше другихъ извѣстно, довольно ли залиты кровью этихъ *чуждыхъ господъ*, всѣ тѣ стороны Россіи, гдѣ наша вѣра подвергалась гоненію, гдѣ въ самомъ дѣлѣ *чуждые господа* думали разрушить православіе, а на мѣсто его ввести унію и латынство.

Какимъ же образомъ, народъ этотъ такъ внезапно перемѣнился? — Ясно покрайней мѣрѣ то, что это мнимое *равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ* и къ своему собственному человѣческому достоинству, которое Вы ему приписываете въ 9 и 10 вѣкѣ, не могли происхо-

Digitized by Google

дить отъ *суроваго климата* (см. тамъ же стр. 15); потому что климатъ съ тѣхъ поръ не перемѣнялся во всё продолженіе нашей исторіи и остался тотъ же до сихъ поръ; а большая часть нашего народа и до сихъ поръ, какъ Вамъ извѣстно, не только не ждетъ крайней необходимости, чтобы выдти изъ своего дома (см. стр. 15), но такъ мало зависитъ отъ климата, что почти всю свою жизнь, не смотря ни на какія времена года, проводитъ на открытомъ воздухѣ; и только ночью ложится спать внутри своего дома.

Откуда же могла произойдти мысль объ этой рѣзкой противоположности между первыми двумя вѣками нашей исторіи и всѣми послѣдующими? Въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ ни одного слова, изъ котораго бы она могла возникнуть; напротивъ, онѣ изображаютъ намъ въ первые два вѣка точно тотъ же характеръ народа и точно то же коренное устройство государственныхъ отношеній, которое мы видимъ и въ послѣдствіи; только съ тою разницею, что извѣстія первыхъ вѣковъ, по отдаленности ихъ отъ перваго лѣтописца, скуднѣе; а послѣдующія, когда свидѣтельства лѣтописей становятся подробнѣе, открываютъ передъ нами яснѣе всѣ внутреннія отношенія государства.

Мнѣ кажется, что такое понятіе о государственныхъ отношеніяхъ и народномъ характерѣ древней Россіи — вышло просто изъ нѣсколькихъ ошибочныхъ гипотезъ, внесенныхъ въ нашу исторію Шлёцеромъ и другими нѣмецкими изслѣдователями: которые, по несчастію, *первые* начали ученымъ образомъ обработывать нашу исторію и обратили свое вниманіе исключительно на эти два вѣка.— Они не могли себѣ составить яснаго понятія объ отношеніяхъ призваннаго князя, потому что государственное устройство словянскихъ племенъ имъ было незнакомо; вообразили себѣ Россію прежде Варяговъ какимъ то хаосомъ и предположили, будто бы *наше государство основано варяжскими князьями* и будто бы эти князья, внося свои понятія *въ новоосновавное государство*, поставили народъ къ себѣ въ такое отношеніе, какъ будто бы

Digitized by Google

онъ былъ завоеванъ. Этотъ взглядъ принятъ у насъ былъ многими послѣдующими изыскателями за дѣло рѣшенное и вотъ, мнѣ кажется, на чемъ основано и то', что Вы говорите о *чуждыхъ господахъ* и объ *народѣ*, который *покорялся первому пришедшему*.

Шлецеръ и другіе нѣмецкіе ученые только потому могли себѣ составить такое понятіе о первыхъ двухъ вѣкахъ нашей исторіи, что они эти два вѣка изучали совершенно отдѣльно, безо всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Разумѣется, что изъ отрывчатыхъ и краткихъ извѣстій лѣтописца объ этомъ далекомъ времени, многозначительныхъ въ связи съ цѣлымъ, вышло что-то мертвое, лишенное всякаго колорита и характера, и что изъ этихъ несвязныхъ камней разрушеннаго зданія можно было строить всякаго рода гипотезы и системы. — Но мы, несмотря на естественное вліяніе этихъ первоначальныхъ изслѣдователей, знаменитыхъ своею ученостью, не могли не откликнуться на громкій голосъ нашей исторіи, прямо имъ противорѣчащій, и это живое впечатлѣніе лѣтописей явственно выразилось въ Вашей статьѣ. Рядомъ съ той мрачной картиною нашей старины, о которой мы сейчасъ говорили, въ той же статьѣ есть и совершенно другая картина, гдѣ отношенія призванныхъ князей къ народу и самый народъ изображены совсѣмъ иначе.

1) „Рюрикъ, говорите Вы, былъ призванъ въ Новгородъ добровольно и Олегъ былъ такъ же добровольно принятъ въ Кіевъ.“ Тамъ же (стр. 6).

2) „Съ народомъ у насъ князь имѣлъ дѣло лицемъ къ лицу, *какъ защитникъ и судья, въ случаяхъ впрочемъ очень рѣдкихъ;* за что и получалъ опредѣленную дань; *вотъ въ чёмъ и состояло все его отношеніе*,“ (Тамъ же стр. 6.)

Не ясно ли, что это отношеніе совсѣмъ не то, которое показано въ прежней картинѣ? Кажется, это не значитъ *покорить и держать въ повиновеніи*. — (См. тамъ же, стр. 13.)

3). „Народъ на Западѣ, побѣжденный и покоренный былъ обращенъ въ рабство; *а у насъ остался свобод-*

Digitized by Google

нымъ какъ былъ, потому что не былъ покоренъ.“ (Тамъ же, стр. 8.)

4). „У насъ не было ни побѣды, ни покоренія *и не началось никакого различія въ правахъ между пришельцами и туземцами....не началось ни дворянства, ни рабства.* (Тамъ же стр. 9.)

5). „Всѣ жители различались только по своимъ занятіямъ, *равно доступнымъ для всякаго;* а въ политическомъ, гражданскомъ отношеніи, были равны между собою.....“ (см. тамъ же стр. 9).

Совершенно справедливо; но именно потому, что у насъ *не было ни побѣды, ни покоренія*, тѣже коренныя основы гражданскаго быта остались и въ продолженіе всей нашей исторіи; а если бы завоеваніе и покореніе, какъ Вы прежде говорили, *было, но не вдругъ, а мало по малу*, то совершенно въ той же соразмѣрности происходилъ бы *мало по малу* и перевѣсъ покорителей надъ покоренными, образовались бы сословія благородныхъ и рабовъ.—Вы кажется предполагаете, что это завоеваніе довершилось черезъ 200 лѣтъ, то есть при Ярославѣ (см. тамъ же, стр. 9.); но Вы же сами говорите, что въ *Правдѣ Ярослава за Русина и Словенина совершенно одна пеня, и что слѣдовательно они имѣли одинакія права.* (См. тамъ же, стр. 13). А въ позднѣйшія времена еще яснѣе видно, что этого различія въ правахъ вовсе не было.

6). „Земля у насъ осталась, *какъ прежде, въ общемъ владѣніи народа*, подъ верховною (отвлеченною) властью князя..... (См. тамъ же стр. 8).

Опять ясное доказательство, что ничего не было похожаго на завоеваніе, ни на внезапное, ни на постепенное, и что призваніе и завоеваніе не только не были *близки* одно къ другому, но были прямо одно другому противуположны. Отсутствіе личной земельной собственности, а принадлежность земли *цѣлой общинѣ* (де-

Digitized by Google

ревнѣ, или городу) — которая распоряжается ею на мірской сходкѣ — одно изъ коренныхъ отличій всѣхъ словянскихъ народовъ, совершенно несовмѣстное съ завоеваніемъ; оно у насъ не только не нарушалось отъ призванія варяжскихъ князей, но, какъ извѣстно, и до сихъ поръ существуетъ.

Эти два изображенія одной и той же эпохи исторіи мнѣ кажутся совершенно несовмѣстимы. Вы сами главное отличіе нашей исторіи отъ Западной полагаете въ томъ, что у насъ *не было завоеванія*; Вы признаёте, что нашъ народъ *призвалъ варяжскихъ князей добровольно; что онъ остался совершенно свободенъ, какъ былъ; что не были нарушены ни его собственность, ни его права гражданскія и что всѣ отношенія призваннаго князя къ народу ограничивались тѣмъ, что онъ былъ народу защитникъ и судья, и то въ случаяхъ очень рѣдкихъ*; — и въ самомъ дѣлѣ наши лѣтописи объ этомъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ. Но можно ли это согласить съ прежнимъ?

Противорѣчіе слишкомъ очевидно. — Чтобы яснѣе опредѣлить, которое изъ этихъ двухъ изображеній истинное, посмотримъ: какія перемѣны въ государственномъ устройствѣ русскихъ Словянъ произошли отъ призванія варяжскаго княжескаго рода? — Это мы всего яснѣе увидимъ, когда сообразимъ русскую исторію тѣхъ вѣковъ, объ которыхъ наши лѣтописи говорятъ подробнѣе, съ извѣстіями Нестора о состояніи Россіи до призванія Рюрика. Правда, что свидѣтельства Нестора о временахъ до-рюриковскихъ, также какъ и о первыхъ двухъ вѣкахъ послѣ призванія, отрывчаты и кратки; но за то они правдивы и опредѣлительны; а если мы взглянемъ на исторію и на государственныя отношенія нашихъ словянскихъ братьевъ, то можетъ быть многое въ отрывчатыхъ сказаніяхъ Нестора для насъ объяснится; можетъ быть даже для насъ понятнѣе будетъ и значеніе призваннаго Князя и самая причина призванія.

Еще въ 6-мъ вѣкѣ византійскіе историки описываютъ намъ государственный бытъ Словянъ почти та-

Digitized by Google

кой же, какъ Несторъ. Вообще всѣ извѣстія, какъ иностранныхъ, такъ и словянскихъ лѣтописцевъ, согласны, что государственное устройство всѣхъ словянскихъ племенъ основано было на отношеніяхъ *родовыхъ*. Всѣ племена словянскія состояли изъ отдѣльныхъ родовъ. У каждаго рода былъ свой *старѣйшина*, или глава; у цѣлаго племени былъ одинъ общій старѣйшина, и наконецъ всѣ племена, составлявшія одинъ народъ, соединялись около одного общаго всѣмъ главы, или старѣйшины.

Названіе этихъ старѣйшинъ въ различныхъ словянскихъ странахъ и въ различныя времена, было различно. У Чеховъ верховный старѣйшина всего народа назывался *Господиномъ, Княземъ*; у Поляковъ сначала *Воеводою* а потомъ *Княземъ* [1]); у Сербовъ и Хорватовъ *Великимъ Жупаномъ*; у Моравянъ и у Русскихъ *Великимъ Княземъ*. [2]) Позднѣе (около 10-го вѣка) Сербы, Чехи и Поляки стали называть своихъ Великихъ Князей *Королями*; а еще позднѣе Сербы называли ихъ *Царями*. Названія старѣйшинъ одного племени, старѣйшинъ одного рода, были также разнообразны у различныхъ словянскихъ народовъ: ихъ называли: *Князьями, Жупанами, Боярами, Воеводами, Властелинами, Панами, Банами, Лѣхами, Владыками, Старѣйшинами, Старцами* [3]); а иногда и всѣ эти на-

1) »Нельзя сказать положительно, когда Поляки начали называть своихъ монарховъ Королями. Лужичане, завоеванные Болеславомъ I-мъ, называли его старѣйшиною (въ латынскихъ документахъ *senior*); а сами Поляки сначала его называли *Воеводою*, а позднѣе *Княземъ* (Ksiedz), если вѣрить лѣтописи Богухвала. Замѣчательно, что переводчикъ »Статута Казиміра Великаго этимъ выраженіемъ называетъ »Короля. — У Чеховъ верховный глава назывался *Господиномъ, Кнеземъ*, — .... на Руси *Великимъ Княземъ*.« — (Матѣёвскій; Historya prawodawstw stowian'skich, Warszawa, 1832. T. I. стр. 81.)

2) *Шафарикъ* Slowanské Starožitnosti; w Praze 1837.

3) См. Матѣёвскаго *Hist. Prawod. Slow.*, и Шафарика *Slow. Starožitnosti.*

Digitized by Google

званія сливались въ одномъ общемъ имени *Князя*; потому что слово *Князь*, (происходящее отъ древняго словянскаго корня: *конъ*, т. е. *край: начало*) выражало вообще *начальника*, или *главу*. Такъ и до сихъ поръ у насъ верхнее бревно на кровлѣ дома называется *Княземъ*; а въ Сербіи до сихъ поръ *Княземъ* называется и верховный глава всей Сербіи и простой деревенскій староста. [4])

Но не смотря на это чиноначаліе старѣйшинъ, каждый родъ не былъ въ прямой зависимости отъ общаго всѣмъ старѣйшины; а управлялся особо своимъ главою, вмѣстѣ со всѣми главами семей, его составляющихъ. Города были средоточіями родовыхъ, племенныхъ, и народныхъ собраній; и потому между городами существовало тоже чиноначаліе, какъ и между старѣйшинами.

„Но это родовое управленіе," справедливо замѣчаетъ Матѣёвскій „во многомъ было не похоже на патріар„хальное управленіе Израильтянъ, или Арабовъ; потому „что роды славянскіе, хотя и жили отдѣльно, но упра„влялись народными собраніями". [5]).

---

4) См. Сербскій словарь *Вука Стефановича Караджича*, изд. въ Вѣнѣ, въ 1818, — подъ словомъ *Кнезъ* и *Кнежина*. — Тамъ онъ говоритъ между прочимъ: „Въ Сербіи всякая на„хія (округъ) раздѣлена на нѣсколько кнежинъ; на при„мѣръ: *Мачва* одна изъ кнежинъ Шабецкой нахіи, *Поцери„на* другая, а *Тарнава* третья; Зворницкую нахію состав„ляютъ кнежины: Ядръ, Радевина. При Георгіи Черномъ „въ каждой кнежинѣ былъ *воевода*; такъ на прим. Стоянъ „Чупичь былъ воевода въ Мачвѣ, Милошъ Стойчевичь въ „Поцеринѣ, и т. д. — Кнежины еще подраздѣляются на „*Срезы*. — *Кнезъ Сеоски* (Князь сельскій) — magister vici „Dorfſchultze, деревенскій староста." — У Лужичанъ слово *кнезь* до сихъ поръ значитъ то же, что *господинъ* (monsieur); *младый кнезь* — молодой дворянинъ; *кнезство* — дворянство. — У Чеховъ *кнезь* теперь значитъ *священникъ*.

5) См. Матѣёвскаго, Hist. prawod. Slow. T. I. стр. 79.

Digitized by Google

Деревня рѣшала свои дѣла на мірской сходкѣ; когда встрѣчались дѣла, касающіяся до цѣлаго рода, родъ собирался *въ свой городъ*, на общій совѣтъ, или *вѣче*, накоторомъ присутствовали всѣ, способные носить оружіе и совѣщались объ дѣлахъ подъ предсѣдательствомъ своихъ Старцевъ. 6). Точно такимъ же образомъ собиралось вѣче *племенное* и вѣче *народное*; [7]) но только съ тѣмъ различіемъ, что тамъ естественно не могла присутствовать вся масса народа, а собирались уже одни старѣйшины всѣхъ родовъ.

Напрасно нѣкоторые изъ ученыхъ, занимавшіеся словянскими древностями, думали, что княжескій санъ возникъ между Словянами изъ необходимости внѣшней обороны: 8) онъ основанъ былъ на ихъ коренномъ, *родовомъ* устройствѣ и потому былъ современенъ существованію Словянскаго народа. Тѣ, которые такъ думали, основывались только на свидѣтельствѣ Велисаріева секретаря

---

6) См. Матѣёвск. Hist. prawod. Slow. T. I. стр. 59 — 60. — „За Карпатами съ незапамятныхъ временъ вмѣсто *вѣча* су„ществовали *сборы*." — Тамъ же стр. 61. — „То же самое „правленіе было у Поляковъ, Чеховъ и Русскихъ. — .... „Правленіе народное было и у Лужичанъ и у Поморянъ." — Тамъ же, стр. 79. — „Въ Польшѣ, у Чеховъ, и на Руси „существовало *вѣче*, слѣдовательно и *повѣты* должны были „тамъ существовать съ глубочайшей древности. И въ са„момъ дѣлѣ, эти страны раздѣлены были сообразно съ на„родными совѣщаніями и съ судопроизводствомъ." Тамъ же, стр. 58.

7) „Въ обширнѣйшемъ смыслѣ дѣлились страны словянскія „*на Земли* (terrae, provinciae, palatinatus). Очевидно, что и „это раздѣленіе восходитъ до глубокой древности; потому „что Словяне, для рѣшенія дѣлъ большей важности, соби„рались на *большія вѣча*, или на *сеймы* (Zyem, Syem, Se„ym)." — Матѣёвскій, Hist. prawod. Slow. T. I. стр. 61). — У Чеховъ эти собранія назывались *снемы*; у Русскихъ также *снемы*, *съѣзды*, *земскіе соборы*.

8) На пр. Матѣёвскій, въ своей Hist. praw. Slow. T. I. стр. 80.

Digitized by Google

Прокопія и другихъ византійскихъ историковъ 6-го вѣка, которые опредѣлительно говорятъ, что Словяне не знаютъ монархической власти; но изъ этого не слѣдуетъ, что бы у нихъ не было родовыхъ старѣйшинъ; и тѣ-же самые византійскіе историки упоминаютъ о словянскихъ князьяхъ, которыхъ они называютъ *архонтами*. — Что у Словянъ съ незапамятныхъ временъ существовали и *Удѣльные* и *Великіе Князья*, это подтверждается самыми первоначальными историческими свидѣтельствами всѣхъ словянскихъ народовъ.

Простота и безъискуственность древняго быта, удивительное единство языка, вѣры, обычаевъ и характера, не смотря на всё разнообразіе внѣшнихъ отношеній, наложили на исторію всѣхъ Славянъ, особенно въ первые вѣка ихъ исторической памяти, печать разительнаго сходства. По этому и намъ, даже бѣглый взглядъ на первоначальную исторію нашихъ словянскихъ братьевъ, покажетъ, до какой глубокой древности восходитъ то государственное устройство, которое мы находимъ въ Россіи не только во время призванія варяжскихъ князей, но и нѣсколько вѣковъ послѣ этого событія.

Въ 6-мъ вѣкѣ, когда Чехи пришли въ Богемію, у нихъ былъ *одинъ главный вождь*, о которомъ древнѣйшія преданія говорятъ, что его звали *Чехомъ* и что онъ вышелъ изъ Хорватіи со множествомъ челяди и *съ шестью братьями*. Имена этихъ братьевъ не сохранились; но еще въ позднѣйшіе вѣки упоминаются въ лѣтописяхъ имена *семи отдѣльныхъ племянъ*, именно: *Хорваты*, *Дудлѣбы*, *Лучане*, *Сѣдличане*, *Пшовяне*, *Дѣчане* и *Лемусы*, которые жили также въ Богеміи, кромѣ своихъ *племенныхъ старѣйшинъ* имѣли *одного общаго Князя* съ Чехами и потомъ слилися съ ними въ одно имя [9]). Неудивительно, что преданіе говоритъ только *о шести* братьяхъ между тѣмъ, какъ мы послѣ встрѣчаемъ въ Богеміи *семь* племенъ, кромѣ *Чеховъ*; потому что одно изъ племенъ въ

9) См. Шафарика. Slowanské staroź. стр. 767.

Digitized by Google

продолженіи времени легко могло раздвоиться; но во всякомъ случаѣ это преданіе объ шести братьяхъ, родоначальникахъ, которые пришли въ Богемію подъ предводительствомъ *старшаго брата* Чеха — очевидно указываетъ намъ, что у Чеховъ, во время ихъ пришествія въ Богемію, уже существовалъ тотъ же внутренній порядокъ общества, который мы позднѣе видимъ явственно и у нихъ и у всѣхъ другихъ Словянъ.

Около 568 — 600 г. Чехи были покорены Аварскимъ ханомъ; но скоро однакожь они, вмѣстѣ съ Моравянами, свергли аварское иго подъ предводительствомъ своего счастливаго вождя *Сама*, котораго благодарные Словяне избрали себѣ въ короли (около 627 г.) [10]— Кто былъ этотъ вождь *Само*? остается у древнихъ лѣтописцовъ неразрѣшеннымъ; одни почитаютъ его за *природнаго Франка* и купца изъ какого-то неизвѣстнаго округа *Сеннона-го*, другіе за Словянина. Всего вѣроятнѣе предполагаетъ Палацкій, что Само родился въ землѣ словянскихъ Велетовъ, которые жили въ Батавіи, или въ нынѣшнихъ Нидерландахъ, и долгое время будучи окружены Фризами и Франками, наконецъ, при Дагобертѣ, должны были покориться [11]. Для насъ это событіе особенно замѣчательно; потому что оно имѣетъ близкое сходство съ нашимъ призваніемъ варяжскихъ князей. Избраніе *иностранца* Сама вслѣдъ за сверженіемъ аварскаго ига, мимо всѣхъ природныхъ князей чешскихъ — поневолѣ напоминаетъ намъ Рюрика, призваннаго также изъ чужой земли, мимо всѣхъ нашихъ природныхъ князей, вслѣдъ за сверженіемъ ига варяжскаго.— *Само* основалъ первое обширное словянское государство, объ которомъ исторія сохранила намъ воспоминаніе. Средоточіе этого государства было въ Чехіи, а края простирались на югъ, до Стирійскихъ Альповъ, на востокъ до Татровъ, на сѣверъ почти до Спревы и Гавели, на

10) Шафарикъ; Slow. staroź. стр. 768.

11) Шафарикъ; Slow. staroź. стр. 769.

Digitized by Google

западъ до земли Германской. — Несмотря на скудость древнихъ извѣстій, мы видимъ однако же, что и тогда древнее устройство Словянъ не перемѣнилось, и что все это огромное государство состояло *изъ множества отдѣльныхъ княжествъ*, признававшихъ Сама только своимъ верховныхъ старѣйшиною. [12]).

Это намъ показываетъ между прочимъ, какъ напрасно многіе изъ *позднѣйшихъ* польскихъ и нашихъ историковъ сѣтовали на *мнимое раздробленіе государства*, когда Лѣшекъ, Мечиславъ, Болеславъ, Владиміръ, Ярославъ, и другіе Великіе Князья, раздавали своимъ сыновьямъ старѣйшинство надъ областями, или племенами. — Покуда существовало древнее родовое устройство словянскихъ народовъ, вступленіе на престолъ новаго княжескаго рода нисколько не перемѣняло взаимныхъ отношеній между родами и племенами. Когда Великій Князь былъ еще одинъ въ своемъ родѣ, старѣйшинство надъ всѣми отдѣльными племенами и родами принадлежало отраслямъ прежнихъ князей; а новый княжескій родъ, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, размножаясь, только становился на мѣсто прежняго, передъ которымъ онъ имѣлъ первенство. Замѣчательно, что Несторъ, современникъ этого общественнаго порядка, никогда не жалуется на это мнимое раздробленіе; хотя и сильно сѣтуетъ о *распряхъ* князей.

Тоже самое, что мы видѣли у Чеховъ, повторяется передъ нами въ исторіи Моравской.

Три славянскія племени, а именно *Моравяне*, въ нынѣшней Моравіи, *Словаки* въ сѣверозападной Венгріи, — почти отъ рѣки Торисы до самой Бретиславы (Preßburg) и Вацова, и Славяне, нѣкогда жившіе въ странахъ Задунайскихъ, отъ поворота Дуная у Вышеграда, даже за озеро Блатно, — въ первые вѣка своей исторіи составляли одно цѣлое. Страна ихъ носила одно общее имя: Великая Моравія, или *Верхняя Моравія*, въ

12) Шафарикъ; Slow. Starožit. стр. 770.

Digitized by Google

отличіе отъ *Нижней* или *Болгарской Моравіи*; языкъ и нравы этихъ трехъ племенъ, замѣтно отличныхъ отъ Словянъ Корутанскихъ и Болгарскихъ, были между собою очень близки, и у всѣхъ трехъ племенъ владѣлъ *одинъ княжескій родъ* [13]). Въ 9 вѣкѣ уже несомнѣнная исторія говоритъ объ *удѣльныхъ князьяхъ* великой Моравіи, соединенныхъ около одного *Великаго Князя* [14]).

Сербская исторія изображаетъ намъ тоже самое.

Съ самаго начала поселенія Сербовъ въ Иллиріи (между 634 и 638 г,) государство ихъ дѣлилось на *семь* особенныхъ областей, именно: собственно Сербію, Босну, Неретву, Захлумье, Травунье, Конавлю и Дуклу или Діоклею [15]). Первоначальная исторія Сербскаго народа покрыта мглою. Въ первые пять вѣковъ Византійцы и западные писатели называютъ только имена нѣсколькихъ князей, упоминаютъ объ немногихъ разрозненныхъ событіяхъ; а свидѣтельства сербскихъ лѣтописцевъ не восходятъ далѣе 12 вѣка. Можно однако же составить себѣ нѣкоторое понятіе объ ихъ государственномъ устройствѣ и по этимъ отрывочнымъ извѣстіямъ, соображая ихъ съ исторіею единоплеменныхъ имъ Хорватовъ и съ послѣдующими вѣками Сербской исторіи. — У Хорватовъ отдѣльные Жупаны соединены были подъ двумя, или тремя независимыми князьями, изъ которыхъ одинъ уже въ 9 вѣкѣ принялъ королевскій титулъ. Тоже можно сказать и объ названныхъ нами Сербскихъ областяхъ. — *Великій Жупанъ*, или *Князь* Сербскій жившій въ городѣ Десницѣ, близь рѣки Дрины, былъ сначала главою, или по древне словянски и сербски *старѣйшиною* надъ всѣми прочими Жупанами; но послѣ опустошенія Сербской Земли болгарскимъ царемъ Симеономъ (924) возвысился надъ всѣми прочими Жупанъ Діоклейскій, который сталъ называться *королемъ*. Наконецъ Стефанъ Неманя, отрасль жупанскаго рода изъ Діоклеи и родоначальникъ новаго

13) Шафарикъ; Slow. Starožit. стр. 793 — 794.
14) Шафарикъ; Slow. Starožit. стр. 794.
15) Шафарикъ; Slow. Starožit. стр. 643.

Digitized by Google

владѣтельнаго дома, основалъ въ городѣ Расѣ сильное, независимое Великое Жупанство и скоро соединилъ вокругъ себя всѣ сербскія области, не выключая и Босны; хотя впрочемъ это соединеніе послѣ опять нѣсколько разъ разрывалось [16]).

Въ исторіи Польской, которая такъ тѣсно связана съ нашею, повторяется тоже явленіе.

Польская исторія, очень темная въ началѣ, становится яснѣе съ половины 9 вѣка. Но изъ лѣтописей видно, что и прежде, съ самаго начала историческихъ извѣстій, всѣ отдѣльные племена польскаго народа — Поляки, Мазуры, Куявяне, Кашубы, Поморяне, Слезане, Краковяне — составли одно цѣлое [17]). Князь одного изъ племенъ всегда былъ средоточіемъ народа и позднѣе сталъ называться королемъ; но у каждаго племени были отдѣльные князья, свое собственное земское управленіе [18]). — Въ первые вѣка польской исторіи городъ Гнѣздно и потомъ Крушвица въ землѣ Полянъ, или собственно Поляковъ, были мѣстопребываніемъ Великихъ Князей, или королей польскихъ; уже позднѣе средоточіемъ польскаго народа сдѣлался Краковъ. Въ половинѣ 9 вѣка господствовалъ въ Польшѣ княжескій родъ, происходящій отъ Попела, глава котораго жилъ въ Крушвицѣ. Послѣ смерти одного изъ главъ этого дома, человѣка ненавистнаго народу, котораго звали тоже Попеломъ, возникли *сильные, внутренніе раздоры и междоусобія* [19]). Наконецъ Поляки рѣшились избрать себѣ новаго Великаго Киязя, минуя всѣхъ Попеловичей, и въ 860 году выбранъ былъ *Семовитъ*, сынъ простаго земледѣльца Пяста. Большая часть польскихъ племянъ признала выборъ Семовита, и родъ Пястовичей господствовалъ въ Польшѣ до 1370 года; но были однакоже поль-

16) Шафарикъ; Slow. Starożit. стр. 643.
17) Шафарикъ; Slow. Staroź. стр. 732.
18) Шафарикъ; Stow. Staroźitn. стр. 732.
19) Шафарикъ; Slow. Starożit. стр. 732.

Digitized by Google

скія племена, которыя и не признали этого выбора.— Изъ лѣтописей видно, что Семовитъ, взойдя на престолъ, расширилъ границы своего государства и присоединилъ многія окрестныя племена; между тѣмъ какъ въ составъ его государства не взошли никакія племена, кромѣ Польскихъ [20]); сверхъ того извѣстно также, что еще долго послѣ Семовита, Поморяне и Кашубы вели ожесточенныя войны съ остальною Польшею за своихъ князей Попеловичей, и уже Болеславъ храбрый (992 — 997) опять присоединилъ ихъ къ польской державѣ [21]). Замѣчательно однакоже, что и послѣ окончанія этихъ войнъ, когда Польша опять составляла одно цѣлое, древнее отношеніе племенъ между собою и къ королю не перемѣнялось; племена еще долго оставались такъ же отдѣльны, какъ были; только право на удѣльныя княжества уже утвердилось за родомъ Пястовичей.

При такомъ устройствѣ государственныхъ отношеній естественно, что хотя всѣ роды одного племени и всѣ племена одного народа, и составляли одно цѣлое, но ихъ взаимная связь держалась не единствомъ управленія, а больше взаимнымъ сочувствіемъ, выходящимъ изъ единства быта и рождающимъ единство потребностей; потому что каждое племя, и даже каждый родъ управлялся отдѣльно [22]); судьба частныхъ лицъ рѣшалась окончательно внутри того рода, къ которому они принадлежали [23]), и только дѣла, касающіяся до цѣ-

---

20) Шафарикъ; Slow. Starożit. стр. 732.

21) Шафарикъ; Slow. Starożit. стр. 744.

22) „О Чехахъ говоритъ древнее извѣстіе: *Всякъ отъ своей че-*
„*леди Воевода.* То же было и у Русскихъ, было и за Кар-
„патами, по свидѣтельству Прокопія и Константина Багря-
„нороднаго.“ — Матѣёвскій, Hist. Praw. Slow. T. I. стр. 79.

23) „Изъ власти, которую глава семейства имѣлъ надъ свои-
„ми домочадцами, можно заключить, что и у Словянъ, так-
„же какъ нѣкогда въ Римѣ, глава дома судилъ жену, на-
„рушившую долгъ супружества и разбиралъ ссоры между
„своими челядинцами. И во времена монархіи этотъ обы-

Digitized by Google

лаго племени, или до всего народа, могли быть предложены на разсужденіе племенныхъ и всенародныхъ собраній, гдѣ они вершились совѣтомъ всѣхъ старѣйшинъ, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя. Связью между родами и племенами служило единство княжескаго рода; но Великій Князь, въ первые вѣка словянской исторіи, еще не былъ собственно правителемъ народа: въ отношеніи къ тому племени, во главѣ котораго онъ стоялъ, онъ былъ тоже, что племенной князь въ отношеніи къ своему племени; а его главное отношеніе ко всему народу состояло въ томъ, что онъ былъ его средоточіемъ, знаменемъ его единства. Выражая собою лице старѣйшаго надъ всѣми племенными главами, онъ былъ судьею въ распряхъ князей, или племенъ, предсѣдателемъ въ законадательныхъ собраніяхъ народа, и особенно старшимъ вождемъ и устроителемъ военной силы [24]).

„чай не перемѣнился; потому, что польскіе лѣтописцы „(*Кадлубокъ*, на стр. 176 и *Богухвалъ* на стр. 27) говорятъ: „что Болеславъ II казнилъ тѣхъ мужей, которые оставляли „безъ наказанія невѣрныхъ женъ. Извѣстно, что и римскіе „мужья подвергались наказанію цензорскому, если не на„казывали своей преступной жены. Эти родовые суды ясс„нѣе выражаются въ сербскихъ законахъ. Въ законахъ ца„ря Душана, въ § 38 положено, что глава дома судитъ „ссоры *Отроковъ*, и что они въ дѣлахъ своихъ (по своимъ „долгамъ) получаютъ приговоръ отъ него, а не отъ кого „другаго.“ — Матѣевскій Hist. Praw. Slow. T. II. стр. 27. — „Покуда еще всѣ словянскіе народы строго соблюдали обы„чаи своихъ предковъ, всѣ дѣла безъ различія, которыя „глава семьи не могъ рѣшить въ кругу своего селенія, рѣшались на вѣчѣ. Рано утвердилось между Словянами пра„вило, что приговоры по дѣламъ уголовнымъ, и по спорамъ „объ наслѣдствѣ, не должны быть произнесены нигдѣ кро„мѣ вѣча.“ — Тамъ же, стр. 21.

24) „Обязанности короля были: предводительствовать войс„скомъ, *рядить* и судить. Особенно эта послѣдняя обязан„ность казалась такъ важна, что у Чеховъ выраженія

Digitized by Google

Очевидно, что такого рода государственное устройство, свойственное народу земледѣльческому и мирному, довольному мужественною простотой и независимостью своего быта, часто могло быть неблагопріятно для успѣха внѣшней обороны; особенно когда нужно было давать отпоръ врагу многочисленному, соединенному хотя насильственными, но крѣпкими узами [25]).

„*судья* и *король* долго были однозначительны.“ *Матѣевскій*, Hist. Praw. Slow. T. I. стр. 83. — „Короли за-Кар„патскихъ Словянъ, желая отчуждить что нибудь изъ об„щественной собственности, даже и тогда, когда они надѣ„ляли монастыри, должны были объявить, что они это дѣла„ютъ „*ex communi consilio cum omnibus Zupanis.*“ — Тамъ же „стр. 97. — „У Болгаръ государственный совѣтъ состоялъ „изъ 6-ти Бояръ.“ — Тамъ же стр. 97. „На Поморьѣ и „у Кашубовъ, постановленіе, изданное верховнымъ княземъ, „не имѣло для народа обязательной силы, если на не„го не согласились главные паны, или Воевода и Каште„ланъ. — .... Въ грамотѣ 1168 г. именно сказано: *acta „sunt haec in praesentia totius populi terrae, convocati illuc „ad consilium.*“ — Тамъ же, стр. 93. — „У Чеховъ короли „уже въ самомъ началѣ правили подъ вліяніемъ *Кметей*, „которые раздѣлялись на *Лѣховъ* и *Владыкъ*; .... при учас„тіи горожанъ въ общественныхъ совѣщаніяхъ, составились „тѣ три сословія Чешскаго Королевства, которыя вѣроятно „существовали съ незапамятныхъ временъ. — Козьма Праж„скій именно говоритъ: *tunc temporis Dux non erat suae „potestatis, sed comitum.*“ — *Матѣевскій*, Hist. Praw. Slow. T. I. стр. 94. — При этомъ надобно замѣтить, что *Жупаны*, *Паны*, *Лѣхи*, *Владыки*, и другіе народные главы у Западныхъ Словянъ, въ первые времена исторіи еще не составляли аристократіи; потому, что раздѣленіе народа на исключительныя сословія тогда еще не существовало и образовалось уже позднѣе, отъ вліянія латынской церкви. — (См. Тамъ же, Т. II. стр. 89.).

25) „Каждый изъ родовыхъ главъ, считая себя на то способ„нымъ, хотѣлъ быть вождемъ; и какъ насъ въ этомъ убѣж„даетъ исторія,— особенно Чешская и Русская,— не хотѣлъ

Digitized by Google

Замѣчательно, что у всѣхъ почти Словянъ, объ устройствѣ которыхъ въ первые вѣка ихъ исторіи намъ уцѣлѣло больше подробностей, степени главныхъ старѣйшинъ, родовыхъ, племенныхъ и народныхъ, заняты были отраслями одного рода и подраздѣлялись по старшинству. Но какъ вопросъ о степеняхъ старѣйшинства, отъ времени и размноженія господствующаго рода, все больше и больше долженъ былъ становиться затруднителенъ, то изъ него часто выходили споры и междоусобія, существенно затруднявшіе быстроту и крѣпость народнаго соединенія. Вотъ почему, когда размноженіе старѣйшинствующаго рода либо становилось тяжело для народа по возникающимъ изъ него распрямъ, или когда нуженъ былъ единодушный и быстрый отпоръ внѣшнему непріятелю, всѣ споры объ старшинствѣ прекращались избраніемъ на Великое Княженіе *новаго рода*, который уже признавался старшимъ противъ прежняго, и по этому, размножаясь мало по малу, замѣщалъ высшія степени въ чиноначаліи старѣйшинъ; между тѣмъ какъ отрасли прежнихъ князей мало по малу входили въ ряды народа. Такъ у Поляковъ родъ Пяста, избраннаго изъ простыхъ земледѣльцевъ, заступилъ мѣсто древняго, господствовавшаго рода Попеловичей; такъ Чехи избрали даже иностранца Сама; такъ Княжна Любуша, по совѣту чешскихъ старѣйшинъ, вышла за мужъ за простаго земледѣльца Перемысла, котораго потомство замѣстило степени старѣйшинства въ Землѣ Чешской. — Иногда сила личнаго характера, или личныхъ заслугъ давали въ народѣ перевѣсъ одному изъ младшихъ потомковъ господствующаго рода; и тогда онъ становился народнымъ средоточіемъ, получалъ значеніе Великаго Князя, и родъ его, затмивъ старшую линію, уже получалъ право старѣйшинства. Подобный, можетъ быть, примѣръ у насъ представляетъ родъ Мономаховичей.

Теперь посмотримъ, какъ Несторъ изображаетъ Россію въ древнѣйшія времена, объ которыхъ дошло до не-

„повиноваться вождю..." — Матѣёвскій, Hist. Praw. Slow. T. I. стр. 80.

Digitized by Google

го преданіе. — Изчисливъ другія словянскія племена, онъ особенно останавливается на тѣхъ, которые взошли въ составъ Россіи. О внутреннемъ ихъ устройствѣ онъ опредѣлительно говоритъ, что они управлялись родами: „Живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, „*владѣюще кождо родомъ своимъ*."... [26]).

Опредѣлительно также говоритъ онъ, что *каждое племя*, хотя и состояло изъ *отдѣльныхъ родовъ*, но составляло одно цѣлое, соединенное подъ однимъ *старѣйшиною* или *княземъ*. Разсказывая преданіе о Кіѣ, онъ продолжаетъ: .... „но се Кій *княжаше* въ родѣ своемъ;"... (а когда умеръ Кій и его братья:).... „И по сихъ братьяхъ держати почаше *родъ ихъ княженье въ Поляхъ;* [27]) „во Деревляхъ *свое*, а Дреговичи *свое*, а Словяне *свое* въ „Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане" [28]). Слѣдовательно у всѣхъ племенъ были свои князья, и были прежде Рюрика. —

Послы, которыхъ отправляютъ Деревляне къ Ольгѣ, послѣ убіенія Игоря, говорятъ: „*Посла ны Дерьвьска „земля* рькуще сице, мужа твоего убихомъ..... а *наши „князи* добри суть....; да поиди за Князь нашъ за Малъ

---

26) См. *Лѣтопись Несторова по др. списку Мниха Лаврентія*, Москва. 1824. стр. 5.

27) *Примѣч.* Изъ этого видно, что Кій, котораго лѣтописецъ называетъ *старшимъ* изъ трехъ братьевъ, княжилъ не надъ однимъ Кіевомъ, но и надъ всѣмъ полянскимъ племенемъ. А такъ какъ здѣсь говорится не объ одномъ лицѣ, но объ цѣломъ родѣ Кія, то очевидно, что и тогда уже, между княземъ Кіевскимъ и другими князьями того же рода, существовало отношеніе, подобное отношенію *Великаго Князя* къ *князьямъ удѣльнымъ*. — Даже въ 15 вѣкѣ мы видимъ, что Великіе Князья Московскіе требовали себѣ отъ другихъ Великихъ Князей единственно титло *старшаго брата*, съ чѣмъ уже связаны были всѣ преимущества Великаго Князя, или лучше сказать, *главнаго* изъ Великихъ Князей.

28) См. *Лаврент. Спис.* стр. 6.

Digitized by Google

„Бѣ бо имя ему Малъ, *Князю Дерьвьску*....“ [29]). — Далѣе :.... „Деревляне собраша лучьшіе мужи, иже дерь„жаху Деревьску землю, и послаша по ню....“ [30]). — Изъ этого видно, что Деревлянская Земля, еще въ то время, когда единственный сынъ Рюрика былъ почти младенцемъ, уже составляла одно цѣлое, съ однимъ *общимъ голосомъ*, и что при одномъ *главномъ князѣ* было еще нѣсколько *удѣльныхъ князей* и другихъ старѣйшинъ, иже *дерьжаху Деревьску землю*.

Далѣе мы это видимъ еще яснѣе. Въ 907 г., когда Олегъ, послѣ побѣды надъ Греками, наложилъ на нихъ дань, Несторъ говорптъ: „И заповѣда Олегъ.... даяти „*уклады на Рускія грады*: перьвое на *Кіевъ*, таже на *Чер„ниговъ*, на *Переяславль*, на *Полтескъ*, на *Ростовъ*, на „*Любечь*, и на прочія грады. По тѣмъ бо городамъ сѣдя„ху *Велиціи Князи, подъ Ольгомъ суще*.“ [31]). — Это подтверждаетъ намъ, что прежніе князья, и *Удѣльные* и *Великіе*, продолжали княжить, не смотря на призваніе новаго рода; и что новый родъ только получилъ надъ ними первенство.

Замѣчательно также, что въ городахъ могли быть приняты на княжество и другіе, инородные князья, даже послѣ призванія Рюрика; и что этимъ ни мало не нарушалось единство Русской Земли, если только они признавали главнаго Великаго Князя своимъ *старѣйшимъ*. Таковъ былъ Князь Полотскій *Рогволодъ*, пріѣхавшій изъ за моря; отецъ знаменитой Рогнѣды [32]). — Карамзинъ и многіе изъ нашихъ историковъ предполагали, что Рог-

---

29) См. *Лаврент. Спис.* стр. 28.

30) См. *Лаврент. Спис.* стр. 38.

31) *Библіотека Россійская Историческая* и проч. (заключающая въ себѣ *Несторову лѣтопись по Радзивиловскому списку*, который называется также и *Кенигсбергскимъ*. Часть I. Спб. 1767. стр. 25.

32) Какимъ образомъ Рогволодъ сталъ княжить въ Полотскѣ, объ этомъ *ни въ одной лѣтописи* нѣтъ извѣстій.

Digitized by Google

володъ былъ потомокъ одного изъ тѣхъ *мужей*, которымъ Рюрикъ *раздавалъ грады*; и что Великіе Князья, объ которыхъ говорится въ Олеговомъ договорѣ, были также *мужи Олега*. Но этому предположенію, также основанному на ложной гипотезѣ объ *завоеваніи*, нельзя найти въ лѣтописяхъ *ни малѣйшей опоры*. — Далѣе мы увидимъ, что объ такихъ *мужахъ* упоминается часто въ исторіи XII и XIII вѣка; и что они были ничто иное, какъ *Посадники*. Значеніе слова *мужъ*, очень ясно опредѣляется въ нашихъ памятникахъ, и послѣ новѣйшихъ изслѣдованій, Рейца и Матѣёвскаго, уже нельзя ихъ смѣшивать съ *князьями*. А что касается до возможности принять инороднаго князя, не нарушая союза, и до законности такого поступка, то это ясно передъ нами раскрывается, когда Новогородцы пріѣзжаютъ просить себѣ въ князья одного изъ сыновей Святослава Игоревича: „аще не поидете къ намъ," говорятъ они „то *налѣ-* „*земъ* (т. е. найдёмъ) *себѣ Князя*. И рече къ нимъ Свя- „тославъ: абы *пошелъ кто къ вамъ*. И отпрѣся Ярополкъ „и Олегъ. И рече Добрыня: просите Володиміра." [33]). — Отвѣтъ Святослава ясно показываетъ, что ихъ предложеніе вовсе не сочтено было незаконнымъ. Въ 12 и 13 вѣкѣ мы часто видимъ, что города иногда просили себѣ князей у Великаго Князя, а иногда и сами призывали; но что никакія отношенія отъ этого не перемѣнялись.

Преданіе, уцѣлѣвшее во многихъ спискахъ Нестора, называетъ Гостомысла новогородскимъ *Старѣйшиною*. — Рюрикъ также въ нѣкоторыхъ спискахъ называется *Старѣйшиною*: „И бысть Рюрикъ *Старѣйшина* въ Новѣгоро- „дѣ, а Синеусъ старѣйшина бысть на Бѣлѣозерѣ, а Три- „воръ во Изборцѣ." [34]).

И такъ мы положительно можемъ сказать, что и въ Россіи, также какъ у другихъ Словянъ, издревле суще-

33) См. *Лаврент. Спис.* стр. 39.

34) *Русская лѣтопись по Никоновскому списку*. Спв. 1767. — Часть I. стр. 15.

Digitized by Google

ствовало чиноначаліе *старѣйшинъ* или *князей* въ каждомъ племени, которое каждому племени давало связь и цѣлость. Это еще болѣе подтверждается свидѣтельствами лѣтописей объ чиноначаліи городовъ, или средоточій каждаго отдѣльнаго рода. Изчисливъ племена словянскія, живущія въ южной половинѣ Россіи, Несторъ говоритъ: „суть *гради ихъ* и до сего дне.“ [35]). — Главнымъ городомъ всего племени Кривичей онъ называетъ Смоленскъ, Полочанъ — Полотскъ, Ильменскихъ Словянъ — Новгородъ, Полянъ — Кіевъ, и проч. А что у каждаго племени, кромѣ этого главнаго, или *стольнаго* города, было еще много другихъ, это ясно видно изъ того множества городовъ, о которыхъ упоминается при каждомъ случаѣ, когда разсказывается походъ въ землю котораго нибудь изъ племенъ. Такъ напримѣръ, когда Ольга идетъ мстить Деревлянамъ и осаждаетъ ихъ городъ *Коростенъ*, она говоритъ имъ: „что хочете досѣдѣти? а *вси гради* ваши „предашеся мнѣ и ялися по дань, и дѣлаютъ нивы своя „и землѣ своя“ [36])....

Изъ этого мы видимъ, что и у русскихъ Словянъ, также какъ у всѣхъ другихъ, искони существовало тоже родовое управленіе, были князья и было тоже чиноначаліе между *князьями* и между *городами* каждаго племени. — Несомнѣнно также, что по всѣмъ городамъ Русской Земли существовало вѣче во всей своей силѣ; а что призваніе варяжскихъ князей на все это не имѣло ни малѣйшаго вліянія, это еще несомнѣннѣе; потому что лѣтописи 12, 13 и 14 вѣка, когда извѣстія становятся гораздо подробнѣе, еще яснѣе раскрываютъ намъ тоже внутреннее устройство, которое въ извѣстіяхъ о первыхъ двухъ вѣкахъ проглядываетъ сквозь отрывистые и какъ бы мимоходомъ брошенные очерки [37]). Эти очер-

---

35. См. *Лаврент. Спис.* стр. 7.

36) См. *Лаврент. Спис.* стр. 30.

37) Разумѣется, что объ вѣчахъ, какъ объ дѣлѣ обыкновенномъ въ то время, лѣтописцы упоминаютъ не иначе, какъ при какомъ нибудь особенномъ случаѣ; но при всемъ томъ,

Digitized by Google

ки получаютъ свое полное значеніе только при сличеніи съ послѣдующимъ ходомъ исторіи, какъ отбитая часть какой нибудь древней статуи получаетъ свой полный смыслъ только при возстановленіи цѣлой фигуры.

Очень понятно, почему Несторъ не описываетъ внутренняго устройства своей земли, среди котораго онъ самъ живетъ; точно также, какъ онъ не говоритъ, что каждый день всходило солнце, что каждый день было утро и былъ вечеръ. Но въ лѣтописяхъ есть нѣкоторыя привычныя выраженія, которыя при бѣгломъ чтеніи оставляются безъ вниманія и часто даже бываютъ истолкованы совсѣмъ иначе: они выражаютъ понятія очень обыкновенныя для лѣтописца, но для насъ уже либо потеряли свой смыслъ, либо получили совсѣмъ другое значеніе; по счастью, многія изъ такихъ выраженій, повторяясь часто, получаютъ свое объясненіе при нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, разсказанныхъ подробнѣе. Такъ на примѣръ *сдумать* значитъ рѣшить на общемъ совѣтѣ или *вѣчѣ*; *укрѣпитися межи собою* — обязаться взаимной клятвой: *городы ставити*, — строить городскія стѣны

объ нихъ упоминается часто. Здѣсь не мѣсто вычислять всѣ случаи въ лѣтописяхъ, гдѣ объ нихъ говорится; припомнимъ только тѣ, объ которыхъ говоритъ Карамзинъ. Онъ упоминаетъ объ вѣчѣ въ Бѣлгородѣ, въ 995; въ Кіевѣ въ 1068 г., въ 1069 г. 1146. и 1147 г.; во Владимірѣ Волынскомъ, 1098 г.; въ Звенигородѣ, въ 1146 г.; въ 1158 во Владимірѣ Залѣсскомъ въ 1174 и въ 1262 г.; въ Суздалѣ въ 1262 г.; въ Ростовѣ въ 1262 и въ 1289.; въ Нижнемъ Новѣгородѣ въ 1304 г.; въ Костромѣ въ 1304 г.; въ Брянскѣ, въ 1340 г.; въ Москвѣ въ 1382. г. — Не вычисляю здѣсь вѣчь Новогородскихъ и Псковскихъ, объ которыхъ нашъ историкъ упоминаетъ; потому что они слишкомъ извѣстны; но обозрѣвая состояніе Россіи отъ нашествія Татаръ до Іоанна III, онъ свидѣтельствуетъ, что вѣче было по всѣмъ городамъ русскимъ; а въ Новѣгородѣ и Псковѣ только существовало долѣе.

Digitized by Google

или снабжать крѣпость всѣмъ нужнымъ для обороны; *сотворить нарядъ*, — значитъ распорядиться *кормленіемъ*, или содержаніемъ войска, и проч. Но разумѣется, что всѣ эти выраженія объясняются для насъ только тогда, когда лѣтописи становятся подробнѣе.

О Полянахъ еще задолго до пришествія Оскольда и Дира, когда нашли на нихъ Козары и требовали дани, сказано: „*сдумавше* Поляне и вдаша отъ дыма мечь [38])..... Этимъ словомъ *сдумать* и въ послѣдствіи, когда уже часто упоминается о вѣчахъ, выражается дѣйствіе вѣчевыхъ собраній [39]). Такъ сказано объ Деревлянахъ, когда Игорь (945) возвращался къ нимъ за незаконною [40]), вторичною данью: „*сдумавши* „со княземъ своимъ Маломъ: аще ввадится волкъ во ов„цы, то выноситъ все стадо, аще не убьютъ его“ — [41]).

---

38) См. *Лаврент. Спис.* стр. 10.

39) Такъ на примѣръ, подъ 1157 г., мы встрѣчаемъ слѣдующее: „въ то же лѣто Ростовцы и Суздальцы *сдумавши вси*, „пояша Андрея, сына его (Юріева) старшаго, и посадиша „на столѣ въ Ростовѣ и Суздалѣ.“ (См. *Радивил. Спис.* стр. 234.). Между тѣмъ надобно замѣтить, что хотя Андрей Боголюбскій и былъ старшій сынъ Кн. Юрія Долгорукаго, но Суздальцы и Ростовцы дали клятву Юрію Долгорукому, что они возьмутъ себѣ въ князья его *меньшихъ* сыновей, и лѣтописецъ послѣ упрекаетъ ихъ, что они нарушили крестное цѣлованіе. — Въ 1206 г. говорится о Галичанахъ: „Галичане же паки убояшася .... глаголюще си„це: горе намъ, егда возвратятся къ намъ Ольговичи, и „злыхъ злѣе сотворятъ намъ; а князя у насъ нѣсть. И такъ „*сдумавше*, послаша тайно въ полкъ Ольговичемъ, по кня„зя Владиміра Игоревича.“ — (См. *Ник. Лът.* Ч II. стр. 293). — Подобныя мѣста встрѣчаются въ лѣтописяхъ очень часто.

40) Когда Игорь возвращается къ Деревлянамъ за вторичной данью, Деревляне говорятъ: „Почто идеши опять? по„ималъ еси *всю дань*.“ — (См. *Радивил. Спис.* стр. 46). — Изъ этого видно, что дань была *опредѣленная*.

41) См. *Радивил. Спис.* стр. 46.

Digitized by Google

Вслѣдъ затѣмъ, послѣ убіенія Игоря, послы Деревлянскіе, говорятъ Ольгѣ: „*Посла ны Деревлянская земля.*“ Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы видимъ *большое вѣче*, совѣтъ цѣлаго племени: всей Земли Деревлянской, всей Земли Полянской; въ 995 году (при Владимірѣ В.) по случаю нашествія Печенѣговъ упоминается объ *маломъ* вѣчѣ, вѣчѣ одного города: „Печенѣги.....пріидоша и сташа „около Бѣлагорода;.....и бѣ гладъ великъ, *сотвори-*„*ша вѣче* въ Бѣлѣгородѣ. — Бѣже одинъ *старецъ* не „былъ на вѣчѣ томъ, и вопрошаше: чего ради вѣче „было? Людіе повѣдаше ему, яко утро хотятъ преда-„тись; сей же слышавъ, посла по старѣйшины градскіе, „и рече, [42]) и проч.—Передъ крещеніемъ Владиміра Вели-„каго виденъ такой же совѣтъ города Кіева: созва Воло-„димеръ Боляры своя и старцы градскіе, и рече имъ:.. „пріидоша Грецы..и чудно слышати ихъ.....Да что ума „придасте? Что отвѣщаете?..И рѣша Бояре и старцы... „Послави, испытай. И бысть люба рѣчь *князю и всѣмъ* „*людемъ.*“ Далѣе, когда возвратились посланные: „они „же пріидоша въ землю свою, и созва князь Боляры „своя на старцы. Рече Володимеръ: се пріидоша посла-„ніи *нами* [43]) мужи; да слышимъ отъ нихъ бывшее. „И рече: скажите предъ дружиною [44]). Отвѣщавше же „Боляре, рекоша: аще бы лихъ законъ Гречьскій, то не „бы баба твоя пріяла Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ „человѣкъ. Отвѣщавъ же Владиміръ рече: гдѣ крещенье „*пріимемъ?* Они же рекоша: гдѣ ти любо [45]).“ — И такъ, крещеніе принято по рѣшенію вѣча. Но что это

---

42) См. *Радивил. Спис.* стр. 90.

43) *Примѣч.* Должно замѣтить, что въ то время князья не имѣли обыкновенія говорить о *себѣ* во множественномъ числѣ.

44) *Примѣч.* Мы увидимъ далѣе, что *дружина* была троякая, и что та дружина, въ которой были *Бояре* и *старцы*, — значила *все народонаселеніе города, способное носить оружіе.*

45) См. *Радивил. Спис.* стр. 76 — 79.

Digitized by Google

данью; и что въ 859 г. Казары брали дань съ Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей; а Варяги — вѣроятно въ слѣдствіе подобныхъ же обстоятельствъ — съ Кривичей, Словенъ, Чуди, Веси и Мери. — Въ 860 году всѣ пять племенъ, платившія дань Варягамъ, *вмѣстѣ* отказались платить эту дань, а въ 862 г. *вмѣстѣ* согласились призвать одного общаго старѣйшину, или Великаго Князя. Это уже ясно указываетъ намъ на связь, существовавшую между этими пятью племенами, заселявшими *почти всю сѣверную половину* нынѣшней Европейской Россіи. Огромное пространство, занимаемое этими племенами, не позволяетъ намъ предположить *случайнаго* соглашенія между ними: только правильно устроенныя отношенія могутъ объяснить возможность ихъ единодушнаго дѣйствія.

Теперь посмотримъ, не было ли чего нибудь подобнаго между племенами южной половины Россіи.

Описывая племена, жившія въ южной половинѣ Россіи, Несторъ говоритъ: „И *живяху въ миръ*: Поляне, и „Деревляне, и Сѣверяне, и Радимичи, и Вятичи, и Хор„ваты, и Дулѣбы; а Угличи и Тиверцы сѣдяху по Бугу и по Днѣстру, оли и до моря [50])." Здѣсь замѣчательно слово *міръ*; оно, какъ извѣстно, до сихъ поръ на языкѣ нашемъ выражаетъ и *согласіе* и *совокупность* и *вселенную*, также греческимъ словомъ *кóсмосъ* называется вмѣстѣ и *совокупность всѣхъ вещей*, то есть *вселенная*, и *красота*, то есть гармонія, согласіе [51]). Такое един-

---

50) См. *Лаврент. Спис.* стр. 7- — Въ приведенномъ нами спискѣ *Угличи* (сосѣди Тиверцевъ) названы *Оулучи*; далѣе на страницѣ 15 сказано, что Олегъ *с Уличи и Тиверцы имѣяше рать*. Въ нѣкоторыхъ другихъ спискахъ они названы *Лутичами, Лютичами, Луцацами, Суличами*. Но Шафарикъ отчетливо и ясно доказалъ, что ихъ настоящее имя было *Уличи* или *Угличи*. (См. *Slowanské Starozitnosti*, стр. 546.)—

51) Различіе въ правописаніи: миръ и мїръ—есть новѣйшее, совершенно произвольное раздѣленіе одного и того же слова, не основанное ни на древнихъ памятникахъ, ни на за

Digitized by Google

Парижская мода.

Digitized by Google

Digitized by Google

ство слова объясняется близостью, можно сказать единствомъ этихъ двухъ понятій. До сихъ поръ еще деревенская сходка, гдѣ выражается совокупный голосъ цѣлой деревни, у насъ называется *міромъ*, и въ этомъ смыслѣ намъ встрѣчается это слово еще въ Правдѣ Ярослава Великаго, гдѣ оно обозначаетъ даже цѣлый *округъ*. А что это слово, выражающее *единство* и *совокупность* общества издревле прилагалось не къ одному только *сельскому обществу*, мы видимъ изъ самаго Нестора: когда Олегъ перенесъ средоточіе Русской Земли изъ Новагорода въ Кіевъ онъ опредѣлилъ дань, которую Новгородъ долженъ былъ платить Великимъ Князьямъ: „и устави Варягомъ дань „даяти отъ Новагорода гривенъ 3000 [52]) на лѣто, *мира дѣ-*„*ля*, (т. е. *для міра*), юже и до смерти Ярославли дая-„ше Варягомъ“ [53]) (т. е. Князьямъ Варяжскимъ). Здѣсь подъ словомъ *миръ* очевидно разумѣется вся Русская Земля.—Это мѣсто еще опредѣлительнѣе объясняется намъ въ послѣдствіи, когда Ярославъ отказывается платить отцу своему, Владиміру Великому, дань съ Новагорода: „Въ лѣто 1014, Ярославу сущу въ Новѣгородѣ и *урокъ* „дающе къ *Кіеву* 2000 гривенъ отъ года до года, а ты-„сячу гривенъ въ Новѣгородѣ раздаваху гриднемъ; и „*тако даваху вси посадницы Новгородстіи*; а Ярославъ „сего не даяше *къ Кіеву*, отцу своему. И рече Влади-

---

конахъ нашего языка. — Замѣчательно, что многіе изъ нашихъ раскольническихъ сектъ называютъ свои секты *согласіями*. — У Сербовъ тоже, что у насъ деревенскій *міръ* (сходка, громада) называется *свѣтъ*. (См. *Сербскій Словарь Вука Стеф. Караджича; Вѣна* 1818.)

32) По всѣмъ, напечатаннымъ до сихъ поръ спискамъ Нестора, здѣсь вмѣсто 3,000, значатся 300 гривенъ; но изъ послѣдующаго приведеннаго нами мѣста, гдѣ уже подробнѣе говорится объ этой дани, которую *даваху вси Посадницы Новгородстіи*, — ясно видно, что число 300 описка, которую тѣмъ легче объяснить, что въ словянскихъ цыфрахъ Т очень похоже на Г, —

53) См. *Радзивил. спис.* стр. 19

Digitized by Google

„міръ:.... Мосты мостите. Хотяше бо на Ярослава ити.“ [54]).

Такъ и въ вышеприведенномъ нами мѣстѣ лѣтописи объ племенахъ южной Россіи, слово *миръ* очевидно выражаетъ не одно отсутствіе вражды, а положительный *союзъ, общество*. Это намъ подтверждается и тѣмъ, что говорится тамъ объ Угличахъ и Тиверцахъ. Сначала кажется непонятно, почему исчисливъ несколько племянъ лѣтописецъ продолжаетъ: *а Угличи и Тиверцы сѣдяху по Бугу и по Днѣстру*; но въ послѣдствіи это мѣсто объясняется. — Кіевъ и всѣ Поляне приняли Олега, какъ Великаго Князя; и когда Радимичи признали его добровольно, а Сѣверяне и Деревляне послѣ нѣкотораго сопротивленія, лѣтописецъ говоритъ: „И бѣ обладая Олегъ Поляны, и Деревляны, и Сѣверяны, и Радимичи; *а съ Угличи и Тиверцы имѣяше рать* [55]. Это показываетъ, что и въ прежнемъ исчисленіи племянъ Угличи и Тиверцы отдѣлены у лѣтописца не безъ причины: но потому, что они еще не принадлежали къ союзу. Послѣ этой войны съ Тиверцами и Угличами, (которая, какъ видно въ послѣдствіи, кончилась соединеніемъ Тиверцевъ съ русскимъ союзомъ), уже не упоминается ни о какихъ войнахъ съ племенами словянскими; а между тѣмъ далѣе, подъ 907 г. сказано: „Иде Олегъ на Греки, Игоря „оставивъ въ Кіевѣ; и поя множество Варягъ, и Сло„венъ, и Чуди, и Кривичь, и Мери, и Деревлянъ, и Ра„димичь, и Полянъ, и Сѣверянъ, и *Вятичь*, и *Хорватъ*, „и *Дулѣбъ*, и Тиверцевъ.“ [56]). — Изъ этого мы видимъ, что тогда уже признавали Олега *всѣ* тѣ племена, о которыхъ у Нестора было прежде сказано: *живяху въ мирѣ*; слѣдовательно можно заключить, что Вятичи, Дулѣбы, и Хорваты, признали Олега также добровольно какъ Поляне и Радимичи; а это очевидно указываетъ на ихъ единство съ Полянами.

---

54) См. *Радивил. спис.* стр. 92. —
55) См, *Лаврент. спис.* стр. 15. —
56) См. *Радивил. спис.* стр. 23 — 24.

Digitized by Google

Только объ однихъ Бужанахъ ничего не сказано; но Бужане, вмѣстѣ съ Дулѣбами жившіе по Бугу, составляли съ ними почти одно племя, и послѣ вмѣстѣ съ ними слились въ одно имя *Волынцевъ*. Подобнымъ же образомъ часто сливались въ одно имя: Дреговичи съ Деревлянами и Мурома съ Мерею. Такъ наприм. Дреговичи не упоминаются участниками ни въ томъ ни въ другомъ союзѣ; а между тѣмъ мы видимъ, что они взошли въ составъ Волынскаго Княжества; Мурома не упоминается между пятью племенами, призвавшими Рюрика; а между тѣмъ мы въ Муромѣ видимъ Рюрикова Посадника и позднѣе Муромъ составляетъ удѣлъ Ростовской Земли.

Такимъ образомъ для насъ опредѣлилось, въ какомъ отношеніи были *всѣ* 18 племенъ, упоминаемыхъ Несторомъ, къ единству Русской земли.

И такъ, даже изъ тѣхъ немногихъ строкъ, которыя лѣтопись Несторова сохранила намъ о временахъ до-рюриковскихъ, мы уже видимъ слѣды древняго единства между племенами русскихъ Словянъ; покрайней мѣрѣ ясно обозначается передъ нами *два союза* племянъ: одинъ обнимавшій *всю почти сѣверную половину* Европейской Россіи, призвавшій Рюрика; другой, обнимавшій *всю почти южную половину* и принявшій Олега, или лучше сказать малолѣтнаго Игоря. — Мы видѣли, что у всѣхъ другихъ Словянъ связь между племенами держалась единствомъ княжескаго рода и чиноначаліемъ старшинства между князьями, — и съ вѣроятностью можемъ предположить, что у насъ было тоже; потому что мы совершенно тоже видимъ въ нашей послѣдующей исторіи, даже до половины 15-го вѣка. Мы знаемъ, что и прежде Рюрика въ каждомъ племени были и родовые (удѣльные) и племенные (Великіе) князья, но въ лѣтописяхъ нашихъ не уцѣлѣло никакихъ извѣстій о томъ, были ли связаны узами родства князья различныхъ племянъ, которые, послѣ распространенія Рюрикова дома, мало по малу сошли въ ряды народа, такъ какъ въ Польшѣ Пепеловичи послѣ избранія Пястовичей.

Digitized by Google

Есть темное преданіе, сохранившееся въ нѣкоторыхъ спискахъ Нестора, что во время сверженія варяжскаго ига, былъ новгородскій *Старѣйшина Гостомыслъ*, который, умирая, созвалъ всѣхъ новогородскихъ *Владальцевъ* и далъ имъ совѣтъ призвать себѣ князя изъ *русской земли* [57]). Когда сообразимъ это преданіе съ единогласнымъ свидѣтельствомъ всѣхъ лѣтописей, что послѣ изгнанія Варяговъ *всталъ родъ на родъ, возникли сильныя междоусобія, которыя прекратились единогласнымъ рѣшеніемъ всѣхъ пяти племенъ призвать себѣ общаго Великаго Князя изъ Русской земли*, — то это даетъ намъ возможность предположить, что еще при Гостомыслѣ возникли междуусобія за вопросъ объ *старѣйшинствѣ князей*, которые и кончились призваніемъ новаго княжескаго рода. Это еще подтверждается, можетъ быть, свидѣтельствомъ Густинской лѣтописи, гдѣ сказано, что Словене, Кривичи, Чудь и Меря, „видяще великое нестроеніе въ „землѣ своей, прійдоша въ чувство и *совѣтъ сотворили* (всеобщее вѣче) еже избрати себѣ *князя отъ инаго „рода* [58])." Во всякомъ случаѣ, самое это *нестроеніе земли* и это *возстаніе рода на родъ*, о которомъ говорятъ всѣ лѣтописи единогласно, уже показываетъ, что во взаимномъ отношеніи племянъ въ то время было что-то *непривычное*, что имъ недоставало какой-то связи, которая *прежде была*, но именно въ то время была разорвана; а ихъ единодушная мысль, призвать себѣ *общаго* князя, открываетъ намъ, въ чемъ состояла эта нарушенная связь. Далѣе, можетъ быть, это еще яснѣе для насъ будетъ, когда мы будемъ говорить о призваніи Рюрика.

Гораздо труднѣе показать связь государственнаго единства между сѣвернымъ союзомъ племянъ и южнымъ. Единство языка, вѣры, обычаевъ, заставляютъ предполагать что и эта связь издревле существовала; но при

57) См. Воскресен. Спис. Часть I. стр. 72.

58) См. *Полное собраніе Русскихъ Лѣтописей*, изданное по Высочайшему повелѣнію Археографическою Коммиссіею; Спб. 1843. — Томъ II, стр. 235.

Digitized by Google

зыбкости государственной связи между племенами, свойственной всѣмъ словянскимъ народамъ, зыбкости, которая выходила изъ самаго существа родовыхъ отношеній, (потому что эта связь основана была только на родовомъ старѣйшинствѣ) естественно, что это единство часто нарушалось, какъ мы видѣли у всѣхъ словянскихъ народовъ. Можетъ быть, что именно въ то время, то есть, когда сѣвернымъ союзомъ призваны были варяжскіе князья, этого государственнаго единства всей Россіи и не было; можетъ быть, племена русскихъ Словянъ, также какъ хорватскихъ въ началѣ 9-го вѣка, были соединены въ двѣ отдѣльныя купы, подъ двумя равными Великими Князьями. Во всякомъ случаѣ мы ни того, ни другаго, не можемъ сказать утвердительно; потому что лѣтописи наши объ этомъ молчатъ. Замѣчательны, однакоже, нѣкоторыя выраженія Нестора, которыя намекаютъ намъ, по крайней мѣрѣ, на память объ этомъ единствѣ.

Когда Олегъ, черезъ годъ послѣ смерти Рюрика, выходитъ изъ Новагорода, онъ беретъ съ собою войско изо всѣхъ пяти призвавшихъ племянъ и *младенца Игоря*, какъ наслѣдника Рюриковыхъ правъ. Уже это самое показываетъ, что онъ идетъ воевать не одной *силою*, какъ послѣ ходилъ противъ Грековъ; но что его война была основана на *правѣ* и на сочувствіи племянъ. Хотя и Рюрикъ уже владѣлъ почти всею сѣверною половиной Россіи, но какъ въ самомъ Новѣгородѣ были *люди*, не признавшіе общаго выбора, такъ и при походѣ Олега открывается, что между многими изъ племянъ, *призвавшихъ* Рюрика, еще было разногласіе, и что не смотря на приговоръ всеобщаго вѣча, произнесенный старѣйшинами, еще многіе роды его не признавали. Такъ, на примѣръ, хотя и призванъ онъ былъ Кривичами, и хотя одна изъ вѣтвей кривскаго племени: Полочане, тогда же приняли его посадника, но даже въ главномъ ихъ городѣ *Смоленскѣ* еще не было его *Посадника*, и уже объ Олегѣ сказано: „и приде „къ Смоленску *съ Кривичи и прія градъ* и посади мужь „свой[59])." Когда онъ подошелъ къ Кіеву, лѣтописецъ гово-

59) См. *Лаврент. Спис.* стр. 14.

Digitized by Google

„ритъ: и посла ко Оскольду и Дирови, яко гость есмь, „идемъ въ Греки отъ Ольга и отъ Игоря Княжича; да пріи- „детъ къ намъ, къ родомъ своимъ.....И рече Олегъ..... „*Вы нѣста Князя ни рода Княжа*; но азъ есмь роду „княжа; вынесоша Игоря: *и се есть сынъ Рюриковъ*; — „и уби Оскольда и Дира.....И сѣде Олегъ, княжа въ „Кіевѣ [60])." — Слова Олеговы: *Се есть сынъ Рюри-* „*ковъ*" не имѣли бы никакого значенія, если бы сынъ Рюриковъ не имѣлъ права на княжескій престолъ въ Кіевѣ. А что это право въ самомъ дѣлѣ существовало, еще подтверждается тѣмъ, что Олегъ (или лучше сказать, малолѣтный Игорь) и Кіевлянами и всѣмъ полянскимъ племенемъ принятъ былъ добровольно, и что изъ прочихъ *семи племянъ*, — которые, какъ мы видѣли выше, составляли одно цѣлое съ Полянами, пятыо онъ признанъ былъ также добровольно, и только въ двухъ встрѣтилъ очень слабое сопротивленіе [61]); впрочемъ и это сопротивленіе двухъ племянъ изъ *осьми*, не покажется намъ удивительнымъ, когда вспомнимъ, что и между Кривичами — объ которыхъ уже достовѣрно извѣстно, что они участвовали въ призваніи Рюрика — были многіе роды, которые не вдругъ его признали; что даже и въ самомъ Новѣгородѣ была партія, противная Рюрику и противъ него возставшая; особенно, когда вспомнимъ, какое сопротивленіе встрѣтилъ въ Польшѣ *избранный* родъ Пястовичей.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

---

60) См. *Лаврент. Спис.* стр. 14.

61) Замѣчательно между прочимъ какъ Олегъ говоритъ съ *побѣжденными* Сѣверянами: „Иде на Сѣверяне; и побѣди Сѣ- „веряны, и възложи нань *дань легку*, и не дастъ имъ Ко- „заромъ дани платити, рекъ: азъ *имъ противенъ*, *а вамъ* „*нечему*" (то есть, вамъ нечего бояться). — (См. *Лаврент. Спис.*, стр. 15). — Вслѣдъ за тѣмъ онъ *посылаетъ* къ Радимичамъ сказать, чтобы они вмѣсто Козаръ платили дань ему, и Радимичи соглашаются.

Digitized by Google

Отвѣтъ И. В. КИРѢЕВСКОМУ.

Неуспѣлъ я отвѣчать одному возражателю, какъ долженъ обороняться отъ другаго.

Очень радъ, что мое разсужденіе возбудило васъ къ литтературной дѣятельности, которая давно обѣщаетъ вамъ столько чести.

Очень жалѣю, что при первомъ вашемъ опытѣ долженъ встрѣтиться съ вами такъ непріязненно, — впрочемъ по неволѣ, защищая только себя отъ вашего дружественнаго нападенія, отъ вашего обвиненія въ ужасныхъ противорѣчіяхъ.

Спѣшу сложить съ себя это бремя немедленно, ибо нести его мѣсяцъ, при близорукости нашихъ судей и знатоковъ, было бы слишкомъ тяжело, и даже опасно. Впрочемъ ваша статья, хотя и неконченная, составляетъ уже цѣлое въ отношеніи ко мнѣ, и отвѣчать я могу безъ всякаго неудобства для васъ, а развѣ для себя.

Мнѣ предлежатъ два метода: или отстранять ваши возраженія порознь, одно за другимъ, или разобрать ваше собственное мнѣніе, и показать въ немъ противорѣчія: вѣрными своими положеніями онѣ будутъ подкрѣплять меня, а другія уничтожатся сами собою.

Но почему же не употребить мнѣ оба метода? Есть же медики, которые лечатъ своихъ больныхъ гомеопатіей и аллопатіей. Вы меня извините только, если оба метода я буду употреблять — не на здоровье.

И такъ, опять не тратя лишнихъ словъ....

Предупреждаю, что не стану безъ нужды повторять ни своихъ, ни вашихъ рѣчей, коими безъ пользы увеличилась бы статья: онѣ должны находиться предъ глазами читателей. — Не стану обращать пока вниманіе на мелочи, и начинаю съ главныхъ мыслей вашихъ, съ капитальныхъ контр-форсовъ вашего мнѣнія.

Digitized by Google

Вы утверждаете, въ противность мнѣ, что у насъ *не было ничего похожаго на завоеваніе*; что о занятіи и завоеваніи нельзя никакъ сказать, будто онѣ были *сходны между собою.*

Въ этомъ вы видите главное мое противорѣчіе съ другой частію разсужденія, признанною вами за истинную, и повторяете оное нѣсколько разъ.

Благоволите развернуть Несторову лѣтопись по Лаврентьевскому списку, и отыскать стр. 15, строку 3. Вы тамъ найдете: поиде Олегъ *воевати Деревляны* и *примучивъ* и, имаше на нихъ дань.

Въ строкѣ 5: иде на *Съверяне*, и *побѣди* Съверяны.

На стран. 12: а *Суличи* и *Тьверьци имаше рать.*

На с. 27, строка 2: *Игорь* иде въ *Дерева* в дань, и примышляше къ первой дани, *насиляше* имъ.

На с. 31 *Ольга*....овыхъ *изби*, а другія *работѣ предасть.*

На с. 36: *Вятичи побѣди Святославъ.*

На с. 50: Владимиръ Вятичи *побѣди*—..*заратишася* Вятичи, и иде на ня Володимиръ, и *побѣди* я второе.

На с. 51. Иде Володимеръ на Радимичи,....и *побѣди.*

На с. 86: Иде Володимеръ на *Хорваты.* Пришедшю бо ему съ *войны* Хорватьскыя, и проч.

Довольно ли съ васъ этихъ мѣстъ „о войнѣ, о примученіяхъ, побѣдахъ, ратяхъ, насиліяхъ, плѣненіяхъ," свидѣтельствующихъ, что было у насъ много похожаго на завоеваніе, и что я имѣлъ основаніе говорить о томъ.

Я сказалъ еще, что даже завоеваніе и занятіе были въ то грубое, дикое время, сходны между собою:

Вотъ доказательства и на это положеніе.

Разверните Никоновскій Сборникъ. Въ 1 части, на с. 16. вы прочтете: „того же лѣта (въ 863 г., чрезъ годъ по призваніи Рюрика) оскорбишася Новогородцы глаголюще: яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески

Digitized by Google

пострадати отъ Рюрика и рода его." Въ другихъ спискахъ обо всѣхъ трехъ братьяхъ сказано тотчасъ по прибытіи: и начаша воевати всюду. (Шлец. Нест. 1, с. 333).

А вотъ произшествіе и при Ярославѣ: „Варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху Новогородцемъ и женамъ ихъ. — Вставше Новгородци избиша Варягы....и разгнѣвася Ярославъ....и позва къ себѣ нарочитыя мужи, иже бяху иссѣкли Варягы, обольстивъ и псѣче (Несторъ по Лавр. сп. с. 10).

Но довольно, — вамъ отвѣчать для меня очень легко, какъ вы видите, но гораздо труднѣе было бы мнѣ отвѣчать противоположнымъ съ вами критикамъ, изъ Западной партіи, если она есть. Они могли бы мнѣ сказать, еслибъ знали или изучали Русскую Исторію (къ счастію, или, говоря по христіански къ несчастію, они ея незнаютъ), — они могли бы сдѣлать мнѣ возраженіе, гораздо благовиднѣе вашего. Не уклонюсь здѣсь и отъ него, потому что ищу истины, и съ одинаковымъ расположеніемъ предложу какъ то, что говоритъ въ пользу моего мнѣнія, такъ и то, что ему противорѣчитъ, радуясь случаю, вами доставленному, разсмотрѣть предметъ со всѣхъ возможныхъ сторонъ: это важнѣйшая часть исторіи! Въ послѣднемъ нумерѣ Revue des deux mondes приведены очень вѣрныя слова Форіеля: une fois maitre des origines, on sait tout.

Вотъ что могли бы они сказать мнѣ: „напрасно вы говорите, что у насъ не было завоеванія. Намъ кажется, что Русское Государство началось точно также, какъ Западныя, т. е. завоеваніемъ. Приводимыя вами мѣста объ отношеніяхъ Олега, Игоря, Святослава, Владиміра, почти ко всѣмъ нашимъ Славянскимъ племенамъ подтверждаютъ эту мысль. Дѣйствія самаго Рюрика, оставленіе Олегомъ Кіева, поступокъ Ярославовъ съ Новгородцами, объясняются отсюдаже."

Да! вы, П. В. находите въ моемъ разсужденіи будто бы двѣ части — первую, съ утвержденіемъ, что не было завоеванія, вторую представляющую явленія какъ

Digitized by Google

бы противныя, и говорите, что первая часть справедлива, а вторая ложна. А они могли бы сказать на оборотъ, и признаюсь съ бо́льшею благовидностію, что первая ложна, а вторая справедлива.

Доказавъ вамъ основательность первой части, я ограждy теперь, предъ противоположнымъ критикомъ, котораго нѣтъ еще, но который могъ бы быть, основанія второй части, и такимъ образомъ охраню свое понятіе о началѣ съ обѣихъ сторонъ.

Всѣ эти мѣста изъ лѣтописи, приведенныя мною, свидѣтельствуютъ о распространеніи владѣнія, или лучше *дани*,—о распространеніи изъ города, добровольно поддавшагося, а не завоеваннаго: Рюрикъ призванъ Новогородцами; Олегъ, какъ прежде Аскольдъ и Диръ, заняли Кіевъ безъ сопротивленія. Вотъ два главныя событія, вотъ начало!

Олегъ съ Кіевомъ, Кіевскій Князь Олегъ и его преемники, началъ ходить во всѣ стороны, къ племенамъ Славянскимъ, покорять, т. е. облагать данью, *) а первое владѣніе, зерно государства, было незавоеванное. Кіевъ еще менѣе покорилъ себѣ Древлянъ, или Радимичей, нежели послѣ Москва покорила Тверь или Россія Финляндію.

Потому то я и сказалъ: начало Россіи и начало Западныхъ Государствъ „раздѣлялись очень тонкою чертою, но раздѣлялись." И далѣе: „малѣйшее различіе въ началѣ производитъ огромное различіе въ послѣдствіяхъ." Правду сказать, тонкости не мечутся въ глаза!

Я пишу вамъ теперь отвѣтъ, какъ вы знаете, испросивъ у васъ одинъ вечеръ, и написать его нестоитъ мнѣ почти труда, кромѣ физическаго, но не одинъ вечеръ, и даже не одинъ годъ, продумалъ я прежде о томъ, какъ опредѣлить и выразить это различіе и сходство въ основаніи государствъ— анализъ тяжелый! Даже сравненіе съ двумя шарами, раздѣленными при началѣ движенія линіею, досталось мнѣ вслѣдствіе долговременнаго размышленія. И

*) Вотъ въ чемъ собственно состояло завоеваніе, слѣд. самое завоеваніе не имѣло характера Западнаго.

Digitized by Google

радъ я былъ ему, потому что оно, казалось мнѣ, выражало ясно мою мысль! А веселый рецензентъ О. З. покатилъ столь дорогіе для меня, столь любезные мнѣ, шары ... по биліарду! Бѣдный Іорикъ! Бѣдный изыскатель!

Послѣ этого отступленія о возможномъ и важномъ возраженіи съ противоположной стороны *), обращаюсь къ вашимъ.

Точно такъ, какъ на первое ваше капитальное возраженіе, отвѣчалъ я десятью мѣстами изъ лѣтописи, такъ могу отвѣчать и на вторую вашу главную мысль.

Вы утверждаете, что у насъ были Князья до Рюрика.

Нѣтъ! Князей у насъ не было: разверните опять Несторову лѣтопись по Лаврентьевскому списку, и на 12 стр. въ 3 строкѣ, вы найдете, что говоритъ главное Словенское племя Новгородцы:

„*Поищемъ* себѣ Князя.“

Кажется это мѣсто не слишкомъ темно.

Такъ точно было и у другаго главнаго племени Полянъ. Извольте съ 12 стр. перейти на 13.:

„И поидоша по Днѣпру, и идуче мимо, и узрѣста на горѣ градокъ, и упращаста, рѣста: чии се градокъ. Они же рѣша: были суть 3 братья, Кій, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ-ось, и изгибоша, и мы сѣдимъ (гдѣ же Князья?) платяче дань родомъ ихъ Козаромъ.“

Такъ точно не встрѣчается Князей нигдѣ, и при всѣхъ дѣйствіяхъ Кіевскихъ пришлыхъ Князей вездѣ упоминаются только племена по именамъ — Сѣверяны, Радимичи, Вятичи и проч. Даже въ общемъ обозрѣніи

*) Признаюсь—я очень желалъ бы такого возраженія, которое подало бы мнѣ поводъ пояснить еще нѣсколько начало: я слишкомъ сроднился со всѣми событіями этого періода, со всѣми словами нашей лѣтописи и иностранныхъ источниковъ, и нѣкоторыя черты, можетъ быть, ускользаютъ отъ присмотрѣвшихся глазъ, а принужденный защищаться, я вѣрно нашелъ бы ихъ, — и успокоился.

Digitized by Google

племенъ у Нестора нѣтъ ни единаго слова о Князьяхъ, чего не моглобъ случиться, еслибъ они гдѣ были.

Въ одной только сказкѣ о сватовствѣ Ольги упоминается имя Древлянскаго князя Мала, которое впрочемъ тотчасъ и пропадаетъ. Если этотъ Князь былъ, то могъ быть пришедшимъ изъ за моря, какъ Рогвольдъ и Туръ, или однимъ изъ такихъ Князей Варяго-Русскихъ, которые были при Олегѣ, и исчисляются въ его договорѣ.

Можетъ быть, вамъ неизвѣстно, что имена этихъ Князей мы уже знаемъ, ибо всѣ имена, кончащіяся на овъ, которыя неправильно раздѣлялись у насъ запятыми, и считались особыми именами посланниковъ, суть формы притяжательныя отъ именъ Князей, посылавшихъ посольство, т. е. Турдъ, Фастъ, Алданъ, Сфирка, Бернъ, Аминодъ, Гунаръ, и проч.

Вы согласитесь, что эти имена не могли быть, какъ вы желаете, нашими Славянскими прежними Князьями „и удѣльными и Великими."

Потомъ я спрашиваю: если Князья были прежде, то куда же они дѣвались? Какъ нигдѣ въ лѣтописяхъ не попадается ни одного имени, нигдѣ не встрѣчается малѣйшаго слѣда? Мы увидимъ вездѣ только потомство Владимірово и Ярославово.

Уничтоживъ первое обвиненіе, я просилъ васъ сыскать мѣста изъ лѣтописи противъ моихъ десяти, — позвольте попросить также и теперь: сыщите мнѣ свидѣтельства о Князьяхъ.

Впрочемъ, признаюсь, я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ эти страницы изъ вашей статьи, какъ изъ родной Славянской утопіи, и думалъ съ умиленіемъ: ахъ, еслибы въ самомъ дѣлѣ было такъ! Мнѣ очень досадно, что я долженъ посягать на эти привлекательные образы, — но что жь мнѣ дѣлать съ лѣтописями, заучившимися наизусть?

Третья ваша главная мысль — о союзахъ племенъ между собою, составлявшихъ будто бы какое то цѣлое до Рюрика.

Digitized by Google

Нѣтъ! изъ пяти сѣверныхъ племенъ, составлявшихъ вашу связь, три не Славянскія, а Финскія: Чудь, Меря, Весь, и тѣ мы видимъ въ связи только однажды, въ столкновеніи съ Варягами. Остаются два: Новгородцы и Кривичи! Но вотъ извѣстіе и о Кривичахъ: Поиде Олегъ.... и пріиде къ Смоленску съ Кривичи, и *прія* градъ, и посади мужъ свой (с. 14). Слѣд. на Сѣверѣ связи никакой не было.

Точно также не было связи и на Югѣ.

Несторъ говоритъ: и живяху въ мирѣ Поляне и Дѣревляне, Сѣверъ и Радимичи, и Вятичи, и Хорватѣ" и проч.

Это не значитъ, чтобъ племена жили между собою въ союзѣ (политическомъ), какъ вы того желаете, а просто, что не было войны между ними. Такъ точно и объ Олегѣ сказано у Нестора: „и живяше Олегъ миръ имѣя ко всѣмъ странамъ." Всякій союзъ опровергаетъ Несторъ, описывая порознь племена, и говоря: „имяху бо обычай свой, и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ," и твердя безпрестанно: „Полянамъ же жившимъ особѣ."

Несправедливо вы доказываете это понятіе о политическомъ союзѣ словами Нестора: „и устави Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 мира дѣля, юже и до смерти Ярославли даяше Варягомъ?"

Мира дѣля не значитъ здѣсь для міра, для союза, и подъ Варягами въ концѣ не разумѣются здѣсь Князья Варяжскіе, ибо вашей остроумной поправки, которую впрочемъ имѣлъ и Эверсъ *), принять нельзя: вы говорите, что надо разумѣть здѣсь не 300 гривенъ, а 3000, ибо де, и въ другомъ мѣстѣ сказано о трехъ тысячахъ. Нѣтъ въ другомъ мѣстѣ говорится о двухъ тысячахъ, шедшихъ *Кіеву* отъ Новогородцевъ, а третья тысяча шла гридомъ въ Новѣгородѣ." Слѣдовательно 2000 и 300 гривенъ были дани разныя: 2000 шли въ Кіевъ, а 300 Варягамъ, слѣдовательно не Кіевскимъ. Мира дѣля, значитъ для сохраненія мира, спокойствія, за миръ, доставляемый ими, за безопасность предѣловъ. Это мѣсто мудреное въ Несторѣ, и я могу вамъ

*) Древнѣйшее право Руси, с. 43.

Digitized by Google

служитъ о немъ цѣлымъ разсужденіемъ, у меня готовымъ, отъ котораго теперь избавлю читателей.

Вы говорите, будто я сказалъ, что Русь — народъ, который уже по самому климату земли своей не можетъ имѣть никакого сочувствія къ дѣламъ своего народа.

Этого я никогда не говорилъ, а ставилъ климатъ въ число причинъ, *содѣйствующихъ* къ преимуществу жизни семейной предъ общественною, и то въ древней Россіи, и то въ первый моментъ ея бытія. Скажу и теперь: Сѣверный человѣкъ живетъ больше дома, а Южный на площади. Вы говорите, что нашъ народъ „такъ мало зависитъ отъ климата, что почти всю свою жизнь, не смотря ни на какія времена года, проводитъ на открытомъ воздухѣ, и только ночью ложится спать внутри своего дома.“ Этого я не могу даже понять, объ комъ вы говорите — во всякомъ случаѣ это примѣръ, не имѣющій политическаго значенія.

Вы обвиняете меня, почему я сказалъ, что нашъ народъ, подчинился спокойно первому пришедшему и проч.

Это говорю не я, а лѣтопись: Новогородцы платили дань Варягамъ, и хотя изгнали ихъ вскорѣ, но тотчасъ опять призвали. Точно то же было въ Кіевѣ, когда Аскольдъ и Диръ пришли къ Кіевлянамъ, которые на вопросъ ихъ отвѣчали: „мы сѣдимъ платяче дань родомъ ихъ Козаромъ. Аскольдъ и Диръ остаста въ градѣ семъ.... и начаста владѣти Польскою землею,“ с. 13. Никакого сопротивленія не было оказано. Столь же равнодушно приняли они умерщвленіе Аскольда и Дира Олегомъ, который „сѣде княжа въ Кіевѣ.“

Это о двухъ главныхъ племенахъ, въ первый моментъ Исторіи, о которомъ собственно я и говорилъ. Есть извѣстія и о другихъ племенахъ, напр. „пойде Олегъ.... и приде къ Смоленску въ Кривичи, и *прія* градъ, и посади мужь свой. Оттуда пойде внизъ, и *взя* Любечь, и посади мужь свой.“

„Посла къ Радимичемъ, рѣста: камо дань дасте? Они же рѣша Козаромъ. И рече имъ Олегъ: не дайте Коза-

Digitized by Google

ромъ: но мнѣ дайте. И вѣдаша Олегови по щлягу, яко же Козаромъ *далху*."

„И возложь на Сѣверяны дань легку, и недастъ имъ Козаромъ дани платити, рекъ: азъ имъ противенъ, а вамъ нечему."

Въ минуту же крайней нужды, вышедъ изъ терпѣнія, они возставали, что и доказываютъ Древляне, Новогородцы, Вятичи, какъ я замѣтилъ.

Отнимая у насъ терпѣніе и смиреніе, двѣ высочайшія Христіанскія добродѣтели, коими украшается наша Исторія, вы служите Западу. Лучшая награда принадлежитъ намъ за нихъ. Язычники могутъ не понимать сихъ добродѣтелей, и даже называть ихъ пороками, осуждать за нихъ нашу Исторію, но какъ же намъ православнымъ отказываться отъ нихъ, и искать другихъ, какими по справедливости гордится Западъ. Всѣхъ добродѣтелей имѣть нельзя: однѣ принадлежатъ Востоку, другія Западу.

Я вооружаюсь въ статьѣ за Русскую старину, въ этомъ же нумерѣ напечатанной, противъ тѣхъ писателей, которые не хотятъ видѣть *ничего* въ нашей *древней Исторіи*. Столько же несправедливы по моему мнѣнію, столько же пристрастны и тѣ, которые видятъ тамъ *все*.

Вы обвиняете меня за мои слова о Русскомъ народѣ, (вами впрочемъ усиленныя), что онъ отрекся отъ своей вѣры по одному приказанію чуждыхъ господъ.

Прочтите Нестора, „посемь же Володимиръ посла по всему граду, глаголя: аще не обрящется кто рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищъ, ли работникъ, противенъ мнѣ да будетъ. Се слышавше людье, срадостію идяху, радующеся и глаголюще: аще бы се не добро было, не бы сего Князь и Боляре пріяли. (с. 82).

Единственную оппозицію оказала одна толпа, которая пошла съ плачемъ провожать Перуна, и когда онъ былъ брошенъ вошами въ Днѣпръ, то она закричала: выдобай нашъ Боже!

Digitized by Google

Вы забыли это мѣсто, служившее моимъ основаніемъ, и спрашиваете меня: довольно ли залиты кровью всѣ тѣ стороны Россіи, гдѣ наша вѣра подвергалась гоненію," но вы забываете опять, что это было съ вѣрою Христіанскою, съ вѣрою, исповѣданною уже въ теченіи пятисотъ лѣтъ, а у меня было говорено объ оставленіи вѣры языческой вообще.

Вы смѣшиваете здѣсь, какъ и вообще, Исторію Государственную съ Исторіей племенною: вотъ и объясненіе вашего похвальнаго заблужденія. Чрезъ пять или шесть сотъ лѣтъ народъ развился, и чуждыхъ господъ не стало: они подверглись вліянію нашего народа, они сами сдѣлались частію того народа, и дѣйствовали уже сообща. На это мѣсто вы не обратили вниманія, а оно могло бы сколько нибудь васъ умилостивить, и вы усомнились бы произнести тотъ грозный приговоръ, которымъ вы начали исчислять мои вины, раздѣляемыя теперь Несторомъ: („если бъ представленное вами изображеніе нашей старины было справедливое, то" и проч.) Я смѣю теперь только улыбнуться на такой приговоръ и думать, что изображеніе мое вѣрно, и между тѣмъ въ немъ нѣтъ ничего такого отчаяннаго. Богъ милостивъ!

Далѣе — вы обращаетесь къ неизбѣжному имени Шлецера, которому приписываете всѣ мнимыя заблужденія Русской Исторіи.

Не ужели вы не знаете, что отъ Шлецера осталась теперь только метода, благодѣтельная для Исторіи, а положенія его почти всѣ или уничтожены, или измѣнены, или уменьшены, или дополнены. Да почіетъ въ мирѣ прахъ его!

Позвольте только упрекнуть вамъ, что вы съ западной, а не Славянской хитростью, пропустили Карамзина.

Представленное вами изображеніе Славянскихъ обществъ въ первый періодъ ихъ Исторіи, съ коимъ наше будто было сходно, прекрасное, но оно не относится не

Digitized by Google

посредственно къ моей статьѣ, не заключаютъ никакихъ обвиненій на меня, при томъ не кончено, — и я не стану теперь говорить собственно о немъ, а скажу только вообще, не вамъ, а всѣмъ изыскателемъ, призывающимъ себѣ на помощь Славянскую Исторію.

Исторію Славянскихъ племенъ для объясненія нашей употреблять намъ очень мудрено. Поясню мою мысль. Великороссіяне живутъ рядомъ съ Малороссіянами, исповѣдуютъ одну вѣру, имѣютъ одну судьбу, долго одну Исторію. Но сколько есть различія между Великороссіянами и Малороссіянами! Нѣтъ ли у насъ большаго сходства въ нѣкоторыхъ качествахъ даже съ Французами, чѣмъ съ ними? Въ чемъ же состоитъ сходство?— Этотъ вопросъ гораздо затруднительнѣе.

Далѣе возмемъ Исторію Россіи и Польши. Въ чемъ онѣ сходятся? А живемъ мы рядомъ! Попытайтеся употребить Польскую Исторію для объясненія Русской, и Русскую для объясненія Польской — мы не объяснимъ, а развѣ затемнимъ ту и другую. Тяжелая задача! Я найду скорѣе сходство въ Русской съ Испанскою, чѣмъ съ Польскою.

Говорить ли о Сербіи?

Обратимъ вниманіе на характеры: Малороссіянина, Поляка, Чеха, Серба, Великороссіянина, Болгарина. Какое разнообразіе! Каковъ характеръ, такова и Исторія.

Наконецъ разныя обстоятельства измѣняли совершенно Исторію, что касается до путей ея, средствъ и пр. Укажу на одно: западные Славяне окружены были воинственными племенами, а мы мирными.

Что мудренѣе, Филологія или Исторія? Но и въ Филологіи, только Добровскій, Шафарикъ едва *начали* примѣчать и указывать сходства, коими никто еще почти — и не могъ воспользоваться.

Что сказать мнѣ вообще о вашей статьѣ? чѣмъ объяснить мнѣ ваше распололоженіе найти у меня противо-

Digitized by Google

рѣчія? Вы увлекаетесь однимъ изъ вашихъ предубѣжденій, впрочемъ очень похвальныхъ, и, увы, очень уже рѣдкихъ у насъ. Вы ищете въ Исторіи подкрѣпленій для вашей гипотезы, а я, я учусь у Исторіи, и говорю только, что она мнѣ сказала, приводя оное, разумѣется, въ сознательный порядокъ. Вы *даете* Исторіи систему, а я *беру* у нея. Прочтя съ своей системой мою статью, вы нашли мысли, сходныя съ вашими, и объявили ихъ справедливыми, а прочія противорѣчіями, не разсмотрѣвъ внимательно, что я противорѣчу *только вамъ, а не себѣ.* Притомъ вы вынули по произволу нѣсколько моихъ положеній изъ цѣпи, которую они составляютъ, и пропустили прочія: мудрено ли, взявъ изъ ряду числа, 1, 2, 3, 7, 9, 15, доказывать, что въ нихъ нѣтъ послѣдовательности. Точно, во взятыхъ числахъ нѣтъ послѣдовательности, но потому что пропущены 4, 5, 6, 8 и проч.

Мое разсужденіе состоитъ изъ трехъ частей:

1) Призваніе и его непосредственныя слѣдствія.

2) Развитіе и утвержденіе ихъ продолженіемъ Исторіи.

3) Содѣйствія физическія и нравственныя.

Чего удобнѣе для критика—разбирать всѣ положенія порознь, одно уничтожить, другое ослабить, третье дополнить и проч? Такихъ замѣчаній я очень желаю, особенно о третьей части, которую объяснить можно гораздо болѣе. Вы одолжите меня много, если обратите на нее ваше вниманіе, и сообщите свое мнѣніе. Освободясь отъ главныхъ обвиненій, я буду ожидать частныхъ съ спокойнымъ духомъ, и обѣщаю себѣ еще больше удовольствія отъ второй вашей статьи, которая уже открывается мнѣ прекрасной картиной....

М. Погодинъ.

Марта 31.
1845.

P. S. Я намѣревался разбирать вашу статью еще независимо отъ моей, по другой методѣ, но кажется, довольно для читателей и одной, — а наборщикъ дожидается.

Digitized by Google

О ФИЛОСОФСКИХЪ НАЧАЛАХЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРАВА.

Общія философскія начала Государственнаго права зависятъ отъ философіи: въ ней получаютъ они единство, точно такъ, какъ сами съ другой стороны даютъ единство явленіямъ права и жизни государственной. Какъ сознанье разнородныхъ явленій жизни въ ихъ соприкосновеніи съ общимъ всеединящимъ и всесодержащимъ началомъ жизни составляетъ предметъ философіи, такъ сознаніе различныхъ явленій права и государственной жизни въ общемъ философскомъ началѣ составляетъ предметъ философіи права и Государства. Такимъ образомъ философія права зависитъ отъ философіи вообще, и какъ часть отражаетъ въ себѣ и общую задачу. Не имѣя возможности говорить о движеніи самой философіи, обратимъ вниманіе на различныя направленія философіи права и государства. Эти направленія зависятъ отъ двухъ стихій, входящихъ въ составъ самой науки; стихіи разнородныхъ явленій и ихъ единства въ общемъ. Мысль съ двухъ сторонъ можетъ смотрѣть на это соединеніе противоположныхъ началъ; со стороны противоположности, тогда образуются два направленія эмпирическое и умозрительное, въ которыхъ одной изъ стихій дается перевѣсъ надъ другой, или со стороны ихъ взаимнаго единства. Тогда образуется направленіе спекулативное.

1) Существенный характеръ эмпиріи состоитъ въ томъ, что она беретъ какія нибудь частныя явленія права и жизни государственной и извлекаетъ изъ нихъ правила и сообразно съ этими правилами стремится построить науку. Разумѣется какъ отдѣльныя явленія, такъ и выведенныя изъ нихъ правила предполагаютъ рядомъ съ ними существованіе другихъ явленій и правилъ и потому эмпирическое направленіе распадает-

Digitized by Google

ся на безчисленныя произвольныя направленія и каждое изъ нихъ порознь, построивая науку права и государства, ставитъ только рядомъ отдѣльныя положенія. Они развились бы въ безконечный рядъ, смѣшались бы въ нестройное цѣлое и потому никогда не построились бы въ науку, если бы въ самомъ эмпирическомъ направленіи не заключалось стремленіе къ общему началу единства; но это единство, при перевѣсѣ начала разнородныхъ явленій, не представляется единствомъ самихъ разнородностей, но чѣмъ то отвлеченнымъ, неродственнымъ съ особенными явленіями. Понятіе объ отвлеченномъ единствѣ составляетъ вторую сторону эмпиріи, и въ области эмпирической науки является какъ начало формальное, по законамъ формальной логики построивающее зданіе науки, или какъ неопредѣленное идеальное, ничѣмъ не связанное съ частными явленіями; такимъ общимъ, въ отношеніи къ наукѣ права и государства, въ эмпирическомъ направленіи представляются понятія о правѣ естественномъ и объ естественномъ состояніи человѣческаго общежитія. Между этими отвлеченными понятіями и дѣйствительными явленіями права и государства нѣтъ перехода, нѣтъ мѣрила для того, что можетъ и должно перейти; потому понятіе объ естественномъ правѣ и общежитіи людей представляется неопредѣленнымъ, то блаженнымъ состояніемъ человѣчества, то вѣчно враждою, какъ у Гоббеза; потому переходъ не совершается органически, въ слѣдствіе внутренняго родства двухъ началъ, но механически — вводомъ третьяго условнаго понятія о силѣ или о договорѣ [1]). Договоръ самъ по себѣ

(*) Ученіе о силѣ — какъ основномъ началѣ образованія общества и государства — развито преимущественно Гоббезомъ.— Въ состояніи до государственномъ человѣкъ имѣетъ право выражать всѣ требованія своей природы. (Jus naturale est libertas, quam habet unusquisque potentia sua ad naturae suae conservationem suo arbitrio utendi et illa omnia, quae eo videbantur tendere, faciendi. Leviath. cap. 14.) Поддержаніе своей природы и стало быть уничтоженіе всего того что

Digitized by Google

есть только одно изъ частныхъ явленій. Положенный въ основу человѣческаго общества, тѣмъ самымъ уже разрушаетъ онъ понятіе объ единствѣ и вводитъ его въ рядъ отдѣльныхъ и случайныхъ явленій. —

можетъ ему препятствовать, вотъ основное начало человѣческой дѣятельности. Каждый человѣкъ имѣетъ тоже самое право; дѣйствуя сообразно съ сими началами, они сталкиваются другъ съ другомъ и это столкновеніе условливаетъ постоянную войну; для того, чтобы успѣшно вести войну и побѣдить—человѣкъ долженъ пріобрѣтать союзниковъ, ибо цѣль составляетъ не сама война, но миръ (quaerendos esse socios, ut si bellum habendum est, non sit contra omnes, nec sine auxiliis. De cive cap. 1. § 13.) Миръ основывается на взаимномъ согласіи людей, на договорѣ; для того что бы поддержать общій миръ нужна общая власть, которая бы его поддерживала, — и такая власть осуществляется въ государствѣ. Члены, составляющіе государство, въ слѣдствіе взаимнаго договора передаютъ свою естественную власть въ руки власти государственной (est enim in personam unam vera omnium unio, quod fit per pactum unius cujusque cum unoquoque. Lev. 17) И такъ въ ученіи Гоббеза, собственно два начала условливающія явленіе права и государства: договоръ и сила. Почти въ томъ же видѣ представляется ученіе о правѣ и государствѣ у его современника Спинозы. Естественное право человѣка состоитъ въ томъ, что бы дѣлать все то, что онъ можетъ по природѣ (naturam absolute consideratam jus summum habere ad omnia quae potest. Tract. Theol. poli. cap. 16. quid ex legibus suae naturae agit, id summo jure agit.) Начало права и силы соединяются у него въ одно цѣлое; но сила въ смыслѣ Спинозы уже не представляется просто внѣшнею силою какъ у Гоббеза, но силою въ смыслѣ сущности самой природы. Образованіе государства условливается въ слѣдствіе природы человѣка, стремящейся къ соединенію съ другими (omnes homines, consuetudines ubique jungunt et statum aliquem civilem formant; ideo imperii causam et fundamenta naturalia, non ex rationis documentis petenda, sed ex hominum communi natura. Tr. pol. 1. v.) Въ общеніи людей между собою природное право человѣка дѣлать что онъ можетъ при-

Digitized by Google

2. Необходимое присутствіе начала общаго въ самомъ эмпирическомъ направленіи отрѣшеннаго отъ частныхъ явленій доказываетъ возможность, рядомъ съ эмпиріею, образоваться другому направленію, въ которомъ живыя и дѣйствительныя частности исчезаютъ въ от-

---

ходитъ на всѣхъ: всѣ, могутъ дѣлать все что могутъ. И такъ каждая отдѣльная личность является ограниченною въ своихъ дѣйствіяхъ и потому передаетъ общей власти часть своихъ правъ. Власть государственная является выраженіемъ общей власти. Передача сія совершается ex rationis dictamine (Tr. pol. 362.) и выражается въ договорѣ. Ученіе о договорѣ въ обѣихъ теоріяхъ соединено съ ученіемъ о силѣ, которая у Гоббеза является въ видѣ вещественной внѣшней силы, у Спинозы въ видѣ сущности самой человѣческой природы. Такимъ образомъ въ этихъ теоріяхъ источникомъ права является отдѣльная личность человѣка, имѣющая право на все. Проявляя свое право на дѣлѣ, она сталкивается съ другими и условливаетъ необходимо враждебное состояніе первоначальнаго общества. Договоръ служитъ только ограниченіемъ личности, и стало быть занимаетъ второстепенное и отрицательное мѣсто въ сихъ теоріяхъ. Окончательнымъ образомъ договоръ, какъ основное начало общественной жизни, выступаетъ въ теоріи Руссо. Описывая естественное состояніе человѣка противоположно Гоббезу (cet état était le plus propre á la paix. Diss sur l'ineg. 1. 546. Ed. de Paris 1835, vol. I.) онъ противуполагаетъ ему порядокъ общественный, служащій основаніемъ состоянію государственному. Первый основывается на природѣ человѣка, второе на договорѣ. (Mais l'ordre social est un droit sacré qui sert de base à tous les autres. Cependant ce droit ne vient point de la nature, il est fondé sur les conventions. Cont. Soc. liv. I. chap. I.) Договоръ (pacte, contract social) служитъ основнымъ началомъ теоріи Государствъ у Руссо. Уже у Пуфендорфа и потомъ у Локка и др. договоръ выступаетъ какъ существенная основа общественной жизни, но еще не такъ сильно. Въ послѣдствіи эти теоріи договора имѣли защитниковъ, пока наконецъ у Фонь Галлера не смѣшались съ началами другихъ теорій.

Digitized by Google

влеченномъ началѣ все поглощающаго единства; это направленіе произвело въ наукѣ права и государства понятіе объ отвлеченной нравственности или правдѣ, которая выражается въ несуществующемъ царствѣ Утопій и Океаній. Начало единства представляется такимъ, только какъ противоположность съ началомъ разнородныхъ явленій; будучи оторвано отъ нихъ, оно само превращается въ частное явленіе и становится или личною мыслію человѣка или вновь обращается къ дѣйствительной жизни, беретъ изъ нея одно изъ началъ и на немъ строитъ науку. Такимъ началомъ является начало дѣйствительнаго общенія между людьми, начало соціальное, которому приносятся въ жертву всѣ явленія отдѣльной личности человѣка. Республика Платона, если будемъ разсматривать ее отдѣльно отъ другихъ его сочиненій, выражаетъ полнѣйшимъ образомъ это направленіе [2]).

---

(2) Ученіе о Государствѣ въ системѣ Платона занимаетъ второстепенное мѣсто. Оно служитъ средствомъ къ выраженію идеи правды. Кто созналъ эту идею, тотъ можетъ строить Государство сообразно съ нею, какъ и поступаетъ Платонъ. Наши законодатели говоритъ онъ (Respub. l. 1.) поступаютъ также какъ медики, которые лѣчатъ болѣзнь, незная ея причины. Причина недостатковъ заключается въ основахъ самаго общества: для того Платонъ и преобразовываетъ его сообразно съ идеею и воспитаніемъ, приготовляетъ людей къ осуществленію новаго, преобразованнаго общества. Аристотель наоборотъ дѣйствительное состояніе общества считаетъ необходимымъ условіемъ человѣка, общественнаго по природѣ. Потому не перестроиваетъ его сообразно съ идеею, но разсматриваетъ въ томъ видѣ, въ какомъ представилось оно въ дѣйствительной жизни Греціи. Но какъ для того, такъ и для другаго Грекъ былъ человѣкомъ по преимуществу: общество греческое, возможное или дѣйствительное, образцомъ всякаго общества; и человѣкъ и общество въ самихъ себѣ заключали безусловное начало существованія. Въ мірѣ мовомъ, образецъ человѣка предсталъ въ видѣ Бого-человѣка и общество оправдываетъ свое су-

Digitized by Google

3. Эмпирическое направленіе въ своихъ конечныхъ выводахъ отъ различныхъ явленій возходитъ къ понятію объ общемъ единствѣ; направленіе умозрительное, выходя изъ общаго понятія, вводитъ въ свою область отдѣльныя эмпирическія начала. Потому ни одно изъ нихъ не удерживаетъ своей крайности, и предполагаетъ существованіе третьяго направленья, которое бы, единство противоположностей, признало за необходимое данное мысли и жизни дѣйствительной. Это сдѣлала система Канта. Онъ раздѣлилъ понятіе о правѣ и нравственности, признавъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость ихъ обоюднаго существованія. (Kritik d. pr. Vernunft. Sämt. W. IV. 119 и дал.) Право представляется у него выраженіемъ единства человѣческихъ дѣйствій, но выраженіемъ внѣшнимъ, котораго обязательная сила зависитъ не отъ сущности того, что предписываетъ или запрещаетъ право, но отъ самаго повелѣнія, отъ власти. Власть выражается въ правѣ въ видѣ безусловнаго повелѣнія. Чтобы безусловныя

ществованіе только въ началѣ божественномъ. Оно сдѣлалось цѣлію новой исторіи и все ея движеніе идетъ сообразно съ сею цѣлію. Церковь Латинская, сосредоточивая въ себѣ и власть государственную, думала осуществить задачу Христіанскаго міра, основавъ священную Римскую Имперію,—разъединила сама себя, условила борьбу Государства и Церкви, окончившуюся отторженіемъ Государства. Въ слѣдствіе сего отторженія возникло стремленіе науки:—въ самомъ Государствѣ отыскать начала, оправдывающія его существованіе. Произошли многочисленныя теоріи Государства, заключившіяся въ наше время возникновеніемъ первоначальнаго вопроса объ отношеніи Государства и Церкви. Вопросъ—котораго не разрѣшилъ ни взглядъ Латинской церкви, уничтожающей отдѣльное существованіе государства, ни протестатской, разсматривающей церковь какъ одно изъявленій государственной жизни. Власть духовная не соединяется съ свѣтскою, Церковь предполагаетъ отдѣльное существованіе государства: эти начала искони были и суть началами Церкви Православной.

Digitized by Google

повелѣнія права были исполнены; требуется, что бы они совпали съ внутреннимн побужденіями личной воли, съ началами нравственности (Rechtslehre V. Einl. in die Met. d. Sitten 111. 1. 18). Но право, по ученію Канта, заключаетъ въ себѣ возможность принужденія. Это начало принужденія является среднимъ звеномъ, соединяющимъ право и нравственность; Государство осуществляетъ право и нравственность: оно происходитъ въ слѣдствіе свободнаго договора (ib. Rechslehre. II. § 47); но самый договоръ основывается на внѣшней необходимости. Догосударственное состояніе человѣка представляется Канту почти въ томъ же видѣ, какъ и Гоббезу, въ видѣ взаимной вражды. (Zum ewigen Fr. II. Abschn.). Такимъ образомъ внутреннія начала общежитія представляются въ видѣ внѣшней силы и потому находятся въ вѣчной противоположности съ понятіемъ объ высшемъ нравственномъ единствѣ, точно такъ, какъ понятіе о правѣ съ понятіемъ объ нравственности. Это понятіе о нравственномъ единствѣ выражаетъ Кантъ въ видѣ вѣчнаго мира, гдѣ право и нравственность соединяются въ высшемъ понятіи о правѣ всемирно гражданскомъ (Jus cosmopoliticum); но эту послѣднюю цѣль самъ Кантъ называетъ недостижимою (ib. Anhang 1 и 2). И такъ его понятія о правѣ и государствѣ представляютъ движеніе двухъ противоположностей, непримиряемыхъ въ дѣйствительности. Уже присутствіе такихъ противоположностей необходимо предполагаетъ существованіе ихъ единства. Это чувствовалъ Кантъ, предложивъ рядомъ съ нимъ ученіе о вѣчномъ, хотя и недостижимомъ мирѣ. Понятіе о вѣчномъ мирѣ есть то общее начало, къ которому право и нравственность, государственное и нравственное общеніе людей, относятся какъ частныя явленія.—Система Фихте развиваетъ далѣе ученіе Канта; въ его построеніи науки права и государства лежитъ тоже признаніе синтезиса противоположностей за необходимое данное: Кантъ разсматриваетъ этотъ синтезъ со стороны его противоположностей, Фихте со стороны единства. Такимъ началомъ соединяющимъ въ себѣ двѣ противоположности, по уче-

Digitized by Google

нію Фихте, является человѣческое *я*. Существенный его характеръ состоитъ въ томъ, что оно въ тоже самое время предполагаетъ свое существованіе какъ противоположность самаго себя, какъ не *я*. Взаимное единство той и другой противоположности составляетъ ученіе о безусловномъ я, основномъ началѣ теоретической и практической философіи Фихте. Дѣятельность этого я, состоитъ въ безусловномъ проявленіи самого себя, — въ этомъ и заключается понятіе о нравственности. Нравственнымъ дѣйствіемъ онъ называетъ то, которое условливается внутреннимъ стремленіемъ самаго я, и ничѣмъ внѣшнимъ. Въ собственномъ смыслѣ, по ученію Фихте, и не можетъ быть ничего внѣшняго, объективнаго я; ибо все внѣшнее условливается имъ самимъ и составляетъ только его собственную противоположность, снова разрѣшающуюся въ одно общее единство того же я, но возведеннаго до степени безусловнаго начала. Но такую строгую послѣдовательность мысли Фихте сохраняетъ только въ области теоретической философіи: его я, переходя въ область дѣятельную, теряетъ значеніе безусловнаго начала, предполагая дѣйствительное существованіе многихъ я, какъ отдѣльныхъ лицъ, взаимно ограничивающихъ другъ друга; понятіе о безусловномъ я въ области практической философіи Фихте превращается въ понятіе объ лицѣ. Дѣятельность многихъ лицъ, взаимно ограничивающихъ другъ друга, предполагаетъ существованіе права. Право есть нравственность ограниченная. Явленіе права условливается существованіемъ многихъ лицъ, приведенныхъ во взаимное соотношеніе. Такое состояніе людей и есть государство. Взаимное ограниченіе личности выражается въ договорѣ; договоръ по ученію Фихте представляется основнымъ началомъ жизни государственной (Grundl. d. Naturrechts 11 § 17) Такимъ образомъ безусловное примиреніе двухъ противоположностей въ теоретической философіи Фихте, въ практической становится условнымъ и формальнымъ. Государство должно пройти, говоритъ Фихте, и за нимъ начинается царство чистой нравственности (ib. 11. § 15.)

Digitized by Google

но давая условное значеніе государству, Фихте въ то же самое время признаетъ его живымъ организмомъ, который заключаетъ въ самомъ себѣ животворное начало единства, ничѣмъ внѣшнимъ неусловливаемое. Это послѣднее положеніе состоитъ въ явной противоположности съ кореннымъ началомъ его системы. Въ послѣдней редакціи своихъ уроковъ о правѣ и государствѣ, Фихте сознаетъ самъ сію противоположность и разрѣшаетъ ее, противополагая началу безусловнаго я, новое начало Божественнаго Провидѣнія. Противоположность права и нравственности, Государства и нравственнаго единства всего рода человѣческаго примиряется въ исторіи, участіемъ Провидѣнія. Итакъ система Фихте въ ея полномъ объемѣ представляетъ два противоположныя направленія субъективнаго и объективнаго идеализма. Область практической дѣятельности человѣка, область права, нравственности и жизни общественной является поприщемъ постоянной борьбы двухъ противоположностей (3); но если обратимъ вниманіе на систему Фихте въ первоначальномъ и чистомъ ея видѣ, то замѣтимъ, что безусловное значеніе онъ придаетъ субъективному началу человѣческаго я, въ области практической отдѣльнымъ лицамъ, основывая ихъ взаимное единство и общеніе на началѣ условномъ, на договорѣ. Такимъ образомъ въ его системѣ получила безусловное значеніе только одна изъ стихій общественной жизни, раздѣльныя личности, въ жертву которымъ принесено начало ихъ взаимнаго единства. Такая односторонность, несогласная съ основнымъ стремленіемъ самой системы Фихте примирить субъективное начало съ объективнымъ, вызвала новую систему, въ которой начало единства возведено до степени безусловной, до кото-

(3) Непослѣдовательность системы Фихте, не столько логическая, сколько зависѣвшая отъ односторонности самаго начала, выразилась въ спорѣ его съ Шеллингомъ. Въ концѣ спора, Фихте сталъ утверждать тоже, чѣмъ началъ опровергать его Шеллингъ. См. Darstellung des wahren Verhältnißes d. Naturphil. zu der verbessert. Fichteschen Lehre v. Schelling Tüb 1806.

Digitized by Google

торой въ системѣ Фихте возведено было только понятіе объ лицѣ. Такое мѣсто въ движеніи философской мысли въ отношеніи къ праву и Государству занимаетъ система Гегеля. Хотя объективное направленіе Гегеля было условлено Шеллингомъ, но такъ какъ его начала права и Государства были выражены только въ немногихъ отдѣльныхъ положеніяхъ, которыя могли построиться совершенно инымъ образомъ, нежели у Гегеля, то я небуду излагать ихъ и обращусь прямо къ системѣ послѣдняго. Не вдаваясь въ многосложное построеніе основныхъ началъ его философіи, обращу вниманіе только на ихъ проявленіе въ области философіи права и Государства. Право, по ученію Гегеля есть выраженіе свободной воли (Hegels Werke VIII. § 4). Эта воля представляется въ трехъ моментахъ: какъ воля непосредственная, она стоитъ въ противоположности съ міромъ объективнымъ; ея дѣятельность на этотъ міръ образуетъ понятіе объ отвлеченномъ правѣ; въ этой дѣятельности она приходитъ въ соприкосновеніе съ дѣятельностью другихъ лицъ и, ограничиваясь ею, сосредоточивается, входитъ въ самое себя и выражается въ видѣ личной воли. Ея дѣятельность, направленная въ самое себя, образуетъ понятіе объ личной нравственности, морали. Оба противоположные момента слагаются въ понятіи общей объективной нравственности. Полнѣйшимъ выраженіемъ нравственной идеи служитъ Государство. (§ 33) Государство въ системѣ Гегеля представляется безусловнымъ началомъ человѣческаго общежитія, въ немъ уже не враждуютъ право и нравственность, какъ враждовали въ системахъ предшествовавшихъ, но мирно слагаются въ одно цѣлое. Само Государство, теряя условное значеніе, не ставится въ противоположность съ общимъ нравственнымъ единствомъ, но возвышаясь до степени безусловнаго единства, занимаетъ тоже мѣсто, какое отдѣльное лице занимало въ системѣ Фихте. Хотя Гегель и вводитъ Государство въ область Исторіи, но не подчиняетъ Историческому единству; напротивъ признаетъ Государство его полнѣйшимъ выраженіемъ, разумѣется не то или другое отдѣль-

Digitized by Google

ное явленіе Государственной жизни, но общую идею Государства. Каждое отдѣльное Государство не выражаетъ вполнѣ общей идеи, но въ то же самое время заключаетъ въ себѣ возможность осуществить ее; ибо она не внѣ, но заключена въ немъ самомъ. Она осуществляется въ Исторіи. Какъ въ искуствѣ общее начало жизни (allgemeiner Geist, какъ называетъ Гегель) выражается въ созерцаніи и образахъ, въ религіи въ чувствѣ и представленіи, въ философіи въ чистой мысли, такъ въ исторіи оно достигаетъ своей духовной дѣйствительности во всей полнотѣ его внѣшняго и внутренняго существованія, говоритъ Гегель (§ 341). Выраженіемъ же исторіи служитъ государство (§ 360). Такимъ образомъ начало общенія, являясь въ видѣ Государства, составляетъ основное начало ученія Гегеля о правѣ и Государствѣ, точно такъ, какъ въ системѣ Фихте ученіе объ лицѣ. Обѣ системы дополняютъ другъ друга и вмѣстѣ съ тѣмъ расходятся въ противоположныя крайности. — Государство, разсматриваемое въ его исключительности, перестаетъ быть общимъ началомъ, сосредоточивающимъ въ одно безусловное цѣлое отдѣльныя личности, но само становится въ рядъ отдѣльныхъ явленій исторической жизни цѣлаго человѣчества, въ рядъ многихъ государствъ; и потому, какъ отдѣльное, всегда выражающееся во множествѣ, предполагаетъ возможность другаго нравственнаго сосредоточенія. Отвлеченная идея государства выходитъ изъ области исторической, въ которой существуетъ Государство, и находитъ оправданіе своего существованія. Философія Государственнаго Права, чтобы удовлетворить самому названію, должна принять данное основаніе, и такимъ даннымъ является не общая мысль о Государствѣ, не тотъ или другой фактъ отдѣльной государственной жизни, но цѣлая и многосложная система общежитія, извѣстная подъ именемъ Государства во всемъ своемъ Историческомъ значеніи. Начала Философіи Государственнаго права должны быть началами самаго государства, философскою мыслію приводимыми только къ сознанію и въ философіи строящимися въ науку. Съ та-

Digitized by Google

кой точки зрѣнія государство, какъ одно изъ явленій исторіи, входитъ въ рядъ осмитысячелѣтней жизни человѣчества и въ ней, и вмѣстѣ съ нею находитъ свое оправданіе. Философія Государства представляется частью Философіи Исторіи.

Слѣдя за общественнымъ движеніемъ жизни, видимъ, что она слагается изъ двухъ стихій, изъ многихъ личностей, соединенныхъ въ одно цѣлое. Начало личности какъ множественное и начало единства — вотъ двѣ стихіи, условливающія бытіе всякаго рода общежитія. Уже въ семьѣ, члены ее составляющіе властію родительскою соединяются въ одно цѣлое. Въ эпоху преобладанія семейнаго и родоваго устройства въ жизни общественной власть семейная и родовая заключаетъ въ себѣ всѣ начала Государственной власти. Впослѣдствіи переходятъ они чрезъ различныя общества гражданскія во власть Государственную, служащую полнымъ выраженіемъ не родственнаго единства, какъ въ семействѣ, и не единства условнаго, какъ въ обществахъ гражданскихъ, но единства народнаго. Этотъ процессъ обособленія государственныхъ началъ съ одной стороны отвлекаетъ государство отъ случайнаго смѣшенія съ началами семейными и гражданскими и сосредоточиваетъ въ одно цѣлое, съ другой очищаетъ семейство и общество гражданское отъ чуждыхъ имъ началъ и назначаетъ опредѣленное мѣсто въ области государственной жизни, выражаемое въ правахъ семейномъ и гражданскомъ. — Начало единства общественной жизни въ Государствѣ получаетъ значеніе власти государственной. Личность опредѣляется понятіемъ о гражданинѣ. Ученіе о государствѣ въ его отвлеченіи отъ всѣхъ другихъ началъ распадается на ученіе объ верховной власти и на ученіе о гражданахъ по мѣрѣ ихъ участія въ жизни государственной, сосредоточиваемой въ одно цѣлое властью, слѣд. по мѣрѣ ихъ участія въ государственной власти.

Понятіе о власти Государственной выражается въ различныхъ видахъ въ слѣдствіе колебанія двухъ началъ, единства и многихъ личностей. Мысль о един-

Digitized by Google

ствѣ верховной власти выражается или какъ единство отвлеченное, проявляющееся дѣйствительно во множествѣ лицъ, или какъ единство, выражающееся дѣйствительно въ одномъ лицѣ. Такимъ образомъ являются двѣ существенныя формы государственной жизни, республика и монархія неограниченная.—Между ними могутъ быть среднія формы, условливаемыя колебаніемъ двухъ основныхъ и называемыя Аристократія, Монархія ограниченная и т. п. Отъ этихъ формъ зависитъ и степень верховной власти, законодательной, правительственной и исполнительной.

Второе ученіе объ участіи лицъ во власти государственной опредѣляется значеніемъ самой верховной власти въ государствѣ. Такимъ участіемъ лице теряетъ характеръ исключительной личности и становится органомъ государственнаго единства, органомъ власти. Органами могутъ быть или цѣлыя общества, или лица нравственныя или физическія. Такъ это ученіе распадается на три: ученіе о сословіяхъ, о мѣстахъ присутственныхъ и о службѣ государственной.

Снмъ заключается кругъ государства, разсматриваемаго въ его отвлеченіи. Во всѣхъ ступеняхъ общественной жизни, съ перваго ея появленія и до полнаго развитія, въ государствѣ уже заключаются начала государственныя. Потому, государству не предшествуетъ никакое другое естественное состояніе общежитія и само государство служитъ самымъ естественнымъ его выраженіемъ. Но государство не исчерпываетъ всего круга жизни общественной; оно является полнымъ выраженіемъ общественной жизни, но не единственнымъ. Государство не представляется какъ одно, но всегда какъ многія государства, потому не служитъ безусловнымъ выраженіемъ мысли объ единствѣ общественной жизни и даетъ возможность рядомъ съ собою возникнуть новому, не юридическому, но нравственному единству. Это высшее единство, не обнимаемое дѣйствительнымъ единствомъ государственнымъ, одними народами представляется какъ прошедшее (золо-

Digitized by Google

той въкъ) или какъ будущее. Въ древнемъ мірѣ оно выражалось въ народныхъ вѣрованіяхъ, въ Миѳологіи; въ мірѣ новомъ, христіанскомъ, выраженіемъ такого единства постоянно въ исторіи народовъ представляется Церковь. Отношеніе государства и церкви образуютъ вторую часть ученія о государствѣ; Церковь представляется внутреннимъ средоточіемъ общественной жизни, государство выраженіемъ единства внѣшняго. Церковь поддерживаетъ въ общественной жизни идею нравственности, Государство идею права. Взаимное соприкосновеніе этихъ двухъ началъ, Церкви и Государства, и ихъ проявленіе въ жизни дѣйствительной, въ правѣ и нравственности, составляютъ весь процессъ исторической жизни государства. Существеннымъ выраженіемъ этого процесса, обоюднаго воздѣйствія права и нравственности, служитъ просвѣщеніе. Просвѣщеніе есть та среда, гдѣ разрѣшается противоположность права и нравственности: право получаетъ нравственное значеніе, нравственность достигаетъ до степени юридической обязанности. Такимъ образомъ вторая часть философіи Государства распадается на три отдѣла. Въ одномъ изъ нихъ должно быть изложено ученіе объ отношеніи Государства къ общему нравственному средоточію; въ другомъ о значеніи сего средоточія въ отношеніи къ Государству, и въ третьемъ объ отношеніи Государства къ просвѣщенію.

Вторая часть философіи Государства разсматриваетъ Государство не отдѣльно отъ другихъ началъ жизни, но въ его соотношеніи со средоточіемъ нравственнымъ,— Церковію. Въ основѣ жизни человѣческой заключается противоположность начала единства, слагающаго всѣ ея части въ одно цѣлое, и начала разъединенія, выражающагося въ множествѣ различныхъ и часто противоположныхъ явленій. Она присутствуетъ во всѣхъ ступеняхъ общественной жизни и условливаетъ ея движеніе впередъ, взаимное воздѣйствіе и совмѣщеніе сего противорѣчія составляютъ коренной законъ человѣческой жизни, для которой высшее, безусловное единство служитъ постоянною цѣлію. Въ государствѣ, которое стремится

Digitized by Google

быть полнѣйшимъ выраженіемъ человѣческаго общежитія, сія противоположность достигаетъ до высшей сознательной степени своего выраженія. Въ движеніи общественной жизни Государство представляется выраженіемъ начала единства, но выраженіемъ частнымъ, являясь въ видѣ многихъ государствъ. Выражая единство, Государство въ то же самое время входитъ въ область отдѣльныхъ явленій общечеловѣческой жизни и становится рядомъ съ общимъ нравственнымъ средоточіемъ, Церковію. Потому Государство должно быть разсматриваемо съ этихъ двухъ сторонъ, взаимное воздѣйствіе которыхъ, выражаясь въ просвѣщеніи, условливаетъ весь процессъ Государственнаго развитія, которымъ входитъ оно въ область исторіи. Ввести государство въ область историческаго развитія, показать его какъ членъ живаго организма человѣчества, этимъ достигнута цѣль философіи Государства. Какъ часть философіи, она не могла и не должна была придти къ общему безусловному началу, но къ его противоположности — къ вопросу. Этимъ вопросомъ философія Государства входитъ въ философію исторіи, которая въ свой чередъ оканчивается противоположностью и вопросомъ, разрѣшающимся только въ области безусловнаго вѣдѣнія.

А. Поповъ.

СОЧИНЕНІЯ ПАСКАЛЯ, ИЗДАННЫЯ КУЗЕНЕМЪ.

Мы уже извѣщали читателей нашихъ, что Кузень недавно возстановилъ текстъ Паскаля искаженный Іезуитами: теперь еще яснѣе и чище обнаруживается направленіе ума этого великаго мыслителя, проникнутаго глубокимъ Скептицизмомъ въ отношеніи къ Разуму и глубокою увѣренностію въ Религіи.

Кузень въ нѣкоторыхъ статьяхъ, писанныхъ о Паскалѣ, старается, какъ философъ доказать односторонность этого Янсенистскаго направленія Паскаля и всего знаменитаго *Порь-*

Digitized by Google

Рояля. Въ ихъ безусловномъ отрицаніи всякой безусловной философіи видитъ онъ столько же уклоненія отъ истинъ Разума, сколько отъ истинъ Католицизма; но кажется, если бы и справедливо было, что Паскаль въ своемъ мышленіи уклонялся отъ истинныхъ законовъ Разума, то вѣроятно не Кузеневы истины могли бы приблизить его къ настоящему мышленію. Кузень принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые почитаютъ возможнымъ принять чужую систему отчасти, приложить къ ней другія мнѣнія то же отчасти, и говоря безпрестанно о безусловной необходимости законовъ Разума, подчинять иногда эту необходимость другимъ цѣлямъ, выдавая за выводы Разума соображенія своего разсудка. Не такова была строгая, крѣпкая, острая, желѣзная логика Паскаля.

Нѣтъ сомнѣнія, что Поръ-Рояль въ ученіи своемъ о благодати, розпится съ ученіемъ Римскаго Католицизма. Но мы думаемъ, что эти добросовѣстные мыслители, потому только могли уклониться въ односторонее пониманіе истины, что Западная Церковь, въ ихъ время, уклонялась въ другую сторону; когда мы вспомнимъ тѣ догматы Рим. Схоластики о благодати и заслугахъ человѣка, на которыхъ опиралось ученіе ихъ о чистилищѣ, о индулгенціяхъ и т. подоб. тогда поймемъ, что для искренняго Христіанскаго мышленія не возможно было не вырваться изъ этого заблужденія въ другую противоположную крайность: если и эта крайность преувеличенная, то конечно она происходитъ изъ источника справедливаго.

Кстати къ Поръ-Роялю приведемъ здѣсь отрывокъ изъ рѣчи Гюго, говоренной имъ въ Академіи, по случаю принятія въ нее Сентъ-Бева. написавшаго, какъ извѣстно, знаменитую книгу о Поръ-Роялѣ, исполненную многихъ любопытныхъ разсказовъ, живыхъ краснорѣчивыхъ страницъ, но не обнявшую, какъ кажется, всей глубины Поръ-Роялькаго ученія.

Естественно было вамъ М. Г. по направленію вашего таланта, обратить вниманіе ваше, на два знаменитые круга великихъ умовъ, которые сообщаютъ 17-вѣку его двѣ характеристическія черты: на гостинную Рамбулье и на Поръ Рояль. Одна открываетъ 17-й вѣкъ, другой сопровождаетъ и заключаетъ его. Одна вводитъ въ языкъ нашъ краску воображенія, другой, характеръ строгости. Оба находясь на двухъ кон-

Digitized by Google

дахъ человѣческой мысли проливаютъ на неё различный свѣтъ. Ихъ вліянія счастливо спорили между собою, и еще счастливѣе совмѣщались: въ нѣкоторыхъ образцахъ нашей словесности, возникшихъ такъ сказать въ равномъ отдаленіи отъ обоихъ, въ нѣкоторыхъ безсмертныхъ произведеніяхъ, которыя равно удовлетворяютъ уму, въ его потребности воображенія, и душѣ въ ея потребности внутренней строгости, сливаются въ одинъ свѣтъ ихъ двойственные лучи.

Изъ этихъ двухъ явленій, обозначающихъ знаменитую эпоху и сильно дѣйствовавшихъ на нравы и литтературу Франціи, первому, гостинной Рамбулье, посвятили вы нѣсколько живыхъ и умныхъ очерковъ; но второй, Поръ Рояль, возбудилъ и привлекъ ваше полное вниманіе. Вы посвятили ему превосходную книгу, которая хотя еще не окончена, но безъ сомнѣнія есть самое значительное произведеніе ваше. Вы хорошо сдѣлали, М. Г. Достойна вниманія и глубокаго изученія эта строгая семья отшельниковъ, уединенно и значительно прошедшая сквозь 18-й вѣкъ, среди преслѣдованій и почтенія, среди восторговъ и ненависти, уважаемая великими, гонимая сильными, почерпавшая изъ самой слабости своей, изъ своего одиночества какую то неизъяснимую власть, и употреблявшая величіе ума, на возвеличеніе вѣры! Николь, Лансело, Леместруъ, Саси, Тилемонъ, Арнольды, Паскаль, имена почтенныя, славы спокойныя, среди которыхъ блестятъ цѣломудренной красотой три женщины, достигшія своею святостію того величества, котораго Римскія женщины достигали Героизмомъ! Прекрасная и ученая школа мыслителей, заменившая Аристотеля Св. Августиномъ, покорившая своему убѣжденію Герцогиню Лонговиль, образовавшая Президента Гарлеи, обратившая Тюренна, и которая въ тоже время украшалась милосердіемъ Франсца де Саля и крайнею строгостію Аббата Сен-Сиранскаго. Впрочемъ дѣло Поръ Рояля не было дѣломъ литтературнымъ; оно захватывало литтературу случайно, такъ сказать, стороною. Настоящая цѣль этихъ печальныхъ и строгихъ мыслителей была чисто религіозная. Скрѣпить узы церкви внутри и во внѣ большею нравственностію священника и большею вѣрою народа; преобразовать Римъ, покоряясь ему; произвести внутри силою любви то, что Лютеръ хотѣлъ произвести во внѣ

Digitized by Google

силою гнѣва; создать во Франціи, между страдающимъ и невѣжественнымъ народомъ съ одной стороны, и между разслабленнымъ и сластолюбивымъ дворянствомъ съ другой, создать классъ средній, здоровый, крѣпкій, стоически твердый, создать высокое мѣщанство, христіанъ образованныхъ, основать церковь образцовую посреди церкви, народъ образцовый посреди народа, таково было тайное стремленіе, тайное честолюбіе, тайная глубокая мечта этихъ людей, знаменитыхъ тогда своимъ религіознымъ покушеніемъ и знаменитыхъ теперь своихъ литературнымъ слѣдомъ. И чтобъ достигнуть этой цѣли, чтобы основать общество согласно вѣрѣ, они почитали между всѣхъ необходимыхъ истинъ за самую необходимую, за самую свѣтлую, самую дѣйствительную, самую неизбѣжную для разума и самую существенную для вѣры: истину о слабости человѣка, въ слѣдствіи первороднаго грѣха, истину о необходимости Бога искупителя, — истину Христа. Сюда обращались всѣ ихъ усилія какъ будто они предвидѣли, что здѣсь предстоитъ опасность. Они воздвигали громады книгъ, утверждали выводы на выводахъ, доказательства на доказательствахъ, для укрѣпленія одной правды. Удивительный инстиктъ предчувствія, свойственный только однимъ глубокимъ умамъ! Мы должны замѣтить это явленіе. Они спѣшили строить великую крѣпость, на спѣхъ созидали ее, какъ бы предугадывая великое нападеніе. Смотря на нихъ теперь подумаешь, что эти люди 17-го вѣка, предвидѣли людей осьмнадцатаго. Кажется, что наклонившись надъ бездною будущаго, безпокойные и внимательные, понимая, по какому то болѣзненному колебанію воздуха, что неизвѣстный легіонъ движется во мракѣ, они уже слышали въ далекѣ приближеніе темной и нестройной арміи энциклопедистовъ, уже распознавали посреди неяснаго гула ея шаговъ смутный отголосокъ печальнаго и роковаго слова Жанъ-Жака, уже слышали пронзительный хохотъ Вольтера.

Ихъ преслѣдовали; они едва замѣчали это. Будущая опасность вѣры, занимала ихъ мысли болѣе, чѣмъ настоящія страданія ихъ общины. Они не просили ничего, не хотѣли ничего, ничего не добивались; они созерцали и работали; они жили въ тѣни уединенія, во свѣтѣ ума. Зрѣлище удивительное, которое волнуетъ душу, поражаетъ мысль. Между тѣмъ

Digitized by Google

какъ Людовикъ XIV покорилъ Европу, какъ Версаль удивлялъ Парижъ, какъ дворъ рукоплескалъ Расину, какъ городъ рукоплескалъ Мольеру; между тѣмъ какъ вѣкъ наполнялся блескомъ праздниковъ и громомъ побѣдъ; между тѣмъ какъ всѣ взоры съ восторгомъ устремлены были на великаго Короля, и всѣ умы на великое царствованіе, — они, отшельники, созерцатели, опредѣленные къ ссылкѣ, къ заключенію, къ смерти безславной и незамѣченной, заключенные въ монастырѣ, предназначенномъ разрушенію, въ монастырѣ, котораго послѣдніе слѣды, должна была запахать враждебная соха, — Мыслители, потерянные въ пустынѣ, въ близи этого Версаля, этого Парижа, этого великаго царствованія, этого великаго Короля, — мыслители-земледѣльцы, воздѣлывающіе поле свое, изучавшіе тексты, незнавшіе, что дѣлается во Франціи и въ Европѣ, искавшіе въ Священномъ писаніи, безпрерывныхъ доказательствъ о божественности Іисуса, искавшіе въ мірозданіи безконечнаго прославленія Создателю, — съ мыслію направленною къ Богу, съ очами устремленными единственно къ Нему, они размышляли о Священныхъ книгахъ и великой природѣ, съ раскрытою Библіею, посреди ихъ церкви, съ лучезарнымъ солнцемъ посреди ихъ небесъ.

Ихъ явленіе не было безполезно. Вы сказали это М. Г. въ замѣчательной книгѣ, которую они вамъ внушили. Они оставили слѣды свои въ теологіи, философіи, языкѣ, литературѣ, и, до сихъ поръ еще Поръ-Рояль остается внутреннимъ и тайнымъ свѣтильникомъ для нѣкоторыхъ великихъ умовъ. Домъ ихъ былъ разрушенъ, поле ихъ было опустошено, ихъ гробы вырыты и преданы на поруганіе, но ихъ память остается священною, но ихъ мысли еще стоятъ, но изъ дѣлъ посѣянныхъ ими, многія принесли плодъ свой. Для чего же побѣда ихъ прошла сквозь такія бѣдствія? Отъ чего такое торжество, не смотря на такія преслѣдованія? — Это не потому только, что они были мыслители возвышенные, это еще потому, это особенно потому, что они были искренніе! потому что они вѣрили, потому что они были убѣждены, потому что они шли къ своей цѣли съ сердцемъ исполненнымъ единою волею, нераздѣльною, глубокою вѣрою. — Размышляя о ихъ исторіи, невольно восклицаемъ каждому: — Кто бы ты ни былъ, хочешь ли имѣть великія мысли, совершить

Digitized by Google

великія дѣла? — вѣрь! имѣй убѣжденіе, имѣй вѣру религіозную, вѣру патріотическую, вѣру литтературную. Вѣруй въ человѣчество, въ силу генія, въ будущее, въ самаго себя Знай отъ куда ты исходишь, чтобы знать куда стремишься. Вѣра здорова для разума. Не довольно думать, надобно вѣрить. Изъ вѣры и убѣжденія исходятъ святые подвиги въ сферѣ нравственной и великія мысли въ сферѣ поэзіи.

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО ВОСПОМИНАНІЙ О КОЛОМЕНСКОМЪ ПУТИ И О САМОМЪ ГОРОДѢ.

(Въ дополненіе къ изданному въ семъ году сочиненію: Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду.)

Собравъ извѣстія о древнемъ Коломенскомъ уѣздѣ, по пути мною слѣдимомъ, а также и о самомъ городѣ, я уже сказалъ, что въ этомъ историческомъ краю еще осталось много и для ученаго Археолога и для простаго любителя нашей старины, — итакъ сообщаю здѣсь о томъ, что частію найдено, частію узнано мною послѣ отпечатанія моей брошюры, и что включится въ нее при второмъ изданіи (*)

Слѣдя путь Димитрія Донскаго въ походѣ на Мамая, описывалъ я и мѣста ему сосѣдственныя, завлекавшія меня своею историческою важностію; но, не измѣняя предположенному себѣ плану описаній, я долженъ бы былъ упомянуть объ извѣстномъ въ окрестностяхъ Москвы монастырѣ Св. Николая на урочищѣ *Угрыши*. Упустивъ изъ виду это мѣсто, нынѣ же посѣтивъ его, считаю долгомъ нѣчто сказать о немъ, хотя и не могъ я отыскать многихъ фактовъ, нужныхъ описывателю: они истреблены временемъ, а также огнемъ и мечемъ нашествій.

Въ 15-ти верстахъ отъ Москвы, въ 6 отъ слѣдимаго мною пути, въ 2 отъ упомянутаго уже мною знаменитаго

(*) Любители Отечественныхъ древностей, удостоивъ это сочиненіе особеннаго вниманія, изъявили мнѣ желаніе, чтобы я сообщалъ имъ все, что будетъ мною еще найдено или узнано. *Москвитянинъ* также отозвался о немъ съ ободрительнымъ и лестнымъ для меня радушіемъ, — и я посвящаю ему, въ знакъ моей признательности, эти дополнительные отрывки, еще не зная, будетъ ли когда напечатано второе изданіе: *Прогулки*. *М. И.—П.*

Digitized by Google

древняго села *Островъ* прозваннаго *Лосинымъ* (*), на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки, находится урочище *Угрѣша*, съ малою рѣкою сего имени. Здѣсь стоитъ монастырь Святаго Николая, часто упоминаемый въ нашихъ лѣтописяхъ. Есть одно преданіе, сперва устное, въ послѣдствіи кѣмъ-то положенное на бумагу, будтобы Димитрій Донскій, выступившій, какъ извѣстно, на Коплы (Копелъ), своротилъ къ этому урочищу, и, обрѣтши здѣсь Икону Святителя, явившуюся ему надъ высокою сосною, основалъ сію Угрѣшскую Обитель во имя Чудотворца. Хотя такой своротъ съ Коплова, слишкомъ близкій къ Столицѣ, не могъ согласоваться съ его намѣреніемъ: не стѣсняться въ походѣ множествомъ войскъ, шедшихъ къ Коломнѣ, и хотя *Шубинскій* путь, столь значительный (какъ я уже и замѣтилъ во многихъ мѣстахъ описанія онаго) долженствовалъ быть избраннымъ Донскимъ, хотя все это и кажется несомнѣннымъ, но я почитаю долгомъ не утаивать ни одного изъ дошедшихъ до меня преданій 1). Здѣсь надлежитъ замѣтить, что *тройный* путь изъ Москвы въ Коломну, въ теченіи вѣковъ, часто измѣнялся, и преданіе могло получить имовѣрность (**).

(*) Это село, подъ именемъ Островскаго, упомянуто въ Душевныхъ Грамотахъ Калиты, Донскаго и Темнаго.

(**) Первый *боковый* путь шелъ отъ Константино-Еленскихъ воротъ, на Спасо-Андрониковъ монастырь и назывался путемъ *Болванскимъ*; по немъ шли Князья Бѣлозерскіе; по немъ возвратился съ побѣды и Великій Князь.. Гдѣ соединялся онъ съ главнымъ *Брашевскимъ*, неизвѣстно.

Вторый *средній* и главный, *Брашевскій*, по коему выступилъ Кн. Владиміръ Андреевичь Храбрый, шелъ отъ тѣхъ же воротъ, древле чрезъ Новоспасскую заставу, отъ коей и нынѣ есть большая дорога, называемая *старою*; въ послѣдствіи, онъ проложенъ близъ бывшаго Покровскаго монастыря, и есть нынѣшній большой Коломенскій.

Третій *боковый*, и древле весьма значительный, (нынѣ же проселокъ), по коему выступилъ самъ Великій Князь, шелъ отъ Боровицкихъ воротъ чрезъ Серпуховскую заставу на Коплы (Копелъ), и двумя своротами съ Серпуховки и Каширки продолжался *Шубинкою* до самой Коломны. — Можетъ быть, иногда и сворачивали еще отъ Котловъ на село Коломенское, а тамъ, чтобъ выѣхать на главный *Брашевскій*, перевозились у Николы на Угрѣшѣ; но Донскому, взявшему Шубинскій путь, вѣроятно не нужно было перево-

Digitized by Google

Какъ бы то ни было, обитель, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, основана Вел. Кн. Димитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ, въ 1381, чрезъ годъ по одержаніи побѣды Куликовской.

Слава этого похода изслѣдила всѣ Юго-Восточныя окрестности Москвы, оставивъ тамъ вѣковѣчные Святые памятники. Ихъ изслѣдили, въ послѣдствіи, и благодарные Монархи и смиренномудрые Святители. Вѣроятно, при закладкѣ перваго храма этой обители, или, лучше сказать, при срубѣ его перваго основнаго вѣнца присутствовали сами В. К. Димитрій и Кн. Влад. Андр. Храбрый, довершитель Задонской побѣды, окруженные витязями въ ней подвизавшимися; а закладный Крестъ, гдѣ быть Престолу, водружали Святые: Митрополитъ Кипріянъ и *Тройцкій Старецъ*, Игуменъ Сергій, чествуя память Великаго Святителя, къ заступленію коего мы прибѣгаемъ отъ начала нашего Христіанства. Храмы и монастыри во имя его неисчислимы на необозримомъ пространствѣ Святой Руси. Мѣсто сдѣлавшееся средоточіемъ ея величія и славы, Москва вмѣстила въ себѣ многія святолѣпныя сданія въ честь Мирликійскаго, украсивъ ими и свои значительныя окрестности. Могла ли битва Задонская не быть ознаменованною какимъ нибудь новымъ чудомъ сего Угодника и новымъ памятникомъ въ честь его имени 2)!

Близъ монастыря и понынѣ ещеростутъ сосны и ели; но уже нѣтъ свидѣтельницъ событія. Не въ первый разъ я сѣтую на истребленіе почтенныхъ старцевъ растительнаго царства, а особливо тѣхъ, коихъ справедливо можно было бы назвать историческими. Цѣлыя рощи такихъ гибнутъ подъ топоромъ спекулаторовъ (*).

зиться съ своимъ Великокняжескимъ отрядомъ войскъ: этотъ путь избавлялъ его, какъ отъ стѣсненія, такъ и отъ переправы. — Прибавлю, въ дополненіе, о семъ пути, что своротъ съ Каширки на село Колычево, то есть на *Шубинку*, былъ удобнѣйшимъ отъ сельца Опариновъ, нежели отъ Шипиловской плотины.

(*) На правомъ берегу Москвы-рѣки, почти противъ монастыря, тамъ гдѣ былъ боръ непроходимый, тамъ нынѣ видятся впадистыя долины и лоски, изъ почвы коихъ вырываютъ плиты торфа. По крайней мѣрѣ, здѣсь *пріятно*-поминное для Русскаго Археолога замѣнено *полезнымъ* для матеріальной жизни человѣка, если этѣ плиты могутъ замѣнить дрова.

Digitized by Google

Лѣтописи, умолчавъ о чудесномъ событіи, не умолчяли о монастырѣ Угрѣшскомъ: „Въ 1479 г. сгорѣлъ *въ Кремлѣ* храмъ Угрѣшскаго подворья, „(итакъ эта обитель имѣла тогда свое подворье въ Кремлѣ, наровнѣ съ первоклассными монастырями (*). Въ 1397 г., здѣсь было провожаніе Княгини Рязанской, Анны, всѣмъ Великокняжескимъ семействомъ. Въ 1519 г., Вел. Кн. Василій Іоанновичь посѣтилъ Угрѣшскую обитель, отправляясь на охоту въ *любимое* село Островъ. Въ 1521 г. два Царя Татарскіе, Магметъ-Гирей и Саипъ Гирей, соединясь подъ Коломною, и разоривъ ее съ окрестностями, подступили къ Москвѣ, и сожгли этотъ монастырь, вмѣстѣ съ селомъ Островомъ. Въ 1544 г. юный Іоаннъ IV, готовясь выступить противъ Крымскаго Хана, ѣздилъ сюда водою на богомолье. Въ 1555 г. была здѣсь великая встрѣча древней Вяшской Иконы Св. Николая Великорѣцкаго *для ея подпльванія*, то есть, поновленія или записанія собственною рукою Митрополита Макарія. Икона плыла Вяткою, Камою, Волгою, Окою и по Москвѣ-рѣкѣ до сего мѣста, гдѣ Іоаннъ велѣлъ брату своему, Кн. Юрію Васильевичу, встрѣтить ее и принять съ судовъ на берегъ; самъ Государь встрѣчалъ ее у Симонова; Архіепископы и Епископы у Яузскихъ воротъ, а Митрополитъ во Флоровскихъ (Спаскихъ). Выступая на Казань, и заѣзжая въ село свое *любимое* Островъ (**), Іоаннъ не могъ объѣхать эту обитель, и не поклониться ея святынѣ. — Здѣсь я воображаю его въ полномъ блескѣ своей славы, грозно величественнымъ, ополченнымъ не на своихъ, кровію которыхъ онъ послѣ обагрился, но еще во славу Россіи, шедшаго добывать Монгольское царство; воображаю его сопутствуемымъ великими сподвижниками Казанскаго похода: знаменитымъ бояриномъ, тогда же удостоеннымъ званія *Слуги*, Княземъ Михаиломъ Воротынскимъ 3), Князьями: Мстиславскимъ, Прон-

(*) Вѣроятно, послѣ сего пожара и при застроеніи Кремля Іоанномъ III дано обители другое подворье. Оно находится на Моросейкѣ (при началѣ Покровки), и понынѣ приноситъ значительный доходъ монастырю. Близъ него стояла часовня. Она упразднена въ 1835 году, а старинная Икона Святителя Николая доставлена изъ нея въ монастырь.

(**) Оно было любимымъ и его отца, какъ уже и сказано.

Digitized by Google

скимъ, Хилковымъ, Щенятевымъ, Курбскимъ, Микулинскимъ, Оболенскимъ-Серебрянымъ и Боярами Шереметевыми.—Царь Ѳеодоръ Іоанновичь нѣсколько разъ посѣщалъ Угрѣшу. Годуновъ (Боярин, Правитель и Царь) изъ своего села Борисова и Царицына, въ осми верстахъ отстоящихъ, вѣроятно, пріѣзжалъ сюда часто. Въ 1602, Григорій Отрепьевъ бѣжалъ въ эту обитель изъ Чудова монастыря. Здѣсь, въ 1610, жилъ вторый Самозванецъ съ лжецарицею Мариною, и здѣсь явились къ нему послы отъ Гетмана Жолкѣвскаго для склоненія его уступить Царство Сигисмунду или Владиславу. Здѣсь, говоритъ Исторія, „выслушавъ ихъ предложеніе, онъ сказалъ: „хочу лучше жить въ избѣ крестьянской, нежели милостію Сигисмундовою!« Тутъ Марина вбѣжала въ горницу; пылая гнѣвомъ, злословила, поносила Короля, и съ насмѣшкою примолвила: теперь слушайте *мое* предложеніе: „пусть Сигисмундъ уступитъ Царю Димитрію Краковъ и „возметъ отъ него, въ знакъ милости, Варшаву (*)!« — Въ ужасную эпоху междуцарствія, когда Москва была сожжена Ляхами, здѣсь соединились, чтобы отбить ея святое пепелище, Прокопій Ляпуновъ и Заруцкій (еще вѣрный) съ другими воеводами: первый пришелъ отъ Коломны, вторый отъ Тулы (**). — Здѣсь Ляпуновъ явилъ примѣрную строгость, велѣлъ воеводѣ Плещееву кинуть въ рѣку 20 казаковъ за разбой, что и было причиною преждевременной его кончины. — Здѣсь опустошалъ и грабилъ мятежникъ также смутнаго времени, посланный изъ Тушина Самозванцемъ, Атаманъ Салковъ. Когда разбилъ онъ здѣсь Царскихъ воеводъ, тогда выступилъ сюда знаменитый Князь Пожарскій, заставилъ Салькова бѣжать къ Пехоркѣ, и тамъ въ мужественной битвѣ уничтожилъ его измѣнническое войско. — Сюда, по очищеніи Москвы и Царства, подвизался избранникъ Божій и умиритель Россіи, Царь Михаилъ Ѳеодоровичь, окруженный ея избавителями, благодарить великаго Угодника, и приносилъ дары, частію сохранившіеся и донынѣ. — Здѣсь, при-

(*) Польскій Историкъ, Нѣмцевичь, называетъ этотъ монастырь Nowe hroszy, портя слова: *на Угрѣши.*

(**) „Пріидоша жь вси Воеводы изо всѣхъ горододовъ къ Николѣ на Угрѣ„шу, и совокупишася вси за едино, поидоша подъ Москву.“ *Никон. Лѣтопись.*

Digitized by Google

нося важные же дары, молился, отдыхалъ и *прохлаждался*, веселясь охотою, мудрый устроитель ея полнаго величія, Царь Алексѣй Михайловичь, добывъ Смоленскъ и Украйну, обдумавъ и издавъ Уложеніе (*). Нѣтъ преданія, посѣщалъ ли этотъ монастырь Петръ Великій; но, вѣроятно, окончивъ свой юношескій урокъ подъ дубомъ села Коломенскаго, онъ ѣзжалъ сюда съ Никитою Моисеевичемъ Зотовымъ. Извѣстно, что Екатерина Великая, на пути своемъ въ Полуденную Россію чрезъ Коломну, заѣзжала на Угрѣшу. — Какъ роднится съ сердцемъ Русскимъ край, освященный такими воспоминаніями!

Въ монастырѣ три храма: Николаевскій, Успенскій и Предтечевскій.

Главный Николаевскій могъ быть построенъ въ концѣ XV столѣтія, на мѣстѣ перваго, вѣроятно деревяннаго. Онъ правильно четвероугольный, съ выступнымъ алтаремъ, раздѣленнымъ на три части; входное наддверіе Мавританской формы; верхъ одноглавый; нѣкоторыя окна остались первобытно узкими. Но всѣ эти признаки древности забѣлены съ прибавленіемъ новѣйшихъ орнаментовъ (отъ чего, кажется, уже нельзя отучить ни архитекторовъ, ни настоятелей, ни вкладчиковъ-храмоздателей) (**). Внутренность храма также вновь обштукатурена, безъ искаженія, однакоже, слѣдовъ первобытнаго: алтарь сохранилъ свое тройное раздѣленіе стѣнами. Въ доказательство, какъ прочно строили

(*) Событія сихъ двухъ царствованій, относящіяся къ Исторіи политической и церковной, въ коихъ также могла участвовать и Угрѣшская обитель, извѣстны намъ лишь по нѣкоторымъ отрывкамъ. Эти событія раскроются вполнѣ, когда кто нибудь осмѣлится приставить свое перо къ словамъ: *Орѣшекъ не сдавался.*

(**) Поновленія, не припаровленныя къ первобытному, вредятъ даже дѣйствію на насъ и самаго предмета. Облеките церквицу XV столѣтія въ новыя украшенія: что сдѣлаете вы? — Отнявъ у ней признаки святочтимой древности, лишивъ ее воспоминаній, вы заставите насъ сравнивать ее съ нынѣшними зданіями, — и она покажется намъ какою-то палаткою надъ подваломъ или кладовою богатаго барина; между тѣмъ, какъ оставленная въ первобытномъ видѣ, или поновленная съ припаровкою къ нему, она не престанетъ возвышать ся въ сердцахъ и умахъ нашихъ и надъ храмомъ Св. Петра въ Римѣ.

Digitized by Google

наши стѣноздатели при Іоаннѣ III, наученные Аристотелемъ и его учениками (*), замѣчу, что дѣйствіе пожара, возженнаго Магметъ-Гиреемъ и Саипъ-Гиреемъ, отозвалось въ недавнемъ времени: верхніе своды начали крошиться и потребовали починки только въ прошломъ году. — Я засталь новый богатый иконостасъ только что отдѣланнымъ, и радовался его Византійской формѣ, а также и искусному отчищенію иконъ безъ записокъ новою кистію.

Иконы: Храмовая Святителя Николая, по преданію, явившаяся Димитрію Донскому, весьма древняго письма. Она не самаго большаго размѣра, но, окруженная *житіемъ*, кажется великою: окладъ не допустилъ меня видѣть, не приложено ли *житіе* послѣ. Въ ризницѣ хранится прежній окладъ, работы Византійской съ разноцвѣтною финифтью. Замѣчательно, что онъ, какъ и всѣ древнѣйшіе, окружалъ одежду и другіе предметы, покрывая однѣ поля и воздушную часть иконы. Здѣсь предлежитъ вопросъ: кто, въ этомъ отношеніи, умнѣе: древніе или новѣйшіе? — На *житіи* были также оклады съ мѣлкою узорочною финифтью. Замѣчу, кстати, что на новомъ окладѣ, закрывающемъ одежду, вычеканена митра на главѣ Святителя; на иконѣ же ея нѣтъ, какъ и на всѣхъ древнихъ Греческихъ и Русскихъ. Но большая, гораздо древнѣйшая икона Греческаго стиля есть образъ Нерукотвореннаго Спасова лика на убрусѣ, съ брадою и власами имѣющими видъ омоченныхъ (признакъ глубокой древности); подъ нимъ, на тойже дскѣ, изображено предъуготовленіе къ положенію во гробъ, извѣстное подъ именемъ: *не рыдай мене, мати.* Успшій Спаситель представленъ какъ бы сѣдящимъ. Съ правой стороны предстоитъ ему Богоматерь, съ лѣвой Іосифъ и Никодимъ плачущіе. Эта икона Греческаго письма, не только что замѣчательна, но и высшей важности для изучателя древней иконописи: мнѣ случилось видѣть точно такое изображеніе успшаго Спасителя, приложенное къ числу немногихъ и рѣдкихъ произведеній перваго Италіанскаго живописца Чимабуе, и такъ перваго ученика Грековъ въ XIII столѣтіи. Вѣнцы съ финифтью Византійскаго дѣла 4).

(*) Повторяю, что отношу строеніе храма къ этому времени.

Digitized by Google

Третья икона едвали не самодревнѣйшая, изображаетъ Св. Іоанна Предтечу проповѣдующаго въ пустынѣ. Она сохранила свой современный написанію окладъ изъ тонкихъ серебряныхъ съ позолотою листовъ, мелко чеканеныхъ, что уже весьма рѣдко. Икона стоитъ въ трапезѣ: ей слѣдовало бы занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ самомъ храмѣ. Вѣроятно это древній даръ Вел. Князей для храма, здѣсь во имя Іоанна Предтечи созданнаго; (его престолъ перенесенъ уже на другое мѣсто, и нынѣ онъ зовется верхнимъ, будучи во второмъ этажѣ, близъ настоятельскихъ келій. Въ немъ почти все новое; есть и старинное, но не древнее). Я долго стоялъ предъ этою иконою, изумляясь характеру пророчества, который данъ художникомъ лицу едва возмужавшаго Іоанна, а притомъ и нѣкоторой свѣжести колорита, несмотря на истеченіе, вѣроятно, болѣе полутысячи лѣтъ. Эта икона, кажется, чисто-Византійская.

Замѣчательна также древняя икона Богоматери Владимирскія; ея окладъ также древенъ; убрусъ или монистый подвѣсокъ украшенъ двумя неограненными вениціями лучшей воды, посреди коихъ топазъ ограненный, и такъ вставленный позднѣе.

Прочіе образа́ въ иконостасѣ также довольно рѣдки: они всѣ XVI-го столѣтія, и всѣ уже отчищены. Большая часть изъ нихъ, кажется, Строгоновской школы того времени.

Въ Успенскомъ храмѣ замѣчательны древніе Царскіе двери, доставленныя туда изъ прежняго иконостаса Московскаго Ивановскаго Монастыря: ихъ иконы, Благовѣщенія и четырехъ Евангелистовъ, достойны снимковъ нашихъ художниковъ-археологовъ: онѣ, кажется, Греческія.

Такія драгоцѣнности, имѣющія мало себѣ подобныхъ даже и въ соборныхъ храмахъ столицъ и другихъ городовъ Россіи, должны обратить на себя вниманіе ученаго иконофила. Почти всѣ означенныя мною здѣсь иконы можно назвать Византійскими или Византико-Русскими первыхъ временъ нашего искусства. Византійскими я называю потому, что въ XV вѣкѣ, предъ взятіемъ Царя-Града Турками, къ намъ доставлялось оттуда множество иконъ и другой святыни, а послѣ также много привезено Греками, сопровождавшими Вел. Кн. Софію Палеологову. Византико-Рус-

Digitized by Google

скими называю потому, что никто не возмется опличить иконъ Алимпія и художниковъ Симеона Гордаго: Захаріи, Іосифа и Николая, а также и Андрея Рублева отъ Греческихъ, ибо они всегда работали вмѣстѣ съ Греками. — Это почти также трудно, какъ и опличить древнее Фряжское письмо отъ Греческаго, ибо первые Италіанскіе живописцы, какъ я уже и сказалъ, были ученики Грековъ, которые завели свою школу во Флоренціи подъ именемъ школы Св. Луки. Упомянутыя мною иконы, безъ сомнѣнія, приносимы были усердіемъ Донскаго, Василія Димитріевича, Василія Темнаго и Іоанна III. Василій Іоанновичь и сынъ его, Іоаннъ IV, также много усердствовали этой обители. — Я не имѣлъ времени замѣтить, сохранились ли на нихъ какія надписи: можетъ быть, есть и значительныя; но для сего надлежало бы выставлять иконы и снимать оклады.

Въ нѣкоторыхъ Душевныхъ грамотахъ Великихъ Князей видно, что были завѣщаемы вклады въ эту обитель; но грамоты на приношенія, хранившіяся въ ризницахъ и библіотекѣ монастыря, истреблены, сперва Литовцами въ смутное время, потомъ Французами въ 1812-мъ году. Вотъ все, что осталось древняго изъ утвареи:

1-е Риза рытаго бархата съ цвѣточными разводами по золотой насыпи, уже стершейся, съ малиновымъ оплѣчьемъ Генуэзскаго или Венеціанскаго тисненаго бархата. Она была вся унизана жемчугомъ, крупнымъ и мѣлкимъ, и имѣла на себѣ нашитыя серебрянныя позлащенныя дщицы или бляхи, въ числѣ 42-хъ, съ иконами древней рѣзьбы. Объ этой ризѣ есть преданіе, что она устроена еще Димитріемъ Донскимъ, но письменнаго акта объ этомъ нѣтъ; впрочемъ, по всѣмъ признакамъ, она принадлежитъ къ XV-мъ столѣтію, и могла быть даромъ Іоанна III. Въ 1825-мъ году она была похищаема, найдена изодранною, и перешита въ стихарь, а дщицы съ иконами хранятся особенно въ ризницѣ; также отысканъ и жемчугъ, уже споротый, вѣсящій нѣсколько фунтовъ; самый же крупный не былъ отысканъ. — Замѣчательна судьба этой ризы: въ 1521, она уцѣлѣла при нашествіи двухъ Хановъ; уцѣлѣла, въ 1610, отъ втораго Самозванца, а послѣ отъ мятежника Салькова; уцѣлѣла и отъ Наполеона и его двадцати народовъ; но, въ 1825, не спаслась отъ хищника простолюдина!

Digitized by Google

2-е Три Греческіе равноконечные крестика; два изъ нихъ древняго камня, уже не находимаго и извѣстнаго у антикваріевъ подъ именемъ rouge antique; а одинъ, кажется, изъ базальта или чернаго серпентина. Эти кресты, вѣроятно, были носимы первыми игуменами обители, еще въ концѣ XIV столѣтія.

3-е Золотый большаго размѣра воздвизальный крестъ съ мощами и обнизанный жемчугомъ. Вырѣзанная надпись означаетъ даръ Царя Михаила Ѳеоровича и отца его, Патріарха Филарета, въ 7131 (1623).

4-е Книга въ листъ, содержащая въ себѣ *полное и подробное Житіе* Святителя Николая, писанная полууставомъ съ испещреніями разными красками, наполненная рисунками по золоту, и обложенная бархатомъ съ серебряною оправою. Эта драгоцѣнность есть даръ Царя Алексія Михаиловича, принесенный имъ 7179 (1671) года, Сентября 8-го (*).

5-е Большое серебряное съ позолотою кадило XVII столѣтія (Монастырская ризница, какъ мнѣ сказалъ самъ ризничій, болѣе ничего не имѣетъ древняго. Я спрашивалъ, нѣтъ ли рукописей и старопечатныхъ книгъ; спрашивалъ о преданіяхъ и разсказахъ старцевъ, и получилъ въ отвѣтъ одно молчаніе. Въ нашихъ монастыряхъ молятся, и хорошо молятся, — но о земномъ, о земномъ минувшемъ заботятся мало: не такъ какъ въ старину, словоохотную любительницу преданій).

Стѣны и башни монастыря, вѣроятно, были неоднократно починиваемы особливо послѣ битвы съ атаманомъ Сальковымъ. Признаки этого видны по закладкамъ уничтоженныхъ аркообразныхъ выходовъ кирпичами другой формы и величины. Эти починки можно отнести къ концу XVII столѣтія; но большая часть стѣнъ и башенъ, по нѣкоторымъ нижнимъ орнаментамъ, означаетъ ихъ построеніе

*) Замѣчу, что это былъ годъ бракосочетанія Царя съ Натальею Кириловною, которая могла сопутствовать ему въ молепномъ (какъ тогда писали и говорили) *походѣ*, уже беременная Петромъ Великимъ. Не извѣстно, относилось ли это приношеніе 8-го Сентября ко дню побѣды надъ Мамаемъ; но думаю, что оно болѣе относилось обычно къ беременности Царицы, ибо и донынѣ въ комнатѣ родильницы затепливаютъ свѣчи и лампады предъ иконою Рождества Богоматери.

Digitized by Google

въ началѣ XVI-го при Іоаннѣ III или Василіи Іоанновичѣ, когда Москва, украшенная каменными стѣнами, оградила такими же и ближайшія къ ней обители. На оградѣ, съ наружной стороны стѣны, вставлена также, если не древняя, то старинная икона Святителя Николая: столѣтній крестьянинъ сосѣдней слободы сказываетъ слышанное имъ отъ своего дѣда, что въ старыя времена Московскіе жители съ особеннымъ усердіемъ прибѣгали и къ этой иконѣ, — обстоятельство, можетъ быть, имѣющее нѣкоторую связь съ событіями Междуцарствія. Когда второй Самозванецъ и Марина съ измѣнниками гнѣздились въ этихъ стѣнахъ, тогда вѣрные и набожные сыны отечества не проникали въ нихъ для поклоненія Чудотворцу. Не могла ли монашествующая братія спустить со стѣны другую икону и тѣмъ подать отраду приходившимъ молиться тайно, вечеркомъ или ночью. Заслоненное выступами башни и Святыхъ вратъ, это мѣсто представляетъ уединенный и какъ бы потаенный уголъ. Подъ новою колокольнею вставлена въ стѣну старинная каменная плита съ надписью *большою вязью*; буквы частію искрошились, частію стерлись, отъ чего, безъ бо́льшаго досуга, нельзя добраться до смысла.

Я не нашелъ древнихъ надгробныхъ камней: они здѣсь были, и, безъ сомнѣнія, во множествѣ, вѣроятно, и надъ знаменитыми почившими; но время и люди срыли ихъ.

Не могу безъ особеннаго чувства оставлять обителей, въ которыя благоговѣйно вступали Димитріи, Василіи, Іоанны, Михаилы, Алексіи; гдѣ молились и благословляли народъ Кипріяны, Фотіи, Іоны, Макаріи, Филиппы, Гермогены, Филареты, Іосифы. Къ тому же эта обитель издревле слыветъ одною изъ примѣрныхъ по благочестію монашествующей братіи (*).

(*) Еще въ XV столѣтіи его Игумены избирались въ Епископы: »Въ 1490. поставленъ на Коломну Епископомъ Авраамій, Игуменъ Угрѣшскій.« (Въ Коломенскомъ спискѣ Святителей онъ, кажется, названъ Амвросіемъ). Строгая жизнь и благонамѣренность его Настоятелей и братіи обрѣли довѣренность Государей, которые иногда отсылали туда людей опасныхъ или безпокойныхъ: »Предъ Великимъ днемъ, — говоритъ лѣтопись 1487, — въ сѣняхъ у Великаго Князя громко изъ народа закричалъ изъ Спасова монастыря Галичанинъ глаголя: *горѣть Москвѣ на Великъ день!* Князь же Великій, яко урода,

Digitized by Google

Повторять ли еще разъ объ очаровательности видовъ, украшающихъ берега Москворѣцкіе? Но не здѣсь умолчать о нихъ. Какъ живописны эти лѣсистые холмы, обвиваемые изгибами рѣки! на одномъ изъ главныхъ красуется упомянутое село Островъ, еще сохранившее свои многовѣковые деревья, между коими нѣкогда укрывались лоси (*). Москва показывается мѣстами, не въ полной видности, но какъ бы для сближенія своихъ поминовъ съ эпохою основанія монастыря и другими событіями, возмущавшими ее въ годины бѣдствія, или возрождавшими къ могуществу и славѣ.

Въ близи отъ монастырскихъ стѣнъ, при выѣздѣ въ Москву, заплываетъ тиною небольшой прудъ, вырытый, какъ сказываютъ, при первыхъ игуменахъ. Его осѣняютъ еще нѣсколько старыхъ сосенъ. Всякій разъ, когда я вижу прудокъ подлѣ стѣнъ древней обители, мнѣ приходитъ на память Старо-Симоновскій, вырытый руками Св. Ѳеодора съ помощію Учителя его, Св. Сергія Радонежскаго: можетъ быть и этотъ былъ освященъ трудомъ постно-моленнымъ.

Сближаясь по теченію Москвы-рѣки съ Коломною, и такъ держась лѣвой стороны слѣдимаго мною пути, нашелъ я, за упомянутыми уже мною селами Рапмиромъ и Сабуровымъ, село *Ачкасово* (**), принадлежащее нынѣ Г-мъ

велѣлъ его поймати, и на Угрѣшу его посла къ Николѣ.« Епископы приходили сюда, оставивъ свои престолы, и посхимничивались: это видно изъ надписи надъ памятникомъ одного изъ Коломенскихъ Епископовъ, здѣсь принявшаго схиму и скончавшагося.

(*) Есть еще дача называемая также Островомъ и также Лосиннымъ. Она принадлежала, какъ и это село, Графамъ Орловымъ, и находится въ Серпуховскомъ уѣздѣ. Ея непроходимые лѣса простираются въ одну длину на 20 верстъ (отъ извѣстной волости Хотуньской и Новинокъ до Серпухова и береговъ Оки). Все это лѣсистое пространство, занятое многовѣковыми деревьями, между коими еще бродятъ лоси, хотя уже и рѣдко видимыя, недавно продано на срубку. Кстати, говоря объ этихъ огромныхъ и рѣдкихъ звѣряхъ, напомню читателю, что Императоръ Максиміанъ, еще бывъ Королемъ Римскимъ, просилъ Іоанна III-го прислать къ нему двухъ или трехъ живыхъ лосей; но это не исполнилось по нѣкоторой размолвкѣ. — Недавно найденъ въ этой дачѣ и убитъ лось вѣсомъ въ 80 пудовъ.

(**) Названіе не Славяно-Русское. Можетъ быть, это село, при нашествіи Татаръ, сдѣлалось любимымъ какого нибудь Мурзы Ачкаса.

Digitized by Google

Стрекаловымъ. Въ его дачахъ стоитъ превысокій курганъ, обросшій лѣсомъ. На вершинѣ его изрытъ крестъ въ видѣ двухъ пересѣкающихся канавъ. Вѣроятно, изъ благоговѣнія къ мѣсту побоища и къ могиламъ храбрыхъ, главы свои сложившихъ за вѣру и отечество, жители не смѣли продолжать своихъ запашекъ, и дали этому полю зарости лѣсомъ. Два меньшіе кургана, выдававшіеся изъ лѣсной дачи, спаханы уже въ нынѣшнемъ позитивномъ вѣкѣ. Не дубравали сплетясь своими твердыми корнями, сохранила и крестоносный холмъ (*)? Этотъ огромный курганъ таится въ лѣсной чащѣ между села Ачкасова и *погоста*, извѣстнаго тамъ подъ названіемъ *Двухъ покрововъ* и *Краснаго*. (Первое должное происходитъ отъ бывшаго тутъ соединенія двухъ Покровскихъ храмовъ; второе, безъ сомнѣнія, отъ красиваго мѣстоположенія). Тамъ, на крутоярѣ Москвы-рѣки, нѣкогда стояла древняя обитель иноковъ, и еще болѣе красила *Красное*.

Слѣдимый мною Шубинскій путь къ Коломнѣ, между описанными селами Мещериновымъ и Ѳедоровскимъ, пересѣкается рѣкою Сѣверкою, и на семъ пути нѣтъ ближайшей переправы. Если утвердить Шубинскій путь избраннымъ Донскимъ, то не здѣсь ли была первая встрѣча ему отъ воеводъ, упомянутая въ лѣтописяхъ: „прежде же Великаго „Князя снидошась тамо Воеводы многи, и срѣтоша его на „рѣкѣ Сѣверкѣ.“ (Вторая встрѣча ему была уже отъ Епископа „въ градныхъ врашѣхъ со кресты.“ *Синодал. лист.*)

Въ близи отъ этого мѣста, на слѣдимомъ же мною Шубинскомъ пути, по коему, въ 1775 году. проѣхала Екатерина II, встрѣтился я съ 115 лѣтнимъ крестьяниномъ деревни Зѣваловой, принадлежащей къ селу Ѳедоровскому. Онъ разсказываетъ, что былъ въ числѣ 2000 человѣкъ крестьянъ, собранныхъ Графомъ Петромъ Борисовичемъ Шереметевымъ изъ его и чужихъ селъ устроивать путь матушкѣ-Царицѣ (**);

(*) Такъ, обросши лѣсомъ, сохранились во Франціи развалины цѣлаго города, построеннаго Римлянами, и только въ началѣ сего года открытыя.

(**) Графъ Петръ Борисовичъ распоряжалъ этимъ шествіемъ въ качествѣ и вельможи и владѣльца села Мещеринова, гдѣ угощалъ Монар-

Digitized by Google

что они срывали здѣсь превысокую гору, и что онъ громче всѣхъ кричалъ: „здравствуй матушка!“ будучи еще *молодъ*, то есть 46 лѣтъ. Этотъ старикъ, въ прошломъ году, занемогъ отчаянно, пролежалъ съ мѣсяцъ, и — выздоровѣлъ къ свадьбѣ правнука. Теперь онъ уже любуется пра-правнукомъ, содержитъ постоялый дворъ на большой дорогѣ, и, по охотѣ своей, продолжаетъ ловить сѣтями рыбу, уходя весь въ воду въ самое холодное время. — Здѣсь же, подъ Ѳедоровскимъ, когда Екатерина шествовавшая въ своей золотой каретѣ, принуждена была остановиться, ибо и самъ Графъ, ѣхавшій верхомъ, и слѣдовавшіе за нимъ Генералы не могли отсторонить народа, покрывшаго всѣ поля около дороги, увидѣла она среди ближайшихъ къ каретѣ одну довольно статную женщину съ двумя младенцами на обѣихъ рукахъ, подозвала ее и спросила: „кто ты?“ — „жена причетника села Ѳедоровскаго (*).“ — „Дѣти твои, кажется, равнолѣтники.“ — „Двойни, матушка.“ Государыня дала ей поцѣловать свою руку, пожаловала червонецъ и сказала: „роди еще.“ Причетница на другой годъ родила еще сына, Егора, который, будучи переименованъ въ иночествѣ, служитъ теперь примѣромъ монашествующимъ (въ полномъ смыслѣ слова), соединяя глубокую ученость съ смиренномудріемъ и пощеніемъ. Онъ начальствуетъ въ одной изъ Московскихъ обителей.

Отъ Коломны въ 17 верстахъ и въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ слѣдимаго пути, между упомянутыхъ мною селъ *Лыкова и Шкиня*, находится урочище *Табала*. Здѣсь изъ обваловъ земли вываливается много человѣческихъ костей, а иногда, хотя и весьма рѣдко, небольшіе кумиры древняго язычества: мнѣ разсказывали это нѣкоторые изъ туземцевъ, видѣвшихъ *болванчики* въ рукахъ крестьянскихъ дѣтей этихъ селъ. Близъ горы протекаетъ рѣчька Асенка, иными называемая Ясенка, другими Авсенка, близъ которой, посреди пространной долины, обставленной съ двухъ боковъ крутыми горосклонами, стоитъ большой протяженный курганъ выши-

---

хиню въ домъ отца своего, героя Полтавы. (См. *Прогулку по древнему Коломенскому уѣзду*, страницы 59-я.)

(*) Впослѣдствіи Священника того же села.

Digitized by Google

ною въ 50 шаговъ, имѣющій въ длину 80, а въ ширину 6 саженей. (Вотъ новое искушеніе для розыскателя, часто увлекаемаго въ догадки: Ясень или Асень былъ нашъ древній миѳъ, а въ берегахъ рѣчки ошкрывались малые кумиры)! Близъ этого продолговатаго кургана (*Табалы*) виденъ еще одинъ круглый и крутой, около котораго находятъ мелкія древнія монеты, кости и черепы (*). Окрестные жители почитаютъ это мѣсто опаснымъ, *блудливымъ*: здѣсь имъ слышатся крики и стоны лѣшихъ; здѣсь они сбиваются съ дороги и долго бродятъ. По разсказамъ, находили будто умершихъ отъ продолжительнаго испуга. Близъ лежащая долина называемая *Городокъ*, во многихъ мѣстахъ означаетъ слѣды древнихъ земляныхъ крѣпостныхъ окоповъ. (Курганъ *Табала* и другой крутообразный, стоятъ на сторонѣ владѣнія Дм. Гавр. Бибикова; а *Городокъ* на сторонѣ владѣнія господъ Стрекаловыхъ и Глушковыхъ: ихъ раздѣляетъ рѣчька Асенька или Авсенька).

Едва успѣлъ я дописать эшѣ строки, какъ получаю въ слѣдъ за собою извѣстіе отъ Коломлянъ, которыхъ я заохотилъ къ розысканіямъ, что въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ *Табалы* и *Городка* находится мѣсто, окопанное на горѣ въ родѣ плоскаго кургана. Это мѣсто, какъ урочище, слывешъ подъ именемъ *Игрища*: такъ именовано оно и въ межевомъ планѣ земель двухъ владѣльцевъ: Г. Глушкова и Дм. Петр. Бушурлина, въ дачу коего оно вышло какъ порубежное. — Между урочищь Табалы, Городка и Игрища отыскано еще мѣсто, издревле называемое *Садокъ*; а тутъ же опрываются и кости человѣческія съ черепками кувшиновъ и другой посуды: все это доказываетъ, что здѣсь отъ самой глубокой древности было жилье. Окончу вопросомъ: ужели не отнести нѣкоторые изъ сихъ землекопныхъ памятниковъ, и донынѣ огромныхъ, но вѣроятно до половины осѣвшихъ, къ временамъ нашего язычества? Можетъ быть, нашествіе Батыя, вторженіе Гиреевъ (Магмета и Саипа) и ужасная година междуцарствія нагромадили здѣсь много и своихъ памятниковъ, смѣшавъ ихъ съ древнѣйшими 5).

(*) Мнѣ обѣщали доставить оттуда одинъ изъ человѣческихъ череповъ необычайной величины.

Digitized by Google

Я говорилъ о двухъ Подколоменскихъ *городищахъ* и о древнѣйшемъ храмѣ одного изъ нихъ. Въ послѣдствіи старожилы сообщили мнѣ преданіе, что здѣсь стояла первобытная Коломна, — и такъ, здѣсь стояла Коломна Всеволода Великаго, окруженная земляными зашинами и деревяннымъ острогомъ, но уже съ этимъ каменнымъ храмомъ. Въ немъ еще могъ молиться Князь Глѣбъ Коломенскій, готовясь умереть близъ него въ битвѣ съ Батыемъ. Можетъ быть, Коломна еще стояла на своемъ старомъ мѣстѣ (нынѣшнемъ *Городищѣ*), когда переходила отъ Ярослава Рязанскаго къ Георгію Московскому и къ его брату, Іоанну Калитѣ. — Не Симеонъ ли Гордый перенесъ ее сюда, ибо храмы Симеоновскій и Алексѣевскій, созданные имъ и Св. Митрополитомъ Алексіемъ, стояли уже на нынѣшнемъ мѣстѣ города?

Названіе Городище, означающее мѣсто разрушеннаго или перенесеннаго города или крѣпости, и глубокая древность храма каменнаго, какихъ не строили въ пригородахъ, оправдываетъ это преданіе. (Такъ жители Тулы полагаютъ первоначальную средину своего города тамъ, гдѣ нынѣ оружейный заводъ, и, говоря о заводской церкви, прибавляютъ: *на городищѣ*. Подлѣ старой Коширы стоитъ *городище* съ окопами, которое, по преданію, слыветъ первымъ мѣстомъ основанія этого города, нынѣ уже стоящаго на третьемъ мѣстѣ, за Окою. Въ Новгородской и Псковской губерніяхъ находится множество такихъ названій: это все остатки или слѣды бывшихъ укрѣпленныхъ городовъ) 6).

Въ брошюрѣ своей говорилъ я о древнихъ памятникахъ и самой Коломны. Посѣтивъ ее еще разъ, и получивъ еще нѣкоторыя извѣстія, сообщаю читателю все найденное и слышанное мною.

Главныя крѣпостныя ворота Коломенскаго Кремля съ нѣкотораго времени называются Спасскими, по иконѣ Спасителя, подобной той, которую видимъ на главныхъ Московскихъ; древле же они назывались *Пятницкими*, по храму близъ нихъ стоявшему во имя Св. Параскевы, именуемой Пятницею, и такъ переименовались, какъ и Московскія, называвшіяся Флоровскими. Этотъ храмъ былъ едвали не древнѣйшій изъ всѣхъ вмѣщаемыхъ срединою Коломны, и отъ того искони жители города особенно чествовали память этой

Digitized by Google

Угодницы Божіей. (Онъ уже не существуетъ, а его древнія иконы, вмѣстѣ съ храмовой, перенесены въ Спасо-преображенскій упраздненный монастырь. Разскажу, кстати, одно преданіе, относящееся къ этимъ воротамъ: Кудесница XVII столѣтія, Марина Мнишекъ, овладѣвъ Коломною, ее ограбила, и когда была принуждена, вмѣстѣ съ Заруцкимъ, выступить изъ нея, то, выломавъ огромные желѣзные створы изъ этихъ воротъ, отвезла ихъ съ награбленными вещами за двадцать пять верстъ отъ Коломны, на урочище *Старцевскій бродъ*, близъ села Богородскаго, упомянутаго въ моей брошюрѣ. Тамъ зарыла она свою добычу, и, покрывъ яму врагными створами, засыпала ихъ землею. Продолжая сказаніе, словоохотные старцы утверждаютъ, что многіе смѣльчаки покушались въ ночное время открывать *Маринин кладъ*, но уходили объятые ужасомъ.

Близъ Пятницкихъ воротъ есть небольшая земляная впадина. Въ старину тутъ стоялъ довольно глубокій болотистый водоемъ, впослѣдствіи изсохшій. На этомъ мѣстѣ, сказываютъ, нѣкогда провалилась церковь, и до сихъ поръ, въ дождливое время, наполняющее эту впадину водою, матери спѣшатъ купать въ ней своихъ дѣтей 7).

Упоминая о мѣдной медали съ изображеніемъ на одной сторонѣ Богоматери а на другой Католическаго Святаго, видѣнной мною въ селѣ Мещериновѣ и найденной на гумнѣ, гдѣ во время молотьбы она была выбита изъ земли цѣпами, я ошибочно выставилъ надпись надъ Святымъ: это Францискъ де Гонзагъ, по словамъ Московскаго Католическаго духовенства, особенно чествуемый Поляками. Въ добавокъ къ извѣстію объ этой медали, оставленной здѣсь вѣроятно въ эпоху междуцарствія, сообщу читателямъ еще о двухъ найденныхъ при разрытіи одной насыпи близъ Коломны: онѣ мѣдныя же, съ ушками для ношенія; на одной сторонѣ изображеніе Святыя Параскевы-Пятницы, а на другой профильнаго женскаго портрета съ малою коронкою на головѣ. Я не видалъ медалей, не застави въ Коломнѣ того, кому онѣ принадлежатъ; но изложу догадку: Коломляне, какъ уже сказано, искони особенно усердствовали Святой Параскевѣ; — изображенная на оборотѣ могла думать навѣрное, что увѣковѣчится и ея лице на такихъ памятникахъ, изготовлен-

Digitized by Google

ныхъ для раздачи народу. Повторяю: не видавъ медалей, не могу пускаться въ дальнѣйшія догадки; слышалъ только, что онѣ грубой работы.

Не совсѣмъ отчаиваясь добыть одну изъ сихъ медалей для своего кабинета, скажу, что до сихъ поръ всѣ мои старанія были тщетны: вещи въ рукахъ людей, ни за что въ свѣтѣ не уступающихъ иконы Св. Параскевы (*).

Въ башнѣ, въ которой, по разсказамъ старожиловъ скончала жизнь Марина Мнишекъ, найденъ провалъ пяти жилыхъ этажей, которыхъ потолки и накаты загромоздили своимъ паденіемъ нижній. Послѣ нѣкоторыхъ работъ надъ очищеніемъ нижняго этажа башни, найденъ ходъ подъ крѣпость, заложенный кирпичами другаго размѣра и свойства. Существованіе пяти жилыхъ этажей и заложеннаго тайника совершенно оправдываетъ, какъ историческое такъ и простонародное преданіе, что Коломенская крѣпость была мѣстомъ заточенія важныхъ лицъ.

Упомянувъ о храмѣ Св. Николая *Гостинаго*, я привелъ сказаніе о пребываніи въ Коломнѣ древней Зарайской иконы вовремя Литовскаго разгрома и подвиговъ Князя Пожарскаго. Но, впослѣдствіи, я получилъ еще другое извѣстіе, по коему видно, что эта икона была износима изъ Зарайска въ Коломну же еще въ нашествіе Батыя. Она была привезена въ 6703 (1198) изъ Корсуня къ владѣвшему Рязанскою областію Князю Ѳеодору Георгіевичу, въ городъ называвшійся сначала *Краснымъ*, потомъ, въ честь ея, *Никольскимъ*, а послѣ славной смерши Княгини Евпраксіи, *Зарайскимъ* (для облегченія же въ выговорѣ *Зарайскимъ*). И такъ эта икона Святителя Николая *гостила* въ Коломнѣ два раза, и въ два плачевнѣйшіе періоды нашей Исторіи. — Но *Гостинный* храмъ былъ созданъ уже послѣ ея втораго посѣщенія Коломны 8).

Подъ храмомъ бывшаго Спасскаго монастыря, упомянутаго на 148 и 149 страницахъ моей брошюры, открыта въ прошломъ 1844 году пещера съ полукружнымъ огивомъ или аркою. Въ ней найдены два гроба, изсѣченные изъ камня,

(*) Получивъ хотя одну, сообщу о ней читателямъ *Москвитянина*.

Digitized by Google

съ присшавными каменными же изголовьями самодревнѣйшей формы. Черепы и нѣкоторыя части скелетовъ сохранились, но одежды истлѣли, и нѣтъ слѣда дознашься, кто эти усопшіе, безъ сомнѣнія, важныя историческія лица. Можно даже осмѣлишься заключишь, что это были древніе владѣшельные Князья, ибо шогда Бояре и служилые Князья едвали полагались въ каменныхъ гробахъ. Можешъ быть, это одни изъ доблесшныхъ владѣшелей Рязани и Коломны, ошвѣчавшихъ Башыю: „когда не будешъ насъ, то все ваше будешъ,“ и павшіе въ Коломенской бишвѣ; можешъ быть, одинъ изъ нихъ Глѣбъ Ингоревичь Коломенскій! убишый вмѣсшѣ съ Князьями Рязанскими, онъ былъ найденъ по ошшествіи Башыя; и когда повезли шѣла послѣднихъ въ Рязань (Сшарую, что на Окѣ, близъ Спасска), шѣло Князя Коломенскаго могло бышь ошдѣлено ошъ нихъ, и здѣсь похоронено, между шѣмъ какъ шѣла Воеводъ и рашниковъ покрывались курганными насыпями. Если это въ самомъ дѣлѣ осшанки шѣхъ, кои не могли пережишь гибели ошечесшва, и умѣли славно умереть не рабами Хановъ, то какою панихидою обязано имъ Русское сердце!

Въ первые дни ошкрышія пещеры набѣжало множесшво людей: думали, что это гробы какихъ нибудь Угодниковъ Божіихъ; но увидѣвъ однѣ косши, всѣ разошлись. „Россія еще проспа,“ скажушъ умники, гордящіеся какою-то очищенносшію поняшій; а я скажу: „Россія еще вѣрующа и набожна; еще любишъ искашь свяшыню и благоговѣшь предъ нею.“ Право, часшо, когда раздумаюсь о любезномъ Ошечесшвѣ, о благословенной Россіи, мнѣ приходишъ на памяшь сшихъ Дмишріева:

„Тыбъ лучше быть могла; но лучше такъ какъ есть.“

Найденная пещера имѣешъ ходы подъ весь храмъ. — Кспаши скажу, что эпошъ, вновь пересшроенный не болѣе тому сша лѣшъ, Спасскій храмъ споишъ на фундаменшѣ составленномъ изъ древнихъ надгробныхъ камней. Сколько важнаго для археолога и даже исшорика шушъ засыпано и замазано руками усердсшвовавшихъ, но скупыхъ невѣждъ! надлежало *покупашь* маше|іалы для буша и фундаменша, а надгробные памяшники были *подъ руками.*

Digitized by Google

Я говорилъ о храмѣ Зачатія, нынѣ Богоявленія, какъ о бывшемъ сельскомъ. Теперь узналъ, что это, нынѣ Коломенское предмѣстіе, было село *Бабышево*, отказанное по Душевной Грамотѣ В. К. Вас. Вас. Темнымъ супругѣ его В. Княгинѣ Маріи Ярославовнѣ: ».... да Бабышево у города »у Коломны, что ей дала моя маши, Великая Княгиня Софья »и съ дворы городскими (*), что къ нему потягло,«

Въ Никитскомъ храмѣ, гдѣ находится упомянутый уже мною Крестъ съ Св. Мощами изъ села Лукерьина, принадлежавшаго Кн. Пожарскому, хранится, кромѣ сихъ необыкновенное множество частицъ Св. Мощей: сочтено 316.

Изложу догадку о Подколоменскомъ *Бобреневскомъ* монастырѣ во имя Рождества Пресвятыя Богородицы. По нѣкоторымъ устнымъ молвямъ онъ слыветъ обѣтнымъ, какъ и другіе основанные въ память 8го Сентября, дня битвы Куликовской; но вѣрнѣйшихъ доказательствъ монаршаго обѣта, основанныхъ на лѣтописяхъ или общемъ преданіи, нѣтъ; а извѣстно въ монастырѣ только, что онъ старѣе Голутвинскаго, и это весьма вѣроятно, ибо памятники побѣды основывались вскорѣ послѣ оной, а Голутвинъ построенъ послѣ примиренія Димитрія съ Олегомъ. Не былъ ли *Бобреневскій* обѣтнымъ славнаго Воеводы и совѣтника въ битвѣ, Димитрія Волынца, прозывавшагося *Боброкъ* (уменьшительное бобра)? древле, въ родительномъ падежѣ имя, вмѣсто нынѣшнихъ *ова* или *ева*, оканчивалось часто на *ожа* *аня* или *еня*: принадлежавшій Всеволоду былъ Всеволожа, Ивану — Ивань, Бобру — Бобрень, обратившійся послѣ въ Бобренева: когда начали употреблять это окончаніе. Что же принадлежитъ до окончанія на *скій*, то оно могло приложиться вовремя пребыванія здѣсь Поляковъ и Литовцевъ. Можетъ быть, также и другой Коломенскій монастырь, вѣроятно *Брусень* (брусеный), обратился въ Брусенскій. И такъ, не могъ ли *Бобреневскій* быть основанъ великимъ сподвижникомъ Донскаго и Владиміра Храбраго, въ память побѣды, совѣтомъ и содѣйствіемъ его совершившейся?

При сліяніи Москвы-рѣки съ Окою, въ 50 саженяхъ отъ Голутвина монастыря, высится надъ равниною полей

(*) Итакъ входило еще и тогда въ составъ города.

Digitized by Google

большой, уже осѣдшій курганъ, съ площадкою на вершинѣ. Онъ издревле слывешъ *сторожевымъ*. Окрестные жители слышали отъ своихъ дѣдовъ, что здѣсь была учреждена воинская стража для наблюденія за движеніями непріятелей въ *Мамаевщину*; и такъ эта стража наблюдала движенія Олега Рязанскаго. Можетъ быть, насыпь оставалась сторожевою и въ послѣдовавшія нашествія Татаръ, наступавшихъ на Коломенскую область: Великіе Князья, когда узнавали о набѣгѣ на Россію, всегда высылали свои войска къ берегамъ Оки, которые также можно было назвать сторожевыми. Долго простоишъ здѣсь Русскій, знающій свою исторію, смотря съ этого бугра на противоположный берегъ, и вспоминая, какъ, переправлялись, въ бродъ и вплавь, несмѣтныя полчища враговъ, спѣшившія громить Московское Государство. Онъ вспомнишъ, какъ Димитрій Донскій, ступая на него, воспрещалъ своимъ полкамъ касаться жилищъ въ области врага своего, Рязанскаго Князя.... Но близъ сего мѣста было ихъ примиреніе, — и посѣтитель соединитъ ихъ память съ памятію *великаго Троицкаго старца*, — и что-то поминно-святое закипитъ у него въ сердцѣ!

Жаль, что сохи земледѣльцевъ значительно уменьшили этотъ курганъ, ежегодно подпахивая его края. Нынѣшняя образованность должна бы, кажется, внушить владѣльцамъ заботливое попеченіе о цѣлости такихъ памятниковъ (*).

Я получилъ еще извѣстіе, къ сожалѣнію, уже зимою, что существуетъ, не далеко отъ Коломны, обширный окопъ, который слывешъ *Мининымъ городкомъ*. Весною постараюсь его осмотрѣть.

Я упоминалъ о большомъ каменномъ домѣ Ив. Ив. Мещанинова. Онъ достопримѣчателенъ: Екатерина II, проѣзжая чрезъ Коломну, въ немъ останавливалась у дѣда нынѣшняго владѣльца, и тамъ собирала купеческихъ женъ и дочерей, чтобы видѣть ихъ въ нарядахъ, которыми онѣ тогда украшались, и которые нынѣ, къ сожалѣнію, ими оставлены.

(*) Мнѣ указалъ его Почетный Гражданинъ Сав. Дем. Шераповъ, съ которымъ я уже познакомилъ читателя моей брошюры.

Digitized by Google

Здѣсь она любовалась ихъ природною красотою, изспари славимою, и богатствомъ ихъ головныхъ и шейныхъ украшеній изъ жемчуговъ и драгоцѣнныхъ камней. Здѣсь она изумляла ими Сегюровъ и Принцевъ де Линь, ей сопутствовавшихъ (*). Сколько молвей, сколько анекдотовъ, послѣдовавшихъ за простымъ проѣздомъ Великой, уже выдохлось изъ памяти трехъ поколеній!

Вотъ все, что я еще видѣлъ, о чемъ слышалъ и что угадывалъ въ этомъ историческомъ краю, послѣ изданія моей *Прогулки* 9).

Н. Иванчинъ-Писаревъ.

(*) Мнѣ случилось однажды видѣть у наслѣдниковъ одного изъ первыхъ вельможей Екатерины миніат. Ея портретъ, въ Коломенскомъ кокошникѣ и ожерельѣ. Съ благоговѣніемъ приложилъ я уста свои къ этому изображенію Той, которую Россія назвала и непрестаетъ называть *Матушкою*.

Старожилы разсказываютъ, что одна изъ представляемыхъ (по одиначкѣ) купеческихъ женъ, вся унизанная жемчугами, не знала, что ей дѣлать послѣ поклона, и придумала подойти къ Императрицѣ и поцѣловать ее. Царедворцы сперва ахнули; но, увидѣвъ улыбку Государыни, громко засмѣялись.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1). Преданіе объ основаніи Угрешской обители.

»Въ лѣто 6874, Августа 4 дня, при Кипріанѣ Митрополитѣ, благополучно скипетръ Россійскія державы правящу Благовѣрному Великому Князю Дмитрію Іоанновичу Донскому, Божіимъ попущеніемъ грѣхъ ради нашихъ бысть нашествіе нечестиваго Царя Мамая Татарскаго на Россійскую землю. О чесомъ ему зѣло скорбящу, въ то время преподобный Сергій, игуменъ Радонежскій, благоразумными своими словесы его подтверждая, подаде ему не малое утѣшеніе, и молитвою своею вооружи его, и о преславной на враги побѣдѣ пророчествова глаголя: изыди противу варваръ, всякое отъ себѣ отвергши сумненіе, Богу ти помогающу враги, побѣдиши, и здравъ въ отечество свое возвратишися. И тако вооруженъ убо бывъ Благовѣрный Великій Князь Димитрій Іоанновичъ, послушавъ того благоразумнаго совѣтника, изыде изъ града Москвы противу Мамая злочестиваго врага сущаго, и отшедъ отъ Москвы 15 поприщь, ста въ шатрахъ на мѣстѣ злачнѣмъ для преупокоенія съ воинствомъ своимъ, и на мѣстѣ оном явися ему пречуденъ образъ, вапою украшенъ, Святаго Христова угодника Николая Чудотворца, весь звѣздами свѣтло окруженъ, стоящь о себѣ на воздусѣ надъ древомъ зовомымъ сосною, ту стоящей, ни кимъ же держимъ, и то видя явленіе, Благовѣрный Великій Князь Димитрій Іоанновичь, страхомъ и радостію одержимъ, притече съ вѣрою несумненною съ воинствомъ своимъ, съ Благовѣрными Князи и Боляры подъ то древо, и молящимся имъ теплѣ со слезами новоявленному чудному оному образу Угодника Божія Николая Чудотворца, и еще ему молящуся, услыша Господь молитву и моленіе его, сниде сама отъ высоты святая оная икона и вдадеся въ честныя руцѣ его, онъ же радостно и умильно пріятъ ю на рамы своя со слезами, и облобыза ю. О блаженныя руцѣ, яже неоцѣненный таковый даръ удостоишася отъ Бога пріяти! Блаженъ еси и самъ ты, Благовѣрный Княже! Яко съ пречуднымъ тебѣ иконы смертныхъ бѣдъ и всѣмъ злостраждущимъ и напастствующимъ во всякихъ бѣдахъ ихъ явленіемъ скорая побѣда на враги явися, купноже не безъ пролитія крови христіанскія. Тогда защищеніемъ Угодника Божія нечестивіи и злоб-

Digitized by Google

ніи отъ лица меча Россійскаго, яко дрѧхли, вси въ бѣгъ обрашишася, иніи же, мечемъ погибоша, и шако преславная на враги побѣда и счасшливое на нихъ враговъ одолѣніе шебѣ Благовѣрному Великому Князю даровася. Едва бо шочію приближашеся Благовѣрный Великій Князь Димишрій Іоанновичь съ воинсшвомъ своимъ къ варварскимъ полкамъ, шо невидимо Угодникъ Божій Николай чуднымъ судомъ Божіимъ прешя имъ усшраши, и внезапу на нихъ сшрахъ и шрепешъ и ужасъ, и шрепешни бывше, вси смяшошася, подвигошася, и въ бѣгсшво обрашишася, и съ безчесшіемъ, яко немощни и злочесшивіи отъ Благочесшивѣйшаго Великаго Князя, и абіе прогнашася. И возврашився Благовѣрный Великій Князь благополучно отъ брани съ преславною побѣдою, досшиже паки онаго мѣсша, на немъ же оный образъ съ явленіемъ чудеснѣ въ чесшныя руцѣ ему вдадеся, и о дарованнѣй ему побѣдѣ на враги благодаривъ всесвяшаго Бога и Угодника Божія Николая, моляся совершивъ моленное пѣніе съ воинсшвомъ своимъ и Благовѣрными Князи и Боляры, и въ шо время самъ Благовѣрный Великій Князь Димишрій Іоанновичь нарече оное мѣсшо прозваніемъ Угрѣша (*), яже зовешся шѣмъ именемъ и до сего дне въ лѣпошу пречуднѣ (**). И шако отъ пречуднаго образа множайшія чудеса правовѣрнымъ сердцемъ даровашася; иніи неизреченную радосшь къ почишанію свяшыхъ иконъ возбуди-

---

(1) Думаю—по рѣчкѣ, ибо говорилось *на* Угрѣшѣ. »Монастыря Св. Николая Чудотворца въ 15 верстахъ отъ Столицы внизъ по Москвѣ на рѣчькѣ Угрѣшѣ. См. *Больш.* Черш. И. Г. Р. Томъ XII. *Прим.* 435.

(2) Здѣсь замѣчу, что Донскій возвращался Болванскимъ путемъ и вступилъ въ Москву чрезъ Андроникова монастырь, и шакъ онъ долженъ былъ нарочно заѣзжашь на Угрѣшу, ближайшую къ Брашевскому пути, и потомъ снова своротишь на Болванскій къ Андроникову- Тогда, какъ бы ни спѣшилъ кто домой увидѣшь жену и дѣшей, не почишалъ шягостнымъ замедлишь свой путь заѣздами въ храмы и обишели, прославленные чудотвореніями отъ ихъ Иконъ. Сомнителенъ только своротъ съ Котловъ на Угрѣшу, еще на пути изъ Москвы къ Коломнѣ, при выходѣ въ походъ.

Въ *Исторіи Россійской Іерархіи*, ошибочно означено основаніе обишели въ 1371 году. *Людиковскіе* конахи, шакже шамъ упомянушые, могли возобновишь ее, обвешшавшую, или населишь прибывшею брашіею.

Digitized by Google

шася, якоже и у самаго Благовѣр. Вел. Князя, тогда сердце радостно согрѣяся, и отъ туда Духомъ Святымъ наставляемъ, и ревностію повелѣ на ономъ мѣстѣ соорудити храмъ церковь Святую во имя и въ честь Святителя Угодника Христова Николая Чуд. и воздвигнути обитель славну, и удовольствова ю всѣми потребными неоскудну въ пречестное и святое прославленіе имени Божія, дивная и славная во святыхъ своихъ дѣйствующаго. Тако любитъ Господь своихъ Угодниковъ, яко по успеніи ихъ въ иконахъ прославляетъ, и Благовѣрнымъ Царемъ и Великимъ Княземъ побѣды надъ враги, ради прошенія ихъ, даруетъ. Такожде и прочимъ всѣмъ православнымъ всякаго чина и достоинства прибѣгающимъ и молящимся ему и просящимъ у него милости скорый услышатель и избавитель въ великихъ напастѣхъ ревностный и незамедлимый помощникъ и защитникъ, *Аминь.*«

2) Издревле воинствующая Россія призывала въ битвахъ, кромѣ первыхъ своихъ Угодниковъ, Бориса и Глѣба, еще двухъ: Никиту и Николая (обѣихъ соименныхъ побѣдѣ) (*). На хранящихся у меня многихъ крестахъ-тѣльникахъ, носимыхъ подъ панцыремъ, изображены сіи поборники нашего оружія. Въ военное время эти кресты, съ ликами Св. Никиты и Св. Николая, лились и чеканились, вѣроятно, въ множествѣ, и привозились въ полки, или воины запасались ими предъ походомъ. »Рано за утро, — сказалъ славный воевода и совѣтникъ, Димитрій Волынскій-Боброкъ, Великому Князю предъ Куликовскою битвою, — вели всѣмъ подвизатися на кони своя, и всякому воину крестомъ Христовымъ вооружитися: то бо есть непобѣдимое оружіе на враги видимыя и невидимыя.« Эти кресты находятъ еще на поляхъ, гдѣ были битвы съ Батыемъ, и тамъ, гдѣ, чрезъ полтораста лѣтъ совершилась побѣда надъ Мамаемъ. Вмѣстѣ съ храмами Рождества Пресв. Богородицы, въ память дня этой побѣды, умножились и Никольскіе. — Первый памятникъ сверженія Монгольскаго ига былъ храмъ Св. Нико-

(*) Замѣчательно, что призываніе Святыхъ Бориса и Глѣба устами героевъ нашей Исторіи повторяется, по большой части, лѣтописцами Южной Россіи, гдѣ эти Князья жили и скончались, и гдѣ, до Батыя, были видимы ихъ гробы.

Digitized by Google

лая, сооруженный В. Княгинею Софіею, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ пятогшихъ насъ Ташарскихъ Баскаковъ. Онъ назывался сперва Николою Льняным, потомъ Госпунскимъ. Въ день сего Угодника, 9 Мая, прекратилась язва въ осажденной Троицкой обители, и въ сей день сдѣлана счастливая вылазка прогнавъ изумленныхъ Сапѣги и Лисовскаго. Спасителъ отечества, Князь Дм. Мих. Пожарскій приписалъ первые свои воинскіе успѣхи, а также и избавленіе свое отъ острія убійцъ древней Зарайской иконѣ сего Святителя. Знаменитость иконы Можайской, изображающей Святаго стоящимъ и держащимъ въ одной рукѣ мечь, а на другой городъ, всѣмъ извѣстна. Послѣ урона подъ Нарвою сочиненъ былъ особенный молебенъ Св. Николаю, непонравившійся Петру Великому, ибо онъ убивалъ духъ нашихъ воиновъ, означая, что Шведы были движимы на насъ сверхъестественною силою. Первый монументъ завоеваній Петра Великаго: главная изъ двухъ башенъ, построенныхъ имъ въ Азовской крѣпости по взятіи оной, была названа имъ Никольскою (*). Уже въ концѣ XVIII столѣтія воины Екатерины II приписывали взятіе Очакова чудесному содѣйствію Св. Николая: неприступная крѣпость была взята въ день его памяти; Лиманъ, никогда не замерзавшій, замерзъ наканунѣ, — и съ этой морской стороны были сдѣланы приступъ и штурмъ. Старики-воины еще разсказываютъ слышанное ими отъ плѣнныхъ Турковъ, что Оттоманамъ видѣлся старецъ, для нихъ страшный, разъѣзжавшій на бѣломъ конѣ предъ Русскими полками. — Потемкинъ и Суворовъ изъявляли особенное усердіе къ этому Угоднику. Нельзя не вспомнить Русскому, что Екатерина II, заставившая трепетать Востокъ и Западъ, Сѣверъ и Югъ, скончавая свое царствованіе, все посвященное благоденствію и славѣ Россіи, и какъ бы желая увѣнчать свои подвиги чествованіемъ великаго поборника ея оружія, наименовала новорожденнаго Внука (нынѣ благополучно и славно царствующаго) *Николаемъ*. Въ 1812 году, столь свѣжемъ еще въ нашей памяти, была разрушена отъ Кремлевскаго взрыва башня Никольскихъ воротъ до половины, то есть, до самой рамы, въ которую вставлена икона Святителя, и взрывъ не повредилъ и стекла покры-

(*) Другая была названа Сергіевскою.

Digitized by Google

вавшаго ликъ; даже и фонарь съ лампадою, висѣвшій предъ нимъ, остался на своемъ мѣстѣ неповрежденнымъ. Всѣ Москвичяне, вскорѣ возвратившіеся на свои пепелища, въ томъ числѣ и *я*, были свидѣтелями онаго.

3) Перенося воображеніемъ Сѣверо-Востокъ на Западъ, кой гдѣ называютъ аристократіею наше древнее сановничество или боярство, добытое кровію въ бояхъ и правымъ словомъ въ Думѣ царской. Но могла ли быть аристократія тамъ, гдѣ бояринъ былъ равенъ нынѣшнему полному Генералу, а бояринъ *и слуга* былъ едва ли не выше Фельдмаршала? Нѣтъ, наши *извѣчные* бояре, спремясь къ достиженію превысшаго и рѣдкаго чина *слуги*, не престававали быть слугами Престола и отечества, и всегда гнушались западнаго провинціоборства съ верховною властію, Богомъ поставленною. За нее умирали они и въ мукахъ неслыханныхъ отъ лютости Іоанна, подобно Грекамъ въ Термопилахъ, какъ сказалъ безсмертный Карамзинъ (*). И въ смутахъ Лжецарствія и Между-царствія они спремились къ ней; всегда утверждали ее, всегда стояли за нее, всегда хотѣли ей служить, въ какой бы личинѣ она ни являлась: въ Отрепьевѣ или Владиславѣ.

4) Вдаваясь въ исторію художествъ и желая проникнуть въ покрытое туманомъ давности, мы не всегда будемъ безошибочными. Но *я* не скрою своего мнѣнія, что эта икона древняго Фряжскаго письма, о коемъ ничего еще не сказано опредѣлительно, хотя оно и было нѣсколько извѣстно въ древней Россіи. Доказательствомъ я нахожу:

1-е сходство успшаго Спасителя съ такимъ же изображеніемъ перваго Итальянскаго живописца Чимабуе, или его школы, писаннымъ на такомъ же составѣ и на такой же лавкасной подгошовкѣ, заняшыхъ у Грековъ.

2-е Византійскіе того времени списки съ Нерукотвореннаго Спасова образа предспавляютъ ликъ нѣсколько обращеннымъ въ одну сторону; а здѣсь онъ совершенно въ прямомъ положеніи. Въ моемъ собраніи картинъ находится изображеніе Нерукотвореннаго лика на убрусѣ, держимаго, согласно Римскимъ легендамъ, святою Вероникою, кисти зна-

(*) И. Г. Р. Томъ IX стр. 437, въ параграфѣ: *Любовь Россіянъ къ Самодержавію*, и въ томъ же Томѣ на страницахъ 272 и 273.

Digitized by Google

менишаго Албрехта-Дюрера и относимое къ первымъ годамъ его художеской жизни, и такъ къ концу XV или началу XVI столѣтія, когда, прежде сношеній своихъ съ Рафаэлемъ, онъ пользовался образцами и древне-Германскаго и древне-Фряжскаго (Итальянскаго) стилей. Власы и брада на его картинѣ чрезвычайно сходствуютъ съ изображенными на Угрѣшской иконѣ. Но еще болѣе сходствуетъ съ сею послѣднею одинъ изъ моихъ эстамповъ, также Нерукотвореннымъ образомъ въ рукахъ Св. Вероники, рисованнымъ и гравированнымъ первоначальнымъ граверомъ Германіи, Мартиномъ Шёнемъ въ 1450 годахъ. Угрѣшскую же икону можно отнести къ XIII столѣтію, или началу XIV. — Скажутъ: иконы древняго Новгородскаго письма прямоличныя. — Но я не видалъ самодревнѣйшей Нерукотвореннаго Спасова Образа Новгородскаго письма; а видимыя нами здѣсь въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, кажутся тамошними списками XVI столѣтія, и могли быть сняты съ образцевъ древняго Германскаго искусства, которое долго младенчествовало, и дошло до Новгорода вмѣстѣ съ зодчествомъ: извѣстно, что когда Кіевскіе и Черниговскіе храмы строились Греческими зодчими, тогда въ Новгородѣ строили Германцы. Даже въ Суздалѣ Епископъ Іоаннъ искалъ, въ 1194, „мастеровъ отъ Нѣмецъ.“ Отклоняться вовсе отъ Греческаго не могли и наши, но оставили многіе признаки различія въ храмоздательномъ стилѣ, что мною уже и было замѣчено въ нѣкоторыхъ изъ прежде-изданныхъ брошюръ. Различить *исторически* эту разнонародность, какъ въ зодческомъ такъ и живописномъ искусствахъ еще труднѣе, нежели *художественно*, что есть по примѣтамъ стилей и ихъ оттѣнковъ: нѣкогда Кіевъ кипѣлъ стеченіемъ иноземцевъ, сыновъ Италіи и Германіи, кромѣ единовѣрныхъ Грековъ; но въ то же время и Новгородъ получалъ Греческія иконы: одна (Всемилости. Спаса) прислана была отъ Императора Мануила прямо въ Новгородъ, и пребывала въ немъ до Іоанна IV, который вывезъ ее оттуда и поставилъ въ Моск. Успенск. Соборѣ.

Повторю еще разъ, къ отчаянію разыскателей, что не только иконы Чимабуе, Джіотта и ихъ современниковъ, но и послѣдователей ихъ, Гирландаья, Каспанья и другихъ, можемъ смѣшать съ Греческими. Не говорю о времени Алим-

Digitized by Google

пія: иконы этого времени почти всѣ истреблены въ Царѣградѣ при его взятіи и ограбленіи его Французами и Венеціанцами въ 1204, а послѣ, въ XV столѣтіи, Магометомъ II-мъ, — у насъ же пожарами, Татарами, и поновителями. Этѣ принадлежали самому цвѣтущему періоду Греческаго искусства. Одна, сказываютъ, хранится въ Ватиканѣ. Одна, находившаяся въ Мальтѣ, привезена въ Гатчину; такая же вывезена отгуда Фельдмаршаломъ Гр. Шереметевымъ въ Подколоменское село Сандыри. Я не видалъ Почаевской, полученной Псковской Княгинею отъ Импер. Мануила; не видалъ Тихвинской, перенесшейся изъ Царя-Града; давно не видалъ Росписовской, кисти Алимпія, и не знаю, сохранились ли онѣ отъ переписанія. Владимірская, что въ Московскомъ Соборѣ, поновлена собственноручно Митрополитомъ Варлаамомъ въ 1514 году.

Скажу, въ заключеніе, о Фряжскомъ письмѣ, что едвали какой историкъ-иконологъ доберется до начала этого появленія въ Россіи. Почитаю обязанностію сказать здѣсь, что первая мысль о Фряжскомъ письмѣ у насъ, или о доставленіи къ намъ его древнѣйшихъ образцовъ, была подана мнѣ, однажды, нашимъ ученымъ и трудолюбивымъ археологомъ, Ив. Мих. Снегиревымъ. Собственное же мое замѣчаніе о чисто-Греческихъ иконахъ Нерукотвореннаго Спасова образа, въ которыхъ ликъ нѣсколько совращенъ въ правую сторону, ведетъ къ предложенію, что Греки вдохновлялись текстомъ Евангелія, читаемаго 16-го Августа, въ день празднованія сей иконѣ: „лице его бѣ грядущее во Іерусалимъ.“ Изъ видѣнныхъ мною Греческихъ иконъ или древнѣйшихъ списковъ съ нихъ, на коихъ ликъ Спасителя представленъ въ упомянутомъ косвенномъ направленіи, упомнилъ я только слѣдующія: знаменитую Андрониковскую, принесенную изъ Царяграда Св. Алексіемъ Митрополитомъ, когда еще подлинный Нерукотворенный Образъ былъ тамъ видимъ; — въ томъ же монастырѣ Лопухинскую большаго размѣра; — у Спаса на Бору, положенную на налой; да въ Воскресенской (Ново-Іерусалимской) ризницѣ, приношеніе славнаго Князя Италійскаго Графа Суворова-Рымникскаго.

Впрочемъ, можетъ быть, Угрѣшская икона Нерукотвореннаго Спасова Образа съ *не Рыдай мене Мати* и чисто-

Digitized by Google

Греческаго письма, и могла быть писана которымъ нибудь изъ учителей Чимабуе. Можетъ быть, въ Греціи писали и двояко: прямолично и съ совращеніемъ лика; только осмаюсь увѣреннымъ, что Андроникова должна быть спискомъ съ подлинной, стоявшей въ Царьградскомъ приморскомъ предмѣстіи, Фарѣ.

5). Боязнь окрестныхъ жителей мѣста *Табала* утвердилась въ нихъ не только древними баснословными преданіями, но и видѣннымъ за сто лѣтъ до сего волканическимъ метеоромъ: огненнымъ столпомъ въ ночи, а днемъ дымомъ и смрадомъ, отъ чего весь грунтъ земли, на двѣ десятины, остался почернѣвшимъ: тамъ отрываются металическіе слитки чугуннаго свойства. Касательно же прозванія, оно мнѣ казалось Татарскимъ, и я спрашивалъ у многихъ Татаръ, но въ ихъ языкѣ такого не нашлось. Въ 25 верстахъ отъ Москвы, по Каширской дорогѣ, находится большое село *Таболово* Господъ Мельгуновыхъ. Въ селѣ моемъ одна старая крестьянка была прозвана *таболою*; въ сосѣдствѣ моемъ есть также одна съ этимъ прозваніемъ. Я не могъ доспроситься о причинѣ онаго; только обѣ такъ прозванныя отличались шучностію и неповоротливостію или непроворствомъ. Нельзя ли отнесть это къ Латинской *плитѣ*, tabella, tabulla? Скажу кстати, что продолговатый курганъ имѣетъ верхъ ровно гладкій, какъ плита, въ видѣ терраснои площадки, коей средина нѣсколько вдавлена. Во времена язычества курганъ не всегда означалъ насыпь надъ умершими или убіенными, но бывалъ и священнымъ холмомъ, съ кумиромъ или безъ него. Въ обрядныхъ пѣсняхъ въ честь погадшихъ миѳовъ находимъ: „Ой дидо! ой ладо! на курганѣ соловей гнѣздо завиваетъ.“ *Сказан. Русск. народа*, Г. Сахарова). Кумиры, истребленные святымъ Владиміромъ, были низринуты съ холмовъ или кургановъ. Возвращаясь къ названію мѣста, напомню читателю о древнемъ вмѣшеніи словъ Латинскихъ въ Славяно-Русскій говоръ. (См. И Г. Р. Томъ I, Прим. 245 и 246; Томъ II, Прим. 35.)

Холмъ *Игрища*, по коему прозвалось и урочище, вѣроятно, былъ мѣстомъ языческихъ торжествъ, а *Садокъ* былъ мѣстомъ гульбища какого нибудь важнаго здѣсь жителя. Древле не у всѣхъ и бояръ были *садки*, садики или садочьки,

Digitized by Google

ибо простой огородъ былъ достаточенъ для ихъ прогулокъ: у *двора* древняго *Путяты* былъ не садъ, а *темный боръ*. Садами же назывались едва ли не одни Великокняжескіе: въ Москвѣ первоначальные сады находились между Варварки и Солянки до Васильева луга (гдѣ нынѣ Воспитательный домъ), имѣвшаго свои покосныя кулиги и кулишки близъ самаго храма Всѣхъ Святыхъ, сооруженнаго Димитріемъ Донскимъ: это мѣсто сохранило свое названіе *Кулишки*. Отъ стѣсненія Московскихъ зданій и послѣ многихъ пожаровъ, насадились новые сады отъ Воронцовскаго поля до Покровскаго монастыря (*Покрова въ Садѣхъ*), и далѣе въ право (нынѣ уже нѣтъ знака и этихъ садовъ). Мѣсто первобытныхъ, около Солянки и Варварки долго слыло, какъ въ лѣтописяхъ, такъ и въ народномъ говорѣ: *что въ старыхъ садѣхъ*. Если же отнесемъ слово *садокъ* къ рыбной сажалкѣ, то и это не удалится отъ вѣроятія, ибо въ близи этого мѣста находится селеніе *Турловы* съ бывшимъ тамъ озеромъ, нынѣ большимъ болотомъ.

6). Дополню, кстати, догадку, предложенную въ упомянутой моей брошюрѣ, о происхожденіи названія самаго города Коломны: если принято будетъ достовѣрнымъ, что оно происходитъ отъ *коло*, и что, по обширной кругообъемлемости, вся область заставила сказать о себѣ, что она коломна, то спросятъ: почему коломна, а не колонна? — Потому, что древнимъ Русскимъ буква *н* была затруднительнѣе для выговора, чѣмъ буква *м:* такъ Московскую рѣчку Неглинную называли Неглимною, а часть города, за нею расположенную, Неглименьемъ и Занеглименьемъ. Не только изъ двухъ *н* вмѣстѣ стоящихъ, обращали одного въ *м*, но даже и одного старались избѣгать, превращая *Н*иколу въ *М*иколу, *Н*икиту въ *М*икиту, и пр. (*).

Нѣкоторыя отношенія даютъ возможность приписать названіе Коломны и рѣкѣ Коломенкѣ, которая, соединясь съ Сѣверкою и Москвою-рѣкою, коломитъ, то есть окружаетъ

(*) Еще страннѣе было у Грековъ; издревле у нихъ не было слога *сла*, и они прибавляли букву *к*, произнося *скла*. Въ ихъ рѣчахъ и письменахъ Славяне звались *Склавинами*, что дало поводъ западнымъ народамъ, особенно проворнымъ Французамъ, произвесть названіе нашихъ предковъ не отъ славы, а отъ рабства.

Digitized by Google

городъ и ближайшія къ нему земли. Если такъ, то и самый городъ могъ назваться по ней: когда говорили о городахъ, получившихъ свое имя отъ рѣкъ, тогда употребляли предлогъ *на*, какъ-то: на Москвѣ, на Коломнѣ, на Костромѣ, на Казани, и пр. но нигдѣ не найдемъ: на Новгородѣ, на Псковѣ, на Кіевѣ, на Владимірѣ: говоря о нихъ, употребляли *въ*. Касательно же суходоловъ, употребляли этотъ предлогъ, когда построенный храмъ или обитель прозывались по урочищу, прежде нихъ существовавшему, какъ-то: на *Вспольѣ*, на *Болвановѣ*, на *Симоновѣ*, и пр.

7) Издревле Русскій народъ уважаетъ и чествуетъ мѣста церковныхъ проваловъ, причиняемыхъ или землетрясеніемъ или рыхлостію грунта, на коемъ былъ построенъ храмъ. Въ пяти верстахъ отъ меня находится одно село, гдѣ стоитъ болото на мѣстѣ провалившейся церкви, въ которомъ 15 е Августа, въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, купаются тысячи болящихъ и младенцевъ. Къ десяти такимъ провалamъ во всей Россіи, можетъ быть, устныя преданія приложили еще десятки и даже сотни. Вижу улыбку нѣкоторыхъ; но если всякому позволено смотрѣть на предметы съ его собственной точки зрѣнія, то признаюсь, не только безъ насмѣшекъ и порицанія, еще съ нѣкоторымъ особеннымъ чувствомъ смотрю я на остатки такихъ повѣрій. Но — скажутъ — они питаютъ суевѣріе; а можно ли похвалить его? Нѣтъ, нельзя похвалить его; нельзя похвалить Варѳоломеевой ночи, Сицилiанскихъ вечеренъ, изувѣрныхъ вспышекъ въ юношество Петра, Московскаго чумнаго бунта; но за то, на оборотъ, что произвело холодное невѣріе? — бойню, столь много истребившую остріемъ гильотины, утопленіемъ въ извѣстныхъ нойядахъ, разстрѣляніемъ въ митральядахъ, однимъ словомъ, снявшую на пространствѣ десяти тысячъ квадратныхъ миль 4 милліона головъ, изъ числа коихъ двѣ вѣнценосныя, съ низверженіемъ трона и алтарей, при ужаснѣйшемъ поруганіи Вѣры и ея святыни. Все это сбылось въ концѣ прошекшаго столѣтія. Но это еще не все полвѣка кровавыхъ опытовъ не залушило адскаго пламени: крамольный духъ сей ужасной эпохи еще носится и надъ нрепьимъ поколеніемъ бѣсновавшагося народа: дѣла, слова, письмена этого поколенія дышатъ тѣмъ же духомъ. — Ска-

Digitized by Google

жутъ: ищите средины. — Средины? средины?... бездѣлицы! но кто нашелъ ее на землѣ? Она *тамъ*, въ средоточіи всѣхъ истинъ, въ источникѣ всезнанія. Здѣсь нравственная средина также невидима, какъ и математическая точка. Для философовъ, моралистовъ и законодателей здѣсь, въ этой юдоли броженія, покуда остается одно средство: избирать *пересолъ* благотворнѣйшій, и, сближаясь съ желаемою серединою, направлять его къ доброй цѣли. Дополню изложеніе своей мысли немногими строками: суевѣріе есть приростъ къ корню, — приростъ дурной, согласенъ, — но, очищая, берегитесь, Философы, моралисты, законоучители! чтобъ высокомудріе, столь близкое къ суемудрію, а потому и родное невѣрію, не запустило *своего* экспирпатора; ибо, въ послѣднемъ случаѣ, того и жди, что и корень вонъ!

Теперь, возвращаясь къ самому предмету бывшему поводомъ къ этимъ замѣчаніямъ, касаясь снова народныхъ купаній въ болотцахъ освященныхъ проваломъ храма, скажу что едва ли можно назвать это суевѣріемъ: вѣковое преданіе утвердило, что здѣсь нѣкогда молились, литургисали, и что престолъ, на коемъ совершалось приношеніе безкровной Жертвы, еще здѣсь, хотя и сокрытый подъ землею; я вѣрю сказанію, и благоговѣю къ этому мѣсту. Я могу быть обманутъ *исторически*, если провалъ храма вымышленъ; но благоговѣніе къ святости такого мѣста согласно съ самымъ очищеннымъ вѣрованіемъ. Итакъ улыбка нѣкоторыхъ была напрасною; и такъ не нужно лишать матерей перваго блага на землѣ — надежды. Нѣтъ! сокрушись перо того писателя, онѣмѣй языкъ того учителя, которые остановятъ мать, несущую своего младенца къ этой лужицѣ!

8) Выпишу здѣсь нѣсколько строкъ изъ рукописной *Повѣсти, како преименовася градъ Зарайскъ*, и о первомъ явленіи Зарайской иконы въ Коломнѣ.

„.... Видѣша тогда Боляре тѣло Государя своего (Кн. Ѳеодора), плакаху горько, и не смѣяху взяти страха ради Башыева, обаче нощію взяша его, и скоро послаша въ градъ Никольскъ, возвѣщающи благовѣрной Княгинѣ Евпраксіи о убіеніи мужа ея благовѣрнаго Князя Ѳеодора за чистоту ея и за законъ Божій. Она же, слыша сіе, ужасеся зѣло, и источники слезъ изливающи (*здѣсь плачь, коего приведу лишь*

Digitized by Google

послѣднія слова): „Нынѣ сопряжемся съ тобою душами, го„сподине, да способлюся съ тобою припасти къ престолу „благодати и хваляся буду твоими страданьми, да твоими „подвиги и азъ увѣнчаюся.“ И сіе глаголаше стояше высоко въ теремѣ и верже во окно прежде сына своего Іоанна Постника (*рожденнаго въ постный день*), а потомъ и сама вержеся вокно, и тако заразися цѣломудренная Евпраксія и съ сыномъ своимъ Іоанномъ, и отшоле наречеся градъ Никольской Зарайскимъ, и нынѣ зовомъ богоспасаемый градъ Зарайскъ. А прежде того (*то есть первоначально*) назывался Красной.“

. . . . . .

„Во время неисчетныхъ и несказанныхъ бѣдъ видѣша люди града Зарайскаго, яко не можно ихъ граду спасену быти ни коимъ образомъ, падоша бо сильніи отъ меча Агарянскаго, взяша чудотворный образъ Коломенскій народъ, мали и велицы, яко самаго Чудотворца пріяша. (Тушъ повѣствованіе о кровопролитіяхъ того времени).... И по злой кончинѣ Батыевой Русская земля пріяла облегченіе, и положили Князи Русскія совѣтъ, чтобъ всѣхъ Ташаръ, которые были посажены отъ Батыя по всѣмъ селеніемъ вмѣсто старостъ, аще не приступятъ къ православной Христіанской вѣрѣ, то всѣхъ смерти предати, тогда вси Ташарове крестишася, и чудотворный образъ святаго отца Николая паки отнесенъ бысть отъ Коломны во градъ Зарайскъ, и на мѣстѣ идѣже стояше чудотворный образъ поставленъ списокъ съ Чудотворнаго образа.“

9). Не во гнѣвъ будь Г-дамъ Рецензентамъ, я не отступаю отъ принятаго мною правила высказывать читателю всѣ народныя преданія, даже сказочныя, о мѣстѣ или предметѣ; а также не таить отъ него и своихъ догадокъ. Такъ говорилъ я въ своей *Прогулкѣ по древнему Коломенскому уѣзду*, впрочемъ, полу-серьезно, о двухъ селахъ *Ягановыхъ*, услышавъ отъ стариковъ объ отношеніи ихъ именъ къ Ягѣ-бабѣ. Рецензентъ, означившій свое имя буквами *И. Б.*, и помѣстившій въ 3-мъ №. *Москвитянина* свой краткій обзоръ моей книжки, сказалъ много для меня лестнаго; но при томъ и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, въ томъ числѣ и о невѣрности въ значеніи названія этихъ селъ, относя оное къ Герман-

Digitized by Google

цамъ Іоганамъ. Но я первый замѣтилъ и это, въ выноскѣ, на 85-й страницѣ своей брошюры; и такъ мнѣ нетрудно согласиться съ Г-мъ Рецензентомъ, и даже присоединить, что въ Коломенскомъ уѣздѣ находится много селеній, долженствовавшихъ принадлежать древнимъ Германскимъ выходцамъ, какъ то: Прусье, Фаустово, и другія. Меня могли ввести въ искушеніе однѣ и тѣже молви о Ягѣ въ двухъ селахъ, въ 40 верстахъ одно отъ другаго отстоящихъ и не имѣющихъ никакихъ между собою сношеній).

Впрочемъ, если уже пойдетъ на догадки о словѣ *Яганъ*, то позволю себѣ указать на многія извѣстія историковъ и путешественниковъ, въ томъ числѣ и знаменитаго Тавернье, объѣхавшаго весь свѣтъ, и въ 1689, умершаго въ Москвѣ: въ его извѣстіяхъ находимъ нѣсколько Могольскихъ Государей, называвшихся *Іеганами* (Iehan) (*). Не моглили Чингисханъ или Октай, еще при первомъ вторженіи въ Россію, отпустить, а ужасный Батый завести къ намъ какого нибудь Моголоиндійскаго Князя Царской крови, оставивъ его владѣльцемъ двухъ Коломенскихъ селъ, которыя, принявъ его имя, назвались Іегановыми или Ягановыми? Октай двинулъ на насъ Батыя, когда отецъ его, Чингисханъ, уже завоевалъ Индію. Древность храма одного изъ этихъ селъ, предшествующая выѣзду къ намъ Германцевъ, оправдываетъ эту новую догадку, подтверждаемую еще и достовѣрнымъ историческимъ извѣстіемъ, что, вслѣдъ за уходомъ Батыя изъ Россіи, многіе Татары, поставленные имъ начальниками надъ селами и волостями, крестились, и этимъ важнымъ знакомъ благонамѣренности, и даже вѣрности, многіе могли заслужить и право владѣнія тѣми селами, коими прежде управляли.

И такъ, возвративъ Ягу-бабу въ предѣлы сказочнаго, я согласенъ раздѣлить съ моими судіями два Яганова: пусть одно останется Германскимъ, а другое Могольскимъ.

Но я никакъ не могу согласиться въ томъ, что село Яганово, близъ Мячковскаго кургана, не есть древнее, потому только, что не названо въ Завѣщаніи Димитрія Донскаго. Оно могло быть тогда сельцомъ или деревнею, при-

(*) Одинъ изъ Іегановъ построилъ, подлѣ Делли, новый городъ Іеганнабадъ, и тѣмъ уменьшилъ славу древнѣйшей столицы.

Digitized by Google

писанною къ Воскресенскому храму, стоявшему на кургапѣ, какъ то случилось послѣ, наоборотъ, при перенесеніи курганскаго храма въ Яганово. Если бы въ завѣщаніяхъ нашихъ Великихъ Князей означены были *всѣ* селенія, то харпіи сихъ актовъ были бы необъятно пространными. Донскій назвалъ урочище по храму, ибо тогда и погостъ былъ важнѣе большаго селенія безъ церкви (*). А что *Мячковскій курганъ*, коего земля принадлежитъ духовенству Яганова, зовется и *Ягановскимъ холмомъ*, то это утверждается общимъ сказаніемъ на самомъ мѣстѣ и въ окрестностяхъ.

Винюсь предъ читателемъ въ погрѣшности важнѣйшей: увлеченный именами села и погоста Брашевскихъ или Боршевскихъ (**), отстоящихъ далеко отъ Боровскаго перевоза, но давшихъ свое прозваніе *Брашевскаго* ему и самой дорогѣ, я означилъ переправу Владиміра Храбраго у ближайшаго къ нимъ второго перевоза *Николы Романь*. Вспомнивъ же именованіе луговины, идущей отъ Мячковскаго кургана къ рѣкѣ, *Боровскимъ лугомъ*, такъ названной и въ Завѣщаніи Донскаго, я вспомнилъ и слова лѣтописи: „на красномъ перевозѣ Брашевскомъ, *въ Боровскѣ*.“ И такъ, признаю переправу Владиміра Храбраго у Мячковскаго кургана. Перевозъ и самая большая дорога назвались Брашевскими по тогдашней важности селенія Брашева, хотя и отдаленнаго отъ перевоза (***).

Г-нъ Рецензентъ говоритъ, что едвали не напрасно я хотѣлъ вывесть какое-то соотношеніе села Рапмира съ Новымъ-городомъ. Но это ясно какъ день: колоколъ, вылитый въ Новгородѣ не за долго до разгрома онаго Іоанномъ IV, безъ всякаго сомнѣнія, былъ вывезенъ изъ него; а сказочное преданіе жителей о Марѳѣ Посадницѣ доказываетъ, что и предки ихъ были вывезены отъ туда же.

Г-нъ Рецензентъ заключаетъ, будто бы я самопроизвольно предоставилъ *Боярина* свѣтскимъ, а *Боярина* духов-

---

(*) Многія села, и съ храмами древнѣйшими, не были упомянуты въ Великокняжескихъ Душевныхъ Грамотахъ: другое Яганово, также не было въ нихъ упомянуто, хотя его храмъ построенъ не позднѣе начала XIV столѣтія.

(**) Въ древнихъ Актахъ давали имъ то и другое имя.

(***) Въ Душевн. Грамотѣ В. К. Василія Васильевича *Темнаго*, Брашево названо городкомъ.

Digitized by Google

нымъ, тогда какъ измѣненіе этого слова относилось къ мѣстности народонаселенія. Но всѣмъ извѣстно, что *отъ Сѣвера до Юга*, *отъ Востока до Запада* древней и новѣйшей Россіи, во всѣхъ ея Церквахъ, на экшеніяхъ, въ поминаньяхъ, и пр., нѣтъ другаго произношенія какъ *Бояринъ*, а также и въ Твореніяхъ Духовныхъ писателей, тогда, какъ въ писменахъ свѣтскихъ лѣтописцевъ и въ Дипломатическихъ Актахъ всѣхъ концевъ Царства писалось и говорилось *Бояринъ*. Измѣненіе въ словѣ, первоначально появившееся въ *Изборникѣ Святослава*, случилось, кажется, безвѣдомо Нестору, или онъ, въ качествѣ бытописателя Государства, желалъ удержать коренное произношеніе, употребляемое свѣтскими. Въ писаніяхъ Иларіона, Митрополита Кіевскаго (*), предшествовавшихъ *Изборнику Святослава*, четвертью столѣтія, стоитъ *Бояринъ*; и такъ, повторяю *Боляринъ* появился въ первый разъ въ упомянутомъ *Изборникѣ*.

Рецензентъ укоряетъ меня въ томъ, что я принялъ одного выѣхавшаго Прусака за многихъ; но стоитъ заглянуть въ Родословныя, чтобы оправдать меня: Предокъ Захарьиныхъ-Юрьевыхъ былъ, правда, предкомъ Шереметевыхъ и Колычовыхъ; но предки Салтыковыхъ и Шеиныхъ, (произшедшихъ отъ Морозовыхъ), были *совсѣмъ иные* Прусскіе выходцы. Кутузовы, также имѣли *своего особеннаго* родоначальника, Прусака, хотя и брата предка Салтыковыхъ и Шеиныхъ.

Въ строкѣ: »Здѣсь (подъ Коломною), Русскіе въ первый разъ встрѣтили Батыя,« винюсь за переписчика, пропустившаго слово: *въ полѣ*.« У меня было такъ: »въ первый разъ встрѣтили они Батыя въ полѣ.« Взятіе Рязани и другихъ засадъ, а также и передовая стычка Боляринa Прокопія, не могли назваться полевыми битвами, баталіями.

Скажу въ заключеніе: остаюсь совершенно увѣреннымъ, что Г-нъ Рецензентъ, прочитавъ мои оправдательныя строки, увидитъ въ нихъ знакъ моего уваженія къ его замѣчаніямъ, строгимъ, но умѣренно и благородно изложеннымъ.

(*) См. стран. 21 любопытной брошюры: *Памятники Духовной Литтературы временъ* Ярослава I-го, изданной въ 1844 году Профессоромъ Моск. Дух. Академіи Г-мъ Горскимъ.

Digitized by Google

Если въ статьѣ, такъ сказать, *разметой*, можетъ быть терпимъ *пришивокъ*, то прибавлю нѣсколько строкъ, исполняя долгъ уваженія къ памяти одной изъ Россіянокъ, любительницы отечественной старины.

Описывая храмъ села Степановскаго, я замѣтилъ тамъ неоцѣнимую Святыню: часть Мощей Святителя Николая, возложенную на древнюю икону сего Угодника, родовую Толстыхъ. Я также сказалъ, что этотъ великій даръ принесенъ былъ Княгинею Натальею Ивановною Голицыною, родною сестрою знаменитаго Графа Остермана-Толстаго. Теперь только узналъ я, что она скончалась, и узналъ объ этомъ съ искреннимъ сожалѣніемъ, хотя имѣлъ случай только одинъ разъ видѣть ее и говорить съ нею, — и вотъ какъ это было: на одной изъ Московскихъ вечеринокъ (помнится мнѣ, въ домѣ покойнаго Графа Ираклія Ивановича Маркова) слышу, что одна дама, разговаривая, назвала *село Пурихъ*. Я отбѣжалъ отъ простѣнка, гдѣ говорилъ съ молодежью, и подсѣлъ къ ней. Знала ли меня Княгиня или нѣтъ, мнѣ неизвѣстно; но, замѣтивъ мое движеніе, обратилась ко мнѣ и сказала: »Да, я знаю село Макарій-Пурихъ, принадлежавшее Князю Пожарскому, будучи сосѣдкою, я была очевидною свидѣтельницею, какъ, въ 1812 году, крестьяне этого села долго не давали начальникамъ Ополченія и Предводителю Дворянства знамени Князя Пожарскаго, стоявшаго въ ихъ храмѣ. Вмѣстѣ съ Сановниками, я плакала при этой сценѣ. Я видѣла и лампаду неугасимую, которая теплится предъ иконою, принадлежавшею спасителю Отечества. Жители села хвалятся тѣмъ, что въ теченіи 200 лѣтъ не допустили ее ни на минуту погаснуть.« Разсказавъ мнѣ это на-скоро, она вышла въ другую комнату, велѣла подать себѣ чернильницу, и чрезъ полчаса вынесла ко мнѣ слѣдующую записку:

»Село Макарій-Пурихъ, Нижегородской Губерніи, Ба»лахнинскаго уѣзда, принадлежащее нынѣ Графинѣ Мамоно»вой, знаменито въ Исторіи нашего отечества какъ принад»лежность Князей Пожарскихъ и мѣсто всегдашняго ихъ »пребыванія. Древняя Церковь его есть величественный па»мятникъ, гласящій понынѣ о ихъ доблестяхъ и благоче»стіи. Въ немъ хранится знамя, спасшее Россію. Изъ этого

Digitized by Google

»храма мужественный предводитель храбраго воинства по»шелъ, съ помощію Божіею освобождать отчизну, и славно »совершилъ свой многотрудный подвигъ. Въ 1812 году, ког»да собралось Ополченіе въ Нижнемъ-Новѣгородѣ, долго отыскивали, гдѣ сохраняется это драгоцѣнное знамя; узнавъ »что въ Пурихѣ, послали команду для взятія его, дабы осѣ»нить онымъ новое войско на такую же Отечественную »брань. Но народъ того села никакъ не согласился раз»статься съ своимъ сокровищемъ; — и такъ его списали, а »оригиналъ имъ возвращенъ (*).«

Это было писано такъ бѣгло, что я едва могъ разобрать слова; было писано въ одинъ присѣстъ, подлѣ шумной гостинной и при звукѣ бальныхъ скрипокъ. Русскія дамы! я выписываю и привожу это для васъ. Когда вы утомитесь надъ *Парижскими тайнами* и *Вѣчнымъ Жидомъ*, тогда загляните въ родное-минувшее, по примѣру почтенной соотечественницы вашей: много найдете тамъ для сердца, ума и воображенія.

И. И.—П.

(*) Касательно трогательной сцены, долженствующей нѣкогда украсить, страницы нашей Исторіи, то есть, спора крестьянъ села Пурихъ, съ главными начальниками Ополченія и Предводителемъ за знамя Князя Пожарскаго, скажу, что оно было взято Ополченіемъ, но на честномъ словѣ и, кажется, подъ присягою этихъ Чиновниковъ, что будетъ имъ возвращено. По возвращеніи же онаго, и уже чрезъ нѣсколько лѣтъ, оно было вытребовано Правительствомъ, сообразившимъ неудобство находиться этому знамени въ селѣ, по случающимся въ селахъ частымъ пожарамъ; а тамъ оставленъ совершенно сходный снимокъ. Теперь подлинное хранится въ Московской Оружейной Палатѣ. — Я помѣстилъ упомянутое происшествіе въ изданной мною въ 1832 году книгѣ: *Отечественная Галлерея*. (Томъ II-й стр., 60 и 61); а извѣстный нашъ художникъ, Тромонинъ, сдѣлалъ болѣе: онъ превосходно срисовалъ и выгравировалъ очеркомъ самое знамя. Этотъ прекрасный листъ помѣщенъ имъ въ изданныхъ имъ въ 1833 г. Тетрадяхъ: *Памятники Москвы*.

Digitized by Google

ПРИБАВЛЕНІЕ

доспанное авторомъ поздъ.

Въ описаніи Николы-Угрѣшскаго монастыря, исчисляя нѣкоторыя историческія доказательства особеннаго чествованія Русскимъ народомъ Святителя и Чудотворца Николая, я пропустилъ одно, довольно значительное обстоятельство: Іоаннъ Грозный, учредивъ Опричнину, и переѣхавъ изъ Кремля на Арбатъ, построилъ тамъ себѣ дворецъ подлѣ самаго храма Св. Николая, слывущаго *Никола Явленный*, избравъ его приходскимъ своего Двора. (На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Арбатскій дворецъ, временно занимаемый Грознымъ, находится теперь домъ Князя Михаила Андреевича Оболенскаго, начальствующаго надъ Моск. Государств. Архивомъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ и извѣстнаго знатока по отечественной археологіи. Еще существуютъ знаки бывшаго фундамента, которые выдаются во дворъ, ибо онъ занималъ пространство для бо́льшаго зданія). Въ храмѣ, еще недавно имѣвшемъ свое придѣльное предхраміе въ первобытномъ видѣ, еще недавно сохранявшемъ свои *огивы* или стрѣльные своды, окны и другія углубленія съ Мавританскою перемычкою, въ этомъ храмѣ находится нѣсколько древнихъ и рѣдкихъ иконъ, изъ коихъ замѣчательнѣе всѣхъ икона Покрова Пресвятыя Богородицы, поставленная въ придѣлѣ: это произведеніе нашей древней иконописи самыхъ цвѣтущихъ ея временъ, и, вѣроятно, даръ Іоанна. Въ настоящей, у входа, съ правой стороны, вставлена древняя икона Св. Николая, даръ Боярина Богдана Хитрово, извѣстнаго строителя храмовъ и монастырей и обладателя многими рѣдкими святынями въ томъ числѣ древнимъ Евангеліемъ, которое принесъ онъ въ даръ Троицкой Лаврѣ. (Этотъ Боринъ извѣстенъ также и по ссорѣ съ Патріархомъ Никономъ. Онъ умеръ лишась всѣхъ дѣтей своихъ, и похороненъ въ Моск. Новодѣвичьемъ монастырѣ съ именемъ *многострадальнаго Іова*, которымъ былъ прозванъ еще при жизни) (*).

Н. И.—П.

(*) Мнѣ два раза случилось жить въ этомъ приходѣ, и не разъ умиляться назидательнымъ словомъ бывшаго тамъ священника, нынѣ Знаменскаго Архимандрита отца Митрофана. Преемникъ его есть также добрый пастырь. *Авт.*

Digitized by Google

ПИСЬМО М. М. СПЕРАНСКАГО КЪ П. А. СЛОВЦОВУ.

ПЕРМЬ 6-го АВГ. 1813 ГОДА.

Первое письмо ваше, любезный мой Петръ Андреевичь, обрадовало меня и опечалило. Обрадовало добрымъ вашимъ воспоминаніемъ; но опечалило собственнымъ вашимъ положеніемъ. Въ горькихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ не имѣть внутреннихъ вѣрныхъ утѣшеній, конечно, весьма горестно,

Отъ васъ бы однакоже зависѣло ихъ имѣть. Не стану здѣсь убѣждать вашъ разумъ. Кто не знаетъ, что воздержаніе, напримѣръ, есть добродѣтель весьма полезная; но знаніе это дѣлаетъ ли людей воздержными? — Чего же тутъ не достаетъ? Силы. — Гдѣ же взять силу?

Сила самая благотворная и спасительная насъ окружаетъ, тѣснится у всѣхъ нашихъ чувствъ, толчется у нашего разума, просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. Мы ей свои; и свои ея не пріемлютъ. Тѣ, кои пріемлютъ, получаютъ тотчасъ, здѣсь на земли въ сей самой жизни власть и право быть сынами Божіими. Довольно ли сего для счастія? довольно ли для самыхъ обширныхъ желаній?

Слѣдовательно дѣло состоитъ только въ томъ, какъ почувствовать сію силу, какъ допустить въ себя благотворное ея вліяніе?

До сихъ мѣстъ большая часть людей, ищущихъ истины идутъ довольно единообразно; но здѣсь, на семъ вопросѣ мнѣнія раздѣляются и большая часть нашей братіи, людей избалованныхъ лжеименнымъ разумомъ, берутъ въ лѣво, ища сея силы въ книгахъ, въ размышленіяхъ, въ системахъ; это слѣпые, кои хотятъ измѣрить и опредѣлить, что такое есть свѣтъ, а потомъ уже надѣются получить зрѣніе.

Digitized by Google

Но какъ же открыть сіе зрѣніе? надобно токмо отстороиить то, что отъ насъ застѣняетъ сію силу.

Въ толпѣ нашихъ мыслей и желаній съ перваго взгляда можно различить двѣ физіогноміи: мысли добрыя и мысли худыя, желанія правильныя и желанія порочныя. Соберите во едино мысли добрыя, свяжите ихъ одною нитью вспоминанія, это составитъ одинъ образъ бытія; сдѣлайте тоже и съ худыми, это составитъ другой. — Два сіи бытія, непрестанно измѣняясь, кажутся однимъ и тѣмъ же; но, сколько бы нити, ихъ составляющія, въ общей ткани нашей жизни ни были перепутаны, въ существѣ своемъ всегда сохраняютъ свои природныя различія и составляютъ два бытія отдѣльныя: истинное и ложное.

Но какъ разложить два бытія, столь тѣсно соединенныя?

Водою, духомъ и огнемъ. Тщетны всѣ умствованія; нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ сихъ. Разсмотримъ первое.

1) Очищеніе водою, нуть Іоанна Предтечи.

Чтобы отдѣлить зло, надобно прежде его обнаружить; надобно всѣ, таящіяся внутри насъ, подъ видомъ слабостей и даже самыхъ добродѣтелей, дѣйствительные пороки вывести на поверхность. Операція сія весьма болѣзненна; одни люди великодушные или терпѣливые могутъ на нее рѣшиться; удивительно ли, что большая часть ея избѣгаетъ?

Она состоитъ въ томъ, чтобы дать самому себѣ строгій судъ по тремъ главнымъ законамъ бытія нашего, — по гражданскому, нравственному и духовному. Послѣдствія сего суда, если онъ правильно произведенъ, бываютъ ужасны. Это почти смертный приговоръ. Никто не долженъ тутъ надѣяться на свою правду. Кто, ставъ на семъ судѣ, не почувствуетъ себя величайшимъ преступникомъ по всѣмъ тремъ законамъ правды, тотъ еще не размышлялъ о себѣ и не видитъ ни зги. Тутъ нѣтъ ни изъятія, ни извиненія.

Digitized by Google

Я долго взиралъ на преступниковъ, закономъ осужденныхъ, публично наказанныхъ и сосланныхъ, съ внутреннимъ отвращеніемъ; нынѣ смотрю на нихъ съ нѣкоторою отрадою. Многіе изъ нихъ агнцы добродушные въ сравненіи со всѣмъ тѣмъ, что называемъ мы часто: честный и порядочный человѣкъ.

Оставляю вамъ самимъ пройти всю цѣпь размышленій, ведущихъ къ сему странному и самому точному заключенію. Вы вѣрно къ нему придете, когда не щадя себя, не взирая на всѣ стопы самолюбія, пустите ножъ испытанія въ самую средину того ужаснаго нарыва, той широкой раны, которая покрываетъ и грызетъ все тѣло и душу человѣка. Не ищите въ словахъ моихъ ни метафоры, ни парадоксовъ. Аминь глаголю вамъ, мытари и любодѣйцы варяютъ васъ въ Царствіи Божіемъ.

Сей судъ есть и всегда будетъ первымъ и необходимымъ основаніемъ всѣхъ религій; онъ есть на всѣхъ языкахъ и во всѣхъ сердцахъ — гласъ вопіющаго въ пустыни: покайтеся.

Безъ сего суда всѣ средства тщетны; все, что люди ни мыслятъ, ни дѣлаютъ, ни затѣваютъ, все есть прахъ, вѣтромъ возметаемый, и по истинѣ не стоитъ даже и помышленія.

Но еще повторяю, тутъ не должно щадить себя; поверхностное обозрѣніе своихъ мыслей и движеній всегда кончится словами: нѣсмь, якоже и прочіи человѣцы. Также еще повторяю, что тутъ не можетъ быть и изъятій: всяка плоть сѣно; — всяка дебрь наполнится и всяка гора и холмъ смирится. Моя добрая и невинная Лиза тутъ столь же виновата, какъ и я: ибо она физически, въ самомъ простомъ и прямомъ смыслѣ есть столько же Ева, сколько я Адамъ. Богъ есть Богъ живыхъ, а не мертвыхъ; предъ нимъ никто не умираетъ; Онъ не принимаетъ ни нашего счету, — ни втораго, ни третьяго, ни различія лицъ, ни временъ, ни именъ; предъ нимъ существуетъ человѣкъ, и болѣе ничего. А

Digitized by Google

судъ на человѣка уже произнесенъ: вы есте дѣти отца вашего діявола, а онъ ложь есть и отецъ лжи. Іоан. 8, 44.

Углубляйтесь, другъ мой, въ сіи изысканія и не считайте ихъ конченными, доколѣ не почувствуете въ себѣ истиннаго сокрушенія, доколѣ не растопится въ васъ весь слитокъ добра и зла, словомъ: доколѣ не найдете себя „извините“ самымъ горькимъ и безотраднымъ преступникомъ.

Да! преступникомъ; никто не долженъ стыдиться признавать себя внутренно таковымъ послѣ того, какъ самая предвѣчная правда благоволила страдать и умереть за насъ на крестѣ между двумя разбойниками.

Съ сей точки зрѣнія горестное ваше гражданское положеніе со всѣмъ перемѣнитъ видъ свой. Вы совершенно оправдаете Промыслъ; люди и ихъ несправедливости предъ вами исчезнутъ; останется одинъ Богъ и Его орудія. Во всѣхъ путяхъ вашей жизни вы признаете Его отеческую руку, которая васъ тихо, но непрерывно влекла къ себѣ, которую вы часто съ негодованіемъ отталкивали, и которая, не взирая на сіе, исторгла васъ насильно, но всегда съ тою же любовію, изъ Вавилона страстей, гдѣ вы жили, и поставила на болѣзненномъ и спасительномъ пути самопознанія.

Что сынове сего вѣка, въ вихрѣ суетъ не понимаютъ сего влеченія, это естественно; но если мы съ тобою, другъ мой, его не почувствуемъ, это по истинѣ несносно и даже уродливо.

Вмѣстѣ съ познаніемъ себя вы почувствуете уже по необходимости и презрѣніе къ міру. То, что считали вы слабостію, будетъ казаться порокомъ, а порокъ сдѣлается гнуснымъ и отвратительнымъ.

Когда такимъ образомъ два сіи главныя очарованія, міръ и ложное наше бытіе обнаружатся и начнутъ предъ вами исчезать: тогда и точно по мѣрѣ ихъ исчезновенія, будетъ взиматься отъ глазъ вашихъ, то облако,

Digitized by Google

которое скрывало свѣтъ и прерывало вліяніе благотворной его силы. Въ семъ положеніи вы живо почувствуете нужду въ ея помощи, и помощь сія придти не замедлитъ. Сіи то чувствія суть начатки возрожденія и или дѣйствованія въ васъ духа Христова.

2) Путь возрожденія, или просвѣщенія и креста.

Примѣчайте: всякая, добрая мысль, всякое доброе движеніе воли есть и движеніе Христово. Безъ Мене не можете ничесо-же.

По мѣрѣ того, какъ вы будете примѣчать въ себѣ сіи движенія и относить ихъ ко Христу, въ васъ дѣйствующему, Онъ будетъ въ васъ возрастать и наконецъ вы достигнете того счастливаго мгновенія, когда въ состояніи будете ощутить Его съ такою живостію, съ такимъ внутреннимъ убѣжденіемъ въ дѣйствительномъ Его присутствіи, что съ непостижимою вамъ самимъ радостію скажете: такъ это точно Онъ, Господь мой и Богъ мой!

Минуты сего живаго, сладостнаго и, такъ сказать, единственнаго ощущенія бываютъ кратки; онѣ даются единственно для того, чтобъ укрѣпить вѣру и усилить любовь, и какъ скоро произведутъ сіе дѣйствіе, тотчасъ исчезаютъ.

Для чего же исчезаютъ?

Крещеніе Іоанново, или самопознаніе (крещеніе водою), собственно говоря, не очищаетъ отъ грѣховъ, но размывая слитокъ добра и зла обнаруживаетъ токмо ихъ предъ нами. Есть другое крещеніе во Іисуса Христа (водою и духомъ), и сіе есть во оставленіе грѣховъ, т. е. совершенное уже ихъ очищеніе. Въ младенчествѣ нашемъ мы получаемъ тайну сего крещенія, но дѣйствіе сея тайны должно продолжаться въ всю нашу жизнь. Елицы бо во Христа крестихомся, въ смерть Его крестихомся; спогребохомся Ему крещеніемъ въ смерть. Вы

Digitized by Google

дали обѣщаніе умирать грѣху и жить токмо Богу. Да мертви будемъ грѣху, живемъ же Богови.

Отсюда возникаетъ таинство креста, законъ всеобщій и, можно сказать, единственный, на коемъ стоитъ какъ физическая, такъ и духовная природа.

Признавъ въ себѣ на первомъ пути два бытія, истинное и ложное, упражненіе втораго пути, единственное и истинное и находимъ что упражненіе всей нашей жизни должно состоять въ томъ, чтобъ усиливать первое бытіе и разрушать второе. Сіе усиленіе и сіе разрушеніе производитъ въ насъ таже любовь, тотъ же Христосъ; но въ первомъ Онъ дѣйствуетъ положительно, наполняя насъ чувствомъ Своего присутствія, а во второмъ отрицательно, распиная наши страсти, пороки, склонности и привычки на крестѣ страданія и самоотверженія. И сіе необходимо. Какъ можно чувствовать и наслаждаться истиннымъ бытіемъ, когда ложное не даетъ ему мѣсто? Кто не воюетъ, тотъ не воинъ; кто не страждетъ, тотъ не христіанинъ!

Но гдѣ же тутъ счастіе? Неужели лестное право быть сынами Божіими состоитъ въ страданіи? Точно въ страданіи, и единственно почти въ страданіи, во все теченіе настоящей жизни.

Люди весьма странны! хотятъ понять, что за счастіе страдать отъ любви, не любя; смѣшиваютъ сіе страданіе любви съ страданіемъ порока, или съ простою болью, смѣшиваютъ небо съ землею, и думаютъ, что они все разсудили.

Но какъ же бы имъ растолковать силу сего страданія болѣзненнаго и привлекательнаго, скорбнаго и безконечно-сладостнаго? — Невозможно! Потому-то крестъ и есть таинство, потому-то онъ и есть погибающимъ юродство, что словами безъ опыта одинъ другому изъяснить его не можетъ. Люби, страдай, и все узнаешь.

Digitized by Google

Итакъ все можно заключить въ слѣдующихъ трехъ главныхъ правилахъ:

I). Вскрой предъ собою безъ пощады всю мерзость грѣха; распознай въ себѣ съ истиннымъ сокрушеніемъ два бытія: истинное и ложное (путь первый, крещеніе Іоанна, самопознаніе).

II). Познай въ себѣ силу и дѣйствительное присутствіе Христа Спасителя, ознакомься съ нимъ непрерывнымъ вниманіемъ къ словамъ Его не въ книгахъ только, но въ тебѣ самомъ, въ добрыхъ мысляхъ и движеніяхъ твоихъ, кои мы по незнанію только и по гордости называемъ своими, и кои суть точно Его; и.

III). Разрушай или, лучше сказать, не препятствуй Ему разрушать въ тебѣ ложное твое бытіе, раздирать ложные навыки и пороки, страдай и терпи. (Путь второй, вѣра и крещеніе во І. Христа, путь просвѣщенія и креста).

Есть третій путь еще высшій и совершеннѣйшій; но говорить о немъ безполезно: ибо кто стоитъ твердо на второмъ, тотъ придетъ и къ третьему; а кто незнаетъ еще опытомъ втораго, тотъ никогда не поймет третьяго; да правду сказать, и изъяснять его словами почти невозможно.

Какія же упражненія можно предписать себѣ, къ удобнѣйшему исполненію сихъ правилъ? Никакихъ; самое исполненіе ихъ и составляетъ все упражненіе. Начните завтра, начните сегодня (ибо время близъ есть), и все узнаете сами.

Исполненіе перваго правила приведетъ васъ къ молитвѣ: ибо кто бѣденъ, тотъ проситъ.

Молитва приведетъ васъ нечувствительно къ обращенію со Христомъ: ибо не мы молимся, а Онъ. Кто безъ него смѣетъ выговорить: Отче нашъ! Богъ есть Его Отецъ, а нашъ единственно чрезъ Него и въ Немъ.

Digitized by Google

Обращеніе со Христомъ приведетъ васъ ко кресту: ибо гдѣ Онъ, тамъ крестъ.

Къ симъ тремъ упражненіямъ сами собою въ послѣдствіи присовокупятся два слѣдующія:

I). Чтеніе Св. Писанія. Живое и дѣйствительное обращеніе со Христомъ откроетъ вамъ первую возможность разумѣть Св. Писаніе. Безъ сего обращенія всѣ усилія тутъ тщетны; все это пустыя умствованія, душевная, а не духовная ученость и одно суесловіе. Слова мои духъ суть, животъ суть. Но кто же откроетъ духъ Христовъ, кромѣ Его самого? — Св. Писаніе вообще ничто иное есть, какъ изображеніе, или представленіе въ разныхъ формахъ и видахъ одной и той же истины, а именно того, какъ Богъ бесѣдовалъ и сообщался съ людьми, сперва чрезъ Пророковъ (завѣтъ ветхій), потомъ ближе и яснѣе въ образѣ своего Сына — Слова (завѣтъ новый). Сіе изображеніе начертано единственно *для* того, чтобы означить намъ, что и мы въ себѣ тоже самое испытать можемъ и должны. Искать въ Св. Писаніи нашихъ безплодныхъ и пустыхъ истинъ и суесловнаго порядка нашей бѣдной и пятичувственной Логики, это значитъ ребячиться, забавлять себя бездѣлками учености или литтературы. Еще повторяю, тутъ ничего недолжно искать, кромѣ образа и представленія Божіихъ съ человѣкомъ сообщеній. Но какъ понять, какъ повѣрить симъ сообщеніямъ, когда не знаешь и не чувствуешь ихъ въ себѣ на самомъ опытѣ? А когда чувствуешь въ себѣ: то какое пріумноженіе вѣры и любви видѣть, что тысячи другихъ людей на необъятномъ разстояніи временъ и языковъ тоже самое чувствовали и видѣли, что чувствуемъ и видимъ мы въ сію минуту, и что всѣ сіи, отдаленныя изображенія со всею точностію дѣйствительно *наяву* въ насъ совершаются!

Я рекомендовалъ вамъ Ѳому Кемпійскаго и теперь еще рекомендую. Право вы найдете тутъ сокровище; но еще повторяю, читать его надобно не предъ чувствіемъ,

Digitized by Google

но послѣ чувствія. Одно покаяніе или, лучше сказать, сердечное сокрушеніе (путь первый) можетъ возбудить чувствіе; а чтеніе потомъ укрѣпитъ его и усилитъ. Книги о подражаніи Іисусу Христу ничто другое суть, какъ избранныя мѣста изъ Св. Писанія, по двумъ главнымъ путямъ расположенныя. Первыя двѣ книги относятся къ покаянію, третья къ обращенію со Христомъ и представляетъ самые разительные и, такъ сказать, съ натуры снятые примѣры, какъ бесѣдуетъ Христосъ съ душею. Вы увѣритесь въ сихъ бесѣдахъ нѣкогда, и будете жалѣть, что поздно увѣрились. Sero te amavi, pulchritudo tam antiqua et tam nova, sero te amavi, восклицалъ долго блуждавшій нѣкогда къ плоти привязанный, гордою платоническою мудростію преисполненный и наконецъ раскаявшійся, обратившійся, смиренный Августинъ.

Четвертая книга Ѳомы Кемпійскаго изображаетъ таинство Евхаристіи.

II). Евхаристія. Еслибъ я менѣе былъ увѣренъ въ путяхъ благодѣтельнаго о васъ Промысла, я бы не осмѣлился и говорить о семъ дѣйствительно священномъ и высочайшемъ таинствѣ. Обращеніе со Христомъ, временемъ и навыкомъ утвержденное, неминуемо производитъ къ Нему любовь; любовь раждаетъ желаніе соединенія. Въ семъ расположеніи сердца Христосъ предлагаетъ намъ съ Нимъ соединиться, имѣть одно тѣло, одну кровь! И сіе соединеніе дѣйствительно, не въ фигурахъ и метафизическихъ значеніяхъ, но самымъ точнымъ пресуществленіемъ (transsubstantiatio) совершается. Не смѣю писать болѣе, хотя могъ бы, кажется, по крайней мѣрѣ желалъ бы писать и говорить о семъ цѣлый мой вѣкъ и не писать и не говорить болѣе ни о чемъ. Прочитайте (все, разумѣется, не теперь, а по очищеніи) проповѣдь, которая въ Церкви читается предъ причастіемъ (она содержится въ общемъ собраніи проповѣдей, изданныхъ на Воскресные и праздничные дни); прочитайте ее со

Digitized by Google

ПИСЬМО ФЕЛЬДМАРШАЛА ШЕРЕМЕТЕВА КЪ ПЕТРУ ПЕРВОМУ (*)

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ

Рабски Вашему Царскому Величеству Премилостивейшему Государю благодарствую за превеликую къ намъ милость, что изволилъ насъ рабовъ своихъ увеселить сердечною радостію обрадовать о новорожденномъ Своемъ Сыне а о нашемъ премилостивейшемъ Государѣ Царевиче Петре Петровиче да сподобитъ Его Царь Царемъ и Господь господствующимъ долголетнаго здравія благочестива и милостива высокомудра храбра праведна щастлива и всякихъ благихъ чемъ васъ всемогущій Богъ благословилъ и прославилъ чего душевно и телесно желаемъ и зело мне рабу твоему пріятно, что имя ему такое случилось Петръ а тое радостную ведомость я получилъ сего Ноября 25-го дня въ Лезеричахъ и случился быть у меня Генералъ Реннинъ Леесе-Штокъ и Глебовъ для совета о некоторыхъ делахъ вашего Величества и какъ отой всемирной радости услышали и воздахъ хвалу Богу и пресвятей его Богоматери учали веселитися и благодаря Бога зело были веселы и умысли надъ нами Ивашко Хмелницкой незнаемо отуда прибылъ учалъ насъ бить и поземле волочить что другъ друга невзвидели И сперва напалъ на Генералъ Майора Штока изувечилъ безъ милости Репнинъ хотелъ сикурсовать и тотъ Хмельницкой воровски здѣлалъ подъноги ударилъ и налавку непопалъ аназемлю упалъ а съ Глебовымъ видя таку силу совокупившуюся пошли нанего Хмелницкаго декораціей и насилу отнего спаслися ибо пощастію нашему прилучились дефиля надежные я наутре опаматовался напостеле безъ сапогъ безъ рубашки только водномъ галстуке и въ парике а Глебовъ ретировался подъстолъ и пришедши въ память незналъ самъ куда выттн а сего Ноября дня буду я Генералитетъ трактовать пригранице Пруской въ местечке Шаверине публично съ пушечною пальбою и весма мы единогласно положили искать надъ Хмельницкимъ и Виницкимъ реванжу дерзнулъ я наималейшій рабъ Вашему Величеству донесть что и мне далъ Богъ сына Сергея коего презентую раболепнѣ сыну твоему Государю моему а въ службу я его капитуловать безъ указа его Государя Царевича несмелъ и буду отъ его Высочества ожидать указа.

Вашего Величества
нижайшій рабъ.
Борисъ Шереметевъ.

27 го Ноября 1715 года.
Изъ Шверина.

---

*) Сообщено Г. Сіовымъ.

Digitized by Google

КРИТИКА.

ОПИСАНІЕ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ, ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ И СТАТИСТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

Составленное Г. Г. Пушкаревымъ и Гедеоновымъ. Томъ первый. Тетрадь первая. Новогородская Губернія. С.-П. Б. 1844 г., въ 8. 8 д. стр. 147, въ два столбца. Съ приложеніемъ карты, чертежей и литографированныхъ видовъ.

Огромный трудъ, который предприняли выполнить Петербургскіе Ученые, вполнѣ соотвѣтствуетъ современной задачѣ, представляемой Россійской Имперіею, для Историка, Географа и Статистика. Мы не знаемъ, какъ рѣшатъ они, эту обширную проблему, но думаемъ, не безъ основанія, что всякій опытъ, въ дѣлѣ столь трудномъ, представляетъ уже настолько пользы, что долженъ заслуживать общее одобреніе.

Предпринимаемое изданіе, если выполнено будетъ, составитъ огромностію своею небывалый подвигъ изъ всѣхъ нашихъ литературныхъ предпріятій. Оно будетъ заключаться, по словамъ Гг. Издателей, въ 18 томахъ въ большую осьмушку, или въ 76 тетрадяхъ., съ приложеніемъ 76 Географическихъ картъ, украшенныхъ гербами и планами всѣхъ городовъ Имперіи, и безчисленнаго множества литографированныхъ видовъ городовъ, монастырей, памятниковъ, развалинъ, животныхъ, мѣстъ и иныхъ изображеній.

Одну семдесятъ шестую часть этого труда, или образчикъ этой Историко-Географико-Статистической ткани, которая обнимаетъ все пространство Россійской Имперіи, отъ рѣки Торнео до Чукотскаго Носа и отъ Шпицбергена до Арарата и предѣловъ Азіи, представляетъ тетрадь первая, или Новогородская Губернія, или альфа гигантскаго предпріятія Гг. Пушкарева и Гедеонова! Она заключаетъ два Обозрѣнія Новгородской Губерніи: Историческое, составленное Н. А. Полевымъ, и Географико-Статистическое, содержащее въ себѣ Геогностическій Обзоръ Губерніи, написанный Офицеромъ,

Digitized by Google

служащимъ въ Корпусѣ Горныхъ Инженеровъ и необратившій на себя вниманія Петербургскихъ Журналистовъ. Онъ составитъ предметъ нашего критическаго разсмотрѣнія.

Мысль соединить Географическое Описаніе каждой губерніи съ Геогностическимъ ея Обозрѣніемъ, не новая. Г. Поссартъ въ сочиненіи своемъ Das Kaiserthum Russland in 8° 1840, описывая Россійскія Губерніи въ географическомъ отношеніи, обращаетъ вниманіе и на Геогнозію каждой изъ нихъ; но въ большей части, за недостаткомъ свѣдѣній, геологическія Обозрѣнія превращаются у него въ весьма неточныя литологическія указанія Съ 1840 года, Геогнозія Россіи сдѣлала столь блистательные успѣхи, что теперь уже существуетъ возможность, основываясь на положительныхъ фактахъ, относить губерніи къ тѣмъ, или другимъ почвамъ, или Геологическимъ Эпохамъ и съ гораздо большею вѣрностію описывать мѣсторожденія полезныхъ ископаемыхъ, которыя открыты, или могутъ заключаться въ нѣдрахъ горныхъ породъ, принадлежащихъ къ той или другой губерніи. При нашемъ критическомъ разсмотрѣніи Геогностическаго Обозрѣнія Новогородской Губерніи, мы не будемъ слѣдовать тому самовластію, которое присвоиваютъ наши журнальные критики, въ современныхъ разборахъ сочиненій, выказывая всегда произвольныя требованія, несообразныя съ свободою каждаго писателя, имѣющаго полное право выполнять трудъ свой по собственному разумѣнію и единственную обязанность, выполнить его добросовѣстно. Мы постараемся только замѣтить вкравшіяся погрѣшности, не говоря, что Обозрѣніе слѣдовало написать такъ, или иначе. Вся таковая ученая взыскательность хороша, но не у насъ, гдѣ такъ мало еще людей занимающихся науками съ должною любовію. Мы начнемъ съ объяснительнаго примѣчанія (стр. 39), которое составляетъ какъ бы предуготовительную часть Обозрѣнія. Здѣсь сказано: „всѣ горныя по„роды, не кристалическаго сложенія, образовавшіяся изъ „осадковъ въ моряхъ, или большихъ рѣкахъ, называются „осадочными формаціями.“ — Изъ основаній Геогнозіи извѣстно, что *горными породами* (roches) называются всѣ толщи неорудныхъ тѣлъ, входящія въ строеніе коры земнаго шара; *образованіями же*, или формаціями (formations) цѣлыя системы горныхъ породъ, происшедшія въ одинъ и тотъ же

Digitized by Google

геологическій періодъ; а потому ясно, что горныя породы нельзя называть образованіями, или формаціями. Раздѣленіе горныхъ породъ на кристалическія и некристалическія можетъ быть только допущено въ смыслѣ минералогическомъ, а потому выраженіе: „всѣ некристалическія горныя породы „называются осадочными формаціями" представляетъ, кромѣ замѣченной нами, другую неточность; между осадочными породами самаго даже новѣйшаго происхожденія есть такія, которыя совершенно кристалическія; слѣдовательно, ученые, избѣгая неточности, никогда не раздѣляли, въ геогностическомъ смыслѣ, горныя породы на кристалическія и не кристалическія; но на породы огненнаго и водянаго происхожденія; потомъ и это раздѣленіе оставлено, и большая часть Геологовъ, слѣдуя г. Лейлю, дѣлятъ горнокаменныя породы, на *Нептуническія*, *Волканическія* и *Гипогенныя*, а эти: на *Плутоническія* и *Метаморфическія*.

Происхожденіе пластовъ объяснено слѣдующимъ образомъ: „сначала землистыя частицы, теченіемъ воды сноси„лись *въ одно мѣсто* (?) и образовали собою слой; потомъ на „немъ появился, отъ той же причины, другой такой слой, и „такимъ образомъ могъ произойти цѣлый пластъ." Вѣроятно здѣсь говорится только о пластахъ механическаго происхожденія; но это объясненіе не обнимаетъ всѣ разнородные процессы, которыхъ, видимымъ образомъ, представляются намъ произведеніями Нептуническія Горныя Породы. И дѣйствительно, какимъ образомъ читатели объяснятъ себѣ перенесеніемъ *въ одно мѣсто* (?) *землистыхъ частицъ* (?) происхожденіе огромныхъ толщъ полукристалическихъ известняковъ, Гипсовъ, пластовъ Кораловыхъ и изъ Инфузорій состоящихъ? А потому очевидно, что приведенное объясненіе недостаточно.

Химическіе и органическіе процессы производили столь же огромныя толщи, какъ и процессъ механическій, который не можетъ представлять одинъ, всѣхъ силъ дѣйствовавшихъ въ общій образовательный процессъ земной коры; ни тѣхъ, которыя произвели Нептуническія Породы и ихъ многосложныя измѣненія. Потомъ мы читаемъ: „животныя находившія„ся при осажденіи, въ нанесенномъ водою слоѣ, при даль„нѣйшемъ налеганіи землистыхъ частицъ, перемѣшивались „между ними (?)." Слова эти ясно показываютъ, что Госо-

Digitized by Google

чинитель Обозрѣнія не составилъ себѣ ясныхъ понятій о томъ, что онъ желалъ объяснить. Извѣстно, что въ осадочныхъ почвахъ находятся цѣлые остовы разныхъ животныхъ значительнаго росту; а потому не свойственно говорить вообще, *что животныя перемѣшивались между землистыхъ частицъ*, если желаемъ выражаться точно и ясно, какъ этого требуетъ наука, или такъ, чтобы насъ понимали читатели. Вѣроятно дѣло идетъ объ однихъ моллюскахъ, но и тогда непонятны „слова: „животныя, находившіяся при осажденіи, въ нанесен„номъ водою слоѣ.“ Здѣсь, кажется, неправильная разстановка словъ путаетъ и затемняетъ смыслъ.

За этимъ непонятнымъ періодомъ слѣдуетъ: „потомъ чис„ло слоевъ дѣлалось все болѣе и болѣе и давленіе также воз„растало, отъ чего животныя навсегда погребались въ оса„дочныхъ пластахъ.“ Здѣсь паки Г. Геологъ выразился весьма темно и до того, что изъ словъ его выводится слѣдующее положеніе: „*Животныя погребались въ осадочныхъ пластахъ, „отъ увеличивающагося числа слоевъ и давленія!!!*“ Выводъ странный, но оный слѣдуетъ изъ словъ Г. Геолога, который продолжаетъ еще сбивчивѣе и непонятнѣе: „при отвердѣніи, „или высыханіи пласта, они (животныя) погибали и веще„ство пласта совершенно ихъ проникало; такъ образовались ра„ковины — известковыя створки, внутри которыхъ находи„лось животное.“ Самыя начальныя слова представляютъ уже неточность; Г. Геологъ забылъ, что многіе пласты, или толщи горныхъ породъ могли твердѣть и находясь подъ водою и не высыхая. Всѣ горныя породы химическаго и химико-механическаго происхожденія представляютъ этому несомнѣнныя доказательства. Такъ и въ наше время углекислая известь осаждаясь твердѣетъ на днѣ озеръ и образуетъ известнякъ, называемый въ Италіи Травертиномъ; такъ твердѣютъ подъ водою толщи известняка, образующіяся подлѣ коралловыхъ рифовъ; такъ твердѣютъ всѣ известковые туфы; слѣдовательно отвердѣніе всѣхъ горныхъ породъ происходило не отъ высыханія, которое одно могло придавать самую незначительную твердость нѣкоторымъ породамъ глинистымъ, но никогда не могло составить причины окаменѣнія горныхъ породъ и всѣхъ безъ различія, какъ это принимаетъ Г. Геологъ. Отвердѣніе даже чисто Механическихъ Осадковъ, коими почитаетъ Г. Геологъ всѣ породы Нептуническія, проис-

Digitized by Google

ходило отъ груза верхнихъ толщь, постепенно налегавшихъ на нижнія и обращавшаго оныя давленіемъ, въ настоящій камень. Далѣе мы читаемъ: „они (животныя) погибали и вещество пласта совершенно ихъ проникало.“ Здѣсь, кажется, достигаемъ до высшей степени запутанности и темноты, мы никакъ не можемъ понять, что бы значило: *„при „отвердѣніи, или высыханіи пласта они* (животныя) *погибали.“* Слѣдовательно, по мнѣнію Г. Геолога, всѣ животныя продолжали жить въ самыхъ пластахъ, пока оные *не обсохли*, или *не отвердѣли!!!* Кажется, остается удивляться здѣсь тому, что животныя древняго міра, по словамъ Г. Геолога, одарены были столь необыкновеннымъ свойствомъ: могли всѣ существовать, будучи погружены въ растворъ глины, или занесенные пескомъ?? „И вещество пласта совершенно ихъ проникло,“ говоритъ Г. Геологъ; но мы и тутъ ничего не понимаемъ и не умѣемъ объяснить, какимъ образомъ *вещество пласта* напримѣръ песокъ, или глина *совершенно проникало* Ихтіосавра, или Плезіосавра, или Аммонита? или Продуктуса? Изъ всего сказаннаго ясно только то, что Г. Геологъ полагаетъ возможнымъ нахожденіе въ толщахъ горныхъ породъ какихъ-то мумій разныхъ животныхъ!!! „Такъ образовались раковины, „известковыя створки, внутри которыхъ находилось животное.“ Вотъ выводъ совершенно неожиданный! Не знаемъ, поймутъ ли читатели, что *раковины*, или *известковыя створки*, *образовались отъ того, что животныя погибали и вещество пласта ихъ совершенно проникало!!!* Мы не будемъ распространяться объ этомъ странномъ происхожденіи раковинъ древняго міра; но намъ также непонятно, почему такъ происходили только раковины двустворчатыя, или принадлежащія къ классу Скрытноголовыхъ (Acephala); вѣроятно раковины другихъ классовъ: Головоногихъ (Cephalopoda), Крылоногихъ (Pteropoda) и Чревоногихъ (Gasteropoda) по мнѣнію Г. Геолога, происходили инымъ образомъ?

Потомъ онъ, на принятомъ основаніи, объясняетъ образованіе втораго осадочнаго пласта и говоритъ: „допустивъ „образованіе такимъ образомъ двухъ пластовъ, можемъ состав„вить себѣ понятіе о происхожденіи всѣхъ огромныхъ толщъ, „которыя составляютъ плотную кору земнаго шара.“ Но кажется, послѣ всего сказаннаго нами, читатели, такъ какъ и мы, усомнятся въ возможности составить какое либо ясное поня-

Digitized by Google

тіе о происхожденіи коры земнаго шара изъ сбивчиваго и неполнаго изложенія Г. Геолога, который самъ забываетъ, что онъ, не сказавши ничего яснаго о происхожденія породъ осадочныхъ, или Нептуническихъ, даже не упоминалъ о происхожденіи породъ Плутоническихъ, Вулканическихъ и Метаморфическихъ, входящихъ въ составъ земной коры и представляющихъ въ оной непосредственную связь съ породами Нептуническими.

Наконецъ г. Геологъ излагаетъ раздѣленіе Нептуническихъ породъ на почвы и образованія и тѣмъ оканчиваетъ объяснительное примѣчаніе, которое по нашему мнѣнію ничего не объясняетъ, или весьма дурно то, что желалъ объяснить читателямъ Г. Геологъ; и потому мы совѣтуемъ, тѣмъ, которые пожелаютъ понять въ чѣмъ дѣло, прочитать статьи: 2, 3, 4 и 5 изъ сочиненія Г. *Лейеля* Elements de Géologie, или перевода онаго; Руководства къ Геогнозіи Д. Соколова in 8 1842. Спб. Мы увѣрены, что Г. Г. читатели получатъ точнѣйшія понятія о горныхъ породахъ и ихъ происхожденіи; о нахожденіи окаменѣлостей въ пластахъ; объ отвердѣніи сихъ послѣднихъ и окаменѣніи органическихъ тѣлъ. Тѣмъ же, которые простираютъ далѣе свою любознательность и желаютъ получить еще подробнѣйшія свѣдѣнія, предлагаемъ прочесть главы 3, 4 и 5 сочиненія Г. Пикте: Traité élémentaire de Paleontologie, T. premier in 8^{0} 1844.

Теперь мы перейдемъ къ самому Обозрѣнію и замѣтимъ все, что найдемъ въ немъ темнымъ и ошибочнымъ. Сдѣлавши орографическій очеркъ Новогородской Губерніи, назвавши высшіе пункты Валдайской Возвышенности, Г. Геологъ переходитъ къ относительной древности господствующихъ породъ. „До 1839 года, говоритъ онъ, Геогностическій Горизонтъ стра„ны, входящей въ составъ Новогородской Губерніи, служилъ „предметомъ долгихъ споровъ.“ Знаменитый Гумбольдтъ, первый ввелъ въ науку выраженіе: *Геогностическій Горизонтъ*, которымъ можетъ быть названъ пластъ, илъ толща породъ, представляющая столь ясные и постоянные Геологическіе Признаки, что оные могутъ всегда служить ей отличіемъ безъ отношенія къ пластованію. При изслѣдованіи Геогностическомъ всякой страны, открытіе пласта, составлающаго ея Геогностическій Горизонтъ весьма важно тѣмъ, что тогда удобно

Digitized by Google

и вѣрно опредѣляются тѣ системы пластовъ, или почвы, которыя должны находиться, или дѣйствительно находятся, выше и ниже открытаго Пласта-Горизонта. Всякая страна можетъ представлять свой Геогностическій Горизонтъ, то есть, осадокъ, который наиболѣе отличителенъ своимъ разпространеніемъ и ясными геогностическими признаками, будетъ ли онъ одинъ пластъ, или цѣлая система пластовъ—полное образованіе. Какимъ же образомъ горизонтъ Валдайской Возвышенности могъ составлять предметъ споровъ, когда вовсе не былъ извѣстенъ? Эта неизвѣстность Геологическаго Горизонта именно и вводила въ ошибки; словомъ въ то время не было ни одной почвы, или образованія, или пласта изъ всѣхъ составляющихъ это пространство Россіи, который бы былъ опредѣленъ геогностически съ надлежащею точностію и могъ считаться истиннымъ Геогностическитъ Горизонтомъ.

Геологи наши очень просто принимали Девонскій Песчаникъ за Кейперъ, а Горный Извѣстнякъ за Оолитъ, руководствуясь наружными признаками и ничѣмъ болѣе.

„Разногласіе говоритъ ниже Г. Геологъ, кажется, проис„ходило отъ того, что никто не обращалъ вниманія на орга„ническіе остатки (раковины, окаменѣлости) въ нихъ заклю„ченные; а всѣ руководствовались ихъ (породъ) наружнымъ „видомъ, по которому породы эти сходны съ Кейперомъ и «Юрскимъ Извѣстнякомъ.« Изъ этого ясно, что по мнѣнію Геолога, одни только палеонтологическія изслѣдованія, или одинъ только опытный Палеонтологъ долженъ былъ рѣшить, положительно, вопросъ объ относительной древности Валдайскихъ почвъ. Кѣмъ же разрѣшена эта трудная проблема? Къ величайшему удивленію нашему, по словамъ Г. Сочинителя. „Геогностомъ извѣстнымъ въ Европѣ, Горнымъ Инженеръ„Полковникомъ Гельмерсеномъ.« Какимъ же образомъ это могло случиться? Г. Гельмерсенъ, сколько мы знаемъ, неизвѣстенъ какъ Палеонтологъ, а рѣшилъ задачу палеонтологическую? Ниже сказано, что это знаменитое рѣшеніе исполнилось окончательно послѣ второй Геологической Экспедиціи Г. Гельмерсена на Валдай и при содѣйствіи Берлинскаго Геолога Фонъ-Буха. Но мы сомнѣваемся, чтобъ это было такъ. Поищемъ постороннихъ свидѣтелей, которымъ только слѣдуетъ давать настоящую вѣру въ дѣлѣ столь казусномъ, по которому уже

Digitized by Google

были пристрастныя показанія. Такъ Г. Вангейгеймъ Фонъ-Кваленъ, въ Антикритикѣ своей помѣщенной въ № 8 Москвитянина на 1843 на стран. 471 пишетъ слѣдующее: „сколько „лѣтъ, судя по внѣшнимъ признакамъ, принимали Валдайскую „формацію за Кейперъ; между тѣмъ Гельмерсенъ, основываясь „на болѣе вѣрныхъ Палеонтологическихъ признакахъ, дока„залъ совершенно противное.“

Г. Вернель въ статьѣ своей Resumé des observations géologiques principales faites dans un voyage dans la Russie septentrionale, читанной имъ, и отъ имени Г. Мурчисона, въ засѣданіи Французскаго Геологическаго Общества 21-го Декабря 1840 года (Bulletin de la société géologique de France, T. XII page 55) разрѣшаетъ вышеупомянутую задачу инымъ образомъ: „Минералогическіе признаки, Горнаго Известняка, го„воритъ онъ, были причиною, какъ мы уже сказали, многихъ „ошибокъ. Только въ послѣднемъ году (1839), когда Полков„никъ Гельмерсенъ осмотрѣлъ положеніе онаго въ холмахъ „Валдая, связь его съ Каменнымъ Углемъ, и доставилъ одну „часть окаменѣлостей Г. Буху, а другую Г. Ейхвальду; тогда „только настоящее мѣсто Горнаго Известняка, въ ряду почвъ, „было опредѣлено, по крайней мѣрѣ, относительно Валдая. „Мы совершенно подтвердили мнѣніе этихъ ученыхъ восходя„щими и нисходящими разрѣзами и разпространили примѣ„ненія его къ пространствамъ мало извѣстнымъ, отъ Архан„гельска до Москвы.

Такимъ образомъ стороннее свидѣтельство Г. Вернеля даетъ другой оборотъ дѣлу и доказываетъ ясно, что относительно опредѣленія Горнаго Известняка, или Геогностическаго Горизонта Валдайскихъ почвъ, Г. Гельмерсенъ, едвали безъ содѣйствія Палеонтологовъ: Буха и Ейхвальда, разрѣшившихъ вопросъ, въ состояніи былъ достигнуть положительныхъ выводовъ, одними Геогностическими наблюденіями. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что геогностическій Горизонтъ Валдая опредѣленъ не Г. Гельмерсеномъ, но по крайней мѣрѣ совокупными изслѣдованіями Г. Буха, Ейхвальда и Гельмерсена; а потомъ горизонтъ другихъ мѣстъ; Г. Г. Мурчисономъ и Вернелемъ. Намъ остается жалѣть о томъ, что у насъ въ Россіи такъ прочно утверждаются и такъ часто приводятся невѣрныя мнѣнія. Г. Полковникъ Гельмерсенъ, извѣстный доб-

Digitized by Google

росовѣстными учеными трудами, не имѣетъ никакой нужды присвоивать себѣ, въ этомъ дѣлѣ, первенство надъ другими учеными и мы можемъ утверждать, что онъ не ищетъ незаслуженныхъ похвалъ, ибо хорошо увѣренъ въ томъ, что рано, или поздно, критика обнаружитъ истину. Тѣ же, которые отдаютъ Г. Гельмерсену, ему непринадлежащее, по мнѣнію нашему, оскорбляютъ только скромность нашего ученаго Геолога.

Мимоходомъ замѣтимъ, что Г. Геологъ, называетъ Моллюсковъ Руконогихъ (Brachiopoda), Брюхоногими, или Чревоногими (Gasteropoda); потомъ о наносахъ онъ говоритъ слѣдующее: „кто видѣлъ Валдайскую возвышенность только у „большой дороги, между обѣими столицами, тотъ не полу„чилъ еще полнаго понятія о Геогностическомъ ея составѣ, „потому, что тамъ состоитъ она изъ огромныхъ толщъ на„носовъ образовавшихся тутъ же, на томъ же самомъ мѣстѣ.“ Неужели всѣ Эрратическія Почвы Новогородской губерніи, которыя Г. Геологъ наблюдалъ *не у одной большой дороги*, не представляютъ ни поверхностныхъ Заносныхъ Глыбъ (blocs erratiques), ни, въ нѣдрахъ своихъ, разной величины отторженцевъ Эрратическаго Сѣвернаго Явленія? Какимъ же образомъ согласить сказанное Г. Геологомъ съ тѣмъ, что утверждаетъ Г. Вернель, въ приведенной нами статьѣ (Bulletin de la Société Géologique de France T. XII, page 64). Онъ пишетъ: „всѣ древнія образованія Сѣверной Россіи облечены и „скрыты большею частію отъ глазъ, обширнымъ слоемъ раз„рушенныхъ породъ (détritus), коего огромныя Заносныя Глы„бы возбуждали столько вниманія со временъ Палласа. Эти „толщи рыхлыхъ почвъ, всѣ сѣвернаго происхожденія; рѣка „Ока, протекающая южнѣе г. Москвы, кажется, составляетъ „повидимому ихъ Южный предѣлъ; тамъ и даже въ Москвѣ „Граниты рѣдки и большая часть глыбъ состоитъ изъ Діо„ритовъ и Кварцитовъ, которые мы видѣли въ коренныхъ ихъ „мѣсторожденіяхъ по берегамъ озера Онеги, и которыя на„ходятся, также по удостовѣренію Г. Бётлинга. въ Русской „Лапландіи.“ Слѣдовательно мы имѣемъ полное право сомнѣваться въ томъ, что всѣ Эрратическія Почвы Новогородской Губерніи, или Diluvium *образовались тутъ же, на томъ же самомъ мѣстѣ*. Это противорѣчитъ всему тому, что намъ по-

Digitized by Google

ложительно извѣстно о Сѣверномъ Эрратическомъ Явленіи и столь обширномъ его распространеніи въ Европейской Россіи.

„Наносы эти, продолжаетъ Г. Геологъ, представляютъ „песокъ и глину и есть ничто иное какъ разрушенныя породы „Девонъянской Системы. Въ этомъ легко убѣждаютъ насъ об„ломки породъ, содержащія свойственныя этой Формаціи ока„менѣлости.“ Насъ ни мало не убѣждаютъ слова. Г. Геолога! Дѣйствительно по замѣчанію Г. Буха Эрратическія Почвы Сѣверной Германіи содержатъ въ себѣ множество Орскихъ окаменѣлостей; тѣже почвы въ окрестностяхъ Штетина заключаютъ въ себѣ много кусковъ янтаря; въ Польшѣ по наблюденіямъ Г. Пуша тѣже почвы заключаютъ въ себѣ отломки туземныхъ породъ, какъ-то: Кварцитовъ почвъ Переходныхъ и Голыша почвъ Юрскихъ; но изъ всего этого никто не выводилъ заключенія, столь страннаго и съ существомъ дѣла несообразнаго, что всѣ Эрратическія Почвы Сѣверной Германіи и Польши произошли *тутъ же, на томъ же самомъ мѣстѣ*; первыя изъ разрушенія породъ Юрской и Третичной Системъ; а послѣднія изъ Переходной и Юрской!!!....Г. Г. Мурчисонъ и Вернель замѣтили (Proceedings of the geological Society of London. Murch. 1843), что Эрратическія Почвы въ Россіи представляютъ красныя, или сѣрыя полосы, смотря по тому, покрываютъ ли онѣ Древній Красный Песчаникъ, или почвы известковыя. Но не смотря на это, мы ни мало не отвергаемъ того, чтобы отломки породъ съ Девонскими окаменѣлостями не могли встрѣтиться въ Эрратическихъ Почвахъ Валдайской Возвышенности; но почитаемъ совершенно ложнымъ то, что бы всѣ эти почвы въ Новогородской Губерніи произошли, повторяю: *тутъ же на томъ же самомъ мѣстѣ изъ разрушенныхъ породъ Девонской Системы!!*

Изложеніе Геогностическаго Обозрѣнія представляетъ мѣстами такъ мало послѣдовательности, что иногда трудно угадать послѣдующее по предыдущему. Такъ на примѣръ Г. Геологъ продолжаетъ: „впрочемъ, на сѣверномъ отклонѣ Вал„дайской Возвышенности около Крестцовъ, попадаются облом„ки известняка съ окаменѣлостями Силюрійской Системы, но „по всей вѣроятности они принесены были сюда съ Сѣвера, „вмѣстѣ съ Финляндскими гранитными валунами, также тутъ „встрѣчающимися.“

Digitized by Google

Какъ же все это связать съ вышесказаннымъ? Выходитъ, что на сѣверномъ отклонѣ Валдайской Возвышенности находятся Почвы Эрратическія, а въ остальной части Новогородской Губерніи одна разрушенная Девонская Система!!! Потомъ Г. Геологъ переходитъ къ Прикладной Геогнозіи и болѣе знакомый съ нею, нежели съ основаніями чистой науки, излагаетъ предметъ яснѣе, не вдаваясь въ геологическія умозрѣнія. Онъ постепенно описываетъ: *мѣсторожденія Бураго Угля на рѣкѣ Прыкшѣ; признаки Каменнаго Угля по рѣчкамъ: Вишерѣ, Коресту и Черной; полезные минералы, встрѣчающіеся „въ горѣ Орлиховой* и говоритъ слѣдующее: „разсмотрѣвъ обна„женія породъ въ окрестностяхъ озера Селигера, замѣтимъ, „что здѣсь недостаетъ средняго и верхняго членовъ Горнаго „известняка, состоящаго обыкновенно изъ чистыхъ Доломит„ныхъ и Мѣловидныхъ Известняковъ, заключающихъ въ себѣ „пропластки кремня, Кораллы и большіе виды раковины „Productus.“ Но здѣсь онъ ошибается, относя большіе виды рода Productus къ Среднему и Верхнему Горному Известняку; ибо положительно извѣстно, что видъ Productus gigas Sow, или наибольшей изъ всѣхъ у насъ открытыхъ, находится именно въ Нижнемъ Горномъ известнякѣ и его характеризуетъ, то есть не встрѣчается ни въ среднемъ, ни въ верхнемъ. Потомъ описаны: *берега рѣки Меты; Боровицкій известнякъ, песчаники; Боровицкое мѣсторожденіе Лигнитовъ* и наконецъ слѣдуетъ: общее заключеніе *о Каменномъ Углѣ Новогородской губерніи*, изъ котораго мы выписываемъ слѣдующее: „въ послѣднее вре„мя уголь въ Валдайской возвышенности появляется такъ ча„сто (?), что можно надѣяться открыть его еще большее ко„личество; но настоящаго каменнаго угля здѣсь, вѣроятно, „никогда не откроется.“ Г. Геологъ принимаетъ странное дѣленіе породъ Каменнаго Угля: на настоящій и ненастоящій, изъ которыхъ первый вѣроятно соотвѣтствуетъ Каменному Углю (Steinkohle houille grasse); а второй Стипиту (Lettenkohle houille seche, maigre); первый видъ находится у насъ въ Южномъ Бассейнѣ, второй въ Московскомъ. Потомъ онъ продолжаетъ: „потому что не знаютъ еще доселѣ новѣйшихъ напластованій „породъ, долженствовавшихъ находиться надъ Горнымъ Из„вестнякомъ, одна только наносная земля (?) покрываетъ его.“

Здѣсь опять вмѣстѣ съ Геологическимъ умозрѣніемъ началась темнота смысла. Изъ заключенія Г. Геолога ясно, что

Digitized by Google

стоитъ только узнать, или открыть новѣйшія напластованія породъ надъ Горнымъ Известнякомъ и тогда начнетъ *весьма часто появляться настоящій Каменный Уголь*; между тѣмъ выше положительно отнята надежда на эту счастливую находку: „но настоящаго каменнаго угля (?) здѣсь вѣроятно никогда „не откроютъ." Отъ чего же такое противорѣчіе? И что желаетъ выразить Г. Геологъ, опредѣлить трудно; замѣтно только, что онъ впадаетъ въ неясности, какъ скоро оставляетъ прикладную Геогнозію и вдается въ геогностическія умозрѣнія, что мы уже замѣтили и прежде и теперь должны повторить тоже замѣчаніе.

Новѣйшія геогностическія изслѣдованія, предпринятыя съ 1840 года, достаточно объяснили намъ Геогнозію Европейской Россіи и показали восходящими разрѣзами, многихъ обнаженій, належаніе разныхъ почвъ на Горномъ Известнякѣ и таковое *открытіе новѣйшихъ напластованій* должно бы, по утвержденію Г. Геолога, сопровождаться *появленіемъ мѣсторожденій настоящаго Каменнаго Угля;* но не такъ сбылось на самомъ дѣлѣ; всѣ изслѣдованія Геологовъ, извѣстныхъ своею опытностію, положительно доказали, что въ Московскомъ, или Сѣверномъ Бассейнѣ собственно Каменноугольное Образованіе; или верхній ярусъ онаго, извѣстный у Англичанъ подъ названіемъ Coal measures и средній ярусъ называемый Milstone grit, вовсе не находятся, а потому въ Руководствѣ къ Геогнозіи составленнымъ Д. И. Соколовымъ на стр. 68-й, части второй сказано: „въ Губерніяхъ Новгородской, Тульской, Ка„лужской, Рязанской пласты Каменноугольные подчинены верх„нему ярусу *) Горнаго Известняка; настоящей же Каменно„угольной формаціи нѣтъ и признаковъ, ни въ среднихъ, ни „въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи." Что также вполнѣ подтверждаютъ послѣднія изслѣдованія Г. Оливьери (Горный Журналъ 1844 № 3-й стр. 349) и Геогностическая Карта имъ изданная въ 1844 году. — Вотъ, намъ кажется, почему Г. Геологъ и говоритъ: „настоящаго каменнаго угля, здѣсь „вѣроятно никогда не откроютъ, потому, хотѣлъ онъ сказать, „что собственно Каменноугольнаго образованія, здѣсь несу„ществуетъ," но выразился темно и непонятно.

(*) Это ошибка; слѣдовало сказать: нижнему ярусу Горнаго Известняка; положительно извѣстно, что верхній и средній ярусы не содержатъ мѣсторожденій Каменнаго Угля.

Digitized by Google

Впрочемъ хотя дѣйствительно въ Московскомъ Бассейнѣ собственно Каменноугольное Образованіе и не существуетъ, но нельзя положительно утверждать, чтобы Горный Известнякъ не могъ заключать въ себѣ надежныхъ мѣсторожденій Каменнаго Угля. Въ этомъ убѣждаютъ изслѣдованія Г. Оливьера, коими открыто до 76 мѣсторожденій Стипита, упоминаемыхъ въ статьѣ его и означенныхъ на его Геологической Картѣ, въ Тульской и Калужской Губерніяхъ; изъ этихъ мѣсторожденій Вялинское въ Одоевскомъ уѣздѣ и Яковлевское въ Лихвинскомъ уѣздѣ, представляютъ богатые запасы горючаго матеріала весьма хорошихъ свойствъ. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что Московскій Бассейнъ Горнаго Известняка соотвѣтствуетъ той же Геологической Эпохѣ, къ которой принадлежитъ нашъ Южный Бассейнъ и Каменноугольныя Почвы Англіи; но представляетъ совершенно иной мѣстный характеръ, отличительный во многихъ отношеніяхъ, и который ясно выражаетъ тѣ частныя свойства древняго вмѣстилища водъ, въ нѣдрахъ коего происходили осадки Каменноугольной Геологической Эпохи.

Потомъ описаны: *Боровицкіе пороги; известняки и желѣзныя руды, встрѣчаемыя по рѣчкѣ Окуняйкѣ;* далѣе говорится *вообще о желѣзныхъ рудахъ Новогородской Губерніи;* объ окрестностяхъ *озера Ильменя; о Старорускихъ разсолахъ; объ обнаженіи породъ по берегамъ Волхова — Волховскіе пороги; о причинахъ мѣсторожденія мѣдной руды по Волхову* и наконецъ изложены мнѣнія *на счетъ распространенія въ Новогородской губерніи Силюрійскаго и Горнаго Известняка и окаменѣлостями, находимыми въ породахъ Новогородской Губерніи* оканчивается Геогностическое ея Обозрѣніе. Здѣсь мы должны сдѣлать еще нѣсколько критическихъ замѣчаній. Г. Геологъ, сказавши, что наибольшее разнообразіе окаменѣлостей встрѣчается неподалеку отъ г. Боровичей при рѣчкахъ Вильгеѣ, Быстрицы и близъ береговъ (?) рѣкъ Мсты и Прыкши, продолжаетъ: „но особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи бо„гатствомъ разнообразныхъ видовъ Столбинскій оврагъ, сое„диняющійся съ Прыкшею. Виды же ископаемыхъ живот„ныхъ (?) находящихся у восточныхъ береговъ озера Иль„меня, заслуживаютъ менѣе вниманія.“

Опять темное замѣчаніе: окаменѣлости, или остатки животныхъ вообще и гдѣ бы оные ни находились, всюду заслу-

Digitized by Google

живаютъ, какъ палеонтологическіе факты, одинаковое вниманіе; а потому и должны мы полагать по словамъ Г. Геолога, что онъ принимаетъ ихъ за предметы одного прихотливаго любопытства, которое отдаетъ преимущество узорочности и красивости формъ, а не сущности фактическаго значенія: послѣднюю представляютъ и окаменѣлости, имѣющія формы самыхъ обыкновенныхъ раковинъ.

Потомъ Г. Геологъ, отвергая расположеніе окаменѣлостей Фантами Геогностическихъ Періодовъ, или по ихъ принадлежности къ разнымъ почвамъ, помѣстилъ ихъ въ одинъ списокъ, подписывая только изрѣдка: то по Русски, то по Латынѣ, фамиліи установителей видовъ. Въ этомъ каталогѣ онъ не показываетъ ни мѣсторожденій, ни мѣстонахожденій окаменѣлостей, что составляетъ весьма важное упущеніе, ибо сомнительно, чтобы всѣ упомянутые имъ виды найдены были неподалеку отъ Боровичей, рѣкъ Мсты и Прыкши и въ Столбинскомъ оврагѣ. Такимъ образомъ Г. Геологъ превратилъ Фавны первобытнаго міра Новогородской Губерніи, въ самый нелюбопытный и неточный списокъ, не представляющій на палеонтологическаго, ни геологическаго значеній. Весьма замѣчательно, что въ спискѣ Черепокожныхъ Животныхъ, или Раковинныхъ (Testacea) Г. Кювье, или Lamellibrachia Г. Дорбиньи, или Conchifères Г. Ламарка мы находимъ большое число видовъ принадлежащихъ къ классу Руконогихъ (Brachiapoda), какъ на примѣръ роды: (Productus, Spirifer, Terebratula, Pentamerus. Родъ Bellerophon тутъ же находился, не смотря на то, что Классъ Головоногихъ есть въ спискѣ. Родъ Euonphalus также, хотя оный относится къ классу Чревоногихъ (Gasteropoda). Вотъ какіе разнородные остатки Моллюсковъ составляютъ Классъ Черепокожныхъ Животныхъ установленный Г. Геологомъ!!? Онъ менѣе надѣлалъ бы ошибокъ, еслибъ просто назвалъ всѣхъ вообще Моллюсковъ, безъ различія, Черенокожными Животными и не вводилъ въ свой каталогъ ученыхъ дѣленій на классы и роды. Изъ всего сказаннаго ясно, какъ Г. Геологъ мало знакомъ съ самыми начальными основаніями Зоологіи, которыя такъ необходимы при изученіи Палеонтологіи. Г. Пикте въ предисловіи къ своему сочиненію Traité élémentaire de Paleontologie, T. 1. 1844, весьма справедливо говоритъ, обращаясь къ учащимся Палеонтологіи; намъ же кажется, что слова его мо-

Digitized by Google

гутъ быть поучительны и для тѣхъ лицъ, которыя распоряжаются преподаваніемъ наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ, и для тѣхъ ученыхъ, которые, безъ положительнаго знанія, такъ любятъ установлять новые виды окаменѣлостей.« Сперва »необходимо, чтобъ учащіеся хорошо убѣдились въ мысли, »что Палеонтологія есть вѣтвь Зоологіи, и что тѣже самые »методы, которые руководствуютъ къ изученію животныхъ »нынѣ существующихъ, должны служить путеводителями къ »изученію тѣхъ, которыя существовали прежде. Конечно бы»ли и такіе Геологи, которыхъ палеонтологическіе труды одо»брены быть могутъ; но это отъ того, что они въ одно вре»мя были и хорошими Зоологами. Но сколько есть такихъ, »которые поверхностными опредѣленіями, ошибочными сбли»женіями и невѣдѣніемъ законовъ Органической Естественной »Исторіи, вводятъ въ науку свои грубыя ошибки и подви»гаютъ ее скорѣе назадъ, нежели впередъ!«

Наконецъ мы перейдемъ къ весьма важному упущенію, которое представляетъ Геогностическое Обозрѣніе Новогородской Губерніи и состоящее въ томъ, что Г. Геологъ, описывая съ такою подробностію и такимъ тщаніемъ нахожденіе полезныхъ Минераловъ, какъ напримѣръ мѣсторожденія Каменнаго Угля и желѣзныхъ рудъ и замѣчая даже ничтожные признаки мѣдныхъ рудъ, не сказалъ ни слова о тѣхъ горныхъ породахъ, которыя въ техническомъ отношеніи важнѣе всѣхъ имъ описываемыхъ столь подробно. Заносныя Глыбы (blocs erratiques) Породъ Гипогенныхъ, забытыя Г. Геологомъ, составляютъ самое драгоцѣннѣйшее и полезнѣйшее произведеніе почвъ Новгородской Губерніи. Всѣ великолѣпныя построенія, сопровождающія роскошную дорогу, соединяющую столицы Имперіи, состоятъ изъ Гранита, или тесаныхъ Заносныхъ Глыбъ, и этотъ грубый матеріалъ, на который Г. Геологъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, доставляетъ обдѣлкою, перевозкою, разбивкою въ щебень, пропитаніе тысячамъ народа и передаетъ огромныя суммы денегъ сословію Имперіи самому полезнѣйшему и трудолюбивѣйшему! Да, Заносныя Глыбы, въ народномъ отношеніи, стократъ важнѣе ничтожныхъ разработокъ угля, важнѣе, скажемъ мы, самыхъ золотыхъ сокровищъ Сибири!....

Мѣсторожденія горючихъ матеріаловъ Новгородской Губерніи такъ незначительны, какъ это видно изъ Геогностиче-

Digitized by Google

скаго Обозрѣнія, что въ отношеніи народной пользы онѣ совершенно ничтожны. Боровицкое, по послѣднимъ изслѣдованіямъ Г. Оливьери, не стоитъ разработки по дурному свойству самаго Каменнаго Угля (houille seche). Прыкшинское болѣе благонадежно, но расчетъ основанный на числахъ, выведенныхъ изъ опытовъ, показываетъ, что Прикшинскій Каменный Уголъ, по высокой его цѣнѣ, не можетъ замѣнить дровъ ни на мѣстѣ добычи, ни доставленный въ С.-Петербургъ. Опыты, произведенные въ Москвѣ надъ Яковлевскимъ Каменнымъ Углемъ, (houille seche) гораздо удовлетворительнѣе. (Горный журналъ 1843. N0 3, стр. 415). Здѣсь изъ оныхъ слѣдуетъ, что заведеніе, употребляющее въ годъ 1000 саж. березовыхъ дровъ, замѣнивъ оные Яковлевскимъ Углемъ, получитъ чистой прибыли 6,500 руб. асс. считая сажень дровъ по 17, или 18 рублей, а пудъ угля въ Москвѣ по 35 коп. Результатъ весьма важный! потому что прибыль не только покрываетъ въ первый годъ всѣ издержки на передѣлку печей, но и доставляетъ еще большой остатокъ. Изъ этого слѣдовало бы заключить, что употребленіе Каменнаго Угля получитъ въ Москвѣ быстрое распространеніе; на вотъ что говоритъ Г. Оливьери въ приведенной статьѣ: „Московскіе фаб„риканты, либо вовсе не употребляютъ Каменнаго Угля, ли„бо съ трудомъ помогаютъ его сбыту.“ А потому мы полагаемъ, что произведенные опыты, или невѣрны, или не сдѣлались гласными, и заводчики, и фабриканты ожидаютъ новыхъ подтвердительныхъ и сравнительныхъ испытаній. Впрочемъ можно бы положительно сказать, что употребленіе Каменнаго Угля распространится на фабрикахъ и заводахъ Московскихъ прежде нежели на Валдаѣ. Но устроиваемая желѣзная дорога отъ С.-Петербурга до Москвы, которой почти половина будетъ пролегать по Новогородской Губерніи, требуя для ея продовольствія огромное количество горючихъ матеріаловъ, вѣроятно должна измѣнить и это предположеніе. Она будетъ имѣть сильное вліяніе, какъ на открытіе новыхъ мѣсторожденій Каменнаго Угля, такъ и на разработку извѣстныхъ уже пріисковъ онаго въ Валдайскій Плоской Возвышенности и вообще на все развитіе народной дѣятельности на этомъ пространствѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Каменный Уголь составляетъ одинъ изъ элементовъ могущества Англіи; но для Россіи не настала еще пора, вполнѣ пользоваться всѣми произ-

Digitized by Google

веденіями, которыя природа скрываетъ въ земныхъ ея нѣдрахъ. Постепенность есть общій законъ міра Физическаго и нравственнаго; нарушать его, значитъ обнаруживать одно жалкое безсиліе. Настанетъ время, нуженъ будетъ и Каменный Уголь. Тогда пользу и выгоду употребленія онаго, передъ другими горючими матеріялами, узнаетъ и селянинъ и горожанинъ и заводчикъ. Эти главные потребители, высчитаютъ сами, по пальцамъ, вѣрнѣе всѣхъ Математиковъ и Инженеровъ, что употреблять Каменный Уголь выгоднѣе дровъ и тогда только обнаружится истинная нужда въ немъ, проистекающая изъ народной потребности. Тогда нужно будетъ обратиться къ наукѣ, чтобы она показала способъ открывать мѣсторожденія горючихъ ископаемыхъ, и это требованіе будетъ требованіе народное. До того же времени всѣ поиски, всѣ развѣдки, всѣ усилія, словомъ всѣ преждевременныя мѣры останутся мѣрами и безуспѣшными и безполезными, въ общемъ значеніи, и могутъ удовлетворять, или однѣ частныя выгоды, или одно прихотливое подражаніе тому, что дѣлается въ другихъ земляхъ.

Какъ нельзя заставить человѣка ѣсть, или не ѣсть, ту, или другую пищу; такъ точно нѣтъ средствъ принудить его топить печь Каменнымъ Углемъ или Торфомъ, въ то время какъ ему выгоднѣе топить дровами. Каждый народъ имѣетъ собственный умъ, онъ имъ живетъ. Какая же сила можетъ заставить его жить чужимъ умомъ, хотъ бы оный былъ самый иноземный?

Полагая, что замѣчанія наши будутъ приняты съ совершенною терпимостію и не возбудятъ пристрастнаго гнѣва С.-Петербургскихъ ученыхъ издателей Описанія Россійской Имперіи, мы обѣщаемся разсматривать Геогностическія Обозрѣнія и прочихъ губерній, по мѣрѣ того, какъ будутъ выходить въ свѣтъ тетради огромнаго ихъ труда, заслуживающаго, повторимъ, одобреніе и благодарность!

Петръ Языковъ.

Москва. 1845 года. Января 27.

Digitized by Google

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО СОСТОЯНІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

(Продолженіе).

Бывъ отраженіемъ словесностей иностранныхъ, наши литературныя явленія подобно Западнымъ, преимущественно сосредоточиваются въ Журналистикѣ.

Но въ чемъ же заключается характеръ нашихъ періодическихъ изданій? —

Затруднительно Журналу произносить свое мнѣніе о другихъ журналахъ. Похвала можетъ казаться пристрастіемъ, порицаніе имѣетъ видъ самохвальства. — Но какъ же говорить о литературѣ нашей, не разбирая того, что составляетъ ея существенный характеръ? — Какъ опредѣлить настоящій смыслъ словесности, не говоря о журналахъ? — Постараемся не заботиться о той наружности, какую могутъ имѣть наши сужденія.

Старѣе всѣхъ другихъ литературныхъ журналовъ осталась теперь *Библіотека для Чтенія*. Господствующій характеръ ея есть совершенное отсутствіе всякаго опредѣленнаго образа мыслей. — Она хвалитъ нынче то, что вчера порицала; выставляетъ нынче одно мнѣніе и нынче же проповѣдуетъ другое; для того же предмета имѣетъ нѣсколько противуположныхъ взглядовъ; не выражаетъ никакихъ особенныхъ правилъ, никакихъ теорій, никакой системы, никакого направленія, никакой краски, никакого убѣжденія, никакой опредѣленной основы для своихъ сужденій; и не смотря на то, однако постоянно произноситъ свое сужденіе обо всемъ, что является въ литературѣ или наукахъ. Это дѣлаетъ она такъ, что для каждаго особеннаго явленія сочиняетъ особливые законы, изъ которыхъ случайно изходитъ ея порицательный или одобрительный приговоръ и падаетъ — на счастливаго. — По этой причинѣ дѣйствіе, которое производитъ всякое выраженіе ея мнѣнія, похоже на то, какъ бы она совсѣмъ не произносила никакого мнѣнія. Читатель понимаетъ мысль судьи отдѣльно, а предметъ, къ которому относится сужденіе, также отдѣльно ложится въ умѣ его; ибо онъ чувствуетъ, что между мыс-

Digitized by Google

лію и предметомъ нѣтъ другаго отношенія, кромѣ того, что они встрѣтились случайно и на короткое время, и опять встрѣтившись не узнаютъ другъ друга

Само собою разумѣется, что это особеннаго рода безпристрастіе лишаетъ *Библіотеку для Чтенія* всякой возможности имѣть вліяніе на литературу какъ *журналъ*, но не мѣшаетъ ей дѣйствовать какъ *сборникъ* статей, часто весьма любопытныхъ. — Въ редакторѣ ея замѣтно, кромѣ необыкновенной, многосторонней и часто удивительной учености, еще особый, рѣдкій и драгоцѣнный даръ: представлять самые трудные вопросы наукъ въ самомъ ясномъ и для всѣхъ понятномъ видѣ, и оживлять это представленіе, своими, всегда оригинальными, часто остроумными замѣчаніями. — Одно это качество могло бы сдѣлать славу всякаго періодическаго изданія, не только у насъ, но даже и въ чужихъ краяхъ.

Но самая живая часть Б. д. Ч. заключается въ *библіографіи*. — Ея рецензіи исполнены остроумія, веселости и оригинальности. Нельзя не смѣяться читая ихъ. Намъ случалось видѣть авторовъ, которыхъ творенія были разобраны, и которые сами не могли удержаться отъ добродушнаго смѣха, читая приговоры своимъ сочиненіямъ. Ибо въ сужденіяхъ Библіотеки замѣтно такое совершенное отсутствіе всякаго серьёзнаго мнѣнія, что самыя по наружности злыя нападенія ея получаютъ отъ того характеръ фантастически невинный, такъ сказать добродушно сердитый. Ясно, что она смѣется не потому, чтобы предметъ былъ въ самомъ дѣлѣ смѣшенъ, а только потому, что ей хочется посмѣяться. Она перевираетъ слова автора по своему намѣренію, соединяетъ раздѣленныя смысломъ, раздѣляетъ соединенныя, вставляетъ или, выпускаетъ цѣлыя рѣчи, чтобы измѣнить значеніе другихъ, иногда сочиняетъ фразы совсѣмъ небывалыя въ книгѣ, изъ которой выписываетъ и сама смѣется надъ своимъ сочиненіемъ. Читатель видитъ это, и смѣется вмѣстѣ съ нею, потому что ея шутки почти всегда остроумны и веселы, потому что онѣ невинны, потому что

Digitized by Google

онѣ не стѣсняются никакимъ серьёзнымъ мнѣніемъ, и потому, наконецъ, что журналъ, шутя передъ нимъ, не объявляетъ притязанія ни на какой другой успѣхъ, кромѣ чести: разсмѣшить и забавить публику.

Между тѣмъ, хотя мы съ большимъ удовольствіемъ просматриваемъ иногда эти рецензіи, хотя мы знаемъ, что шутливость эта составляетъ вѣроятно главнѣйшую причину успѣха журнала, однако когда размыслимъ, какою дорогою цѣною покупается этотъ успѣхъ, какъ иногда, за удовольствіе позабавить, продается вѣрность слова, довѣренность читателя, уваженіе къ истинѣ, и т. п., — тогда невольно приходитъ намъ въ мысли: что, если бы съ такими блестящими качествами, съ такимъ остроуміемъ, съ такою ученостію, съ такою многосторонностію ума, съ такою оригинальностію слова соединялись еще другія достоинства, напримѣръ, возвышенная мысль, твердое и не измѣняющее себѣ убѣжденіе, или хотя безпристрастіе, или хотя наружный видъ его? — Какое дѣйствіе могла бы тогда имѣть Б. д. Ч. не говорю на литературу нашу, но на всю совокупность нашей образованности? — Какъ легко могла бы она посредствомъ своихъ рѣдкихъ качествъ овладѣть умами читателей, развить свое убѣжденіе сильно, распространить его широко, привлечь сочувствіе большинства, сдѣлаться судьею мнѣній, можетъ быть, проникнуть изъ литтературы въ самую жизнь, связать ея различныя явленія въ одну мысль, и господствуя такимъ образомъ надъ умами, составить крѣпко сомкнутое и сильно развитое мнѣніе, могущее быть полезнымъ двигателемъ нашей образованности? Конечно тогда она была бы менѣе забавною.

Характеръ совершенно противоположный Библіотекѣ для чтенія представляетъ Маякъ и Отечественныя Записки. Между тѣмъ какъ Библіотека въ цѣломъ составѣ своемъ болѣе сборникъ разнородныхъ статей, чѣмъ журналъ; а въ критикѣ своей имѣетъ цѣлію единственно забаву читателя, не выражая никакого опредѣленнаго образа мы-

Digitized by Google

слей, напротивъ того Отечественныя Записки и Маякъ проникнуты каждый своимъ рѣзко опредѣленнымъ мнѣніемъ, и выражаютъ каждый свое, одинаково рѣшительное, хотя прямо одно другому противоположное направленіе. —

Отечественныя Записки стремятся отгадать и присвоить себѣ то воззрѣніе на вещи, которое, по ихъ мнѣніе составляетъ новѣйшее выраженіе Европейскаго просвѣщенія и потому, часто мѣняя свой образъ мыслей, они постоянно остаются вѣрными одной заботѣ: выражать собою самую модную мысль, самое новое чувство изъ Литтературы западной. —

Маякъ, напротивъ того, замѣчаетъ только ту сторону западнаго просвѣщенія, которая кажется ему вредною или безнравственною, и, что бы вѣрнѣе избѣжать съ ней сочувствія, отвергаетъ все просвѣщеніе Европейское вполнѣ, не входя въ сомнительныя разбирательства. Отъ того одинъ хвалитъ, что другой бранитъ; одинъ восхищается тѣмъ, что въ другомъ возбуждаетъ негодованіе; даже одни и тѣже выраженія, которыя въ словарѣ одного журнала означаютъ высшую степень достоинства, напр. *европеизмъ*, *послѣдній моментъ развитія*, *человѣческая премудрость*, и пр., — на языкѣ другаго имѣютъ смыслъ крайняго порицанія. Отъ того не читая одного журнала можно знать его мнѣнія изъ другаго, понимая только всѣ слова его въ обратномъ смыслѣ.

Такимъ образомъ въ общемъ движеніи литтературы нашей односторонность одного изъ этихъ періодическихъ изданій полезно уравновѣшивается противоположною односторонностію другаго. Взаимно уничтожая другъ друга, каждый изъ нихъ, незная того, дополняетъ недостатки другаго, такъ, что смыслъ и значеніе, даже образъ мыслей и содержаніе одного, основывается на возможности существованія другаго. Самая полемика между ними служитъ имъ причиною неразрывной связи и составляетъ, такъ сказать, необходимое условіе ихъ мыслительнаго движенія.

Digitized by Google

Впрочемъ характеръ этой полемики совершенно различенъ въ обоихъ журналахъ. Маякъ нападаетъ на Отечественныя Записки прямо, открыто и съ геройскою неутомимостію замѣчая ихъ заблужденія, ошибки, оговорки и даже опечатки: Отечественныя Записки мало заботятся о Маякѣ какъ журналѣ и даже рѣдко говорятъ о немъ; но за то постоянно имѣютъ въ виду его направленіе, противъ крайности котораго стараются выставить противоположную, не менѣе запальчивую крайность. Эта борьба поддерживаетъ возможность жизни обоихъ и составляетъ ихъ главное значеніе въ Литтературѣ.

Это противоборство Маяка и Отеч. Записокъ почитаемъ мы явленіемъ полезнымъ въ литтературѣ нашей потому, что, выражая два крайнія направленія, они, своею преувеличенностію этихъ крайностей, необходимо представляютъ ихъ нѣсколько въ каррикатурѣ, и такимъ образомъ невольно наводятъ мысли читателя на дорогу благоразумной умѣренности въ заблужденіяхъ. Кромѣ того, каждый журналъ въ своемъ родѣ сообщаетъ много статей любопытныхъ, дѣльныхъ и полезныхъ для распространенія нашей образованности. Ибо мы думаемъ, что образованность наша должна вмѣщать въ себѣ плоды обоихъ направленій: мы не думаемъ только, что бы эти направленія должны были оставаться въ ихъ исключительной односторонности.

Впрочемъ, говоря о двухъ направленіяхъ, мы имѣемъ въ виду болѣе идеалы двухъ журналовъ, чѣмъ самые журналы, о которыхъ идётъ рѣчь. Ибо, къ сожалѣнію, ни Маякъ, ни Отечественныя Записки далеко не достигаютъ той цѣли, которую они себѣ предполагаютъ.

Отвергать всё Западное и признавать только ту сторону нашей образованности, которая прямо противоположна Европейской, есть конечно направленіе односторонее; однако оно могло бы имѣть нѣкоторое подчиненное значеніе, если бы журналъ выражалъ его во всей чистотѣ его односторонности; но принимая его своею цѣлью, Маякъ смѣшиваетъ съ нимъ нѣкоторыя разно-

Digitized by Google

родныя, случайныя и явно произвольныя начала, которыя иногда разрушаютъ главное его значеніе. Такъ напримѣръ, полагая въ основаніе всѣхъ сужденій своихъ Святыя истины нашей Православной вѣры, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ еще въ основаніе себѣ другія истины: положенія своей самосочиненной Психологіи, и судитъ о вещахъ по тремъ критеріямъ, по четыремъ разрядамъ и по десяти стихіямъ. — Такимъ образомъ смѣшивая свои личныя мнѣнія съ общими истинами, онъ требуетъ, чтобы система его принята была за краеугольный камень національнаго мышленія. — Вслѣдствіе этого же смѣшенія понятій, думаетъ оказать великую услугу Словесности, уничтожая вмѣстѣ съ Отечественными Записками еще и то, что составляетъ славу нашей Словесности. Такъ доказываетъ онъ, между прочимъ, что поэзія Пушкина не только ужасная, безнравственная, но что еще въ ней нѣтъ ни красоты, ни искуства, ни хорошихъ стиховъ, ни даже правильныхъ риѳмъ. Такъ, заботясь объ усовершенствованіи Русскаго языка, и стараясь придать ему *мягкость, сладость, звучную прелесть*, которыя бы сдѣлали *его общелюбезнымъ языкомъ всей Европы*, самъ онъ, въ тоже время вмѣсто того, чтобы говорить языкомъ Русскимъ, употребляетъ языкъ собственнаго своего изобрѣтенія.

Вотъ почему, не смотря на многія великія истины, кой гдѣ выражаемыя Маякомъ, и которыя, бывъ представлены въ чистомъ видѣ, должны бы были пріобрѣсть ему живое сочувствіе многихъ; мудрено однако же сочувствовать ему потому, что истины въ немъ перемѣшаны съ понятіями, по крайней мѣрѣ странными.

Отечественныя Записки, съ своей стороны, уничтожаютъ также собственную силу свою другимъ образомъ. Вмѣсто того, чтобы передавать намъ результаты образованности Европейской, они безпрестанно увлекаются какими нибудь частными явленіями этой образованности, и не обнявъ её вполнѣ, думаютъ быть новыми, являясь въ самомъ дѣлѣ всегда запоздалыми.— Ибо

Digitized by Google

страстное стремленіе за модностью мнѣнія, страстное желаніе принять наружность льва въ кругу мышленія, само по себѣ уже доказываетъ удаленіе отъ центра моды. Это желаніе даётъ нашимъ мыслямъ, нашему языку, всей нашей наружности, тотъ характеръ неувѣренной въ себѣ рѣзкости, тотъ покрой яркой преувеличенности, которые служатъ признакомъ нашего отчужденія именно отъ того круга, къ которому мы хотимъ принадлежать.

Arrivé de province à Paris, разсказываетъ одинъ глубокомысленный и почтенный журналъ, (кажется l'Illustration или Guèpes), arrivé a Paris il voulut s'habiller à la mode du lendemain; il sut exprimer les emotions de son âme par les noeuds de sa cravatte et il abusa de l'épingle.

Конечно О. З. берутъ мнѣнія свои изъ самыхъ новыхъ книгъ запада; но эти книги принимаютъ они отдѣльно отъ всей совокупности западной образованности, и потому тотъ смыслъ, который имѣютъ онѣ тамъ, является у нихъ совсѣмъ въ другомъ значеніи; та мысль, которая была новою тамъ, какъ отвѣтъ на совокупность окружающихъ её вопросовъ, бывъ оторвана отъ этихъ вопросовъ, является у насъ уже не новою, но только что преувеличенною стариною.

Такъ, въ сферѣ философіи, не представляя ни малѣйшаго слѣда тѣхъ задачъ, которыя составляютъ предметъ современнаго мышленія Запада, О. З. проповѣдуютъ системы уже устарѣвшія, но прибавляютъ къ нимъ нѣкоторые результаты новыхъ, которыя съ ними не вяжутся. Такъ, въ сферѣ Исторіи они приняли нѣкоторыя мнѣнія Запада, которыя явились тамъ какъ результатъ стремленія къ народности; но понявъ ихъ отдѣльно отъ ихъ источника, они выводятъ изъ нихъ же отрицаніе нашей народности, потому что она несогласна съ народностями Запада, — какъ нѣкогда Нѣмцы отвергали свою народность потому, что она не похожа на Французскую. — Такъ, въ сферѣ литературы замѣтили О З., что на Западѣ не безъ пользы для успѣшнаго движенія

Digitized by Google

образованности были уничтожены нѣкоторые незаслуженные авторитеты, и вслѣдствіе этого замѣчанія, они стремятся унизить всѣ наши извѣстности, стараясь уменьшить литературную репутацію Державина, Карамзина, Жуковскаго, Баратынскаго, Языкова, Хомякова, и на мѣсто ихъ превозносятъ И. Тургенева и Ѳ. Майкова, поставляя ихъ такимъ образомъ въ одну категорію съ Лермонтовымъ, который вѣроятно самъ избралъ бы себѣ не это мѣсто въ литературѣ нашей. Слѣдуя тому-же началу, О. З. стараются обновить языкъ нашъ своими особенными словами и формами.

Вотъ почему мы осмѣливаемся думать, что какъ О. З. такъ и Маякъ выражаютъ направленіе нѣсколько одностороннее и не всегда истинное.

Сѣверная Пчела болѣе политическая газета, чѣмъ литературный журналъ. Но въ неполитической части своей она выражаетъ такое же стремленіе къ нравственности, благоустройству и благочинію, какое О. З. обнаруживаютъ къ Европейской образованности. Она судитъ о вещахъ по своимъ нравственнымъ понятіямъ, довольно разнообразно передаетъ все, что ей кажется замѣчательнымъ, сообщаетъ все, что ей нравится, доноситъ обо всемъ, что ей не по сердцу, очень ревностно, но, можетъ быть не всегда справедливо.

Мы имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что не всегда справедливо.

Въ *Литературной газетѣ* мы не умѣли открыть никакого особеннаго направленія. Это чтеніе по преимуществу легкое, — чтеніе дессертное, не много сладкое, не много пряное, литературные конфекты, иногда не много сальные, но тѣмъ болѣе пріятные для нѣкоторыхъ невзыскательныхъ организмовъ.

Вмѣстѣ съ этими періодическими изданіями, должны мы упомянуть и о Современникѣ, потому что онъ также литературный журналъ; хотя признаемся, что намъ не хотѣлось бы смѣшивать его имя съ другими именами. Онъ принадлежитъ совсѣмъ другому кругу читателей, имѣетъ цѣль совершенно отличную отъ другихъ изданій, и осо-

Digitized by Google

бенно не смѣшивается съ ними тономъ и способомъ своего литературнаго дѣйствованія. — Сохраняя постоянно достоинство своей спокойной независимости, Современникъ не вступаетъ въ запальчивыя полемики, не позволяетъ себѣ заманивать читателей преувеличенными обѣщаніями, не забавляетъ ихъ праздность своею шутливостью; не ищетъ блеснуть мишурою чужихъ, непонятыхъ системъ, не гоняется тревожно за новостію мнѣній и не основываетъ своихъ убѣжденій на авторитетѣ моды; но свободно и твердо идетъ своей дорогой, не сгибаясь передъ наружнымъ успѣхомъ. Отъ того, со времени Пушкина до сихъ поръ, остается онъ постояннымъ вмѣстилищемъ самыхъ знаменитыхъ именъ нашей Словесности; отъ того для писателей менѣе извѣстныхъ, помѣщеніе статей въ Современникѣ есть уже нѣкоторое право на уваженіе публики.

Между тѣмъ, направленіе Современника не преимущественно, но исключительно литературное. Статьи ученыя, имѣющія цѣлью развитіе науки, а не слóва, не входятъ въ составъ его. Отъ того образъ его воззрѣнія на вещи, находится въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ его названіемъ. Ибо въ наше время достоинство чисто-литературное, уже далеко не составляетъ существенной стороны литературныхъ явленій. Отъ того, когда, разбирая какое нибудь произведеніе Словесности, Современникъ основываетъ свои сужденія на правилахъ Риторики или Піитики, то мы невольно жалѣемъ, что сила его нравственной чистоты истощается въ заботахъ его литературной чистоплотности.

Финскій Вѣстникъ только начинается, и потому мы не можемъ еще судить о его направленіи; скажемъ только, что мысль сблизить Словесность Русскую съ Литературами Скандинавскими, по мнѣнію нашему, принадлежитъ не только къ числу полезныхъ, но вмѣстѣ къ числу самыхъ любопытныхъ и значительныхъ нововведеній. Конечно отдѣльное произведеніе какого нибудь Шведскаго или Датскаго писателя не можетъ быть вполи-

Digitized by Google

нѣ оцѣнено у насъ, если мы не сообразимъ его не только съ общимъ состояніемъ литературы его народа, но что еще важнѣе, съ состояніемъ всего частнаго и общаго, внутренняго и внѣшняго быта этихъ малоизвѣстныхъ у насъ земель. Если же, какъ мы надѣемся, Финскій Вѣстникъ познакомитъ насъ съ любопытнѣйшими сторонами внутренней жизни Швеціи, Норвегіи и Даніи; если онъ представитъ намъ въ ясномъ видѣ многозначительные вопросы, занимающіе ихъ въ настоящую минуту; если онъ разкроетъ передъ нами всю важность тѣхъ малоизвѣстныхъ въ Европѣ умственныхъ и жизненныхъ движеній, которыя наполняютъ теперь эти государства; если онъ представитъ намъ въ ясной картинѣ удивительное, почти невѣроятное, благосостояніе низшаго класса, особенно въ нѣкоторыхъ областяхъ этихъ государствъ; если онъ удовлетворительно объяснитъ намъ причины этого счастливаго явленія; если объяснитъ причины другаго, не менѣе важнаго обстоятельства, удивительнаго развитія нѣкоторыхъ сторонъ народной нравственности, особенно въ Швеціи и Норвегіи; если представитъ ясную картину отношеній между различными сословіями, отношеній совершенно непохожихъ на другія государства; если, наконецъ, всѣ эти важные вопросы свяжетъ съ явленіями литературными въ одну живую картину; въ такомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, журналъ этотъ будетъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ нашей Словесности.

Другіе журналы наши имѣютъ характеръ преимущественно спеціальный, и потому мы не можемъ здѣсь говорить объ нихъ.

Между тѣмъ распространеніе періодическихъ изданій во всѣ концы государства и во всѣ круги грамотнаго общества; роль, которую они очевидно играютъ въ словесности нашей, интересъ, который они возбуждаютъ во всѣхъ классахъ читателей, — всѣ это неоспоримо доказываетъ намъ, что самый характеръ литературной образованности нашей есть преимущественно журнальный.

Digitized by Google

Впрочемъ, смыслъ этого выраженія требуетъ нѣкоторыхъ поясненій.

Литературный журналъ не есть литературное произведеніе. Онъ только извѣщаетъ о современныхъ явленіяхъ Словесности, разбираетъ ихъ, указываетъ мѣсто въ ряду другихъ, произноситъ объ нихъ свое сужденіе. — Журналъ въ Словесности тоже, что предисловіе въ книгѣ. — Слѣдовательно перевѣсъ журналистики въ литературѣ доказываетъ, что въ современной образованности потребность *наслаждаться* и *знать*, уступаетъ потребности *судить*, — подвести свои наслажденія и знанія подъ одинъ обзоръ, отдать себѣ отчётъ, имѣть *мнѣніе*. — Господство журналистики въ области литературы тоже, что господство философскихъ сочиненій въ области наукъ.

Но если развитіе журналистики у насъ основывается на стремленіи самой образованности нашей къ разумному отчёту, къ выраженному, формулированному мнѣнію о предметахъ наукъ и литературы, то, съ другой стороны, неопредѣленный, сбивчивый, односторонній, и вмѣстѣ самъ себѣ противорѣчащій характеръ нашихъ журналовъ доказываетъ, что литературныя мнѣнія у насъ еще не составились; что въ движеніяхъ образованности нашей болѣе *потребность* мнѣній, чѣмъ самыя мнѣнія; болѣе чувство необходимости ихъ *вообще*, чѣмъ опредѣленная наклонность къ тому или другому направленію.

Впрочемъ, могло-ли и быть иначе? — соображая общій характеръ нашей Словесности, кажется, что въ литературной образованности нашей нѣтъ элементовъ для составленія общаго опредѣленнаго мнѣнія, нѣтъ силъ для образованія цѣльнаго, сознательно развитаго направленія, и не можетъ быть ихъ, покуда господствующая краска нашихъ мыслей будетъ случайнымъ оттѣнкомъ чужеземныхъ убѣжденій. Безъ сомнѣнія возможны, и даже дѣйствительно безпрестанно встрѣчаются люди, выдающія какую-нибудь частную мысль, ими отрывчато-понятую, за свое опредѣленное *мнѣніе*; — люди,

Digitized by Google

называющіе свои книжныя понятія именемъ *убѣжденій*; но эти мысли, эти понятія, похожи болѣе на школьное упражненіе въ Логикѣ или Философіи; — это мнѣніе мнимое; — одна наружная одежда мыслей; — модное платье, въ которое нѣкоторые умные люди наряжаютъ свой умъ, когда выносятъ его въ салоны, или — юношескія мечты, разлетающіяся при первомъ напорѣ жизни дѣйствительной. Мы не то разумѣемъ подъ словомъ убѣжденіе.

Было время, и не очень давно, когда для мыслящаго человѣка возможно было составить себѣ твердый и опредѣленный образъ мыслей, обнимающій вмѣстѣ и жизнь, и умъ, и вкусъ, и привычки жизни, и литературныя пристрастія, — можно было составить себѣ опредѣленное мнѣніе единственно изъ сочувствія съ явленіями иностранныхъ словесностей: были полныя, цѣлыя, докончанныя системы. Теперь ихъ нѣтъ; по крайней мѣрѣ, нѣтъ общепринятыхъ, безусловно господствующихъ. Чтобы построить изъ противорѣчащихъ мыслей свое полное воззрѣніе, надобно выбирать, составлять самому, искать, сомнѣваться, восходить до самаго источника, изъ котораго истекаетъ убѣжденіе т. е. или навсегда остаться съ колеблющимися мыслями, или напередъ принести съ собою уже готовое, не изъ литературы почерпнутое убѣжденіе. — *Составить* убѣжденіе изъ различныхъ системъ — нельзя; какъ вообще нельзя *составить* ничего живаго. — Живое раждается только изъ жизни. —

Теперь уже не можетъ быть ни вольтеріянцевъ, ни жанъ-жакистовъ, ни жанъ-павлистовъ ни шеллигіянцевъ, ни байронистовъ, ни гетистовъ, ни доктринеровъ ни исключительныхъ гегеліянцевъ (выключая можетъ быть такихъ, которые, иногда и не читавши Гегеля, выдаютъ подъ его именемъ свои личныя догадки); теперь каждый долженъ составлять себѣ свой собственный образъ мыслей, и слѣдовательно, если не возьметъ его изъ всей совокупности жизни, то всегда останется при однѣхъ книжныхъ фразахъ.

Digitized by Google

По этой причинѣ Литература наша могла имѣть полный смыслъ до конца жизни Пушкина, и не имѣетъ теперь никакого опредѣленнаго значенія.

Мы думаемъ однако, что такое состояніе ея продолжиться не можетъ. Вслѣдствіе естественныхъ, необходимыхъ законовъ человѣческаго разума, пустота безмыслія должна когда нибудь наполниться смысломъ.

И въ самомъ дѣлѣ, съ нѣкотораго времени, въ одномъ уголкѣ литературы нашей, начинается уже важное измѣненіе, хотя еще едва замѣтное по нѣкоторымъ особымъ оттѣнкамъ Словесности;—измѣненіе не столько выражающееся въ произведеніяхъ Словесности, сколько обнаруживающееся въ состояніи самой образованности нашей вообще, и обѣщающее переобразовать характеръ нашей подражательной подчиненности въ своеобразное развитіе внутреннихъ началъ нашей собственной жизни. Читатели догадываются, конечно, что я говорю о томъ Славяно-Христіанскомъ направленіи, которое съ одной стороны подвергается нѣкоторымъ, можетъ быть, преувеличеннымъ пристрастіямъ, а съ другой преслѣдуется странными, отчаянными нападеніями, насмѣшками, клеветами; но во всякомъ случаѣ достойно вниманія, какъ такое событіе, которому по всей вѣроятности, предназначено занять не послѣднее мѣсто въ судьбѣ нашего просвѣщенія.

Мы постараемся обозначить его со всевозможнымъ безпристрастіемъ, собирая въ одно цѣлое его отдѣльные признаки, тутъ и тамъ разбросанные, и еще болѣе замѣтные въ мыслящей публикѣ, чѣмъ въ книжной литературѣ.

(окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

Digitized by Google

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ХАРАКТЕРЪ И ЦѢЛЬ УЧЕНІЯ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ РАЗНЫХЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ ШКОЛАХЪ, ИНСТИТУТАХЪ, АКАДЕМІЯХЪ И УНИВЕРСИТЕТАХЪ ВЪ ЕВРОПѢ.

(Продолженіе).

Во Франціи Сельскихъ институтовъ въ настоящее время довольно много. Первое по своему происхожденію заведеніе и по значительному вліянію, которое оно оказывало въ распространеніи во Франціи отчетливаго хозяйства,—это Ровильская Земледѣльческая школа, учрежденная лѣтъ 25 тому назадъ близъ Нанси знаменитымъ Домбалемъ. Онъ былъ для Франціи почти тѣмъ же, чѣмъ Тэеръ для Германіи. Быть можетъ, недоставало у него того всеобъемлющаго, полнаго и глубокаго знанія какъ у Тэера, но за то, съ другой стороны, у него былъ всегда вѣрный взглядъ на сельскую промышленность; во всѣхъ его сочиненіяхъ отражается удивительная отчетливость и необыкновенная во всемъ ясность. Никто лучше его не сознавалъ той истины, что одна только наука можетъ дать занятіямъ земледѣльцевъ вѣрное и правильное направленіе. Одушевленный постоянно этою мыслію, онъ въ теченіи продолжительной жизни своей былъ постоянно ревностнѣйшимъ защитникомъ науки. Въ то время, когда онъ проповѣдывалъ свое ученіе, Франція не была еще къ нему такъ приготовлена, какъ Германія, и вотъ почему Домбаль долго не находилъ ни въ Правительствѣ, ни въ частныхъ лицахъ того сочувствія, которое необходимо было для поддержанія его великаго дѣла. Во Франціи дворянство не любило покойной земледѣльческой жизни, не привлекалось сельскими занятіями и заботами. Крестьяне же въ свою очередь не думали, чтобы для ихъ занятій могла существовать наука, чтобы ихъ свѣдѣнія достойны были воззрѣнія ученыхъ. Такимъ образомъ Домбаль, не находя сначала ни въ какомъ сословіи сочувствія къ своимъ занятіямъ, долженъ былъ вести продолжительную борьбу съ закоренѣлыми обычаями и предразсудками; но геній

Digitized by Google

его взялъ наконецъ верхъ надъ всѣми препонами. Ровильская школа скоро развилась и зацвѣла, молодые люди изъ всѣхъ сословій, изъ всѣхъ частей Франціи, а многіе изъ чужихъ краевъ начали стекаться къ Домбалю, слушать его лекціи и наставленія. Сочиненія знаменитаго хозяина читались не въ одной только Франціи, но вездѣ въ Европѣ. У насъ въ Россіи сотни просвѣщенныхъ хозяевъ съ необыкновеннымъ любопытствомъ слѣдили за каждою мыслью Домбаля, за каждымъ его опытомъ, или новымъ открытіемъ. Ровильская школа получила наконецъ Европейскую славу. Домбаль на старость лѣтъ заслужилъ всеобщее уваженіе своихъ соотечественниковъ, и прошедшаго года, когда онъ умеръ, обѣ политическія палаты во Франціи оплакивали смерть простаго хозяина съ такимъ точно прискорбіемъ, какъ еслибъ лишилась Франція важнаго министра, или знаменитаго публициста.

Въ 1842 году я отправился нарочно изъ Нанси въ Ровиль, чтобы увидѣть Домбаля и ту школу, о которой столько читалъ я, о которой такъ много слышалъ въ Россіи. По дорогѣ удивляло меня то, что крестьяне пахали вездѣ скверными плугами, къ которымъ закладывали то 4, то 6 лошадей, что поля были обработаны вовсе не такъ хорошо, какъ можно былобъ ожидать въ окрестностяхъ одной изъ знаменитѣйшихъ образцовыхъ фермъ Европы. Съ нетерпѣніемъ ждалъ я пріѣзда моего въ Ровиль и воображеніемъ видѣлъ уже предъ собою великолѣпную школу, красивыя поля, большія хозяйственныя строенія и тотъ свеклосахарный заводъ, о которомъ столько писано было въ разныхъ журналахъ. Но каково было мое удивленіе, когда кучеръ мой остановился вдругъ у какой то маленькой деревушки. Что это такое, спросилъ я его съ нетерпѣніемъ? Это Ровиль, отвѣчалъ мнѣ мой провожатый. — Какъ Ровиль? воскликнулъ я въ удивленіи: это быть не можетъ, ты вѣрно ошибаешся. — Нѣтъ не ошибаюсь, это Ровиль, а вотъ въ этомъ домикѣ, что виднѣется вонъ тамъ направо, живетъ и самъ Домбаль. Радъ не радъ, нужно было повѣрить и потому привставъ изъ коляски, я отправился въ ту сторону, гдѣ стоялъ небольшой домъ, или точнѣе полуразвалины какаго-то стариннаго зданія. Я вошелъ на дворъ, все кругомъ меня было глухо, пусто, ни одного человѣка, ни одной собаки, никого рѣшительно на цѣломъ дворѣ. Напрасно отпи-

Digitized by Google

ралъ я одну, другую дверь, никто не выходилъ мнѣ навстрѣчу. Наконецъ попалъ я къ счастію въ одну комнату, гдѣ сидѣла какая-то старушка. „Здѣсь ли живетъ Домбаль,“ спросилъ я ее?— Здѣсь, отвѣчала она мнѣ, и провела тотчасъ въ маленькую, скромно убранную комнатку, гдѣ на Вольтеровскомъ креслѣ дремалъ почтенный семидесятилѣтній старикъ — Домбаль. Когда отперли двери, старикъ проснулся, привсталъ, поклонился и радушно просилъ меня присѣсть къ нему. „Ни„чего вы теперь здѣсь не увидите, сказалъ онъ мнѣ; уже „другой годъ какъ земледѣльческая школа перестала суще„ствовать, моя фабрика машинъ и моделей находится теперь „въ Нанси, а свеклосахарный заводъ теперь не въ ходу. Кико„гда впрочемъ не было здѣсь такихъ великолѣпныхъ зданій, „или строеній какъ въ Гриньонѣ, или въ Гогенгеймѣ. Тамъ все „дѣлалось на счетъ казны. Здѣсь напротивъ, я долженъ былъ „предпринимать всякія улучшенія на счетъ моего собственнаго „скуднаго кармана, дѣлать безпрестанно разные опыты, „слѣдить за наукою, а между тѣмъ заботиться и о томъ „также, чтобы обезпечить свою старость. Двадцать лѣтъ „я долженъ былъ бороться съ самою скудною почвою, съ „ужаснѣйшими притомъ предразсудками и заблужденіями. „Правительство у насъ не много еще сдѣлало для земледѣлія. „Россія опередила насъ въ этомъ отношеніи. Дѣятельно начи„наютъ заниматься у васъ теперь помѣщики развитіемъ и „улучшеніемъ сельскаго хозяйства. Трудное конечно это дѣло, „много нужно знаній, времени, еще болѣе охоты, доброй воли „и убѣжденія въ необходимости у васъ отчетливаго хозяй„ства. Впрочемъ, всѣ благія намѣренія сбудутся со време„немъ и надѣюсь не безуспѣшно.“ Такъ говорилъ старикъ и сильно еще было его слово, сильно внималъ я его наставленіямъ. Долго говорили мы потомъ о свеклосахарныхъ заводахъ, о холодной и горячей вымочкѣ, объ изобрѣтеніяхъ Давыдова, Шишкова и другихъ русскихъ хозяевъ; наконецъ я привсталъ, попрощался съ старикомъ и вышелъ изъ комнаты.

На дворѣ все было опять и глухо и пусто какъ въ степи. Зашелъ было я въ смежный флигель, въ конюшни, въ скотный дворъ, въ сараи, но нигдѣ никого не было. Все кругомъ молчало, одинъ лишь столбъ, изрѣзанный надписями путешественниковъ, внятными словами говорилъ мнѣ, что сюда

Digitized by Google

стекались когда-то люди изъ разныхъ странъ свѣта, что и здѣсь была когда-то жизнь, но теперь весь Ровиль казался мнѣ кладбищемъ; все говорило о близкой его смерти; куда ни взглянулъ я, вездѣ встрѣчалъ одно лишь разочарованіе.

По примѣру Ровильской школы образовалось во Франціи много сельскихъ институтовъ, но изъ нихъ въ настоящее время самою большею славою пользуется то заведеніе, которое находится въ 40 верстахъ отъ Парижа, въ Гриньонѣ, и которое извѣстно подъ названіемъ Королевскаго земледѣльческаго института. Онъ основанъ былъ въ 1827 году, въ царствованіе Карла X-го, но къ чтенію лекцій приступлено было не раньше, какъ спустя три года послѣ того. При учрежденіи института встрѣтилось между его основателями большее недоразумѣніе на счетъ того, какой дать характеръ школѣ, образовывать ли въ ней однихъ лишь работниковъ, свѣдущихъ въ своемъ дѣлѣ, знакомыхъ съ манипуляціями и пріемами улучшеннаго хозяйства, или быть можетъ обратиться къ другой цѣли, а именно къ тому, чтобы приготовлять въ заведеніи для отечества просвѣщенныхъ хозяевъ и помѣщиковъ, которые могли бы управлять большими имѣніями, были бы знакомы какъ съ внутреннимъ устройствомъ хозяйства, такъ и съ тѣми внѣшними обстоятельствами, климатическими и экономическими, которыя болѣе или менѣе измѣняютъ степень производительности земли. Послѣ долгихъ споровъ, Дирекція рѣшилась принять послѣднюю цѣль и сообразно съ нею она составила свою программу ученія. Не одни только крестьяне или фермеры, но богатые помѣщики начали посылать сыновей своихъ въ школу, и такимъ образомъ стремленіе къ улучшенному хозяйству стало постепенно распространяться во Франціи во всѣхъ слояхъ общества. Благодаря заботливости и попеченіямъ Правительства, образованіе стоитъ тамъ весьма не дорого, а именно за ученіе и весьма приличное содержаніе платятъ ученики въ годъ всего 850 франковъ. Курсъ продолжается въ теченіи двухъ лѣтъ, по истеченіи этого срока учащимся дается три мѣсяца времени для составленія плана хозяйства, которое кажется имъ всего приличнѣе при данныхъ, мѣстныхъ опредѣленныхъ обстоятельствахъ. Этотъ планъ они должны публично защищать по примѣру того, какъ это дѣлается въ Университетахъ при ис-

Digitized by Google

канiи высшихъ ученыхъ степеней, и когда они опровергнутъ всѣ возраженiя, тогда только получаютъ изъ Института надлежащiй дипломъ.—Время раздѣлено у нихъ слѣдующимъ образомъ. Въ 4 часа утра всѣ ученики встаютъ и тотчасъ отправляются въ конюшни, гдѣ упражняются въ чищенiи и взнуздыванiи лошадей, потомъ завтракаютъ, въ 6 часовъ начинаются лекцiи, которыя продолжаются до 11. Въ это время ворота Института запираются и никому не позволяется выходить изъ заведенiя. Въ 11 часовъ онѣ отпираются, ученики завтракаютъ, а потомъ отъ полудни до половины шестаго упражняются они въ разныхъ практическихъ работахъ, дѣлаютъ по окрестностямъ ботаническiя, геогностическiя и другiя экскурсiи, двѣнадцать человѣкъ назначаются ежедневно по очереди для паханiя, для бороньбы и другихъ полевыхъ работъ и сельскихъ производствъ. Въ 6 часовъ обѣдъ, въ 7 запираются ворота, а въ 9 всѣ вмѣстѣ ложатся спать.

Профессоровъ въ заведенiи девять. Сельское хозяйство для первокурсныхъ читаетъ нѣкто Лёлiе, а для втораго курса Профессоръ Белла, сынъ Директора Института. Я былъ на двухъ лекцiяхъ послѣдняго. Онъ излагаетъ свой предметъ ясно, отчетливо, впрочемъ съ маленькою примѣсью французскаго шарлатанизма. Для практическихъ работъ и для ихъ объясненiя назначенъ тамъ особенный Профессоръ Пишатъ, хорошо знакомый съ разными сельскими манипулацiями и производствами. Сверхъ сихъ предметовъ, тамъ излагаются еще физическiя и естественныя науки, лѣсоводство, сельское право, счетоводство и, въ краткости, Политическая экономiя. Въ заведенiи есть, помнится, одинъ даровитый Профессоръ, по имени Кальятъ, преподающiй Химiю и Геологiю. Его экскурсiи съ студентами по окрестностямъ Гриньона, гдѣ такъ превосходно развита третичная Парижская формацiя, весьма занимательны и поучительны. Студентовъ въ Гриньонѣ считается въ настоящее время около 70, все Французы и между ними тоже довольно Поляковъ.

Имѣнiе, принадлежащее заведенiю, состояло предварительно изъ однѣхъ лишь неудобныхъ земель, представлявшихъ большiя затрудненiя для своей обработки, но какъ Правительство денегъ не щадило, то скоро эти неудобныя земли превратились въ самыя красивыя поля. Дирекцiя приняла въ

Digitized by Google

имѣніи такую систему хозяйства, при которой возможно было бы держать самое большее количество скота, какъ для того, что въ окрестностяхъ Парижа скотоводство составляетъ одну изъ прибыльнѣйшихъ вѣтвей сельской промышленности, такъ и потому еще, чтобы указать новому поколѣнію хозяевъ тѣ именно средства, отъ развитія которыхъ можетъ зависѣть во Франціи успѣхъ хозяйства и возведеніе его на высшую степень совершенства. Въ Гриньонѣ, при 400 десятинахъ земли, содержится кромѣ лошадей — 120 штукъ рогатаго скота, 1200 овецъ и болѣе ста свиней. Всѣ эти животныя принадлежатъ къ различнымъ извѣстнѣйшимъ породамъ, преимущественно Англійскимъ, и доставляютъ своимъ мясомъ, молокомъ, сыромъ и шерстью значительный доходъ. Для прокормленія скота разводятъ люцерну, картофель и другія кормовыя и корнеплодныя растенія, орошаютъ правильнымъ образомъ поля и дѣлаютъ другія улучшенія, вполнѣ достойныя подражанія.

Кромѣ этого первокласснаго во Франціи Земледѣльческаго Института находятся еще въ разныхъ Департаментахъ, быть можетъ, около 30 сельскихъ школъ или точнѣе образцовыхъ фермъ, изъ которыхъ однѣ учреждены правительствомъ, а другія частными лицами. Средства этихъ заведеній большею частію недостаточны: учителей бываетъ тамъ немного, а потому и образованіе, получаемое въ этихъ заведеніяхъ, довольно односторонно и недостаточно. Въ нынѣшнемъ году, въ двухъ или трехъ мѣстахъ, Правительство превратило сиротскіе дома въ земледѣльческія школы, снабдило ихъ надлежащими средствами и дѣятельно заботится о томъ, чтобы эти заведенія могли служить къ умноженію въ государствѣ числа хорошо образованныхъ хозяевъ. Одна изъ этихъ колоній, извѣстная подъ названіемъ Мениль-Сентъ-Фирменской находится подъ управленіемъ извѣстнаго хозяина Г. Базепа. Впрочемъ, какъ всѣ эти заведенія основаны еще весьма недавно, то объ ихъ дѣятельности и направленіи нельзя сказать тутъ ничего еще рѣшительнаго.

Во Франціи есть еще одна земледѣльческая школа, конечно молодая, недавно основанная; но не смотря на то, вполнѣ достойная вниманія каждаго просвѣщеннаго хозяина. Эта школа учреждена въ 1841 году въ 40 верстахъ отъ Ліона, среди

Digitized by Google

болотъ и озеръ, изъ которыхъ состоитъ вся провинція, извѣстная въ географіи подъ названіемъ la Dombe. Директоромъ этой школы нѣкто Нивьеръ опытный хозяинъ, образованный человѣкъ, обладающій твердою волею и рѣшительнымъ характеромъ. Онъ купилъ на свой счетъ имѣніе, состоящее изъ самыхъ безплодныхъ, неудобныхъ земель, и рѣшился во чтобъ то ни стало превратить ихъ въ красивыя поля и луга. Въ 1842 году онъ учредилъ у себя земледѣльческую школу и для надлежащаго ея развитія получилъ отъ правительства достаточное пособіе. Учениковъ у него немного, не болѣе 10 или 15 человѣкъ, больше къ себѣ онъ не принимаетъ, они остаются у него въ теченіи 5 лѣтъ. Въ первые три года слушаютъ они курсъ разныхъ лекцій, занимаются счетоводствомъ и сами производятъ всѣ полевыя работы. По истеченіи этого времени для умноженія практическихъ свѣдѣній учащихся, Директоръ даетъ каждому изъ нихъ маленькую ферму въ 50 десятинъ. Они распоряжаются сами, впрочемъ подъ постояннымъ руководствомъ Директора, которому отдаютъ еженедѣльно отчетъ въ трудахъ своихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что это мысль прекрасная, что выходящіе изъ заведенія молодые люди будутъ въ состояніи тотчасъ управлять имѣніями, но съ другой стороны, я думаю, что для учащагося оставаться 5 лѣтъ постоянно на одномъ мѣстѣ чрезъ чуръ много; воспитанники получатъ отъ того слишкомъ односторонное образованіе, и привыкнувъ хозяйничать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ свойства земли совершенно отличны отъ другихъ странъ Франціи, они не всегда будутъ въ состояніи приложить свои свѣдѣнія къ другимъ, болѣе обыкновеннымъ обстоятельствамъ. Впрочемъ, если эта школа, получивъ совершенно спеціальное направленіе, будетъ въ состояніи образовать способныхъ хозяевъ, хотя для своей только мѣстности, то и тогда цѣль заведенія будетъ достигнута и оно можетъ принести своему краю значительную пользу.

Въ 1844 году я осматривалъ эту школу. Изъ Ліона проѣхалъ я сначала въ городокъ Монлуель, а оттуда пѣшкомъ отправился въ Сольсе, въ то мѣсто, гдѣ находится заведеніе. Приближаясь къ нему, я встрѣтилъ нѣсколько молодыхъ румяныхъ крестьянъ, которые возвращались съ полей и спѣшили скорѣе домой, затягивая на народномъ своемъ языкѣ ве-

Digitized by Google

селую пѣсню. Я узналъ отъ нихъ, что они воспитанники заведенія и что они спѣшатъ къ обѣду. Директоръ заведенія пригласилъ и меня тоже къ своей сельской трапезѣ. За длиннымъ столомъ усѣлось 15 воспитанниковъ, учителя, Директоръ сѣ женою и семействомъ своимъ. Первое, что поразило меня за обѣдомъ, это постный столъ, явленіе чрезвычайно рѣдкое и замѣчательное во Франціи. Какъ ни маловажно кажется это обстоятельство, но оно первое обратило мое вниманіе на тотъ нравственный характеръ школы, которымъ отличается она отъ другихъ подобныхъ заведеній. Строгое соблюденіе правилъ, предписанныхъ вѣрою и законами, скромная жизнь, самая приличная для земледѣльца и наконецъ постоянное трудолюбіе и рвеніе къ общественной пользѣ, вотъ что старается прежде всего внушить Директоръ своимъ воспитанникамъ. Особенное уваженіе, которое снискалъ онъ отъ нихъ, уваженіе подкрѣпляемое любовью и привязанностію къ нему, служитъ лучшимъ ручательствомъ тому, что заведеніе, хотя еще молодое, но современемъ принесетъ отечеству вѣрную пользу.

Во Франціи, въ тамошнихъ Университетахъ нѣтъ, подобно тому, какъ въ Германіи, каѳедръ Сельскаго Хозяйства. Въ Парижѣ эта наука преподается въ одной только школѣ, а именно въ Conservatoire des arts et métiers. Ея органомъ — Профессоръ Моль, извѣстный ученый своими трудами, излагающій науку ясно, отчетливо, наизусть (какъ вездѣ въ Парижѣ), съ нѣкоторымъ, притомъ, увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Жаль только, что читая лекціи свои предпочтительно для работниковъ, для самаго низшаго сословія, онъ вынужденъ бываетъ избѣгать всякихъ ученыхъ объясненій, и стараясь быть удобопонятнымъ, упускаетъ очень часто изъ виду то, что излагаемый имъ предметъ не искусство, а наука. Въ Парижѣ, Пеіенъ въ своемъ курсѣ технической Химіи часто говоритъ объ удобреніи, о составѣ почвы и о другихъ предметахъ, касающихся земледѣлія, впрочемъ преимущественно одной только теоретической ея части.

Въ другихъ заведеніяхъ въ Парижѣ, Сельское хозяйство до сихъ поръ еще не преподается. Этотъ то недостатокъ, и происходящій въ слѣдствіе того другой, еще важнѣйшій недостатокъ, а именно удивительная медленность, съ какою раз-

Digitized by Google

нвается и улучшается во Франціи Сельская промышленность, заставило собравшійся въ нынѣшнемъ году въ Парижѣ центральный земледѣльческій конгрессъ придумывать различныя мѣры къ тому, чтобы какъ можно скорѣе и лучше распространять во Франціи основательное земледѣльческое образованіе. Нѣсколько сотъ извѣстнѣйшихъ хозяевъ и государственныхъ людей, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ партіямъ, предлагали каждый свое мнѣніе о томъ, какъ помочь горю, какія принять мѣры для того, чтобы усовершенствовать во Франціи земледѣліе. Всѣ были одинакаго убѣжденія насчетъ того, что нужно прежде всего распространить во Франціи преподаваніе Сельскаго хозяйства, но какимъ образомъ, въ какихъ заведеніяхъ? Объ этомъ мнѣнія были необыкновенно разнообразны. Одни утверждали, что должно учредить въ каждомъ Департаментѣ Франціи образцовую ферму, или сельскій институтъ; другіе доказывали, что въ каждой гимназіи (Collège) слѣдуетъ преподавать Сельское хозяйство; иные хотѣли, чтобы Правительствомъ назначаемы были кочующіе Профессора, которые бы разъѣзжали по разнымъ провинціямъ и знакомили бы хозяевъ съ правилами улучшеннаго хозяйства. Были и такіе члены, которые предлагали превратить всѣ Воспитательные дома въ земледѣльческія школы, а всѣхъ незаконнорожденныхъ дѣтей въ раціональныхъ хозяевъ (число послѣднихъ былобъ тогда во Франціи конечно весьма значительно). Многіе наконецъ присутствовавшіе совѣтовали учреждать въ разныхъ частяхъ Франціи сельскія военныя колоніи, а наконецъ Профессоръ Моль, который болѣе другихъ говорилъ о земледѣльческомъ образованіи, такъ помнится кончилъ рѣчь свою. „Пора, Господа, придумать и у насъ во Франціи мѣры къ рас„пространенію отчетливаго хозяйства. Каковъ бы впрочемъ ни „былъ планъ земледѣльческаго образованія, который вы пред„ставите на усмотрѣніе нашего Правительства, не забудьте „прежде всего ходатайствовать у него объ учрежденіи у насъ „въ Университетахъ (Facultés de Sciences) каѳедръ Сельскаго „хозяйства. Это безъ сомнѣнія самый простой и вѣрный спо„собъ къ распространенію въ обществѣ и въ народѣ науки „Сельскаго хозяйства. Въ Германіи, въ Италіи, въ Голландіи „давно уже учреждены подобныя каѳедры; въ Россіи онѣ су„ществуютъ тоже во всѣхъ тамошнихъ Университетахъ. Меж„ду нами находится теперь Профессоръ Московскаго Универ-

Digitized by Google

„ситета. Что скажетъ онъ и присутствующіе тутъ его соотече-
„ственники, когда замѣтятъ, что мы Французы, всегда первые
„указывающіе Европѣ средства и ключи къ истинному просвѣ-
„щенію, такъ значительно отстали однакожъ отъ другихъ наро-
„довъ въ земледѣльческой образованности и теперь хотя такъ
„долго споримъ и толкуемъ, но не можемъ рѣшиться на одну изъ
„мѣръ, конечно самыхъ простыхъ и легкихъ, въ успѣхѣ которой
„нельзя, кажется, сомнѣваться.“ Не смотря на эту рѣчь, споры не прекратились, онѣ продолжались въ теченіе цѣлыхъ двухъ или трехъ дней, всѣ планы и проекты были поочереди опровергнуты разными членами конгресса, въ каждой мысли, въ каждомъ планѣ нашлась дурная, недостаточная сторона. Несчастный Президентъ собранія Герцогъ Деказъ не могъ удержать въ порядкѣ нетерпѣливыхъ членовъ, изъ которыхъ каждый хотѣлъ непремѣнно устоять на своемъ. Чтобы окончательно прекратить эти жаркіе споры и пренія, конгрессъ рѣшился не представлять Правительству отъ себя никакого мнѣнія, а только высказать свое убѣжденіе, что для улучшенія во Франціи состоянія земледѣлія нужно прежде всего распространить въ Государствѣ науку Сельскаго хозяйства и что въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія слѣдуетъ поставить этотъ предметъ на ряду съ другими науками и искусствами и дать ему для того полную, раціональную организацію.

Показавъ въ какомъ состояніи находится въ настоящее время земледѣльческое образованіе во Франціи, перехожу теперь къ Англіи.

Замѣчательное дѣло, въ Англіи, гдѣ Сельское хозяйство находится въ болѣе цвѣтущемъ состояніи, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, гдѣ Правительство и частныя лица такъ дѣятельно заботятся о распространеніи улучшеннаго хозяйства, нѣтъ между тѣмъ ни одной земледѣльческой школы, ни одного сельскаго института, какъ въ другихъ Государствахъ Европы. Неужели, послѣ того спрашивается, Англичане не постигаютъ, не сознаютъ важности науки Сельскаго хозяйства? Нѣтъ. Единственная причина, почему въ Англіи нѣтъ земледѣльческихъ школъ состоитъ въ томъ именно, что тамъ не одинъ только профессоръ или учитель есть органъ науки, какъ во многихъ другихъ странахъ, но можно сказать каждый почти хозяинъ, каждый фермеръ или помѣщикъ. Нѣтъ тамъ надоб-

Digitized by Google

ности имѣть образцовыя фермы, ибо каждая ферма можетъ служить образцомъ для молодаго хозяина, школою для учащагося. Въ Англіи нѣтъ ни одного земледѣльца, который бы хозяйничалъ обычнымъ образомъ, потому только, что такъ дѣлали его отцы и дѣды. Каждый изъ нихъ стремится напротивъ къ лучшему, къ совершеннѣйшему, обдумываетъ, обсуживаетъ всякое свое занятіе, во всемъ видно тамъ соображеніе и знаніе разумное. Наука Сельскаго хозяйства въ Англіи находится, можно смѣло сказать, не только въ однихъ аудиторіяхъ, не въ школахъ, но въ занятіяхъ, въ жизни народа. Конечно эта наука не такъ стройна тамъ, не такъ всеобъемлюща, какъ наука Тэера и его послѣдователей; она стѣсняется кругомъ тѣхъ только свѣдѣній, который приличенъ Англіи, потребностямъ тамошняго края. Она не входитъ въ далекія, отвлеченныя объясненія производительности земли и другихъ явленій, конечно темныхъ, неопредѣленныхъ, но не менѣе того любопытныхъ, достойныхъ изысканія тѣхъ людей, которые любятъ мыслить, проникать въ глубину тайнъ природы. Эти отвлеченности, такъ часто встрѣчаемыя въ Нѣмецкихъ сочиненіяхъ, не входятъ въ кругъ знаній, составляющихъ науку Англичанина. Она ограничивается у него тѣми только свѣдѣніями, которыя указываютъ, какъ при данныхъ обстоятельствахъ получить всего скорѣе и вѣрнѣе изъ имѣній возможно большой доходъ. Вотъ цѣль его знаній, исключительный характеръ его науки.

Изъ сказаннаго видно, что нигдѣ быть можетъ въ Европѣ наука Сельскаго хозяйства не сжимается такимъ тѣснымъ кругомъ свѣдѣній, какъ въ Англіи, но съ другой стороны нигдѣ эта наука не проникла такъ глубоко во всѣ слои общества, какъ въ этомъ государствѣ, и вотъ почему, повторяю, нѣтъ тамъ земледѣльческихъ школъ, вотъ для чего молодые люди, желающіе получить надлежащее земледѣльческое образованіе въ Англіи, учатся Сельскому хозяйству не въ школахъ, а у предпріимчивыхъ, просвѣщенныхъ тамошнихъ фермеровъ.

Самые образованные фермеры въ Великобританіи это тѣ, которые живутъ въ сѣверныхъ графствахъ Англіи и въ Шотландіи. Это должно приписать тому именно явленію, что имѣнія тамъ далеко не такъ раздроблены, какъ въ Южной Англіи. Фермы бываютъ величиною въ 500, 1000 акровъ и боль-

Digitized by Google

ше, а для того, чтобы взять въ аренду этакую ферму, чтобы дѣлать въ хозяйствѣ приличныя улучшенія, нужно имѣть уже порядочное состояніе, а именно по крайней мѣрѣ 100 или 200,000 рублей капитала, а съ этакимъ состояніемъ связано почти всегда и надлежащее земледѣльческое образованіе и духъ предпріимчивости, свойственный тамошнему народу. Молодые люди пріѣзжающіе въ ученіе къ этакому фермеру платятъ въ годъ отъ ста до 200 фунтовъ стерлинговъ, а иногда и того больше; они считаются членами того семейства, въ кругу котораго они живутъ, дѣлятъ съ нимъ всякія заботы, вмѣстѣ съ хозяиномъ выѣзжаютъ въ поле, ѣздятъ съ нимъ на ближніе рынки, ярмарки, выставки и по его назначенію управляютъ разными полевыми работами.

Для того, чтобы дать учащимся болѣе основательное образованіе, фермеры выписываютъ постоянно всѣ извѣстнѣйшіе хозяйственные газеты, журналы, книги и слѣдятъ за каждымъ открытіемъ. Съ другой стороны, дабы учащіеся могли усовершенствоваться въ практическомъ хозяйствѣ, имѣлибъ случай видѣть болѣе разныхъ сельскихъ пріемовъ, принятъ у фермеровъ въ Шотландіи обычай, что каждый учащійся сельскому хозяйству имѣетъ право осматривать всѣ находящіяся возлѣ его фермы, имѣнія и вездѣ принимаютъ его радушно, гостепріимно, всякій хозяинъ охотно дѣлится съ нимъ своими свѣдѣніями и наблюденіями. Разъ въ недѣлю бываетъ обѣдъ то у того, то у другаго фермера, 20, 30 хозяевъ съѣзжаются вмѣстѣ и тогда-то послѣ обѣда за стаканомъ toddy начинаются толки и споры о Сельскомъ хозяйствѣ, о разныхъ улучшеніяхъ или новыхъ опытахъ и наблюденіяхъ. Каждый сообщаетъ другъ другу свое мнѣніе, свои планы Ихъ сличаютъ, сравниваютъ между собою и выводятъ разныя заключенія, которыя для слушателей бываютъ всегда весьма занимательными и поучительными.

Не забуду никогда тѣхъ пріятныхъ минутъ, которыя провелъ я въ Шотландіи, въ кругу тамошнихъ хозяевъ. Простота, радушіе, строгая нравственность, вотъ отличительный характеръ Шотландскихъ земледѣльцевъ. Если прибавить еще къ тому необыкновенную предпріимчивость, вѣрный всегда взглядъ на сельскую промышленность, то этимъ обозначится главное направленіе ихъ сельской дѣятельности. Но развѣ этихъ

Digitized by Google

достоинствъ недостаточно для простаго земледѣльца, которому суждено жить постоянно среди полей, среди домашнихъ своихъ заботъ, развѣ онѣ не служатъ лучшимъ ручательствомъ въ успѣхѣ его дѣла, въ той пользѣ, которую можетъ пріобрѣсти у такого фермера молодой человѣкъ, учащійся С. хозяйству?

Въ Шотландіи при Университетахъ существуютъ каѳедры Сельскаго хозяйства. Профессоръ Лау въ Единбургѣ, извѣстный разными своими сочиненіями, считается тамъ однимъ изъ лучшихъ преподавателей этой науки. Онъ читаетъ лекціи по своему курсу, котораго вышло нѣсколько уже изданій. На его лекціяхъ встрѣчалъ я всегда много помѣщиковъ и сыновей Шотландской аристократіи.

Кромѣ Профессоровъ, и другіе еще просвѣщенные хозяева читаютъ часто въ ученыхъ или земледѣльческихъ обществахъ публичныя лекціи о разныхъ предметахъ, относящихся къ Сельскому хозяйству. — Въ мое время извѣстнѣйшій въ Англіи хозяинъ Смитъ, человѣкъ необыкновенно предпріимчивый и ученый, изобрѣтатель новаго способа осушенія болотъ читалъ въ Лондонѣ и другихъ большихъ городахъ публичныя лекціи объ этомъ предметѣ. Сверхъ того, Докторъ Пфейлеръ, ученикъ Либиха, занимающійся весьма ревностно органическою Химіею, по приглашенію многихъ хозяевъ излагалъ публично свои мысли и наблюденія надъ явленіями растительной жизни, дѣйствіемъ навозовъ, образованіемъ въ животныхъ мяса и жира и объяснялъ другіе тому подобные теоретическіе вопросы.

Въ Италіи земледѣльческое образованіе находится до сихъ поръ на весьма еще низкой степени развитія. Сельскихъ институтовъ, земледѣльческихъ школъ и другихъ тому подобныхъ заведеній нигдѣ почти нѣтъ въ цѣлой Италіи. Въ окрестностяхъ только Пизы въ Мелето находится подъ управленіемъ извѣстнаго Флорентинскаго хозяина и ученаго Рудольфи земледѣльческая школа; но какъ она существуетъ весьма еще недавно, то до сихъ поръ не получила она еще надлежащаго развитія и не принесла потому тамошнему краю никакой еще ощутительной пользы. — Что касается каѳедръ Сельскаго хозяйства, то онѣ находятся во всѣхъ почти Университетахъ; но наука рѣдко гдѣ процвѣтаетъ тамъ. Въ Боло-

Digitized by Google

ніи помнится былъ я разъ на вступительной лекціи тамошняго Профессора Контри. Въ рукахъ у него была тетрадь давно уже написанная, по которой всякій годъ читаетъ Профессоръ одинакимъ образомъ свои лекціи. Въ теченіи цѣлаго часа, доказывалъ онъ ничто иное, какъ только пользу Сельскаго хозяйства, увѣрялъ слушателей, что земледельческія занятія удовлетворяютъ не только матеріальнымъ потребностямъ человѣка, но что онѣ развиваютъ еще его нравственность, направляютъ его духъ къ прекрасному, высокому и изящному. Всю свою лекцію не читалъ онъ, а декламировалъ съ особеннымъ Итальянскимъ краснорѣчіемъ, дѣлая притомъ столько разныхъ жестовъ, что не только я, иностранецъ, но даже и пылкіе его слушатели Итальянцы, Римляне не могли не улыбаться и не подталкивать другъ друга. — Въ Падуѣ читаетъ въ настоящее время Сельское Хозяйство Профессоръ Конфильяки, старикъ, священникъ, знающій предметъ свой весьма эмпирически и поверхностно. Студенты разъ, или два раза въ недѣлю отправляются вмѣстѣ съ нимъ въ такъ называемый *Orto agrario*, то есть образцовую ферму, находящуюся въ самомъ городѣ, гдѣ Профессоръ съ особенною важностію показываетъ своимъ слушателямъ, какъ должно сѣять рѣпу, огурцы, картофель и другія подобныя растенія, какія при этомъ соблюдаются предосторожности, при чемъ на каждомъ словѣ спрашиваетъ ихъ одно и то же *Capite?* а тѣ, въ одинъ голосъ отвѣчаютъ ему *Si Signore, si.* — Въ Павіи читаетъ Сельское Хозяйство Моретти, человѣкъ, какъ говорятъ, знающій свое дѣло, писавшій притомъ много о шелководствѣ и о другихъ вѣтвяхъ Сельской промышленности. Мнѣ не удалось быть на его лекціяхъ, а потому не могу высказать никакого мнѣнія о характерѣ его ученія.

Въ Швейцаріи нѣкогда славился очень Гофвильскій институтъ. Онъ учрежденъ былъ лѣтъ около сорока тому назадъ, а именно въ 1801 году, въ то самое почти время, когда Тверъ въ Германіи основалъ свою Меглинскую Академію. Директоромъ Гофвильскаго института былъ Фелленбергъ, извѣстнѣйшій хозяинъ, филантропъ, ученый и государственный человѣкъ, заслужившій своими трудами Европейскую славу. Онъ скончался нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, на 72-мъ году жизни своей. Отъ юношескихъ лѣтъ до самой поздней старо-

Digitized by Google

сти онъ неутомимо трудился надъ основательнымъ нравственнымъ образованіемъ юношества, въ особенности же стремился онъ къ тому, чтобы улучшить хозяйственный бытъ крестьянъ въ Швейцаріи, умножить матеріальное и нравственное ихъ богатство. Одушевленный этою мыслью, онъ образовалъ въ своемъ имѣніи земледѣльческій институтъ, куда стекались не одни только туземцы, но равно иностранцы изъ отдаленныхъ странъ свѣта. *Улучшить Сельское хозяйство, умножить благосостояніе народа*, вотъ что было девизомъ этой школы, вотъ что было написано на воротахъ института. Долго пользовалось это заведеніе Европейскою славою, долго было оно единственнымъ почти разсадникомъ правильнаго отчетливаго хозяйства, но со временемъ оно потеряло свое прежнее значеніе и превратилось въ школу для образованія юношества, въ школу, гдѣ преподавалось не одно только Сельское хозяйство, но и другія разнообразныя науки. Это произошло отъ того, что къ Фелленбергу стали пріѣзжать въ послѣдніе годы его жизни не одни только сыновья хозяевъ, но гораздо чаще молодые Англійскіе Лорды, Испанскіе Маркизы, которые нуждались не въ спеціальномъ, а въ общемъ образованіи.

Въ 1841-мъ году, когда я былъ въ Гофвилѣ, тогда находилось тамъ вмѣстѣ три заведенія. Одно для людей богатыхъ, состоятельныхъ, преимущественно для иностранцевъ, получавшихъ тамъ общее, универсальное образованіе, другое для средняго сословія, приготовлявшагося исключительно къ земледѣльческой жизни. Въ этомъ отдѣленіи школы излагаема была съ подробностію наука Сельскаго хозяйства и другія вспомогательныя знанія. Сверхъ того, было еще тамъ, третье заведеніе, состоявшее изъ весьма бѣдныхъ воспитанниковъ, получавшихъ образованіе на иждивеніи почтеннаго Директора. Этихъ воспитанниковъ знакомили съ разными сельскими пріемами, полевыми работами, съ нѣкоторыми ремеслами и еще въ добавокъ, самая школа заботилась объ обезпеченіи ихъ будущей жизни. Не смотря на преклонные годы Фелленберга, все заведеніе до самой его смерти одушевлено было одною мыслью, однимъ чувствомъ; вездѣ видна была необыкновенная дѣятельность, жизнь и рвеніе къ общественной пользѣ. Строгая нравственность и постоянное стремленіе къ добру, вотъ что составляло отличительный ха-

Digitized by Google

рактеръ этой школы, такъ долго пользовавшейся Европейскою славою.

Въ Бельгіи образовалась недавно земледѣльческая школа близъ Брюсселя. Въ Литтихѣ, Профессоръ Моренъ уже 3-ій годъ читаетъ въ Университетѣ курсъ Сельскаго хозяйства. Ему недостаетъ конечно практическихъ знаній о сельской промышленности; но онъ за то превосходный Ботаникъ и Физіологъ, а что важнѣе, человѣкъ съ большими способностями, даровитый, умѣющій излагать всякую науку ясно, отчетливо и занимательно, а потому его лекціи принесутъ безъ сомнѣнія его слушателямъ много пользы.

Въ Венгріи существуетъ земледѣльческій институтъ, впрочемъ до сихъ поръ еще не получившій надлежащаго развитія. *Въ Царствѣ Польскомъ*, а именно близъ самой Варшавы, въ Маримонтѣ находится тоже сельскій институтъ. Директоромъ его въ настоящее время Г. Очаповскій, бывшій нѣкогда Профессоромъ Виленскаго университета, человѣкъ, извѣстный многими своими хозяйственными сочиненіями. Этотъ институтъ къ сожалѣнію, значительно отсталъ отъ другихъ подобныхъ заведеній, существующихъ въ Европѣ. Это зависитъ отъ того именно, что во первыхъ средства его весьма недостаточны; во вторыхъ изъ числа преподавателей находится очень не много людей, хорошо знакомыхъ съ практикою, съ улучшенными сельскими пріемами.

Обратимся въ заключеніи къ характеру земледѣльческой образованности *въ Россіи*, къ тѣмъ сельскимъ школамъ и училищамъ, которыя существуютъ въ нашемъ отечествѣ.

Первая у насъ земледѣльческая школа была учреждена въ прошедшемъ еще столѣтіи, а именно 30 го Апрѣля 1797 года, въ 24 верстахъ отъ Петербурга въ деревни Терлевой, съ цѣлью приведенія сельскаго домоводства въ успѣшный порядокъ и надлежащее устройство. Отведено было земли около 260 десятинъ, назначена была большая сумма на содержаніе заведенія, причисленнаго къ Департаменту Удѣловъ, изъ Московскаго Университета приглашены были студенты для преподаванія разныхъ наукъ, а въ 1801 году заведено другое примѣрное усадьбище въ Смоленской Губерніи, въ Михайловскомъ Приказѣ, при деревнѣ Полянѣ.

Digitized by Google

Эта первая попытка распространенія въ Государствѣ улучшеннаго хозяйства была не совсѣмъ удачною; вотъ какъ Министръ Удѣловъ въ докладѣ своемъ представленномъ Императору Александру 27 Октября 1803 года (1) отзывался объ этомъ предметѣ.

„Въ теченіи пяти лѣтъ существованія школы на построеніе оной и Смоленьскаго усадьбища, на разныя заведенія, „на содержаніе учениковъ и служителей употреблено 206,029 „рублей, а существенной прибыли получено деньгами только 1087 рублей, а ученіемъ ничего. Изъ дѣлъ и свѣдѣній, „поступающихъ въ Департаментъ видно, что крестьяне назначаемые въ школу выбираются тѣмъ же порядкомъ, какъ и рекруты. Все селеніе почитаетъ ихъ мертвыми или безвозвратно для нихъ потерянными. Ихъ также оплакиваютъ, также „провожаютъ какъ и рекрутъ. Поборы для высылки оныхъ въ „школу обращаются крестьянамъ въ крайнее отягощеніе; молодые поселяне, отторгнутые отъ дома родительскаго, отъ „собственнаго пепелища, отъ женъ своихъ и дѣтей, ѣдутъ въ „школу съ твердымъ намѣреніемъ забыть немедленно по возвращеніи въ домы свои выученныя ими въ оной правила съ „тѣмъ, чтобы истребить память долговременной ихъ разлуки. „Жены же иныхъ учениковъ почитаютъ ихъ умершими, между тѣмъ выходятъ за другихъ за мужъ, а домы ихъ продаются какъ вымороченые....."

Таковы были послѣдствія перваго опыта учрежденія земледѣльческихъ школъ. Министръ удѣловъ вынужденъ былъ для сохраненія казенныхъ выгодъ и спокойствія поселянъ всеподданѣйше просить Императора Александра объ уничтоженіи земледѣльческой школы съ Смоленскимъ ея усадбищемъ. — 27-го Октября 1803 года эта школа была по Высочайшему повелѣнію закрыта.

Прошло лѣтъ около 20ти и Россія не имѣла никакой земледѣльческой школы. Между тѣмъ въ Германіи явился Тэеръ, образовалась Меглинская Академія, наука раціональнаго хозяйства начала быстро развиваться, во всей Европѣ смотрѣ-

(1) Полное собраніе законовъ. часть 23 стр. 957—963.

Digitized by Google

ли на нее какъ на вѣрнѣйшее средство умноженія благосостоянія народа. Наука постепенно распространялась во всѣхъ государствахъ и скоро привлекла къ себѣ сочувствіе многихъ нашихъ сановниковъ и просвѣщенныхъ хозяевъ. Необходимость подвести занятія хозяевъ подъ извѣстныя правила и законы, желаніе имѣть и въ Россіи школу, которая была бы разсадникомъ для правильнаго, отчетливаго хозяйства, сдѣлались у насъ какою то необходимостію, важнѣйшею потребностію въ Государствѣ. Москвѣ, сердцу Россіи, суждено было первой удовлетворить этой потребности и образовать у себя въ столицѣ школу, которой назначеніе было возвысить сельское хозяйство на степень науки, распространить о немъ правильныя понятія въ Государствѣ и возбудить въ сословіи земледѣльцевъ стремленіе къ разумному познанію предмета ихъ занятій.

Въ это время Московскимъ Военнымъ Генералъ Губернаторомъ былъ Русскій Вельможа, Князь Дмитрій Владиміровичь Голицынъ, страстно любившій Сельское Хозяйство, вполнѣ сознававшій важность науки и доказывавшій безпрестанно, что для успѣховъ въ Россіи сельской промышленности важнѣйшее средство — наука. Въ это же самое время, а именно въ 1822 году прибылъ въ Москву молодой ученый М. Г. Павловъ, назначенный быть Профессоромъ Сельскаго Хозяйства въ Московскомъ Университетѣ, человѣкъ съ основательнымъ образованіемъ, логическою стройностію мыслей, страстный охотникъ до всякихъ системъ, теорій, классификацій, доказывавшій въ теченіи 15 лѣтъ все одно и тоже, а именно важность и необходимость наукп. Ласково и привѣтливо встрѣтилъ Князь Д. В. Голицынъ молодаго еще тогда Профессора. Скоро сошлись сановникъ съ ученымъ въ главныхъ своихъ мысляхъ и плодомъ ихъ бесѣдъ было учрежденіе въ Москвѣ Земледѣльческой школы, которой управленіе поручено было Павлову.

Съ участіемъ смотрѣла Россія на эту первую земледѣльческую школу. Правительство, съ самаго начала ея образованія, снабдило это заведеніе нужными для его развитія средствами. Члены Московскаго общества Сельскаго Хозяйства охотно приносили разныя приношенія и дополняли такимъ

Digitized by Google

образомъ недостатокъ денежныхъ средствъ, бывшій ощутительнымъ въ началѣ устройства школы. Помѣщики изъ разныхъ губерній стали присылать въ Москву крестьянъ своихъ въ ученіе, а Рикордъ привезъ сюда двухъ даже уроженцевъ Камчатки и отдалъ ихъ тоже въ школу. Однимъ словомъ начало было превосходное, можно было ожидать для отечества обильнѣйшихъ плодовъ. Нужно было только умѣть дать школѣ приличный характеръ, сообразить ученіе съ нуждами и потребностями того сословія, которому ввѣрялась наука, и тогда безъ сомнѣнія школа принесла бы значительную пользу отечеству; но Павловъ, по моему мнѣнію, не понялъ достаточнымъ образомъ цѣли школы или точнѣе не зналъ какія слѣдуетъ принять у насъ мѣры для того, чтобы вѣрнѣе распространить въ народѣ улучшенное хозяйство.

Павловъ былъ безспорно человѣкъ очень умный, обладавшій удивительною способностію излагать всякую науку ясно, отчетливо и необыкновенно систематически. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ конечно выше многихъ Нѣмецкихъ и Французскихъ ученыхъ и писателей, но съ другой стороны никто изъ знавшихъ его коротко не станетъ, надѣюсь, отрицать того, что Павловъ былъ болѣе мыслитель, философъ, чѣмъ хозяинъ. Получивъ первоначальное свое образованіе въ одномъ изъ тѣхъ заведеній, откуда выходятъ у насъ обыкновенно люди болѣе способные къ отвлеченнымъ, чѣмъ къ положительнымъ знаніямъ, бывши потомъ въ чужихъ краяхъ въ то именно время, когда Нѣмецкая натуральная философія проникала во всѣ отрасли человѣческаго знанія, Павловъ увлекся живымъ, динамическимъ взглядомъ Нѣмецкихъ ученыхъ на природу, а еще болѣе ихъ стройными, великолѣпными системами, къ которымъ онъ по характеру имѣлъ болѣе наклонностей, чѣмъ къ положительнымъ знаніямъ. Ему недоставало ни средствъ, ни времени, ни охоты знакомиться съ разными сельскими пріемами, полевыми работами и вообще съ подробностію сельскаго хозяйства. Вотъ почему кругъ его свѣдѣній, хотя и очень стройный, но къ сожалѣнію былъ весьма тѣсный, ограниченный. Какъ въ Физикѣ, такъ и въ Сельскомъ Хозяйствѣ не любилъ онъ говорить ни о чемъ спеціально, съ подробностію. Всегда уносился онъ къ однѣмъ лишь общимъ мѣстамъ, къ отдаленнымъ причинамъ, къ сущности явленій. Другой его

Digitized by Google

недостатокъ какъ Директора школы былъ тотъ, что онъ не вникалъ надлежащимъ образомъ въ цѣль заведенія, котораго онъ былъ главою, не сознавалъ того, что у насъ, какъ и вездѣ для крестьянъ нужны въ сельскомъ хозяйствѣ другія свѣдѣнія, чѣмъ для помѣщиковъ, что поселяне отдаются въ школу не для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ преподавателей, учителей или философовъ, а для того именно, чтобы дать имъ приличное земледѣльческое образованіе, чтобы приготовить въ школѣ хорошихъ управителей хозяевъ, которые могли бы пріобрѣтенныя ими свѣденія легко приложить потомъ къ дѣлу.

Лишь только прибыли первые ученики въ школу, лишь только засѣлъ Павловъ на каѳедру и тотчасъ началъ онъ объяснять имъ, что для основательнаго изученія сельскаго хозяйства нужно непремѣнно знаніе Химіи, Ботаники, Физики, Геогнозіи, Физіологіи и многихъ другихъ вспомогательныхъ наукъ, вмѣсто того, чтобы объяснять своимъ слушателямъ устройство улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій, знакомить ихъ съ правильнѣйшими методами обработки земли, Павловъ толковалъ имъ о свѣтѣ, объ электричествѣ, о химическомъ сродствѣ, о кислородѣ, водородѣ, объ атомистической и динамической теоріи вещества, о томъ какъ древніе и современные философы объясняютъ сущность растительнаго, животнаго и планетнаго процесса. Конечно всѣ эти свѣдѣнія составляли у него одно только основаніе сельскаго хозяйства, но это основаніе было такъ широко, объемисто, Павловъ такъ любилъ распространяться надъ общими началами всякаго знанія, что для сельскаго хозяйства собственно оставалось у него времени всегда очень немного, а потому его лекціи о земледѣліи, скотоводствѣ и о другихъ вѣтвяхъ сельской промышленности были почти всегда поверхностны и недостаточны.

Не смотря на то, ученики земледѣльческой школы, были всегда въ восхищеніи отъ лекцій Павлова, ибо должно отдать ему справедливость, онъ умѣлъ увлечь вниманіе слушателей, поразить ихъ логическою стройностію своихъ мыслей. Для воспитанниковъ школы казалось несравненно важнѣе, любопытнѣе и занимательнѣе разсуждать о теоріи свѣта или электричества, чѣмъ объ устройствѣ простой крестьянской сохи. Тотъ преподаватель былъ по ихъ мнѣнію умнѣе, того люби-

Digitized by Google

ли они предпочтительно слушать, который бранилъ побольше разныхъ ученыхъ и хозяевъ, доказывалъ, что они ничего не знаютъ, а Павловъ, какъ извѣстно, никого изъ хозяевъ не щадилъ, всѣхъ называлъ эмпириками. Любили, почитали Павлова его ученики, а между тѣмъ, мало существенной пользы пріобрѣтали они отъ его лекцій, и еслибы къ ихъ счастію не было въ Бутыркахъ на опытномъ хуторѣ, старосты, дѣльнаго, опытнаго хозяина, образца Русскаго здраваго смысла, старосты, который и до сихъ поръ еще живетъ, то ни одинъ изъ учениковъ школы не умѣлъ бы отличить сохи отъ плуга, или пшеницы отъ овса, хотя каждому изъ нихъ, при выходѣ изъ школы казалось, что онъ одинъ только въ Россіи раціональный хозяинъ, и что въ своихъ знаніяхъ отстоитъ онъ отъ народа, какъ небо отъ земли.

Павловъ, а въ слѣдъ за тѣмъ нѣкоторые начальники и преподаватели школы твердили безпрестанно, что въ сельскомъ хозяйствѣ всего важнѣе *наука и наука*. Но какой долженъ быть характеръ науки сельскаго хозяйства? Объ этомъ мнѣнія были весьма различны; многіе думали, что цѣль школы будетъ всего лучше и вѣрнѣе достигнута тогда, когда будетъ излагаться не одно только Сельское Хозяйство, а еще двадцать другихъ постороннихъ наукъ, немногіе сознавали ту простую и ясную, кажется, истину, что для земледѣльца, въ особенности для поселянина гораздо полезнѣе и важнѣе знать основательно одну науку Сельскаго Хозяйства, чѣмъ весьма поверхностно 20 разныхъ наукъ и изъ нихъ всего хуже ту именно, для изученія которой онъ посвящаетъ свою жизнь. Воспитанникамъ, преподавались не только различныя вѣтви естественныхъ наукъ, но сверхъ того: Алгебра, Геометрія, Словесность, Исторія, Статистика, Географія, Архитектура, преподавались эти науки потому именно, что каждая изъ нихъ полезна, что заключаетъ въ себѣ любопытныя данныя, чего конечно никто не могъ оспоривать.

Не только во время Павлова, но и теперь еще изъ числа тринадцати, кажется, учителей, находящихся при школѣ, едва одинъ только читаетъ Сельское хозяйство, прочіе учителя преподаютъ другія разныя науки. Любопытно прочесть настоящую програму ученія Московской земледѣльческой школы,

Digitized by Google

любопытно потому именно, что изъ нея не легко можно угадать, земледѣльческая ли это школа, или какая-либо другая. Вотъ эта программа:

1. Законъ Божій, 2. Россійскій языкъ, 3. Математика, а именно Ариѳметика, Геометрія, начальныя основанія Алгебры и Тригонометріи, 4. Землемѣріе, 5. Архитектура, 6. Черченіе плановъ, 7. Физика, 8. Химія и Технологія, 9. Земледѣліе вообще (не умѣю объяснить себѣ смыслъ этого слова *вообще*), 10. Физіологія растеній и садоводство, 11. Лѣсоводство, 12. Описаніе эпизоотическихъ болѣзней скота, 13. Бухгалтерія и счетоводство, 14. Географія и Статистика Россіи, 15. Чистописаніе, 16. Церковное пѣніе.

Всѣ эти разнообразныя науки, преподаваемыя для слушателей, которые, пріѣзжая въ школу, едва писать и читать умѣютъ, излагаются въ теченіи трехъ только лѣтъ. Сельское хозяйство, какъ видно изъ программы, составляетъ самую незначительную часть универсальнаго образованія воспитанниковъ, которыхъ свѣдѣнія по этому предмету остаются обыкновенно весьма недостаточными, и вотъ почему въ послѣдніе годы выпускаемые изъ школы ученики стали занимать мѣста не столько управителей, или хозяевъ, сколько преимущественно конторщиковъ и землемѣровъ.

При описаніи разныхъ земледѣльческихъ школъ, находящихся въ Германіи и во Франціи, я старался показать, что тамъ давно понята уже та разница, которая должна существовать между земледѣльческими школами и институтами. Первыя назначены тамъ для образованія поселянъ, а другія для образованія помѣщиковъ и управителей.

Для того, чтобы земледѣльческія школы могли принести отечеству возможно вѣрную пользу, нужно, какъ прекрасно говорилъ Векерлинъ въ собраніи Нѣмецкихъ хозяевъ въ Потсдамѣ, соблюсти то правило, чтобы образованіе поселянъ было какъ можно проще, чтобы оно соотвѣтствовало ихъ будущимъ занятіямъ и образу жизни. Это основная мысль Гогенгеймской школы, получившей Европейскую славу. Тамъ курсъ ученія продолжается тоже три года, но въ это время воспитанниковъ занимаютъ не тригонометрію, не словесностію, а познаніемъ на самомъ дѣлѣ тѣхъ различныхъ полевыхъ работъ и

Digitized by Google

сельскихъ пріемовъ, которыхъ знаніе необходимо для поселянина. Ученики въ Гогенгеймѣ весь день работаютъ въ поляхъ, и только вечеромъ въ теченіи двухъ часовъ слушаютъ курсъ С. Хозяйства, и то самый популярный. Они вовсе незнаютъ Химіи, ни Ботаники, а между тѣмъ выходятъ превосходнѣйшими хозяевами.

Этотъ планъ ученія принятъ не только въ Гогенгеймѣ, но во всѣхъ новыхъ земледѣльческихъ школахъ во Франціи, въ Германіи и въ другихъ государствахъ. Пусть не думаютъ, чтобы Директоры тамошнихъ заведеній не постигали той простой истины, что знаніе Химіи и Ботаники полезно, они напротивъ понимаютъ это превосходно, такъ какъ знаютъ, что Астрономія, Греческая Словесность и многія другія вѣтви человѣческихъ знаній тоже очень полезны, но съ другой стороны, опытность и здравый смыслъ научилъ ихъ, что чѣмъ болѣе излагается побочныхъ предметовъ въ земледѣльческихъ школахъ, предназначаемыхъ собственно для поселянъ, тѣмъ труднѣе достигаютъ онѣ своей цѣли, тѣмъ болѣе развлекаются воспитанники другими предметами, тѣмъ поверхностнѣе дѣлаются ихъ знанія, тѣмъ больше уклоняются они отъ своего назначенія.

Если такое рѣзкое различіе существуетъ между земледѣльческими школами и институтами, между образованіемъ поселянъ и помѣщиковъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ поселянинъ отличается отъ помѣщика только тѣмъ, что у него вдесятеро меньше дохода и что вынужденъ онъ самъ работать, тогда какъ помѣщикъ имѣетъ достаточно средствъ для того, чтобы нанять поденьщиковъ, то само собою, что у насъ въ Россіи разница между образованіемъ крестьянъ и помѣщиковъ должна быть гораздо явственнѣе, отличительнѣе. Частное, спеціальное воспитаніе каждаго человѣка должно быть, мнѣ кажется, сообразно его нуждамъ и потребностямъ, а въ особенности тѣмъ правамъ, которыми онъ пользуется въ государствѣ. Къ чему учить крестьянина 16-ти разнымъ наукамъ, когда послѣ выхода изъ школы онъ долженъ возвратиться къ занятіямъ, приличнымъ его званію. Къ чему эти многосторонныя свѣдѣнія о походахъ Александра Македонскаго, объ уравненіяхъ второй степени, о кеплеровыхъ законахъ тяготѣнія, когда онѣ не свойственны будущему образу жизни нашего поселянина. Мнѣ кажется

Digitized by Google

что дирекція всякой земледѣльческой школы, не можетъ забыть того обстоятельства, что поселянинъ, выходящій у насъ изъ школы, не пользуется никакими особыми правами какъ только тѣми, которыя свойственны его прежнему званію и состоянію. Свѣдѣнія объ улучшенныхъ орудіяхъ, о правильныхъ способахъ обработки земли и другія тому подобныя знанія, вотъ что составляетъ кругъ ученія поселянина въ земледѣльческихъ школахъ вездѣ за границею. — У насъ менѣе чѣмъ гдѣ либо есть причинъ для разширенія этого круга, и потому должно стараться давать поселянамъ такое именно образованіе, которое соотвѣтствовало бы будущимъ ихъ занятіямъ, образу жизни, и тѣмъ правамъ, которыми они пользуются въ государствѣ.

Гораздо лучше поняла и цѣль и назначеніе свое та школа, которая подъ названіемъ Удѣльнаго земледѣльческаго училища учреждена была въ 1832 году близъ Петербурга за новою Выборгскою заставою по Парголовской дорогѣ.

Двѣсти пятьдесятъ молодыхъ крестьянъ удѣльнаго вѣдомства отъ 16 до 22 лѣтняго возраста получаютъ тамъ образованіе совершенно практическое, сообразное съ ихъ бытомъ. Съ самаго поступленія ихъ въ школу они занимаются разными сельскими работами, прорываютъ канавы для осушенія своихъ полей, пашутъ зеълю, убираютъ хлѣбъ и сѣно, совершаютъ однимъ словомъ всѣ полевыя работы. При школѣ нѣтъ служителей, а сами воспитанники готовятъ себѣ кушанье, шьютъ сапоги, кафтаны, убираютъ въ комнатахъ, ухаживаютъ за скотомъ, починяютъ свои телѣги, орудія и сами содержатъ дворъ и всѣ хозяйственныя строенія въ надлежащей чистотѣ. Образъ ихъ жизни приспособленъ совершенно къ крестьянскому быту, они одѣты въ крестьянскихъ кафтанахъ, живутъ въ простыхъ избахъ, дѣлаютъ сами сохи, бороны и плуги, однимъ словомъ они вовсе не удаляются отъ будущаго своего быта, а напротивъ того подъ руководствомъ просвѣщеннаго своего Директора Матвѣя Андреевича Байкова они приготовляются къ тому, чтобы быть со временемъ хорошими хозяевами и принести такимъ образомъ себѣ и отечеству примѣтную пользу. Въ кабинетѣ машинъ находятся не однѣ только Французскія, Бельгійскія и Американскія земледѣльческія орудія, какъ во многихъ дру-

Digitized by Google

гихъ школахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соха, и косуля, и орало, и малороссійскій плугъ и всѣ вообще Русскія сельскія орудія. Ученики тогда только перестаютъ пахать ими, когда сами убѣдятся на опытѣ, что онѣ уступаютъ достоинствомъ своимъ другимъ улучшеннымъ орудіямъ. — Зимою ученики кромѣ практическихъ своихъ занятій упражняются въ чтеніи, въ писаніи, въ законѣ Божьемъ и въ Ариѳметикѣ; другихъ наукъ тамъ не преподаютъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что эта школа болѣе и болѣе развиваясь принесетъ отечеству несомнѣнную пользу. Изъ заведенія выпускаются ежегодно воспитанники, которые возвращаясь въ свояси, поступаютъ смотрителями общественныхъ запашекъ или устроиваютъ у себя образцовыя усадьбы. Мало по малу послужатъ они средствомъ къ распространенію въ тѣхъ 22 губерніяхъ, гдѣ находятся удѣльныя имѣнія, правилъ улучшеннаго и болѣе отчетливаго хозяйства.

Въ Петербургѣ существуетъ еще другая школа вмѣстѣ земледѣльческая и горнозаводскихъ наукъ, учрежденная въ 1824 году Графинею С. В. Строгоновою. Теоретическій курсъ ученія продолжается до 4 лѣтъ и обнимаетъ кромѣ Сельскаго хозяйства разныя еще вспомогательныя науки. Для практическаго образованія учреждена въ селѣ Марьинѣ, находящемся недалеко отъ столицы практическая школа земледѣлія, гдѣ устроены разной величины образцовыя усадьбы, обработываемыя по разнымъ системамъ для сравненія ихъ относительной выгоды. Въ школу поступаютъ не только крестьяне, но сверхъ того воспитанники изъ другихъ состояній. Изъ учениковъ, принадлежащихъ Графинѣ Строгоновой многіе поступили на ея заводы и въ ея имѣнія въ качествѣ конторщиковъ, управляющихъ и бухгалтеровъ. Нѣкоторые изъ нихъ отправлены были въ чужіе края для усовершенствованія себя въ разныхъ наукахъ и по возвращеніи ихъ изъ за границы получили отпускныя отъ своей благодѣтельницы. Быть можетъ, принятая тамъ система ученія могла бы теперь нѣсколько улучшиться, но съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что благородная, патріотическая заботливость Графини о воспитаніи своихъ крестьянъ и улучшенія хозяйственнаго ихъ быта достойна признательности людей, сочувствующихъ всему благонамѣренному, доброму и полезному.—

Digitized by Google

Кромѣ упомянутыхъ школъ чисто земледѣльческихъ у насъ существуютъ еще другія, имѣющія болѣе спеціальное назначеніе, такъ въ 1804 году открыто было въ Крыму въ Судацкой долинѣ училище винодѣлія, которое долго находилось подъ управленіемъ извѣстнаго Академика Палласа. Другое подобное училище учреждено было Бароном фонъ Биберштейномъ на Кавказѣ.—Въ 1820-мъ году Апрѣля 17-го основаны были два училища въ Полтавѣ и Пензѣ съ цѣлью образованія тамъ свѣдущихъ садоводовъ и распространенія лучшихъ породъ фруктовыхъ деревъ. Московское Общество Садоводства завело тоже школу, въ которой находится обыкновенно до 20 учениковъ, тамъ кромѣ воспитанниковъ принимаются еще ученики работники съ платою 10 р. асс. въ мѣсяцъ, для обученія ихъ практическимъ пріемамъ садоводства. — Всѣ заведенія по части садоводства указомъ 13 Февраля 1842 года раздѣлены теперь у насъ на три разряда, на: 1) главныя училища, имѣющія цѣлью образованіе садоводовъ съ высшими теоретическими и практическими познаніями. Таковыя училища учреждены въ Одессѣ въ Крыму и въ Никитскомъ саду. 2) Училища втораго разряда назначенныя для приготовленія практическихъ садоводовъ находятся въ Пензѣ, въ Астрахани, въ Екатеринославѣ и въ Бессарабіи, наконецъ 3) казенные сады 3-го разряда или питомники полезныхъ садовыхъ растеній учреждены въ Саратовской, Херсонской и Таврической губерніяхъ, а равно и въ учебныхъ фермахъ. — Всѣ эти заведенія образованы еще такъ недавно, что до сихъ поръ не получили онѣ надлежащаго развитія. — Кромѣ сего, Указомъ 11 го Генваря 1843 года открыто было въ Симферополѣ училище шелководства на счетъ процентовъ получаемыхъ съ капитала сельской промышленности южнаго края.—Новороссійское и Закавказское общество Сельскаго хозяйства устроили тоже училища для практическаго образованія управителей и хорошихъ работниковъ.—Профессоръ Павловъ въ 1838-мъ году основалъ было земледѣльческую школу, которая существовала впрочемъ не долго.—Въ Лифляндіи учредили недавно школу луговодства для распространенія свѣдѣній объ орошеніи и осушеніи луговъ. — Кромѣ упомянутыхъ разныхъ училищъ и школъ многіе просвѣщенные наши помѣщики принимаютъ къ себѣ воспитанниковъ для обученія разнымъ предметамъ, относящимся къ сельской про-

Digitized by Google

мышленности, такъ напр. въ Тверской губерніи Г. Кореньевъ для обученія способамъ добыванія и приготовленія торфа, а равно и копенія хлѣба, въ Ярославской губерніи Г. Карновичъ для обученія Фламандскому способа обработки льна, въ Харьковской Г. Колокольцевъ для разныхъ производствъ сахароваренія, въ Казанской Г. Дороговъ для обученія выдѣлки простыхъ и дубленыхъ овчинъ, а въ Московской Г. Рѣшетниковъ для варенія картофельной патоки, обученія *непремѣнно* практической плодосмѣнности (?) и многимъ, очень многимъ (?) другимъ предметамъ (ученики принимаются не моложе 20 лѣтъ). — Всѣ эти хозяева съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ содѣйствуютъ къ распространенію между крестьянами общеполезныхъ свѣдѣній.

Одною безъ сомнѣнія изъ лучшихъ мѣръ для распространенія между казенными и помѣщичьими крестьянами свѣдѣній объ улучшенномъ хозяйствѣ это пріемъ воспитанниковъ въ учреждаемыя Министерствомъ Государственныхъ имуществъ учебныя Фермы. Въ настоящее время учреждаются, онѣ какъ извѣстно, въ 6-ти различныхъ полосахъ Россіи. Нѣкоторымъ изъ нихъ отведено уже приличное колнчество земли, снабжены онѣ отъ Правительства надлежащимъ пособіемъ и отданы въ управленіе людямъ учившимся въ чужихъ краяхъ раціональному хозяйству. Въ каждой фермѣ полагается воспитанниковъ государственныхъ крестьянъ до 150, а изъ помѣщичьихъ около 50-ти человѣкъ. Курсъ ученія продолжается 4 года, ежегодная плата за каждаго частнаго воспитанника въ сѣверной фермѣ (которая находится въ 70 верстахъ отъ Вологды) 60 руб. сер. Воспитанники занимаются сами всѣми полевыми работами и сверхъ того въ зимнее время учатся закону Божьему, Русской грамотѣ, первымъ четыремъ правиламъ Ариѳметики, главнымъ основаніямъ разныхъ частей сельскаго хозяйства, то есть тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя приличны ихъ званію и крестьянскому быту. Подобныя тому правила приняты и для центральной фермы, которая находится близъ города Липецка въ Тамбовской губерніи.

Весьма недавно учреждены у насъ при государственныхъ конныхъ заводахъ спеціальныя коннозаводскія училища, изъ которыхъ Понинковское находится въ Нижегородской губерніи, а другія Лимаревское, Деркульское, Стрѣлецкое и Ново-

Digitized by Google

Александровское въ южныхъ губерніяхъ, а именно въ Харьковской и другихъ. Курсъ ученія продолжается 6 лѣтъ. Нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ разрѣшено было допускать въ эти училища пріемъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Всѣ тѣ заведенія, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, имѣютъ цѣлью распространеніе улучшеннаго хозяйства, преимущественно въ сословіи крестьянъ, но кромѣ сего учреждаемы были въ Россіи, благодаря попеченіямъ Правительства, еще разныя другія заведенія для образованія въ отечествѣ просвѣщенныхъ помѣщиковъ, чиновниковъ и управляющихъ.

Одно изъ первыхъ таковыхъ заведеній было то, которое въ 1834 году Мая 2-го дня торжественно открыто было близъ Дерпта въ мызѣ Алкустгофѣ, принадлежавшей дворянскому предводителю Липгарту. Это заведеніе находилось подъ вѣдомствомъ Дерптскаго Университета и состояло подъ непосредственнымъ управленіемъ Профессора Шмальца. Главными преметами ученія были сельское хозяйство и сельская технологія, сверхъ того разныя вспомогательныя науки. Въ заведеніе принимались студенты Университета, которые два или три года обучались въ Дерптѣ теоретической части Сельскаго хозяйства, сверхъ того и другіе молодые люди изъ высшихъ образованныхъ сословій, не записанные въ Дерптскомъ Университетѣ. Большая часть теперешнихъ преподавателей С. хозяйства и управляющихъ фермами, находящимися подъ вѣдомствомъ Министерства Государственныхъ имуществъ, получили свое первоначальное образованіе въ Алткустгофѣ, но окончивъ тамъ полный курсъ ученія, они чувствовали еще необходимость учиться за границею въ другихъ заведеніяхъ, дабы такимъ образомъ усовершенствоваться въ своихъ знаніяхъ и получить болѣе практическое образованіе. Нельзя однакожь не отдать справедливости этому заведенію, что оно въ Остзейскихъ покрайней мѣрѣ губерніяхъ возбудило между помѣщиками стремленіе къ болѣе раціональному хозяйству. Къ сожалѣнію это заведеніе существовало не болѣе пяти лѣтъ и было послѣ того закрыто.

Другое высшее заведеніе для распространенія въ Государствѣ улучшеннаго хозяйства, это то, которое существуетъ въ Могилевской губерніи, въ Оршанскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Горкахъ, извѣстное подъ названіемъ Горыгорѣцкой земледѣль

Digitized by Google

ческой школы. Нельзя было выбрать мѣста болѣе приличнаго для разсадника улучшеннаго хозяйства какъ Бѣлоруссію, страну извѣстную у насъ своими песками, безплодностію почвы, лѣсами и бѣдностію крестьянъ, страны, гдѣ отъ предпріимчивости только народа, отъ распространенія между нимъ правильнаго, хорошо обдуманнаго хозяйства можно было ожидать средствъ къ умноженію его довольства и благосостоянія. Эта школа, со времени своего образованія, но въ особенности въ послѣдніе 4 года привлекала къ себѣ постоянное вниманіе благодѣтельнаго нашего Правительства, которое одарило ее значительными пособіями и неусыпно заботилось о томъ, чтобы дать ей надлежащее направленіе и средства къ развитію. Она по праву обращаетъ на себя въ настоящее время вниманіе и участіе всѣхъ истинно просвѣщенныхъ нашихъ хозяевъ.

Горыгорѣцкая земледѣльческая школа учреждена была 24 го Апрѣля 1836 года. Къ заведенію причислено было образцовое сельское хозяйство и коренная овчарня. Въ началѣ своего существованія она имѣла цѣлью образованіе однихъ только прикащиковъ и счетчиковъ изъ крестьянъ и другихъ податныхъ состояній. Эта школа получила однакожь со временемъ, а именно въ 1840 году (15 го Августа) совершенное преобразованіе: средства заведенія значительно увеличились, число преподавателей умножилось, практическое и теоретическое образованіе разширилось, курсъ ученія сдѣлался 3-хъ лѣтнимъ, однимъ словомъ, заведеніе развилось, укрѣпилось и бывшій въ 1843 году первый выпускъ 6 воспитанниковъ, получившихъ тамъ надлежащее теоретическое и практическое образованіе, даетъ надежду, что заведеніе оправдаетъ постоянное объ немъ попеченіе Правительства.

Въ 1842 году, по особому Высочайшему повелѣнію, учреждено въ сей школѣ высшее отдѣленіе для доставленія молодымъ людямъ изъ дворянъ, священно-служителей и купечества двухъ первыхъ гильдій средствъ къ изученію сельскаго хозяйства. Въ это заведеніе допускаемы были тѣ только молодые люди, которые получили предварительно достаточное уже образованіе, а именно или окончили полный курсъ въ Гимназіяхъ или пріобрѣли достаточное познаніе въ наукахъ, составляющихъ этотъ курсъ. Цѣль этого постановленія состояла преимущественно въ томъ, чтобы приготовить для Государ-

Digitized by Google

ственной службы чиновниковъ хорошо знакомымъ съ основаніями Сельскаго хозяйства. Въ 1843 году открытъ былъ въ этомъ отдѣленіи первый курсъ воспитанниковъ. Министерство Государственныхъ Имуществъ всячески заботилось, чтобы снабдить это заведеніе хорошими преподавателями, дать ему прилично направленіе и чтобы Горыгорѣцкая школа могла превратиться со временемъ въ живой разсадникъ, служащій къ распространенію науки Сельскаго хозяйства не въ одномъ уже сословіи крестьянъ, но и въ высшихъ слояхъ общества. Не смотря на всю попечительную заботливость Министерства, воспитанниковъ въ этой школѣ, въ которой сельское хозяйство преподается лучше и подробнѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Россіи, находится теперь только 11, и то въ томъ числѣ еще 6 на казенномъ счету (1). Мнѣ кажется, что это явленіе должно приписать не чему либо другому, какъ только тому, что ученики выпускаются изъ школы чиномъ 14 го только класса и что на службѣ они пользуются правами воспитанниковъ учебныхъ заведеній втораго только разряда. Каждому вникавшему хотя нѣсколько въ состояніе нашего просвѣщенія извѣстно, что молодые люди окончившіе у насъ курсъ въ Гимназіяхъ продолжаютъ свое воспитаніе въ тѣхъ преимущественно учебныхъ заведеніяхъ, которыя выпускаютъ учениковъ чинами 12, 10 или 9 го классовъ. Пріобрѣтеніе чина составляетъ для многихъ изъ нихъ главнѣйшую цѣль ученія, а науки, которыми они занимаются, служатъ имъ только средствомъ къ полученію его. Я не сомнѣваюсь, что если бы Горыгорѣцкая школа пользовалась тѣми же правами какъ напр. Школа правовѣдѣнія, или по крайней мѣрѣ какъ Ришельевскій Лицей, то въ одинъ годъ нашлись бы у насъ сотни молодыхъ людей, которые поспѣшилибъ въ школу изъ самыхъ отдаленныхъ частей Россіи и ревностно началибъ учиться Сельскому Хозяйству.

Если я сказалъ, что въ Горыгорѣцкой школѣ находится всего 11 воспитанниковъ, то я конечно не считалъ въ этомъ числѣ тѣхъ 58 учениковъ, которые въ 1843 году поступили въ школу съ Высочайшаго соизволенія изъ духовнаго вѣдомства для приготовленія въ преподаватели науки Сельскаго хозяйства въ духовныхъ семинаріяхъ съ тѣмъ, чтобы они по

(1) Жур. Мин. Госуд. Имущ. 1845. № 1. стр. 24.

Digitized by Google

гли дѣйствовать со временемъ примѣромъ и наставленіями на улучшеніе земледѣлія у полелянъ. Эти ученики выйдутъ не раньше какъ чрезъ полтора года, но и теперь уже въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, какъ на пр. въ Московской и другихъ приступлено къ образованію каѳедръ Сельскаго хозяйства. Эта мысль о распространеніи науки земледѣлія между людьми, готовящимися занять со временемъ мѣста сельскихъ священниковъ, мысль, которая давно уже приведена въ исполненіе въ Австріи и Голландіи принесетъ, безъ сомнѣнія, и нашему отечеству значительную пользу.

Въ заключеніе я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о преподаваніи Сельскаго хозяйства въ Университетахъ. Въ то время, когда нигдѣ еще въ чужихъ краяхъ не было каѳедръ Сельскаго хозяйства, здѣсь въ Московскомъ Университетѣ нѣкто Аѳонинъ, ученикъ Линнея, другъ Палласа читалъ уже лекціи о земледѣліи и своимъ краснорѣчіемъ увлекалъ вниманіе слушателей. Получивъ отъ Потемкина землю въ Новороссійскомъ краѣ, онъ переселился туда и навсегда оставилъ Московскій Университетъ. Послѣ его, каѳедра была занята нѣсколько другими преподавателями, получившими большую или меньшую извѣстность. Наука въ то время была у насъ, какъ и вездѣ въ Европѣ, еще такъ молода, что она не могла получить извѣстнаго, опредѣленнаго характера. Тогдашніе Профессора думали, что наука Сельскаго хозяйства есть прикладная Ботаника или Зоологія, что ея дѣло разсуждать о химическомъ составѣ почвъ, о явленіяхъ растительной и животной жизни, о дѣятеляхъ природы и тому подобное. Нѣкоторые изъ нихъ послѣ того какъ сочиненіе Тэера, распространилось, думали, что наука Сельскаго хозяйства есть какое то отвлеченное книжное знаніе. Они читали свои лекціи большею частію по Нѣмецкимъ учебникамъ и были убѣждены, что въ Русскомъ хозяйствѣ все рутина, да эмпиризмъ, они не хотѣли, не умѣли подмѣтить хорошей, разумной стороны нашего хозяйства, учили все на чужой ладъ, и потому ихъ ученіе не могло привлечь сочувствія хозяевъ, не перешло въ жизнь, осталось въ однѣхъ лишь аудиторіяхъ. Въ 1822 году вступилъ въ Московскомъ Университетѣ на каѳедру сельскаго хозяйства Профессоръ Павловъ, имѣвшій безспорно болѣе вѣрный взглядъ на предметъ своей науки, чѣмъ многіе его предшественники. Онъ своими лекціями и сочи-

Digitized by Google

неніями обратилъ на себя вниманіе многихъ просвѣщенныхъ нашихъ хозяевъ и образовалъ своимъ ученіемъ особую школу, которая и теперь еще имѣетъ много приверженцевъ, школу, которой характеръ: строить великолѣпныя системы, теоріи и классификаціи, презирать мнѣніями практическихъ, опытныхъ хозяевъ и говорить всегда общими мѣстами. Павловъ превосходно обозначилъ содержаніе науки Сельскаго хозяйства, рѣзкими чертами отдѣлилъ ее отъ другихъ человѣческихъ знаній, сдѣлалъ раздѣленіе науки весьма удачное, логическое, болѣе естественное, чѣмъ то, которое принято въ Нѣмецкихъ учебныхъ книгахъ, но за то построивъ разъ великолѣпное зданіе своей науки, раздѣливъ ее на красивые, симметрическіе отдѣлы, онъ мало заботился о внутренней отдѣлкѣ зданія, о томъ чтобы разобрать, изучить съ подробностію самый предметъ своихъ занятій, а потому на своихъ лекціяхъ онъ вынужденъ былъ очень часто прибѣгать къ общимъ мѣстамъ и потому онъ не принесъ своимъ преподаваніемъ столько пользы, сколько можно было ожидать отъ него, какъ отъ человѣка необыкновенно умнаго и весьма основательно образованнаго.

Каѳедры Сельскаго Хозяйства образовались и въ другихъ Русскихъ Университетахъ. Въ Петербургѣ съ 1836 года поручено было преподавать эту науку С. М. Усову, редактору Земледѣльческой газеты. Слушателей было у него сначала немного, но съ образованіемъ въ Петербургскомъ Университетѣ факультета камеральныхъ наукъ число это увеличилось. — Въ Дерптѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ читалъ С. Хозяйство Профессоръ Шмальцъ. Его имя въ Россіи мало извѣстно, но въ Германіи онъ пользуется гораздо большею извѣстностію. Лекціи свои читалъ онъ по Нѣмецки, въ способѣ своего преподаванія, въ характерѣ его ученія отражался вполнѣ Германскій духъ, даже хозяйственные опыты, на которыя онъ безпрестанно ссылается въ своихъ сочиненіяхъ, дѣланы имъ были не столько въ Лифляндіи, сколько преимущественно въ Пруссіи и въ Альтенбургѣ. Вотъ почему умалчиваю о трудахъ этого хозяина, хотя и очень извѣстнаго въ Германіи, но несмотря на то, мало содѣйствовавшаго къ развитію у насъ въ Россіи улучшеннаго хозяйства.

21-го Апрѣля 1836 года предоставлено было Министерству Народнаго Просвѣщенія открывать по мѣрѣ приготовле-

Digitized by Google

нія преподавателей каѳедры Агрономическихъ наукъ и въ другихъ Университетахъ. Двѣнадцать молодыхъ людей, избранныхъ изъ Горнаго и Лѣснаго Институтовъ посланы были въ Дерптъ къ Профессору Шмальцу, а оттуда въ Тарантъ къ извѣстному Лѣсничему Котта, подъ наблюденіемъ котораго они получили свое образованіе. Возвратившись въ Россію, они большею частію поступили подъ вѣдомство Министерство Государственныхъ Имуществъ. Двое только, а именно Г. Пелль и Г. Цинъ назначены въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ преподавателями С. Хозяйства первый въ Казанскій Университетъ, а другой въ Ришельевскій Лицей.

Въ 1837 году въ Университетъ Св. Владиміра назначенъ преподавателемъ Сельскаго Хозяйства отставной Прусскій офицеръ Мерцъ, въ 1844 году въ Московскій Университетъ опредѣленъ въ должность Профессора служившій нѣкогда по вѣдомству Министерства Государственныхъ Имуществъ Линовскій, а въ Харьковсыій — назначенъ въ должность Адъюнкта Кандидатъ С.-Петербургскаго Университета Владиміръ Кочетовъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ принята была Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія особенная мѣра для распространенія въ Государствѣ науки Сельскаго Хозяйства. Трое преподавателей, только что возвратившихся изъ чужихъ краевъ прикомандированы въ должности Адъюнктовъ къ разнымъ учебнымъ округамъ съ тѣмъ, чтобы въ зимнее время они читали въ разныхъ Губернскихъ городахъ, гдѣ нѣтъ Университетовъ лекціи Сельскаго хозяйства.

Вотъ въ краткости то состояніе земледѣльческой образованности, которое замѣчается у насъ въ Россіи въ настоящее время. Много и очень много сдѣлано уже благодѣтельнымъ нашимъ Правительствомъ для распространенія въ народѣ науки Сельскаго хозяйства, но чтобы брошенныя сѣмена могли какъ можно скорѣе приняться и развиться, желательно было бы, дабы приняты были нѣкоторыя еще дополнительныя мѣры.

По моему мнѣнію, поселянину, которому суждено всю жизнь пахать или молотить, нужно имѣть совсѣмъ другія свѣдѣнія о Сельскомъ хозяйствѣ, чѣмъ помѣщику, который назначенъ управлять не лоскуткомъ земли, а большимъ имѣніемъ, который долженъ заботиться о благополучіи не только своемъ,

Digitized by Google

но сотни, тысячи подвѣдомственныхъ ему крестьянъ. Образованіе каждаго человѣка должно быть по моему убѣжденію, сообразнее и потребностямъ его и будущему образу его жизни. Я говорю конечно не объ общемъ образованіи, какое дается въ Гимназіяхъ или Университетахъ, а о томъ именно частномъ образованіи, которое распространяется въ спеціальныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ цѣлью приготовленіе для отечества гражданъ полезныхъ своими свѣдѣніями.

1. Для крестьянъ весьма достаточно, да и едва ли не всего важнѣе знаніе, какъ работать улучшенными орудіями, какъ лучше обработывать землю, какъ тщательнѣе ухаживать за скотомъ. Не химіи, не тригонометріи слѣдуетъ ихъ учить, а должно показывать имъ по просту какъ лучше пахать, боронить, убирать хлѣбъ, какъ правильнѣе производить всякія работы. Къ этому благоразумно будетъ конечно присоединить знаніе Закона Божья, Русской грамоты, ариѳметики; но не больше. Удѣльное училище находящееся близъ Петербурга, сѣверная образцовая Ферма, учрежденная недавно близъ Вологды, могутъ служить образцами для подобныхъ заведеній. Крестьяне, получивъ тамъ простое, но приличное ихъ быту воспитаніе, возвратясь въ свояси, дѣлаются хорошими хозяевами, укажутъ своимъ собратьямъ примѣръ, какъ лучше работать и хозяйничать, какъ получать изъ даннаго лоскутка земли возможно большій доходъ.

2. У людей изъ податнаго и другихъ разныхъ состояній, приготовляющихся въ управители и въ прикащики, у лицъ изъ духовнаго званія, имѣющихъ въ виду полученіе мѣстъ приходскихъ священниковъ или преподавателей въ семинаріяхъ у всѣхъ этихъ людей хозяйственныя свѣдѣнія должны быть гораздо полнѣе, обширнѣе и отчетливѣе, чѣмъ у крестьянъ. Имъ нужно быть знакомымъ не только съ производствомъ полевыхъ работъ, съ разными сельскими пріемами, но сверхъ того и съ цѣлою организаціею имѣнія, съ тѣмъ, какъ всего выгоднѣе управлять имъ при данныхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ. Имъ нужно учиться не въ земледѣльческой школѣ, но въ высшемъ сельскомъ заведеніи, въ институтѣ, въ которомъ излагалось бы сельское хозяйство не въ видѣ ремесла или искусства, но въ видѣ полной самостоятельный науки, гдѣ каждая ея часть преподавалась бы съ надлежащею подробностію и отчетливостію, какъ это

Digitized by Google

и дѣлается у насъ на пр. въ Горыгорѣцкой земледѣльческой школѣ. Главнѣйшая цѣль этихъ высшихъ заведеній должна бы состоять по моему мнѣнію въ томъ, чтобы приготовлять хорошихъ управляющихъ, въ которыхъ замѣчается у насъ такой недостатокъ. Вмѣсто старостъ обыкновенно закоснѣлыхъ въ своихъ предразсудкахъ, вмѣсто Нѣмцевъ экономовъ, всегда почти незнакомыхъ ни съ нравами и обычаями, ни съ потребностями нашихъ крестьянъ, мы имѣли бъ Русскихъ управляющихъ, людей образованныхъ, которые своими техническимъ свѣдѣніями моглибъ принести большую пользу какъ разнымъ хозяйствамъ въ частности, такъ и вообще цѣлому отечеству.

3. Если знаніе Сельскаго Хозяйства полезно для крестьянъ, для мѣщанъ, для духовенства, то какъ важно, какъ необходимо должно быть послѣ того это знаніе для дворянъ, для людей владѣющихъ огромнѣйшими часто помѣстьями, распоряжающихся участью и бытомъ сотни, тысячи подвѣдомственныхъ имъ крестьянъ. Много есть у насъ разныхъ, школъ и училищъ, гдѣ преподается Сельское Хозяйство, но до сихъ поръ не было почти ни одного примѣра, чтобы поступали тамъ дворяне, сыновья помѣщиковъ, которымъ однакожъ это знаніе должно быть важнѣе, чѣмъ для кого либо изъ другихъ сословій. Если кто изъ дворянъ учится у насъ сельскому хозяйству, то это въ однихъ только Университетахъ, гдѣ до сихъ поръ предметъ этотъ причисляется къ отдѣленію естественныхъ наукъ и гдѣ нѣтъ потому возможности излагать его съ надлежащею подробностію, гдѣ нѣтъ для того ни времени ни средствъ. Студенты слушаютъ этотъ предметъ точно такъ, какъ Астрономію, какъ сравнительную Анатомію съ тѣмъ, чтобы послѣ выхода своего изъ Университета болѣе или менѣе забыть объ немъ. — По моему убѣжденію если для надлежащаго образованія крестьянъ въ земледѣльческихъ школахъ полагаются 3 или 4 года, то не подлежитъ сомнѣнію, что и для образованія дворянина нужно по крайней мѣрѣ столько же времени, ибо его образованіе должно быть гораздо многостороннѣе, обширнѣе и основательнѣе. Не школу, не институтъ желательно бы имѣть для дворянъ, а высшее сельское заведеніе — Академію, гдѣ съ надлежащею подробностію преподавались бы всѣ науки, необходимыя для каждаго просвѣщеннаго хозяина. Если существуютъ у насъ

Digitized by Google

Академіи для военнаго, духовнаго, купеческаго сословія, для художниковъ, медиковъ, то отъ чегожъ не имѣть бы Академію для дворянъ, которыхъ обязанности безспорно не менѣе важны и трудны, чѣмъ обязанности офицера или купца. — Управленіе судьбою нѣсколькихъ тысячь людей достойно того, чтобы быть подведено подъ извѣстныя правила указанныя наукою. Пусть Гимназіи, пусть Университеты разливаютъ у насъ общее образованіе, равно благодѣтельное для всѣхъ сословій, но кромѣ этого общаго образованія нужно развить еще и частное, нужно приготовлять людей, изъ которыхъ бы каждый могъ быть по своему званію полезнымъ отечеству.— Дворянинъ въ Россіи всегда, но въ особенности въ мирное время, когда нѣтъ ему надобности защищать отечество на полѣ битвы имѣетъ другое не менѣе важное призваніе, а именно развивать внутреннія силы своего Государства и вмѣстѣ съ тѣмъ улучшать быть того сословія, которое ввѣрено его управленію. А для этого нужно непремѣнно отчетливое знаніе, наука.— Офицеры, купцы, медики, священники, художники не достигаютъ у насъ успѣшно цѣли своего призванія, если предварительно не получили основательнаго образованія въ учрежденныхъ для ихъ спеціальнаго воспитанія Академіяхъ. Мнѣ кажется, что точно тоже должно быть для дворянъ, и вотъ почему я полагаю, что учрежденіе земледѣльческой Академіи было бы благодѣтельнѣйшею у насъ мѣрою. Само собою, что преподаваніе должно быть тамъ гораздо многостороннѣе, чѣмъ въ земледѣльческихъ школахъ или въ институтахъ; не одна только наука Сельскаго Хозяйства, но многія другія смежныя знанія должны бы войти въ составъ Академическаго преподаванія. Дворянинъ не то, что работникъ или управляющій. Ему нужно быть знакомымъ не только съ хозяйствомъ одного лоскутка земли или одного имѣнья, но сверхъ того съ хозяйствомъ цѣлаго государства, съ потребностями всего народа. Онъ долженъ конечно прежде всего знать, какъ слѣдуетъ ему хозяйничать, чтобы получить изъ своего имѣнья самой большой доходъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обязанъ заботиться постоянно и объ участи тѣхъ поселянъ, которые ввѣрены его управленію, онъ долженъ стараться тоже и о томъ, чтобы его дѣятельность соотвѣтствовала видамъ Правительства и общимъ интересамъ отечества. Вотъ почему желательно было бы, чтобы въ такой Академіи преподавалось не одно только Сельское Хозяйство

Digitized by Google

со всею подробностію, но и Политическая экономія и Наука государственнаго Хозяйства, и Статистика, и тѣ отрасли законовѣдѣнія, которыхъ знаніе необходимо для каждаго просвѣщеннаго хозяина. Если бы существовала такая Академія, тогда несомнѣнно она наполнилась бы быстро сотнями дворянъ, но для того, чтобы привлечь ихъ сначала вѣрнѣе къ этому заведенію, нужно бы даровать ему извѣстныя права. Если студентъ выучившійся въ Университетѣ Дифференціальному исчисленію или напр. древнимъ языкамъ получаетъ чинъ 10 го класса; то я думаю, что и тотъ другой студентъ, который имѣлъ бы возможность изучить подробно и основательно науку Сельскаго хозяйства и былъ бы надлежащимъ образомъ знакомъ съ различными источниками богатства и могущества своего отечества, имѣлъ бы тоже право надѣяться, что бладѣтельное правительство даруетъ ему подобныя права, подобное же значеніе въ обществѣ. —

Если бы такое высшее сельское заведеніе, предполагаемое для дворянъ могло когда нибудь осуществиться, то не подлежитъ сомнѣнію, что оно должнобъ быть учреждено не въ городѣ, не въ столицѣ, а гдѣ нибудь въ деревни, въ степи, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ всего лучше выражалсябъ характеръ нашего Русскаго земледѣлія, гдѣ всего вѣрнѣе могли бы учащіеся познакомиться съ нуждами и потребностями нашихъ помѣщиковъ и поселянъ, гдѣ всего скорѣе теорія и практика Сельскаго Хозяйства могли бы слиться въ одно отчетливое, основательное знаніе. Трудно было бы конечно найти сначала для подобнаго заведенія вполнѣ достойныхъ преподавателей, основательно знакомыхъ съ своимъ предметомъ, тѣмъ болѣе, что наука земледѣлія по сихъ поръ еще въ дѣтствѣ и потому не укрѣпилась достаточнымъ образомъ, но съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что при постоянномъ попеченіи благодѣтельнаго нашего Правительства, всегда такъ дѣятельно и заботливо пекущагося о развитіи и улучшеніи у насъ Сельскаго Хозяйства, при содѣйствіи просвѣщенныхъ нашихъ хозяевъ, принимающихъ всегда живѣйшее участіе въ каждой мѣрѣ, обѣщающей истинную пользу отечеству, подобная Академія съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе бы развивалась, укрѣплялась и служилабы докательствомъ того, что въ С. Хозяйствѣ, какъ и въ другихъ чело

Digitized by Google

вѣческихъ занятіяхъ наука не можетъ быть дѣломъ лишнимъ и что отъ разумнаго, отчетливаго познанія каждаго предмета. можно ожидать всего болѣе плодовъ зрѣлыхъ и сладкихъ.

Вотъ въ краткости мое мнѣніе о томъ, какой характеръ слѣдовало бы дать ученію Сельскаго Хозяйства, въ Россіи и въ какомъ видѣ можно бы было излагать этотъ предметъ для разныхъ сословій. Слабо мое слово, ошибочно, быть можетъ, мое мнѣніе, но я счастливъ буду, если эта статья обратитъ хотя нѣсколько вниманіе просвѣщенныхъ нашихъ хозяевъ на важность изслѣдованнаго мною предмета и возбудитъ въ нихъ желаніе высказать подобнымъ же образомъ открыто свое мнѣніе о томъ какія слѣдовало бы принять у насъ въ Россіи мѣры для того, чтобы наука Сельскаго Хозяйства оставалась не однимъ лишь книжнымъ ученіемъ, но чтобы она приносила отечеству какъ можно болѣе явственной и ощутительной пользы. Душевно желаю, чтобы этотъ вопросъ получилъ рѣшеніе болѣе полное и удовлетворительное.

Ярославъ Линовскій.

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ.

КОЛОКОЛА

Чудесная повѣсть о колоколахъ, отзванивающихъ Старину и привѣтствующихъ Новый годъ.

ЧАРЛЯ - ДИККЕНСА.

ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ.

Мало такихъ людей, — но, прежде всего нужно, чтобы разскащикъ повѣсти, и читатель повѣсти совершенно понимали другъ друга; и потому прошу вѣрить, что замѣчаніе мое относится не къ однимъ молодымъ людямъ, или къ однимъ простолюдинамъ, но ко всѣмъ состояніямъ людей вообще: къ малымъ и великимъ, къ молодымъ и старымъ; къ людямъ еще недозрѣлымъ, и къ людямъ уже перезрѣлымъ; — мало людей, говорю я, которые согласились бы спать въ церкви. Я разумѣю не въ жаркіе дни лѣта, и не во время проповѣди, когда такъ спокойно сидишь на своемъ мѣстѣ (что раза два, три, случалось), на лавкахъ нашей Англійской церкви, но спать въ церкви одному и ночью! Знаю, что многіе удивятся предположенію заснуть въ церкви, думая что я говорю о снѣ среди бѣла дня; но это предположеніе мое относится къ ночи; немногіе, повторяю я, согласятся спать ночью въ церкви, и я берусь доказать это всякому спорщику, въ бурную зимнюю ночь, на старомъ кладбищѣ, при дверяхъ старой церкви, если онъ только позволитъ запереть себя въ ней, для лучшаго и вѣрнѣйшаго убѣжденія.

Ночной вѣтеръ ходитъ угрюмо около старой церкви, ходитъ и стонетъ; невидимой рукою трясетъ окончины двери, и

Digitized by Google

ищетъ щели, куда бы пробраться. Когда же удастся ему войти, то кричитъ и реветъ, какъ будто не нашелъ чего искалъ, стремится выйти вонъ, бросается по стѣнамъ церкви, ползетъ вокругъ столбовъ, взбирается на органъ, кидается къ своду и силится разломать связи; потомъ вдругъ бѣшено падаетъ на плиты помоста, и глухо ворча пробирается подъ склепы; .... вотъ, онъ опять воротился, потихоньку скользитъ вдоль стѣнъ, кажется, будто въ полголоса читаетъ надписи надъ мертвецами, надъ одними свиститъ и хохочетъ, надъ другими плачетъ и жалуется. Съ тѣми же жалобными звуками мечется онъ внутри алтаря, будто поетъ горестную пѣснь объ осквернении святаго мѣста, о неправдахъ, о убійствахъ, о поклоненіи ложнымъ богамъ, о нарушеніи скрижалей столько разъ опозоренныхъ и разбитыхъ. — Ухъ, сохрани насъ Богъ! Сидящихъ спокойно у теплаго камина! Увѣряю васъ, что страшенъ мрачный голосъ вѣтра, когда онъ въ полночь воетъ въ церкви.

Если же вѣтеръ взберется на колокольню....о, тамъ-то онъ свиститъ и реветъ! на колокольнѣ, гдѣ онъ свободно можетъ входить и выходить сквозь множество воздушныхъ аркадъ, сквозь узкія отверстія оконъ; гдѣ вертится онъ по лѣстницѣ, колышетъ на скрыпучемъ флюгерѣ вертящагося пѣтуха, и качаетъ всѣ камни на башнѣ; — на колокольнѣ, гдѣ виситъ колоколъ набатный, гдѣ ржавчина грызетъ желѣзныя рѣшетки, гдѣ полосы мѣди и свинца, сморщенныя перемѣнами погоды, трещатъ подъ непривычными ногами; гдѣ птицы вьютъ бѣдныя гнѣзда между старыми, дубовыми бревнами, гдѣ сѣдая пыль накоплена вѣками; гдѣ пестрые пауки, растолстѣвшіе въ беззаботномъ привольѣ, лѣниво качаются на нитяхъ, потрясаясь колокольнымъ звономъ, и не покидаютъ никогда воздушныхъ своихъ палатъ и не знаютъ тѣхъ внезапныхъ тревогъ, которыя принуждаютъ другихъ пауковъ, менѣе счастливыхъ, взбираться проворно вдоль тонкихъ паутинъ своихъ, подобно матросу по веревкѣ, или стремглавъ бросаться на землю, чтобы спасать жизнь отчаяннымъ бѣгствомъ. — Да, на колокольнѣ старой церкви, высоко надъ шумомъ и освѣщеніемъ города, въ тѣни летящихъ облаковъ, бываютъ часы страшные и дикіе середи ночи! А тѣ колокола, о которыхъ я вамъ разсказываю, находились именно на колокольнѣ старинной церкви.

Digitized by Google

Это были, повѣрьте мнѣ, очень старые колокола. Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ они крещены были епископами, столько вѣковъ, что и метрика о крещеньи ихъ съ незапамятныхъ временъ потеряна; потому то никто даже не зналъ, какъ ихъ зовутъ. Однакоже и у нихъ были крестные отцы и крестныя матери; (что до меня касается, то охотнѣе пошелъ бы я въ отцы крестные колоколу, нежели ребенку) · · эти колокола были нѣкогда одарены и украшены серебромъ. Но время подкосило ихъ строителей, а Генрихъ VIII перелилъ украшенья на деньги; теперь, они висѣли безъименные и безукрашенные на церковной башнѣ.

Однакожь, хотя безъ имени, но не безъ языка висѣли они; напротивъ: голосъ ихъ былъ силенъ, звонокъ, чистъ и далеко разносился по вѣтру: эти могучіе, тяжелые колокола не зависѣли отъ прихотей вѣтра; они храбро боролись съ нимъ, и возносясь надъ его противнымъ дуновеніемъ, торжественно и внятно поражали внимательное ухо, когда въ бурную ночь хотѣлось имъ достичь до слуха бѣдной матери, сидящей надъ больнымъ сыномъ, или скорбящей жены, которой мужъ былъ на морѣ. — Случалось даже, что звонъ ихъ одолѣвалъ порывы буйнаго Нордъ Веста. „Все это какъ имъ угодно,“ — говорилъ Тоби Викъ; — хотя обыкновенно его называли Тротти Викъ, но настоящее его имя было Тоби и безъ парламентскаго акта никто не имѣлъ права измѣнить имя, которымъ нареченъ онъ былъ при законномъ крещеніи, происходившемъ конечно не съ такимъ торжествомъ и не съ такими народными празднествами, какъ нѣкогда крещеніе колоколовъ, коихъ имя такъ безпощадно забыто.

Я съ своей стороны, совершенно раздѣляю мнѣніе Тоби Вика; ему довольно предстояло случаевъ убѣдиться въ этомъ, и все, что говоритъ Тоби Викъ, говорю и я съ нимъ вмѣстѣ; хотя вмѣстѣ съ нимъ быть довольно утомительно, ибо онъ цѣлый день стоялъ подлѣ угла наружныхъ воротъ церкви. Тоби Викъ былъ коммиссіонеръ-разсыльщикъ, и стоялъ тутъ, ожидая какого нибудь порученія.

Да, Тоби Викъ очень хорошо зналъ, каково щелкать зубами на холодномъ вѣтру, съ посинѣвшимъ носомъ, съ покра-

Digitized by Google

снѣвшими глазами, и съ оледенѣвшими ногами. Вѣтеръ набѣгалъ на него прямо съ угла площади, — особенно враждовалъ съ нимъ восточный вѣтеръ. — Казалось, онъ поднимался до конца земли, чтобы дуть рѣзкимъ своимъ дыханіемъ на Тоби. Этотъ коварный вѣтеръ нападалъ по большей части неожиданно, обвивалъ Тоби со всѣхъ сторонъ и казалось, кричалъ ему: „попался!“ Напрасно Тоби накрывалъ голову маленькимъ холстиннымъ фартукомъ, какъ дѣлаютъ избалованные дѣти; напрасно его маленькая, слабая палочка противилась неровному бою; колѣни его дрожали, всѣмъ тѣломъ перевѣшивался онъ то на право, то на лѣво, топалъ ногами, вѣтеръ толкалъ его, и билъ, и мучилъ, и тормошилъ, и дергалъ, и рѣшительно должно признать чудомъ, что не поднималъ на воздухъ и не переносилъ какъ лягушку, или улитку или какое нибудь другое переносное существо, въ какую нибудь дальнюю сторону, къ великому удивленію жителей, которымъ коммиссіонеры-разсыльщики были вѣроятно незнакомы.

И не смотря на свою суровость, вѣтреный день былъ для Тоби праздничнымъ сравнительно съ прочими его днями. Ему казалось, что при вѣтрѣ шести-пенсовая монета скорѣе доходитъ къ нему въ руки; необходимая борьба съ буйной стихіей разсѣевала его и отвлекала отъ чувства голода и унынія. И морозъ, и снѣгъ были для него радостными событіями, а отъ чего? бѣдный Тоби и самъ не могъ сказать этого. И такъ дни вѣтреные, морозные, съ снѣгомъ и даже съ градомъ, Тоби почиталъ красными днями своими.

Самые же дурные дни были дождливые; холодная сырость одѣвала его мокрымъ плащемъ своимъ, — единственный плащь которымъ могъ одѣваться Тоби и отъ котораго онъ охотно бы отказался. То были дни страданія, эти дождливые дни, когда изъ облакъ лилась упрямо, медленно, неутомимо, частая, крупная влага; когда густой туманъ душилъ всю улицу также какъ грудь его; когда мокрые зонтики толкались взадъ и впередъ по тротуару и съ нихъ летѣли особеннаго роду брызги; когда изъ жолобовъ падали шумно огромныя каскады; когда широкія капли рикошетомъ прыгали съ каменнаго угла церкви на Тоби, и обдавали соломенную постилку, на которой онъ сто-

Digitized by Google

ялъ. Посмотрѣли бы вы тогда, съ какою грустью, съ какимъ безпокойствомъ Тоби вытягивалъ шею, изъ за угла церковной стѣны, служащей ему убѣжищемъ;—жалкое убѣжище! и при лѣтнемъ солнцѣ этотъ уголъ проводилъ едва замѣтную полосу тѣни на тротуарѣ! — Потомъ, Тоби выходилъ, чтобы согрѣться движеніемъ, бѣгалъ разъ десять взадъ и впередъ по улицѣ и возвращался ободренный въ свой закоулокъ.

Его прозвали Тротти топунъ, за его поступь; казалось, будто онъ идетъ скоро, хотя въ самомъ дѣлѣ шаги его мало подвигали впередъ. Конечно онъ могъ бы идти гораздо скорѣе, но если бы вы измѣнили его походку, то Тротти легъ бы въ постель и умеръ; зимою, топотня походки его, пачкала его грязью по самую спину; онъ уставалъ неимовѣрно; идти иначе, было бы гораздо легче, но вѣроятно потому-то упрямый Тротти и не измѣнялъ своего шага. Этотъ блѣдный, худощавый, слабый старикъ, былъ истиннымъ Геркулесомъ въ добрыхъ намѣреніяхъ: онъ хотѣлъ выработать свои деньги. Ему было весело думать, — Тоби былъ очень бѣденъ, и не имѣлъ столько удовольствій, что бы могъ отъ одного отказаться, — ему весело было думать, что и онъ не даромъ хлѣбъ ѣстъ. Взявши за шиллингъ или полтора, какое нибудь порученіе или маленькій узелокъ въ руки, бодрость его, всегда живая, еще болѣе оживлялась. Когда онъ съ коммисіей своей топоталъ такимъ образомъ по улицѣ, то кричалъ почтальонамъ бѣгущимъ передъ нимъ: „сойдите съ дороги!“ — въ полной увѣренности, что по необходимому ходу вещей, онъ не только догонитъ ихъ, но и перегонитъ; также точно какъ не сомнѣвался, что можетъ свободно нести все, что подъ силу человѣку поднять. Но это послѣднее убѣжденіе не приходилось подтвердить опытомъ.

И такъ, когда Тоби выходилъ изъ угла своего въ дождливую погоду, что бы согрѣться движеніемъ, то точно также топоталъ, оставляя по грязи неровный слѣдъ известки, прилипшей къ изношеннымъ башмакамъ его; онъ дулъ на полузамерзшія руки свои и потиралъ ихъ одна объ другую, ибо вязаныя бумажныя рукавицы, въ которыхъ одинъ большой палецъ пользовался особливымъ отдѣломъ, — худо предохраняли его отъ

Digitized by Google

холода; Тоби топоталъ медленно, согнувши колѣна, держа подъ мышкой палку и сворачивая съ дороги, чтобы взглянуть на набатный колоколъ, когда звонили колокола.

Это шествіе возобновлялось нѣсколько разъ каждый день; колокола были ему товарищи, и когда раздавался ихъ голосъ, онъ съ участіемъ смотрѣлъ на воздушное ихъ жилище, думалъ о томъ, что ими движетъ и о молотахъ ударяющихъ по ихъ звонкому металлу. Можетъ статься, колокола возбуждали его участіе, потому что много было сходнаго у него съ ними: и они висѣли на своемъ мѣстѣ во всякую погоду, подъ дождемъ и на вѣтру; и они видѣли только наружность домовъ; и они не подходили никогда къ пылающему огню очага, отражающемуся въ стеклахъ оконъ, или появляющемуся густымъ дымомъ изъ высокой трубы; и они не могли имѣть никакой части во всѣхъ прекрасныхъ вещахъ, которыя мимо ихъ проходили, во всѣхъ вкусныхъ блюдахъ, которыя носили изъ лавокъ въ окружающіе дома. Въ этихъ домахъ часто выглядывали изъ оконъ личики свѣжія, молодыя, веселыя, иногда лица старыя, дурныя, печальныя; но Тоби не зналъ (хотя стоя въ праздности на сторожѣ занимался всѣми этими бездѣлицами.) откуда эти лица являлись, куда уходили, зачѣмъ, и, когда шевелились ихъ губы, не зналъ, скажутъ ли они во весь годъ, хотя одно доброе слово до него касающееся. Точно тоже незнали и колокола.

Тоби не былъ философомъ, и очень это понималъ. Я хочу сказать, что онъ пристрастился къ колоколамъ не въ слѣдствіе подобныхъ размышленій, развивая ихъ постепенно въ головѣ своей; но также просто, какъ органы тѣла его, напр. пищеварительные органы, собственнымъ механизмомъ совершали рядъ дѣйствій, коихъ система была ему вовсе неизвѣстна, и которыхъ знаніе чрезвычайно бы его удивило, такъ точно и умственныя его способности всѣми тайными орудіями и пружинами своими, произвели въ немъ любовь его къ колоколамъ. Я говорю любовь, потому что не нахожу другаго выраженія для объясненія его чувствъ. Тоби, не смотря на всю простоту свою, облекъ эти таинственные колокола въ странный и торжественный образъ. Невидимые, но часто слышные, всегда высоко, да-

Digitized by Google

леко, они звучнымъ голосомъ внушали ему какое-то благоговѣніе. Иногда, когда онъ поднималъ глаза къ темнымъ аркамъ башни, то почти ожидалъ, что оттуда кликнетъ его кто-нибудь, не колоколъ, но кто-то, кого онъ часто слыхалъ въ ихъ звонѣ. Съ великимъ негодованіемъ опровергалъ онъ мнѣніе нѣкоторыхъ, будто на колокольнѣ являются привидѣнія, что предполагало бы какое-то сообщество съ духомъ тьмы. Коротко сказать, колокола часто раздавались въ ушахъ его, очень часто занимали мысли и всегда находились у него въ великомъ почтеніи. Нѣсколько разъ случалось, что у него болѣла шея и трудно было голову повернуть, отъ долгаго, внимательнаго смотрѣнія на колокольню, и тогда изцѣлялся онъ только сильнымъ употребленіемъ топотни своей около церкви.

Онъ располагался именно предпринять такое путешествіе, когда часы пробили двѣнадцать и послѣдній ударъ ихъ пробѣжалъ по колоколамъ, съ жужжаніемъ подобнымъ жужжанію огромной пчелы.

„Часъ обѣда! сказалъ Тоби, описывая свои зигзаги около церкви; — ахъ!“

Носъ у Тоби покраснѣлъ очень; вѣки его тоже очень покраснѣли; глаза мигали; плеча вздернулъ онъ до ушей; ноги не сгибались какъ барабанныя палки: явно, что Тоби очень озябъ.

„Часъ обѣда, о!“ повторилъ Тоби шлёпая себя бумажной своей рукавицей по желудку, чтобы наказать его за то, что допустилъ внутрь такой хóлодъ; „часъ обѣда, ахъ!“ — Потомъ молча прошелъ еще немного. „Это ничего,“ сказалъ онъ потомъ громко, но остановился съ безпокойствомъ и страхомъ, схвативши себя за носъ; это движеніе не требовало большаго размаха, носъ былъ очень маленькій и до него достать было нетрудно. „Я думалъ, что онъ отвалился, сказалъ Тоби, начавши снова хожденіе свое, но слава Богу! все въ порядкѣ! Впрочемъ, еслибъ и отвалился носъ, не знаю нужно ли о немъ жалѣть: по этой холодной погодѣ съ нимъ не очень пріятно, да и ему отъ меня прибыли большой нѣтъ: я табаку не нюхаю! Да и въ хорошую погоду бѣдному носу хорошаго мало

Digitized by Google

достается: если долетаетъ до него запахъ какого нибудь кушанья, то это чужой обѣдъ несутъ изъ печи хлѣбника.

Эта мысль напомнила ему другую, перерванную безпокойствомъ о носѣ.

„Часъ обѣда, сказалъ Тоби; да, этотъ часъ возвращается всегда въ одно время, а обѣдъ-то самъ приходитъ въ разныя: между ними большая разница. Я долго этого не понималъ и не знаю, не годится ли это ученое замѣчаніе въ журналы напечатать, или предложить разсмотрѣнію парламента.“

Тоби хотѣлъ сказать шутку, но скоро покачалъ головою съ явнымъ унынiемъ: „Боже мой! журналы! да, въ нихъ много замѣчаній, и въ парламентахъ тоже много. Вотъ журналъ прошедшей недѣли! (тутъ Тоби вынулъ изъ кармана выпачканный листокъ, и развернулъ его во всю длину руки.) Вотъ и тутъ много замѣчаній, много наблюденій. И я люблю новости, какъ и другіе люди, продолжалъ онъ, свертывая листокъ и укладывая его въ карманъ, но грустно читать теперь журналы! Они меня пугаютъ; не знаешь куда намъ, бѣднымъ людямъ, дѣваться. Дай Богъ, чтобы на будущій годъ намъ было немного получше!“

— Эй, батюшка! батюшка! — сказалъ пріятный голосокъ почти подлѣ него.

Тоби не слушалъ, топая взадъ и впередъ, задумчиво продолжая разговаривать самъ съ собою.

„Кажется, будто мы не можемъ ни сдѣлать ничего добраго, ни научиться добру, говорилъ Тоби. Я въ молодости не долго былъ въ школѣ и не могу знать, нужны ли мы на землѣ или ненужны. Иногда кажется мнѣ, что и намъ на долю что нибудь слѣдуетъ: а иногда, что мы здѣсь незваные гости; часто совсѣмъ не понимаю, есть ли въ насъ какія нибудь добрыя качества, или мы родились ужь злыми. Кажется, будто мы ужасныя дѣла дѣлаемъ; кажется, будто отъ насъ здѣсь много безпокойства; на насъ всѣ жалуются, объ насъ толкуютъ всѣ журналы и всѣ газеты. А послѣ еще говорятъ намъ о новомъ годѣ! сказавши это, печально повѣсилъ онъ голову. — Я могу вынести много, больше чѣмъ другіе люди, потому что у дру-

Digitized by Google

гихъ людей нѣтъ такой львиной силы. Однако же думать, что мы никакого права не имѣемъ на Новый годъ, что мы гости не прошенные."

„Эй, батюшка, батюшка!"—сказалъ снова пріятный голосъ.

На этотъ разъ Тоби услышалъ зовъ, вздрогнулъ, остановился и отвративъ зрѣніе свое отъ неопредѣленной дали, въ которой искалъ новаго года и какого нибудь ободренія, устремилъ его прямо на собственную дочь свою и глаза его встрѣтились тотчасъ съ ея глазами.

Свѣтлые, прекрасные глаза!—Цѣлый свѣтъ радъ бы былъ смотрѣться въ эти глубокіе, полные мыслью, глаза. Глаза черные, въ которыхъ какъ въ ясномъ зеркалѣ отражались взоры того, кто смотрѣлъ на нихъ; они не блестѣли какъ молнія по волѣ ихъ обладательницы, но сіяли чистымъ, спокойнымъ, терпѣливымъ, нравственнымъ свѣтомъ, подобнымъ свѣту яснаго неба. Глаза, въ которыхъ ясиѣлись красота и правда, въ которыхъ горѣла надежда. Надежда свѣжая, юная, крѣпкая, живая, не загашенная бѣдностью и трудами, на которые эти глаза двадцать лѣтъ смотрѣли. „Кажется, я умеия есть здѣсь дѣльцо,"—сказалъ тотъ же милый голосъ Тобію.

Тоби поцѣловалъ прекрасный ротикъ принадлежащій обладательницѣ прекрасныхъ глазъ, и погладилъ рукою цвѣтущее лице ея.

Какое у тебя дѣло, Мегъ?—сказалъ Тоби, я совсѣмъ тебя не ждалъ сегодня!

„И я не знала, что приду сегодня, отвѣчала дѣвушка улыбаясь и покачивая головкой; а вотъ пришла! да еще и не одна!" —

— Съ чѣмъ же ты пришла, спросилъ Тоби, глядя съ любопытствомъ на покрытую корзинку, которую она держала въ рукахъ.

— Понюхайте-ка, батюшка: отвѣчала Мегъ. Только понюхайте!

Тротти съ нетерпѣніемъ хотѣлъ поднять крышку корзины; но она веселымъ движеніемъ ему помѣшала.

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! сказала Мегъ съ живымъ удовольствіемъ ребенка. „Развѣ только немножко, я подниму только одинъ кончикъ крышки; вотъ такъ!“ — и приподняла немного крышку, говоря тихо, въ полголоса, какъ будто боялась, чтобы кто нибудь въ корзинѣ ее не подслушалъ. „Ну теперь отгадайте, что такое?“ —

Тоби проворно уткнулъ носъ въ открытый краешикъ корзины и съ восторгомъ вскричалъ: „Ахъ, тамъ горячее!“ —

„Горячее, да! ха! ха! ха! сказала Мегъ; обжечься можно!“—„Ха, ха, ха! повторилъ Тоби, прыгая на одной ногѣ, обжечься можно!“ —

— Да, что же такое, батюшка? сказала Мегъ. Вы не отгадали! Надобно отгадать, а то не выну ничего изъ корзины. Не спѣшите; подождите минуту, вотъ я подниму побольше крышку. Ну отгадывайте, теперь! —

Мегъ какъ будто боялась, чтобы отецъ не слишкомъ скоро отгадалъ, она отступала назадъ, поднося ему корзину, поднимала прекрасныя свои плечи, зажимала одною рукою ухо и лукаво улыбалась глядя на старика.

Тоби положилъ обѣ руки на колѣни, приклонилъ носъ къ отверстію корзины, и сморщенное лице его разглаживалось и свѣтлѣло.

„А, а! это что-то хорошее! сказалъ Тоби; можетъ быть, гусиные потроха?“

— „Нѣтъ, нѣтъ! вскричала обрадованная Мегъ. Это не гусиные потроха!“ —

— Да, сказалъ Тоби понюхавъ еще, это лучше, нѣжнѣе потроха! Бараньи ножки что ли?

Мегъ была въ восхищеньи. Это не бараньи ножки и не потрохъ! —

— „Легкое? сказалъ Тоби отгадывая про себя — нѣтъ, не легкое! — лучше пахнетъ. Свиныя ноги? нѣтъ, кажется и не свиныя ноги!“ — это не пѣтушьи гребешки? — нѣтъ! и не сосиськи? — Можетъ быть, это печенка? — а?

— Нѣтъ, не отгадали! — совсѣмъ не отгадываете! — кричала радостно Мегъ.

Digitized by Google

— О чемъ это я думаю! сказалъ Тоби выпрямившись, какъ только могъ. — Скоро я забуду, какъ меня самого зовутъ; это рубцы!“ —

Это были дѣйствительно рубцы, и Мегъ съ великимъ удовольствіемъ прибавила, что славно приготовленные рубцы.

„Теперь, батюшка, сказала Мегъ открывая корзину, я постелю вамъ скатерть; рубцы-то принесла я въ крытомъ блюдѣ, а блюдо завернула платкомъ; я хочу чваниться, разстелю платокъ и назову его скатертью. Вѣдь нѣтъ закона, батюшка, который бы запретилъ мнѣ называть платокъ скатертью?“—

— Кажется, что нѣтъ, моя милая, отвѣчалъ Тоби; впрочемъ, у нихъ безпрестанно новые законы.

— „А помните, что я вамъ намедни читала въ газетѣ, батюшка? помните, судья говорилъ, что мы, люди бѣдные, обязаны знать всѣ законы! ха, ха, ха! какъ это смѣшно! какъ они воображаютъ насъ учеными! —

— Да, моя милая! — отвѣчалъ Тоби; они навѣрное честили бы того, кто въ нашемъ быту зналъ бы всѣ законы. О, какъ завалили бы его работой богатые сосѣди! о, да, конечно онъ не остался бы безъ дѣла!“ —

— И съ какимъ бы апетитомъ кушалъ онъ обѣдъ свой, еслибъ отъ его обѣда также хорошо пахло, какъ отъ этого, сказала весело Мегъ. — Кушайте же, батюшка, вѣдь въ корзинѣ еще есть горячій картофель, и полбутылки пива. — Гдѣ же вамъ накрыть, батюшка? здѣсь на мѣстѣ, или на крыльцѣ этого дома? Видите, какіе мы знатные люди: двѣ столовыя на выборъ!“ —

На крыльцѣ, сегодня, милушка! сказалъ Тоби. — Когда нѣтъ дождя, на крыльцѣ, а здѣсь въ хорошую погоду. На крыльцѣ покойнѣе всегда, потому, что на ступенькахъ сѣсть можно, только въ дождикъ страшно, чтобъ не схватить простуды.

— „Въ такомъ случаѣ, на крыльцѣ; сказала Мегъ и черезъ минуту хлопала въ ладоши; все готово, батюшка! славно устроено! подите, подите кушать!“ —

Съ тѣхъ поръ какъ Тротти отгадалъ, что содержитъ въ себѣ корзина, онъ стоялъ неподвижно и не спускалъ глазъ

Digitized by Google

съ дочери; между тѣмъ (хотя она составляла единственный предметъ его вниманія, даже не исключая рубцовъ), не ясно видно было, что задумчивый взоръ его смотрѣлъ на нее не въ настоящую минуту, но воображая какую нибудь драму будущей ея жизни. Разбуженный веселымъ ея зовомъ, онъ стрясъ съ головы печальныя мысли, и побрелъ своимъ привычнымъ топотомъ, на приготовленное мѣсто. Только что Тоби нагнулся, чтобы сѣсть, колокола зазвонили.

Аминь! сказалъ Тоби снимая шляпу и поднимая глаза къ колокольнѣ.

— Аминь колоколамъ, батюшка? спросила Мегъ.

— „Они прозвонили мнѣ передъобѣденную молитву, отвѣчалъ Тротти усаживаясь на ступенькахъ. Какъ часто говорятъ они мнѣ добрыя, утѣшительныя слова.

— „Колокола-то, батюшка? сказала Мегъ смѣючись и подавая отцу вилку и ножикъ.

— Да, милая! колокола! отвѣчалъ Тротти, напавъ съ великимъ мужествомъ на вкусное свое кушанье; и что за бѣда, если я слышу ихъ? что за бѣда, говорятъ они, или не говорятъ? Да, милая, продолжалъ онъ, одушевляясь часъ отъ часу болѣе обѣдомъ своимъ, и указывая вилкою на колокольню: сколько разъ слыхалъ я, какъ они жужжатъ мнѣ: Тоби Викъ! Тоби Викъ! крѣпись, мужайся! Тоби Викъ; Тоби Викъ! мужайся! крѣпись!

— Тысячу разъ слыхалъ! милліонъ разъ!....и больше. —

— „А я, никогда!“ вскричала Мегъ.

— Она напрасно говорила: никогда. Тоби говорилъ ей безпрестанно о голосѣ колоколовъ.

— А когда дѣла худо идутъ, продолжалъ Тоби, очень худо, какъ нельзя хуже, тогда звонъ ихъ говоритъ мнѣ: „Тоби Викъ! Тоби Викъ! скоро деньга придетъ! Тоби Викъ! Тоби Викъ! скоро дѣло придетъ!“ — такъ-то, душа моя Мегъ.

— И дѣло наконецъ приходитъ, батюшка? сказала Мегъ, и въ миломъ ея голосѣ слышна была печаль.

— „Всегда! — отвѣчалъ Тоби; ни разу не обманули.

Говоря такимъ образомъ, Тоби безостановочно кушалъ вкусное свое кушанье, рѣзалъ и ѣлъ, рѣзалъ и пилъ, переходя

Digitized by Google

попеременно отъ картофеля къ рубцамъ и отъ рубцовъ къ картофелю. Въ тоже время посматривалъ онъ по улицѣ, не отворится ли какая дверь и не кликнетъ ли кто разсыльщика?— глаза его, блуждая такимъ образомъ, остановились на дочери; Мегъ сидѣла противъ него, сложа руки, и смотрѣла съ довольной улыбкой на проворно изчезающее кушанье.

— Ахъ, прости Господи! вскричалъ Тротти, роняя вилку и ножикъ: „голубушка моя, Мегъ! что же ты меня не остановила? Какой я скотина! —

— Батюшка? —

— Я сижу здѣсь, продолжалъ Тротти, съ раскаяніемъ ѣмъ, и пичкаюсь, и объѣдаюсь, а ты сидишь противъ меня, и я не спрошу даже, обѣдала ли ты?....

— Да я обѣдала, батюшка, и очень хорошо пообѣдала, отвѣчала веселая Мегъ.

— Не можетъ быть! возразилъ Тротти; два обѣда въ одинъ день; не можетъ быть! Это все равно, какъ бы кто мнѣ сказалъ, что два новые года пришли въ одинъ день, или чтобы я продержалъ золотую монету всю жизнь, не размѣнявши.

— Я точно обѣдала, батюшка, повторила Мегъ, подходя къ нему ближе, и разскажу вамъ гдѣ и когда, пока вы сами будете обѣдать; разскажу вамъ какимъ образомъ могла принести вамъ обѣдъ, и.....и скажу еще что-то.“

Тоби, казалось, все еще не вѣрилъ; но она поглядѣла ему въ глаза ясными своими очами, положила ему на плечо руку и мигнула, чтобы онъ ѣлъ пока еще не простыло. Тротти взялъ вилку и ножикъ и принялся снова за дѣло, хотя не съ такимъ уже аппетитомъ, и качая головою съ недовольнымъ лицемъ.

— „Батюшка, сказала Мегъ запинаясь; я обѣдала..... съ Ричардомъ; онъ пришелъ раньше обыкновеннаго, принесъ свой обѣдъ и мы съ нимъ вмѣстѣ пообѣдали!....

Тротти проглотилъ нѣсколько глотковъ пива, утерся, и видя, что дочь ждетъ отвѣта или вопроса, произнесъ только это короткое восклицаніе: А!“ —

Digitized by Google

— Ричардъ говоритъ, батюшка.....сказала Мегъ и замолчала.

— Что говоритъ Ричардъ, Мегъ?

Батюшка! Ричардъ говоритъ.....и опять остановилась.

— Ричардъ очень медленно говоритъ....

— Онъ говоритъ, батюшка, продолжала Мегъ, рѣшившись наконецъ поднять глаза и объясниться, хотя голосъ ея дрожалъ немножко.... говоритъ, что и другой годъ кончается....какая же прибыль отъ года до года откладывать, когда намъ и надежды нѣтъ сдѣлаться богаче? Онъ говоритъ, что какъ мы сегодня бѣдны, такъ будемъ бѣдны и завтра, а между тѣмъ сегодня мы еще молоды, а года состарѣютъ насъ прежде, чѣмъ сами замѣтимъ. Онъ говоритъ, что если ждать будемъ....мы, бѣдные люди....и надѣяться, что дорога наша просвѣтлѣетъ, то развѣ та общая, узкая дорога, которая всѣхъ ведетъ къ одному мѣсту....къ кладбищу."

Человѣкъ и смѣлѣе Тротти Викъ не сталъ бы спорить съ такой очевидной истинной....Тротти молчалъ.

„И какъ горько будетъ намъ, батюшка, знать, что мы состарѣлись и померли, не помогая другъ другу и не поддерживая! Какъ горько любить другъ друга всю жизнь и тужить глядя какъ каждый порознь трудится, старѣется, сѣдѣетъ и дряхлѣетъ. Положимъ даже, что я могла бы забыть Ричарда, (что невозможно) то не жалко ли, добрый мой батюшка, засушить мало по малу сердце такое полное, какъ у меня теперь, кончить жизнь, не вспомнивъ ни одной минуты счастія, которая могла бы утѣшить меня и согрѣть душу?"

Тротти молчалъ. Мегъ утерла глаза и, улыбаясь сквозь слезы, сказала: „Ричардъ говорилъ, батюшка, что вчера досталъ онъ себѣ работы на долго, а такъ какъ будетъ скоро три года съ тѣхъ поръ, какъ я люблю его; — (онъ не знаетъ, что гораздо больше трехъ лѣтъ;) — то въ новый годъ намъ должно обвѣнчаться. Это счастливый день, на всю жизнь приноситъ счастіе.—Мы не за долго предувѣдомляемъ васъ, батюшка? но, вѣдь у меня нѣтъ приданаго, и не на что шить вѣнчальнаго платья, какъ большія госпожи; не правда ли? Вотъ, что говорилъ мнѣ Ричардъ; своимъ манеромъ, конечно; и такъ

Digitized by Google

ласково, такъ серіезно, что я обѣщала ему съ вами поговорить Между тѣмъ и мнѣ сегодня по утру заплатили за работу прошлой недѣли, и такъ какъ вы все это время плохо кушали, то мнѣ захотѣлось васъ хорошимъ кушаньемъ поподчивать, для того, чтобъ вамъ былъ сегодня праздникъ, какъ мнѣ сегодня счастливый день. Потому-то, батюшка, я и приготовила вамъ это любимое ваше кушанье и принесла вамъ невзначай.

— „А посмотрите, какъ оно стынетъ на ступенькахъ!“ сказалъ другой голосъ. Это былъ голосъ самого Ричарда, который незамѣченный подошелъ и сталъ противъ отца и дочери; онъ смотрѣлъ на Мегъ раскраснѣвшись, какъ то желѣзо, которое онъ ковалъ на наковальнѣ. Онъ былъ молодъ, строенъ, хорошъ собою, силенъ; глаза его горѣли, какъ искры летящія изъ печи; черныя кудри вились около висковъ, и радостная улыбка играла на губахъ: улыбка, произведенная похвалою Маргариты. „Посмотрите, какъ кушанье стынетъ на ступенькахъ, повторилъ онъ; видно Мегъ не знаетъ того, что отецъ любитъ.

Тротти, всегда дѣятельный и восторженный, подалъ руку Ричарду и намѣревался отвѣчать ему, но вдругъ двери дома, у котораго сидѣлъ онъ, растворились, и лакей, вышедъ оттуда, чуть не наступилъ въ блюдо рубцевъ.

„Прочь отсюда! Нужно вамъ сидѣть всегда на нашемъ крыльцѣ! не можете ли вы пойти на крыльцо нашихъ сосѣдей? Ну, чтожь? идете отсюда, что ли?“

Послѣдній вопросъ былъ по настоящему лишній, потому, что на крыльцѣ не было уже никого

— „Что такое? что такое? спросилъ баринъ, для котораго растворяли дверь, и который выходилъ изъ дома своего ровнымъ, медленнымъ шагомъ, вполнѣ приличнымъ немолодому господину, выступающему въ новыхъ сапогахъ, въ чистомъ бѣльѣ и при золотой цѣпочкѣ на часахъ. На лицѣ его выражалось не только чувство собственнаго достоинства, но и связи съ богатыми и знатными людьми, „что случилось? что такое?“

— „Видно намъ нужно просить васъ, умолять, на колѣна становиться передъ вами, сказалъ съ великою напыщенностью лакей, обернувшись къ Тротти Викъ, что бы вы сошли

Digitized by Google

съ крыльца нашего. Почему вы не выбираете другаго мѣста? развѣ не можете выбрать другаго мѣста?

— „Ну, хорошо! хорошо! сказалъ баринъ. Эй, Коммисіонеръ! сюда!....и махнулъ головою Тротти Вику.“ Подойди! это твой обѣдъ?

— Обѣдъ, и ужинъ!—отвѣчалъ Тротти ставя блюдо за уголъ.

— Не ставь его тамъ! закричалъ господинъ. „Принеси сюда! хорошо! — это обѣдъ твой?

Обѣдъ, сэръ! повторилъ Тротти, глядя съ умиленіемъ на кусочекъ рубцевъ, оставленный на закуску, который господинъ ворочалъ вилкою по блюду.

Два другіе джентельмена вышли изъ дома съ нимъ вмѣстѣ. Одинъ среднихъ лѣтъ, унылый, печальный, весьма дурно одѣтый; не вычищенный, не вымытый, держалъ руки въ широкихъ карманахъ своего сѣраго платья. Другой былъ дородный, гладкій, въ синемъ сюртукѣ съ свѣтлыми пуговицами, въ бѣломъ галстукѣ. Этотъ джентельменъ былъ такъ красенъ лицемъ, что очевидно кровь неровнымъ кругообращеніемъ, бросалась ему въ голову, и потому, вѣроятно, сердце оставалось холоднымъ.

Тотъ, который отнялъ у Тоби вилку, подозвалъ къ себѣ перваго изъ джентельменовъ, называя его Филеромъ; оба подошли къ нему. Г. Филеръ былъ близорукъ, и такъ принужденъ былъ нагнуться къ взвороченному куску обѣда Тобія, чтобы разобрать изъ чего онъ состоитъ, что у бѣднаго Тоби крѣпко забилось сердце. Но Филеръ ѣсть не сталъ.

„Это нясное кушанье, Альдерманъ, сказалъ Филеръ; втыкая въ оставшійся кусокъ, кончикъ своего карандаша; это кушанье извѣстно у рабочихъ людей подъ именемъ рубцевъ.

Альдерманъ улыбнулся и мигнулъ. Альдерманъ Кьютъ былъ веселаго нрава человѣкъ. О, и какой прозорливый! какой искусный знатокъ! Знатокъ во всемъ. Обмануть его было невозможно. Онъ умѣлъ читать въ сердцахъ народа. Онъ зналъ народъ, повѣрьте мнѣ!

„Да кто же ѣстъ рубцы? продолжалъ Г. Филеръ, осматривая кругомъ себя. „Рубцы, безспорно, самое не дешевое

Digitized by Google

кушанье какое только можно найти на рынкѣ, самое убыточное. На фунтъ рубцевъ теряется семь восьмыхъ долей пятой части, больше чѣмъ во всякой другой мясной пищѣ. Рубцы, сравнительно, дороже обойдутся, чѣмъ оранжерейный ананасъ. Сообразите сами: Если счесть число скотины битой ежегодно, если оцѣнить самой дешевой цѣною количество кишокъ, доставляемыхъ мясниками, то найдется, что количество питательныхъ частицъ, теряющееся въ вареныхъ кишкахъ или рубцахъ, отъ ихъ приготовленья, можетъ накормить пять сотъ человѣкъ гарнизону, въ теченіи цѣлыхъ пяти мѣсяцовъ, считая каждый въ тридцать дней и прибавя къ нимъ еще Февраль мѣсяцъ. Какая трата! какая трата!

Тоби, испугавшись, едва держался на ногахъ. Ему казалось будто онъ собственною рукою отнялъ пищу у пяти сотъ человѣкъ.

„Кто здѣсь ѣстъ рубцы? повторилъ съ жаромъ Г. Фейлеръ Кто ѣстъ рубцы?“

Тоби поклонился съ жалкимъ лицемъ.

„Ты? Ты? сказалъ Г. Фейлеръ. Слушай же, я скажу тебѣ, чего ты не зналъ. Блюдо твоихъ рубцевъ, мой другъ, отнято у голодныхъ вдовъ и сиротъ.“

— „Надѣюсь, что не отнято, сэръ! отвѣчалъ жалобно Тоби. Лучше я самъ согласился бы умереть съ голоду.“

— Раздѣлите сумму вычисленныхъ мною кишекъ, Алдерманъ, сказалъ Г. Фейлеръ, раздѣлите её на среднее число всѣхъ вдовъ и сиротъ, и выйдетъ на каждую душу кишокъ, почти на цѣлый пенсъ; а для этого человѣка не останется ни кусочка, въ слѣдствіе чего можно, кажется, назвать его воромъ.“—

Тоби такъ былъ смущенъ, что безъ сожалѣнія смотрѣлъ, какъ Альдерманъ доѣлъ его оставшійся кусочекъ рубца: чѣмъ скорѣе избавиться отъ этого преступленія, тѣмъ было для него лучше.

— „А вы что скажете? спросилъ Альдерманъ, весело обернувшись къ красному господину въ синемъ сертукѣ.“ „Слышите, что говоритъ Фейлеръ. А вы что скажете?“

— „Что можно сказать? отвѣчалъ красный джентельменъ. Кто можетъ принимать участіе въ такомъ человѣкѣ, каковъ этотъ, (указывая на Тоби) въ такое развращенное время, каково наше. Посмотрите на него, что за существо; ахъ, пре-

Digitized by Google

красная старина наша, славное прежнее время, великая старина! Въ старину, въ прежнее время, простый народъ нашъ былъ сильный, крѣпкій.... въ старину, все было хорошо: а теперь, что же у насъ теперь? Ахъ, воскликнулъ вздыхая красный джентельменъ, славная наша старина! славная старина наша!"

Господинъ этотъ не обозначалъ, о какомъ онъ старинномъ времени жалѣетъ; не говорилъ также, что презирая настоящее время онъ поступаетъ съ безпристрастіемъ человѣка, признающаго, что нынѣшній вѣкъ не произвелъ ничего замѣчательнаго, произведя его самого.

— „Славное время старина! повторилъ джентельменъ, какое это было время! истинное время, единственное. На что говорить о другомъ и разсуждать о народѣ въ настоящемъ времени? Это время не время. Стоитъ только взглянуть на *собраніе Англійскихъ костюмовъ* Струта, и найти тамъ какъ одѣвались разнощики коммисіонеры въ царствованіе котораго нибудь изъ прежнихъ Англійскихъ королей."

— „У нихъ не было рубашки на спинѣ, ни чулокъ на ногахъ, отвѣчалъ Г. Фейлеръ, и для желудка ихъ не росло во всей Англіи ни одного огурца. Я могу доказать это таблицами."

Не смотря на этотъ отвѣтъ, красный джентельменъ продолжалъ восхвалять славное старинное время, великое старинное время. Не внимая возраженіямъ, кружился онъ въ своихъ фразахъ, какъ бѣлка въ колесѣ. — Бѣлка имѣла такое же понятіе о механизмѣ колеса своего, какое красный господинъ о покойномъ золотомъ вѣкѣ, имъ превозносимомъ.

Можетъ статься, и бѣдный Тоби вѣровалъ еще въ это неопредѣленное старинное время, потому что всѣ мысли его смутились. Одно было ему ясно: что не смотря на несогласіе мнѣній этихъ джентельменовъ, собственное предчувствіе его не обмануло. „Нѣтъ! нѣтъ! мы не можемъ итти прямо, и дѣлать правдивыя дѣла, думалъ съ отчаяніемъ Тоби. „Въ насъ нѣтъ правдиваго ничего. Мы родились негодными."

Но въ груди Тоби билось отцовское сердце и тайно возставало противъ такого приговора: ему не хотѣлось слушать,

Digitized by Google

какъ эти мудрые господа станутъ предсказывать будущее его дочери, для котораго только что разцвѣтало ея счастіе. „Сохрани ее Богъ, думалъ Тоби, и такъ слишкомъ скоро успѣетъ узнать.“

И съ безпокойнымъ видомъ подалъ молодому кузнецу знакъ, чтобы онъ увелъ дочь его домой. Но Ричардъ такъ былъ занятъ удовольствіемъ своего отдѣльнаго разговора съ дѣвушкою, что понялъ желаніе отца въ одно время съ альдерманомъ Кьютомъ. Альдерманъ не пользовался еще своей очередью рѣчи; и онъ былъ философъ, и къ тому же практическій философъ. Истинно практическій! — и потому не желая утратить ни единаго слушателя, онъ закричалъ: „стой!“ — „Ну, вы знаете, сказалъ обернувшись къ двумъ друзьямъ своимъ Альдерманъ, съ тою самодовольною улыбкою, которая никогда не покидала лица его, — вы знаете, что я человѣкъ простой, практическій, и дѣлаю дѣла свои прямо, просто, практически. Такой ужь у меня обычай. Нѣтъ ничего легче какъ съ этими людьми ладить, если только умѣешь говорить ихъ языкомъ. Вотъ вы увидите: ну коммисіонеръ, прошу не разсказывать, ни мнѣ, ни другимъ, что тебѣ иногда ѣсть нечего, и что есть кушанья вкуснѣе твоихъ; я это получше твоего знаю. Я отвѣдалъ твоихъ рубцевъ и тебѣ не удастся *надуть* меня. Ты вѣдь понимаешь, что значитъ надуть? Вѣдь это знакомое вамъ слово? ха, ха, ха! — Слава Богу, продолжалъ Альдерманъ, обращаясь къ друзьямъ своимъ, съ этими людьми легко говорить, если понимаешь языкъ ихъ.“

Славный человѣкъ альдерманъ Кютъ! никогда не сердится говоря съ простымъ народомъ! ласковый, шутливый, прозорливый джентельменъ!

„Видишь, другъ мой, продолжалъ Альдерманъ, много говорятъ вздору, когда рѣчь дойдетъ до нищихъ — черствый кусокъ..... знаешь эту поговорку? ха, ха, ха! — а я мастеръ уничтожать эту нищету. Выучили нѣсколько лицемѣрныхъ фразъ о голодной смерти, пустили ихъ въ ходъ, а я уничтожу эту голодную смерть. — Вотъ и все. — Слава Богу, продолжалъ Альдерманъ, повернувшись опять къ друзьямъ своимъ: „въ этихъ людяхъ можете уничтожать все что хотите, когда умѣете за нихъ взяться.“

Digitized by Google

Тоби схватилъ свою дочь за руку совсѣмъ не помня того, что дѣлаетъ.

— „Это дочь твоя? э? спросилъ Альдерманъ, потрепавъ ее ласково по щекѣ.

Альдерманъ Кютъ такъ всегда ласковъ съ рабочимъ народомъ! знаетъ что ему нравится, ни чуть не гордъ! „Гдѣ мать ее? спросилъ милостивый джентельменъ.

— Умерла! отвѣчалъ Тоби. Мать ее шила бѣлье, и Господь взялъ ее къ себѣ, на небо, тотчасъ послѣ рожденія дочери.

— „Тамъ-то, думаю, не шьетъ уже бѣлья, шутливо замѣтилъ Альдерманъ.

Не знаю, воображалъ ли Тоби, что жена его шьетъ на небѣ бѣлье, или нѣтъ; но желалъ бы знать, на какомъ мѣстѣ и при какой должности воображалъ бы Альдерманъ Кютъ, свою достопочтенную супругу, если бы ей случилось умереть, и перейти на небо?

— „А ты здѣсь амуришься, что ли? спросилъ Альдерманъ у молодаго кузнеца.

— „Да, отвѣчалъ удивленный такимъ вопросомъ Ричардъ: мы обвѣнчаемся въ день Новаго года.“

— „Что ты говоришь? сердито вскричалъ Фейлеръ. Обвѣнчаетесь?“ —

— „Конечно, сэръ, мы хотимъ обвѣнчаться, отвѣчалъ Ричардъ, и спѣшить будемъ свадьбой, чтобы намъ не уничтожили бракъ.

— „Ахъ, возразилъ Фейлеръ съ глубокимъ вздохомъ, остановите это, Альдерманъ, уничтожьте: это будетъ доброе дѣло. Вѣнчаться, свадьбы! Совершенное незнаніе первыхъ началъ политической экономіи, безнравственность этихъ людей, ихъ непредвидѣніе заслуживаютъ, по чести, чтобъ ихъ.... Посмотрите на эту парочку, пожалуста посмотрите!“ —

Въ самомъ дѣлѣ было на что посмотрѣть. Мудрено было найти чету прекраснѣе и достойнѣе соединенія.

— „Человѣкъ можетъ жить Маеусаиловы годы, сказалъ Г. Фейлеръ, можетъ работать всю жизнь для благихъ этихъ людей; можетъ набирать цыфры на факты, и факты на цыфры, можетъ цѣлыя горы фактовъ и цыфръ наворочать одна на другую, и все не удастся доказать этому глупому народу, что ему не за чѣмъ

Digitized by Google

родиться на свѣтъ и обременять собою землю. Не смотря на то, что эту истину мы давнымъ давно уже подвели подъ математическую достовѣрность."

Альдерманъ Кютъ очень всѣмъ этимъ забавлялся; положа указательный палецъ на одну сторону своего носа, онъ мигнулъ друзьямъ своимъ, какъ будто хотѣлъ сказать имъ: „замѣчайте! слушайте, что будетъ говорить практическій человѣкъ!— потомъ кликнулъ Маргариту: — „подойди сюда, дѣвушка!"

Уже нѣсколько минутъ какъ молодая кровь Ричарда кипѣла въ его сердцѣ; хотѣлъ онъ сказать невѣстѣ своей: „не подходи!" — но удержавшись, подошелъ вмѣстѣ съ нею и сталъ рядомъ. Тротти все еще держалъ руку дочери, но глаза его глядѣли безсмысленно, какъ будто видѣли все во снѣ.

„Я хочу дать тебѣ добрый совѣтъ, сказалъ Альдерманъ. своимъ непринужденнымъ, веселымъ голосомъ. „Ты знаешь, что я по должности обязанъ давать совѣты; потому, что я мирный судья. Ты знаешь, что я мирный судья."

— „Знаю!" робко отвѣчала Мегъ. Но кто же не зналъ что Альдерманъ Кютъ былъ мирнымъ судьею? такой дѣятельный мирный судья! могло ли ускользнуть отъ вниманія публики это лучезарное свѣтило?

— „Ты намѣрена идти замужъ, говорилъ Альдерманъ. Совсѣмъ нехорошо и неприлично для молодой дѣвушки. Но пусть и выйдешь. Тогда тотчасъ поссоришься, съ мужемъ, и будешь несчастна. Ты думаешь про себя, что этого не будетъ, но это будетъ, въ томъ я тебѣ порукой. Я предостерегаю тебя, потому, что рѣшился уничтожить несчастныхъ женъ. Постарайся тогда, ко мнѣ на глаза не являться.—У тебя будутъ дѣти.... мальчики. Эти мальчишки выростутъ негодяями, станутъ босые шататься по улицамъ. Слушай же, милая. Я всѣхъ, безъ исключенія, осужу непремѣнно, потому, что намѣренъ уничтожить это босое шатанье. Можетъ статься, и даже вѣроятно, что мужъ твой умретъ въ молодыхъ лѣтахъ и оставитъ тебя съ маленькимъ сиротою. Тогда тебя сгонятъ съ чердака твоего и ты пойдешь бродяжничать по улицамъ. Не подходи тогда близко къ воротамъ моимъ, милая; потому что я рѣшился уничтожить всѣхъ матерей бродягъ, и даже всѣхъ молодыхъ матерей, вообще. Не вздумай разжалобить меня болѣзнью, или

Digitized by Google

сиротствомъ, это со мной не удастся, потому, что я рѣшился уничтожить всѣхъ больныхъ женщинъ и всѣхъ маленькихъ сиротъ. А если ты захочешь обманомъ, изъ неблагодарности, или отчаянія и безбожія, утопиться, или повѣситься — то я совсѣмъ о тебѣ не пожалѣю, потому, что рѣшился уничтожить всякое самоубійство.

— Это такая гнусная вещь, продолжалъ Альдерманъ съ обычной своей улыбкой, противъ которой я намѣренъ принять нешуточныя мѣры. Не вздумай же никакъ утѣшить себя самоубійствомъ.... — Ну, поняла ли ты меня?"

Тоби не зналъ, радоваться ли ему или огорчаться, когда увидѣлъ, что Мегъ поблѣднѣла и вынула руку свою изъ руки жениха.

— „Что же до тебя касается, мой милый бульдогъ, сказалъ шуточнымъ и учтивымъ тономъ Альдерманъ, обратясь къ молодому кузнецу, — что за мысль пришла тебѣ жениться? какая тебѣ надобность, бѣдному дураку, навязывать себѣ жену на шею? Будь я такой красавецъ, такой дюжій мущина, какъ ты, я бы стыдился нѣжничать передъ женнинымъ фартукомъ. Эхъ, братъ, она старухой будетъ прежде, чѣмъ тебѣ стукнетъ тридцать лѣтъ, и хорошъ ты будешь, когда потащишь подъ руку мозглявую старушенку жену, съ полдюжиной ребятъ крикуновъ."

Ахъ въ самомъ дѣлѣ, какъ умѣлъ почтенный Альдерманъ Кютъ говорить съ простымъ народомъ!

— „Теперь, ступайте! продолжалъ онъ; идите и раскайтесь! не дурачьтесь и не вѣнчайтесь въ день Новаго года. До будущаго Рожества совсѣмъ другія придутъ вамъ мысли. Красавецъ такой, на котораго всѣ дѣвушки заглядываются. Ну, ну, ступай же, молодецъ!"

Они пошли. Не рука въ руку, какъ прежде, и не мѣняясь огнями радостныхъ взоровъ: но она пошла вся въ слезахъ, а онъ угрюмо потупивъ голову. Тѣ ли это два сердца, которыя не за долго передъ тѣмъ, заставили трепетать счастіемъ сердце бѣднаго Тоби? Нѣтъ, конечно нѣтъ. Альдерманъ Кютъ (дай Богъ ему здоровья) уничтожилъ ихъ.

— „Кстати, что здѣсь остался, сказалъ Альдерманъ Тоби, возми у меня, отнеси письмо. Скороли ты ходишь? ты

Digitized by Google

вѣдь старъ?“ — Тоби, который горестно смотрѣлъ въ слѣдъ своей дочери, пробормоталъ, что ходитъ скоро и очень еще силенъ.

— „Сколько тебѣ лѣтъ?“ спросилъ Альдерманъ.

— „Не много больше шестидесяти, сэръ!“ отвѣчалъ Тоби.

— „О, о! чужой вѣкъ! этотъ человѣкъ давно перешелъ за среднія лѣта жизни!“—вскричалъ Фейлеръ, котораго терпѣніе не въ силахъ уже было сдержаться, при такомъ ужасномъ признаніи.

— „Чувствую, сэръ, что я живу напрасно, сказалъ Тоби; что я втерся непрошенный....Сегодня утромъ, я еще сомнѣвался....Ахъ Боже мой!“

Альдерманъ перервалъ его подавая письмо; съ письмомъ хотѣлъ дать шиллингъ; но г. Фейлеръ остановилъ его, убѣдивши, что такимъ образомъ отнимаетъ у другихъ бѣдныхъ 18 пенсовъ съ половиною. И такъ Тоби получилъ только шесть пенсовъ, и этимъ шести очень обрадовался, потому что и этихъ не ожидалъ.

Альдерманъ взялъ обоихъ друзей своихъ подъ руки, и съ торжествующимъ лицемъ удалялся: но вдругъ поворотился поспѣшно, какъ будто забылъ что-то, и кликнулъ: „Коммисіонеръ!“

— Сэръ! отвѣчалъ Тоби.

— „Береги дочь свою! она слишкомъ хороша собою.“

— „Не украла ли она красоту свою у кого нибудь? подумалъ Тоби, посматривая на свои шесть пенсовъ и вспоминая кусокъ рубцевъ. — Не отняла ли она у пяти сотъ барынь, ихъ долю румяной свѣжести? О, это ужасно!“—

— „Говорю тебѣ, мой другъ, она слишкомъ хороша; мудрено ей вести себя прилично. Помни слова мои и смотри за ней, или кончится худо!“ Проговоривши это наставленіе, Альдерманъ ушелъ.

— „Ничего добраго въ насъ нѣтъ! вскричалъ Тоби, не годимся никуда! Рождены негодными, нечего и дѣлать на свѣтѣ!“

Колокола зазвонили надъ его головой, пока онъ такъ сокрушался; они звонили всѣ, во весь голосъ, но для Тоби въ этомъ голосѣ, не было утѣшенья.

— „Нѣтъ, не тотъ ужь строй! вскричалъ бѣдный Тоби послушавъ. Ни слова утѣшенья! — И зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ

Digitized by Google

утѣшать меня? что есть моего въ прошедшемъ году? и что будетъ моего въ наступающемъ году? лучше бы мнѣ умереть!"

Между тѣмъ колокола продолжали трезвонить, и голосъ ихъ говорилъ: „уничтожить! уничтожить! славное прежнее вре„мя! прекрасная старина! факты и цифры! цифры и факты! „уничтожить, уничтожить!" — Вотъ что колокола говорили, а можетъ быть и ничего не говорили, но у Тоби голова закружилась. Онъ сжалъ голову обѣими руками, чтобы помѣшать ей лопнуть. Это движеніе пришлось во-время: онъ ощупалъ письмо, данное ему Альдерманомъ, вспомнилъ порученіе, и пустился машинально въ походъ, топая обычнымъ своимъ шагомъ.

ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ.

Письмо, которое получилъ Тоби отъ Альдермана Кюта, посылалось къ большому человѣку, въ большую часть города; самую большую! Ужь должно быть, она была самая большая, коли всѣ ея обитатели называли ее „свѣтомъ."

Это письмо дѣйствительно казалось Тоби тяжелѣе всякаго другаго. И не потому, что Альдерманъ запечаталъ его огромной гербовой печатью и наляпалъ пропасть сургучу, а потому, что въ надписи было полновѣсное имя, съ которымъ соединялась мысль, объ грузныхъ мѣшкахъ серебра и золота.

„Вотъ это не намъ чета!" подумалъ Тоби, простодушно и пристально взглянувъ на адресъ. — „Эти люди не заграбятъ чужаго! Если сощитать всѣхъ черепахъ, которыхъ они изволятъ кушать, и подѣлить ихъ по числу всѣхъ богатыхъ людей, которые могутъ ими лакомиться,—то сколько на каждаго придется, столько онъ и возметъ: а больше не тронетъ! — Нѣтъ! — А чтобы выхватить кусокъ рубца у кого нибудь изъ роту — нѣтъ — побрѣзгаетъ!

Съ невольнымъ почтеніемъ, должнымъ такой важной особѣ, Тоби вложилъ уголокъ фартука между письмомъ и пальцами.

„Его дѣти," сказалъ Тротти, и глаза его отуманились, — „его дочери—богатому можно заставить ихъ любить себя, выдавать ихъ за-мужъ; онѣ могутъ быть счастливыми женами и матерями; могутъ быть такими же хорошенькими, какъ моя Марга...."

И онъ не смогъ кончить ея имени. Послѣднія буквы вздулись въ горлѣ у него на цѣлую азбуку.

Digitized by Google

„Что нужды," подумалъ Тротти. „Я знаю, чего хочу. Этого мнѣ довольно!" Съ такою утѣшительною мыслію, онъ пустился въ дорогу.

Сильно было холодно въ этотъ день. Воздухъ свѣжій, сухой, ясный. Зимнее солнце, безсильное на тепло, ярко смотрѣло на ледъ, котораго не могло растопить, и обливало его лучистымъ блескомъ. Въ другое время Тротти могъ бы, какъ и всякій бѣднякъ, взять урокъ у зимняго солнышка, да теперь ему было не до того.

Годъ былъ въ этотъ день старый. Терпѣливый годъ пережилъ всѣ упреки и злоупотребленія своихъ неправедныхъ судей, и честно исполнялъ свое дѣло. Были и весна, и лѣто, и осень, и зима. Онъ отработалъ весь опредѣленный свой срокъ, и теперь клонилъ усталую свою голову къ вѣчному покою. Отказываясь за себя отъ всякой надежды, отъ горделивыхъ замысловъ, отъ счастья, и возвѣщая много радостей другимъ, онъ на старости хочетъ только напомнить о своихъ трудныхъ дняхъ, тяжкихъ часахъ, и умереть съ міромъ. — Тротти могъ бы, какъ и всякій бѣднякъ, прочесть аллегорію отлетающаго года: да теперь ему было не до того.

А развѣ одинъ только этотъ годъ? ужь семьдесятъ такихъ годовъ надъ головой работника Англичанина говорили о томъ же — да понапрасну!

По улицамъ толкотня; лавки весело открыты. Новаго года, какъ наслѣдника всему Божьему міру, ждали съ привѣтствіями, подарками и радостію; были книги и игрушки для новаго года; блестящія бездѣлки для новаго года; наряды для новаго года; расчеты счастія для новаго года; новыя выдумки, какъ обольстить его. Жизнь его была раздернута по альманахамъ и карманнымъ книжкамъ; нарожденье его новыхъ лунъ, явленье звѣздъ, приливы и отливы — все заранѣе извѣстно; всѣ дѣйствія его временъ, и днемъ и ночью, вычислены съ такой же точностію, съ какою мистеръ Фейлеръ высчитываетъ итоги мужчинамъ и женщинамъ.

Новый годъ, новый годъ и вездѣ новый годъ! На старый годъ уже смотрѣли, какъ на мертвеца; его произведенія продавались также дешево, какъ грузъ утонувшаго корабля. Его моды были — прошлогоднія, и обрекались на смерть

Digitized by Google

прежде, чѣмъ онѣ испустили дыханіе; его сокровища стали дрянью предъ богатствами его наслѣдника.

Тротти, по его мнѣнію, не было доли ни въ новомъ, ни въ старомъ годѣ,

„Уничтожить ихъ, уничтожить ихъ, — факты, цыфры, факты, цыфры, — старое время, прежнее время.... Уничтожить ихъ, уничтожить ихъ,“ — Тротти бѣжалъ подъ ладъ этихъ словъ, и не могъ бы приладить мысли ни къ чему иному.

Съ этими же словами, какъ они ни были печальны, добѣжалъ онъ въ урочное время до цѣли своего пути — дому сэра Джозефа Боулей, члена парламента.

Придверникъ отворилъ дверь. Что за придверникъ! Не то что нашъ Тоби! — Совсѣмъ другое! Его мѣсто — вотъ такъ мѣсто! не то что мѣсто Тоби!

Этому придвернику надо было нѣсколько разъ пропыхтѣть прежде, чѣмъ онъ могъ вымолвить слово. Онъ задыхался, выходя неосторожно изъ своего уголка, заблаговременно не подумавъ и не разсудивъ объ этомъ. Отыскавши рѣчь, на что также надо было нѣсколько времени — она вѣдь была не близко, запряталась подъ жиромъ,—онъ сказалъ тяжелымъ шопотомъ.

Отъ кого?

Тоби назвалъ.

„Можешь самъ подать,“ сказалъ придверникъ, указывая комнату на концѣ корридора, въ который вела дверь изъ залы. Всѣ входятъ прямо въ этотъ день года. Ты поспѣлъ въ самое время: карета еще у крыльца; мы въ городъ пріѣхали не больше какъ часа за два, нарочно. Тоби вытеръ ноги, (которыя уже совершенно высохли) съ большимъ стараніемъ, и пошелъ по указанной ему дорогѣ; мимоходомъ онъ замѣтилъ, что это былъ ужасно огромный домъ, но молчаливый и закрытый, какбы хозяева его еще были въ деревнѣ. — Когда онъ постучался въ дверь, ему сказали изнутри, что бы онъ вошелъ; исполнивъ это, онъ очутился въ обширной библіотекѣ, гдѣ за столомъ, покрытомъ бумагами, сидѣла статная дама въ чепцѣ, не менѣе статный господинъ въ черномъ платьѣ, который и писалъ со словъ дамы; другой господинъ, но старше чѣмъ первый и еще величавѣе, котораго шляпа и палка лежали на столѣ, прохаживался взадъ и впередъ, держа руку за пазухой

Digitized by Google

и съ наслажденіемъ поглядывая на свой собственный портретъ, — во весь ростъ, именно во весь ростъ, — что висѣлъ надъ каминомъ.

„Что это?“ спросилъ вышеописанный господинъ. Мистеръ Фишъ, не угодно ли вамъ выслушать ?“

Мистеръ Фишъ извинился; взялъ у Тоби письмо и передалъ его съ великимъ почтеніемъ.

„Отъ Альдермана Кюта, сэръ Джозефъ.“

„Только. — Больше ничего ?“ спросилъ сэръ Джозефъ, обращаясь къ Тоби.

Тоби отвѣчалъ отрицательно.

„Ты не имѣешь ко мнѣ никакой бумаги, ни просьбы? меня зовутъ Боулей, — сэръ Джозефъ Боулей, — никакой, ни отъ кого?“ сказалъ сэръ Джозефъ. Если есть,—подай. Вотъ у мистеръ Фишъ записная книга. Въ новый годъ я не позволю ничего вносить туда. Всякую записку счетовъ постановлено въ этомъ домѣ производить при концѣ стараго года. Такъ-что, еслибы смерть пришла....пре....пре.

„Пресѣчь,“ добавилъ мистеръ Фишъ.

„Прервать, сэръ“ весьма сухо возразилъ сэръ Джозефъ-пресѣчь „нить существованія — мои дѣла, надѣюсь, нашлись бы въ готовности.

„Милый сэръ Джозефъ!“ сказала леди, которая была моложе его, — „какъ это ужасно !“

„Леди Боулей , возразилъ сэръ Джозефъ , завязнувъ въ глубинѣ своего замѣчанія , „въ это время года мы должны думать только о — о....себѣ самихъ. Мы должны вникнуть въ наши счеты. — Мы должны чувствовать , что каждый возвратъ этого , столь важнаго по своимъ послѣдствіямъ періода въ дѣлахъ человѣческихъ, завязываетъ отношенія глубокой важности между человѣкомъ и....и его банкиромъ.

Сэръ Джозефъ такъ произнесъ эти слова, какъ бы чувствовалъ всю полноту нравоучительности сказаннаго ; онъ желалъ даже, чтобы и Тротти имѣлъ возможность убѣдиться его рѣчью. Очень вѣроятно, что онъ имѣлъ эту цѣль, оттого-что медлилъ распечатать письмо и велѣлъ Тротти подождать на минуту

Вы хотѣли, леди, чтобъ мистеръ Фишъ....написалъ къ ....замѣтилъ сэръ Джозефъ.

Digitized by Google

„Мистеръ Фишъ написалъ уже *я думаю*“ возразила леди, бросая взглядъ на письмо „Но, право, сэръ Джозефъ, *я* не думаю, что бы это было возможно. Такъ дорого!“

„Что это дорого?“ спросилъ сэръ Джозефъ.

„Это общество благотворительности, другъ мой. Вѣдь допускаютъ на подписку въ пять фунтовъ стерлинговъ — Право ужасно!“

„Вы удивляете меня, леди Боулей,“ возразилъ сэръ Джозефъ. „Развѣ избытокъ чувства долженъ быть въ соразмѣрности съ числомъ голосовъ?—или для благоустроеннаго ума, въ соразмѣрности съ числомъ просящихъ въ здравомъ состояніи того ума, къ которому приводитъ ихъ собираніе голосовъ? Нѣтъ ли тутъ высшей побудительной причины, имѣя только два голоса, располагать ими въ пользу пятидесяти человѣкъ?“

„Признаюсь, это не по мнѣ,“ сказала леди. „Впрочемъ и нельзя помогать своимъ знакомымъ. — Что до васъ, вы *другъ бѣдныхъ*, какъ извѣстно, сэръ Джозефъ. Вы и думаете иначе.“

„Да, *я другъ бѣдныхъ*;“ замѣтилъ сэръ Джозефъ, бросая взоръ на стоящаго тутъ бѣдняка.“ Пусть меня упрекаютъ за это. Меня ужь и упрекали, Но я не ищу другаго титла.“

„Благослови его Богъ, благороднаго джентельмена!“ подумалъ Тротти.

„Напримѣръ вотъ здѣсь я несогласенъ съ Кьютомъ,“ сказалъ сэръ Джозефъ, кладя письмо. Не согласенъ съ партіею Фейлера. Ни съ какою партіею не согласенъ. Моему *бѣдному другу* нѣтъ дѣла ни до чего подобнаго, и ничему подобному нѣтъ дѣла до него. Мой бѣдный другъ, въ моемъ округѣ, мое дѣло. Никто, или никакой человѣкъ не имѣетъ права вмѣшиваться между моимъ другомъ и мною. Это для меня первое условіе. Я дѣйствую въ духѣ о....о....отеческой власти относительно моего друга. Я говорю: любезный другъ! я стану поступать съ тобою по родительски.

Тоби слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ, и ему начинало становиться легче на сердцѣ.

Digitized by Google

Ты имѣешь дѣло, любезный другъ," продолжалъ сэръ Джозефъ, мелькомъ посматривая на Тоби, ты имѣешь дѣло во всякомъ случаѣ только со мною. Тебѣ нѣтъ нужды объ чемъ нибудь думать: я стану за тебя думать. Я знаю, что тебѣ полезно; я твой вѣчный родственникъ. Таково опредѣленіе премудраго Провидѣнія! — Теперь, вотъ цѣль, для которой ты созданъ: не для того, чтобы попивать, да бражничать, и скотски, чувственно предаваться наслажденіямъ" — Тоби съ угрызеніемъ совѣсти подумалъ тутъ объ рубцахъ, — а для того, чтобы чувствовать *достоинство труда*. Выходи прямо на живительный утренній воздухъ и — такъ оставайся. Живи просто и воздержно; будь почтителенъ; упражняйся въ самоотверженіи; пріучай дѣтей своихъ къ самой строгой жизни; плати подати такъ аккуратно, какъ заведеные часы; будь точенъ въ своихъ денежныхъ дѣлахъ (я укажу тебѣ добрый примѣръ: посмотри на Мистеръ Фиша, моего повѣреннаго: касса у него во всякое время на лицо), и ты можешь почитать меня своимъ *другомъ и отцомъ!*

„Нечего сказать: славные дѣтки, Сэръ-Джозефъ!" сказала Леди съ содроганіемъ. „Кто съ ревматизмомъ, кто въ лихорадкѣ, у кого переломаны ноги, кто съ одышкой, ну словомъ, всѣ роды ужасовъ!"

„И я," торжественно возразилъ Сэръ-Джозефъ, тѣмъ не менѣе, леди, другъ и отецъ бѣдныхъ. Тѣмъ не менѣе бѣдный долженъ находить у меня ободреніе. Каждую четверть года онъ можетъ обращаться къ мистеръ Фишу. Каждый Новый годъ я самъ и мои пріятели станемъ пить за его здоровье. Однажды въ каждый годъ я самъ и мои пріятели станемъ обращаться къ нему съ глубочайшимъ чувствомъ. Однажды въ теченіи своей жизни онъ получитъ, можетъ быть, еще публично, въ собраніи дворянства, какую-нибудь вещичку отъ *друга*. Когда же ему нельзя будетъ помочь ни этими возбудительными средствами, ни достоинствомъ труда — когда онъ склонится къ спокойствію гроба, тогда, Леди," — тутъ Сэръ-Джозефъ высморкался — я буду другомъ и отцемъ — въ томъ же смыслѣ — и его дѣтямъ.

Тоби былъ сильно тронутъ.

Digitized by Google

„Ахъ, сэръ Джозефъ!“ вскричала жена его,“ у васъ благодарное семейство!

„Нѣтъ, Леди, величественно сказалъ сэръ-Джозефъ,“ неблагодарность почитается кореннымъ грѣхомъ людей этого класса: и я не жду иной награды.

„Да! ужь мы родились такими дурными!“ подумалъ Тоби. „Ничто не исправитъ насъ.“

„Что я могу сдѣлать, — я и дѣлаю,“ продолжалъ сэръ-Джозефъ. Я исполняю свой долгъ, какъ другъ и отецъ бѣдныхъ, стараюсь воспитать ихъ душу, посредствомъ внушенія, при всякомъ случаѣ, великаго нравственнаго правила, въ которомъ этотъ классъ нуждается, то есть — совершенной зависимости отъ меня. Имъ нѣтъ никакого дѣла до....до себя самихъ. Если же какой нибудь злой, неблагонамѣренный человѣкъ скажетъ иное, и онѣ окажутъ нетерпѣливость и неудовольствіе, сдѣлаются виновными въ неповиновеніи и неблагодарности, что и неподлежитъ сомнѣнію: я все таки останусь ихъ отцемъ и другомъ. Это такъ предопредѣлено. Это въ порядкѣ вещей.“

Выразивъ это высокое чувство, онъ развернулъ письмо отъ Альдермана, и сталъ читать.

„Какъ нельзя учтивѣе и внимательнѣе, право!“ вскричалъ сэръ Джозефъ. — Альдерманъ, моя милая, такъ обязателенъ, что напоминаетъ мнѣ объ *отличной чести* — онъ, право, очень добръ!—съ которою онъ имѣлъ удовольствіе встрѣтить меня въ домѣ общаго нашего друга, банкира Дидльзъ, и потомъ съ особенною любезностію освѣдомляется, какъ мнѣ будетъ угодно *раздѣлаться* съ Вильямомъ Фернъ.

„Очень любезенъ! возразила леди Боулей. — А тотъ самый дурной человѣкъ вѣрно попался въ разбоѣ?

„О, нѣтъ!“ сказалъ сэръ Джозефъ, пробѣгая письмо. Не совсѣмъ, почти...., а не совсѣмъ. Онъ пришелъ въ Лондонъ, видите, будто для пріисканія работы (такъ говоритъ онъ въ оправданіе себѣ, то есть своей исторіи) и будучи ночью захваченъ сонный въ какомъ-то сараѣ, на другое утро приведенъ къ Альдерману. Альдерманъ замѣчаетъ (и очень бла-

Digitized by Google

горазумно), что онъ рѣшился уничтожить поступки такого рода, и что если мнѣ угодно, чтобъ это было исполнено относительно Вильяма Фернъ, то онъ почелъ бы себя счастливымъ начать съ него."

„Онъ непремѣнно долженъ быть примѣромъ такой строгости," возразила леди. Прошлую зиму, какъ я учредила въ деревнѣ между взрослыми мущинами и дѣтьми легкія работы, очень приличныя для вечерняго занятія, и по новой системѣ положила на музыку приличные стихи, чтобы они пѣли ихъ во время работы; этотъ самый Фернъ,—какъ теперь смотрю я на него,— снялъ шляпу и сказалъ: покорнѣйше прошу, извините: — но не ужли я ничѣмъ не отличаюсь отъ какой нибудь дѣвушки?— Конечно, я ожидала этого: кто можетъ надѣяться отъ этого народа чего нибудь, кромѣ дерзости и неблагодарности? Но все таки это было не кстати. Сэръ Джозефъ! окажите надъ нимъ примѣръ строгости.

„Г-мъ!" кашлянулъ сэръ Джозефъ." Мистеръ Фишъ, не угодно ли вамъ выслушать? —

Мистеръ Фишъ въ тужъ минуту схватился за перо и написалъ со словъ сэръ Джозефа:

„*По секрету.* Милостивый государь! Я очень обязанъ вамъ за ваше благосклонное предложеніе относительно извѣстнаго Вильяма Фернъ, о которомъ, долженъ къ сожалѣнію сознаться, я не могу сказать ничего благопріятнаго. Я, по обыкновенію моему почиталъ себя его отцемъ и другомъ, и былъ, (что, признаюсь съ огорченіемъ, всегда случается) вознагражденъ неблагодарностію и постояннымъ сопротивленіемъ къ моимъ планамъ. Это голова буйная и возмутительная. Его характеръ не подлежитъ сомнѣнію. Ничто не можетъ убѣдить его быть счастливымъ такъ, какъ бы онъ могъ. Вслѣдствіе сихъ обстоятельствъ, мнѣ кажется, признаюсь вамъ, что, когда онъ опять придетъ къ вамъ (что онъ обѣщалъ въ продолженіи вашихъ допросовъ исполнить завтра, какъ вы говорите, и въ чемъ, думаю, можно на него положиться), задержать его на нѣкоторое короткое время, какъ бродягу, было бы услугою обществу, и послужило бы спасительнымъ примѣромъ въ странѣ— ибо для дѣла тѣхъ, которые суть, во всякомъ случаѣ, друзья

Digitized by Google

и отцы бѣдныхъ, и относительно этого, говоря вообще, развращеннаго класса, — примѣры весьма необходимы. Если“ — и такъ далѣе.

„Кажется“ замѣтилъ сэръ Джозефъ, подписавши это письмо, и когда мистеръ Фишъ запечаталъ его, какъ будто это дѣло совершенно рѣшено. При окончаніи года я заключаю свои счеты и свожу балансы Вильямомъ Ферномъ!

Тротти, который уже давно опять упалъ духомъ и былъ очень печаленъ, подошелъ съ плачевнымъ лицемъ, чтобы взять письмо.

„Кланяйся алдерману и благодари его,“ сказалъ сэръ Джозефъ. — „Э! постой!“

„Постой!“ словно эхо возгласилъ мистеръ Фишъ.

„Ты слышалъ, можетъ быть,“ сказалъ сэръ Джозефъ голосомъ оракула,“ нѣкоторыя замѣчанія, въ которыя входилъ я по случаю того торжественнаго періода времени, до котораго мы достигли, и объ обязанности нашей приводить въ порядокъ свои дѣла и быть готовыми. Ты замѣтилъ, что я не скрывался отъ этого за высокимъ моимъ положеніемъ въ обществѣ; но что мистеръ Фишъ — этотъ господинъ — держитъ на готовѣ записную книгу, и находится здѣсь именно для того, чтобы я могъ имѣть возможность безъ труда перемѣнить жизнь и вступить въ предлежащую эпоху съ оконченными счетами. Теперь, другъ мой, можешь ли ты положить руку на сердце и сказать, что и ты также приготовился къ Новому году?

„Боюсь, Сэръ,“ пробормоталъ Тротти, робко смотря на него, „что я не....немного не поспѣлъ за другими.

„Не поспѣлъ за другими!“ повторилъ сэръ Джозефъ Боулей съ ужасающею разстановкою.

„Боюсь, сэръ,“ лепеталъ Тротти,“.... тутъ дѣло идетъ о десяти или двѣнадцати шиллингахъ, что я долженъ мистрисъ Чикинстокеръ.“

„Долженъ мистрисъ Чикинстокеръ!“ повторилъ сэръ Джозефъ прежнимъ голосомъ.

Вотъ что у которой мелочная, лавка-то вскричалъ Тоби.... Да еще не множко на счетъ подати.... такъ бездѣлицу! извѣстно, не слѣдуетъ быть должнымъ: и мнѣ, право, куда какъ было тяжко!“

Digitized by Google

Сэръ Джозефъ посмотрѣлъ на жену, на Мистеръ Фиша, на Тоби; два разъ онъ обвелъ ихъ взоромъ одного за другимъ. Потомъ отчаянно взмахнулъ обѣими руками, какъ будто бы желая этимъ сказать: вотъ что тутъ теперь дѣлать?

„Вотъ еще человѣкъ изъ этого безпечнаго, неисправимаго племени! старикъ, покрытый сѣдинами, — и можетъ смотрѣть въ лице новому году, когда дѣла его въ такомъ положеніи; какъ можетъ онъ лечь въ постель ночью и встать съ нея утромъ!.... Но довольно, сказалъ онъ," оборачиваясь къ Тротти спиною. „Возьми письмо. Возьми."

„Сердечно хотѣлъ бы, чтобы это было иначе, Сэръ," сказалъ Тротти, желая оправдать себя." Мы право очень много терпѣли!"

Сэръ Джозефъ все повторялъ: „возьми письмо!" а Мистеръ Фишъ, кромѣ того что твердилъ тоже самое, прибавилъ къ требованію вспомогательное средство, толкая Тротти къ двери, и этому не осталось ничего другаго, какъ поклониться и выйти изъ дому. А на улицѣ бѣдный Тротти нахлобучилъ себѣ на голову свою истасканую, старую шляпенку, чтобы скрыть горе, которое онъ чувствовалъ, не найдя себѣ нигдѣ отрады для новаго года.

Онъ не приподнялъ шляпы даже и для того, чтобы посмотрѣть на колокольню, когда возвратился къ старой церкви. Онъ остановился тутъ только на одну минуту, по обыкновенію, и замѣтилъ, что уже стемнѣло, и что колокольня возвышалась надъ нимъ, непримѣтно исчезая въ мракѣ воздуха. Онъ догадался, что скоро раздастся звонъ, и что звуки его, въ такую пору, пѣвали для его воображенія слова на какіе-то заоблачные голоса. И онъ очень поторопился, чтобы отдать Алдерману письмо, и чтобы уйти отсюда прежде, нежели начнется звонъ: онъ боялся, чтобы колокола не примѣшали къ прежнимъ своимъ напѣвамъ, новыхъ: *„друзья и отцы! друзья и отцы!"*

Тоби исправилъ свое порученіе и потомъ со всевозможною поспѣшностію пустился домой. Но съ своею походкою, которая вѣрно была самая неуклюжая, какую только видѣли

Digitized by Google

на всей улицѣ, и съ своею нахлобученною шляпою, что также не могло помочь первому горю, онъ разомъ на кого-то наткнулся и былъ сшибенъ съ дороги.

„Прошу прощенія!“ сказалъ Тротти, стаскивая шляпу съ большимъ замѣшательствомъ, и суя голову между разорванною тульею и верхомъ шляпы во что то, похожее на улей.“ Вѣдь я не зашибъ васъ?“

Чтобы зашибить другаго, Тоби вовсе не былъ Самсономъ: гораздо было легче кому нибудь зашибить его самого: и въ самомъ дѣлѣ онъ какъ перышко слетѣлъ съ дороги. Однакоже онъ былъ такого мнѣнія о своей силѣ, что заботился только о встрѣтившемся ему человѣкѣ, и опять спросилъ его.

„Вѣдь я не зашибъ васъ?“

Человѣкъ, на котораго онъ наткнулся, былъ загорѣлый отъ солнца, мускулистый, грубой наружности мужчина, съ сѣдыми волосами и не бритою бородою; онъ съ минуту посмотрѣлъ на Тоби, какъ бы подозрѣвая, не шутитъ ли онъ. Потомъ увѣрясь въ его чистосердечіи, онъ отвѣчалъ:

„Нѣтъ, дружище, не зашибъ.“

„И ребенка также?“ спросилъ Тоби.

„И ребенка также,“ возразилъ незнакомый. Очень вамъ благодаренъ.“

Говоря это, онъ взглянулъ на сонную дѣвочку, которую держалъ на рукахъ; накрылъ ей лице концемъ стараго платка, который былъ у него на шеѣ, и тихо пошелъ своей дорогой.

Голосъ, какимъ сказалъ онъ, „очень вамъ благодаренъ“ тронулъ Тротти до сердца. Прохожій былъ такъ печаленъ, истомленъ, изнуренъ ходьбою, и смотрѣлъ около себя такъ отчаянно и дико, что ему, какъ видно, было пріятно имѣть возможность поблагодарить кого бы то ни было, — и нужды нѣтъ за что. Тоби стоялъ, пристально смотря, какъ онъ уходилъ, тяжело передвигая ноги, съ ребенкомъ обвившимся рукою около его шеи.

И Тротти стоялъ смотря на этого человѣка, въ старыхъ башмакахъ, — теперь они были только тѣнью, призракомъ башмаковъ, — въ онучахъ изъ невыдѣланной кожи, въ простомъ

Digitized by Google

кафтанѣ, въ широкой шляпѣ, — да на ребенка, который обвился рукою около его шеи: для всего прочаго, что было на улицѣ, Тоби былъ слѣпъ.

Прохожій остановился прежде, нежели Тоби за темнотою потерялъ его изъ виду, посмотрѣлъ вокругъ себя, и видя, что Тротти все еще стоитъ на прежнемъ мѣстѣ, казалось, былъ въ нерѣшимости — воротиться, или идти далѣе. Вотъ онъ сдѣлалъ шагъ назадъ, шагъ впередъ — и наконецъ воротился. Тротти встрѣтилъ его на половинѣ пространства, которое ихъ раздѣляло

„Можетъ быть, вы можете,“ молвилъ прохожій съ легкою улыбкою,“ сказать мнѣ, и если можете, то вѣрно скажете, — а мнѣ не хотѣлось бы спрашивать кого другаго, — гдѣ живетъ Альдерманъ Кютъ.“

„Близехонько отсюда,“ возразилъ Тоби, „и я съ удовольствіемъ покажу вамъ домъ его.“

„Мнѣ бы надобно идти къ нему завтра,“ сказалъ прохожій, идучи за Тоби; „да мнѣ какъ то тяжело оставаться въ подозрѣніи, и хотѣлось бы объясниться, чтобъ быть свободнымъ идти промышлять себѣ хлѣбъ .... а гдѣ и самъ не знаю. Авось онъ проститъ, что я пришелъ ночью.“

„Это невозможно.“ вскричалъ Тоби съ ужасомъ: „ваше имя Фернъ!“

„Что?“ вскричалъ этотъ, оборачиваясь къ Тоби съ удивленіемъ.

„Фернъ! Уильямъ Фернъ!“ — сказалъ Тротти.

„Да, это мое имя,“- сказалъ другой.

„Такъ, слушайтежь,“ вскричалъ Тоби, схвативъ его за руку и боязливо озираясь: „ради самаго Бога, не ходите къ нему! онъ погубитъ васъ: это такъ вѣрно, какъ вотъ вы тутъ стоите. Подите ка сюда, въ переулокъ, такъ я разскажу вамъ, что я знаю. Ужь не ходите къ *нему*.“

Новый знакомецъ Тротти посмотрѣлъ на него, какъ на сумасшедшаго, однакожь пошелъ за нимъ. — Когда они пришли въ такое мѣсто, гдѣ не всякій могъ ихъ замѣтить, Тротти разсказалъ все, что зналъ, — какое письмо носилъ онъ, и все, и все.

Digitized by Google

Человѣкъ, который былъ предметомъ этой исторіи, слушалъ все такъ холодно, что Тротти удивился. Онъ ни разу не возразилъ Тротти, ни прервалъ его, отъ времени до времени только кивалъ головою, и то, какъ казалось, болѣе въ подтвержденіе того, что ему говорили, чѣмъ для отрицанія; да два-три раза снималъ шляпу и проводилъ рукою по лбу, гдѣ каждое движеніе, казалось, оставляло слѣдъ, — вотъ и все.

„Большею частію это довольно справедливо," сказалъ онъ. „Мнѣ вездѣ все только хлопоты: — ну пусть такъ! что нужды? — Я, видишь, на свою бѣду, противился его намѣреніямъ. Что дѣлать? чѣмъ пособить? да вотъ и завтра я сталъ бы дѣлать тоже. Чтожь до нашего поведенія, такъ эти господа хотятъ пытать да испытывать, смотрѣтъ да разсматривать, и найти чистымъ его отъ всякаго пятна и порока, прежде чѣмъ рѣшиться помочь намъ хоть однимъ словомъ! — хорошо! А вѣрно они не теряютъ такъ скоро доброй славы, какъ мы; или уже жизнь ихъ въ самомъ дѣлѣ такъ плоха, что не стоитъ ее и поддерживать. Слушай же, другъ, я никогда не бралъ этою рукою — онъ протянулъ передъ собою руку — ничего, что бы мнѣ не принадлежало; никогда она не отказывалась отъ труда, какъ бы онъ тяжекъ ни былъ и какъ бы скудно за него ни платили. Кто можетъ опровергнуть это — тотъ пусть отрубитъ ее! Но когда работа не можетъ содержать меня, какъ слѣдуетъ человѣка; когда мое житье такъ горько, что должно голодать и дома и не-дома; когда я вижу, что вся жизнь такъ начинается, такъ и проходитъ, такъ и кончится, безъ всякой отмѣны, или перемѣны: тогда я скажу всѣмъ этимъ господамъ: прочь отъ меня! оставьте хоть эту лачужку за мною. Мой путь и такъ ужь печаленъ: чтожь вамъ прибавлять къ нему новыя печали? Не ждите, что бы я пришелъ въ паркъ, чтобъ увеличить собою торжество, когда тамъ празднуется день рожденія, или бываетъ бесѣда значительныхъ господъ съ народомъ, или что другое. Свершайте безъ меня свои игры и забавы: пусть онѣ будутъ для васъ пріятны и веселы. А намъ другъ до друга дѣла нѣтъ: мы лучше пробудемъ одни!"

Увидѣвъ, что дѣвочка, которая была у него на рукахъ, открыла глаза, и съ удивленіемъ смотрѣла вокругъ себя, онъ

Digitized by Google

остановился, шепнулъ ей два-три ласковыхъ слова, въ которыхъ для другаго уха не былобъ и смыслу, и поставилъ ее подлѣ себя на земь. И между тѣмъ, какъ она, тихо обертывала свой длинный локонъ, словно кольцо около его шероховатаго пальца, оперлась о его запыленную ногу, онъ сказалъ Тротти.

„Думаю, что я отъ природы не злой человѣкъ, — и что меня легко сдѣлать довольнымъ. Ни къ кому у меня нѣтъ ненависти: я только хотѣлъ бы жить, какъ и всякая божья тварь. Да не могу, — ну и не живу: а отъ того у меня и выходитъ разладье съ тѣми, которые могутъ жить по своей волѣ. Есть и другіе, такіе же, какъ я: ихъ можно считать сотнями, тысячами, а не то что по одиначкѣ.“

Тротти зналъ, что онъ говоритъ сущую правду, и покачалъ головою въ знакъ согласія.

„На меня пала дурная слава,“ сказалъ Фернъ: „боюсь что она лучше не будетъ. Не годится такъ унывать, какъ я, да что прикажешь? Богъ видитъ, что я лучше бы хотѣлъ быть веселымъ, да не могу!

„Не знаю, какъ бы этотъ Алдерманъ могъ еще болѣе порочить меня, отправивъ въ тюрьму? Ну, а если какой другъ за меня не замолвитъ: онъ можетъ это сдѣлать. — А видите“ сказалъ онъ, показывая на дѣвочку.

„Какая она хорошенькая,“ сказалъ Тротти.

Тото же! возразилъ другой, тихимъ голосомъ, и ласково повернувъ ее къ себѣ обѣими руками и смотря на нее пристально. Много разъ я думалъ объ этомъ. Я думалъ объ этомъ, когда у меня было холодно на очагѣ и пусто на столѣ. Я думалъ объ этомъ и въ ту ночь, когда насъ схватили, какъ воровъ. Но они — пристало-ли имъ такъ часто мучить бѣдняковъ, пристало-ли, Лиліана? — это ужь не въ силу человѣку!“

Онъ говорилъ такъ тихо и смотрѣлъ на нее такъ угрюмо и дико, что Тоби, чтобы развлечь его мысли, спросилъ его: живали у него жена?

„Я никогда не былъ женатъ,“ возразилъ онъ, качая головою. Это дочь моего брата, сиротка. Ей девять лѣтъ, чему,

Digitized by Google

можетъ, вы съ трудомъ повѣрите; но она теперь устала и похудѣла. Ее было взяло на свое попеченіе благотворительное общество; а заведеніе было за двадцать-восемь миль оттуда, гдѣ мы жили; что за жизнь въ четырехъ стѣнахъ! (туда же взяли моего стараго отца, когда онъ не могъ ужь больше работать, тамъ онъ недолго былъ имъ въ тягость!), и вотъ вмѣсто этого я взялъ ее къ себѣ, и она жила со мною до сихъ поръ. У ея матери была подруга, здѣсь въ Лондонѣ. Мы было пытались отыскать ее, найти работы: — да гдѣ въ такомъ большомъ городѣ. Ну, что нужды! — намъ больше мѣста бродить, Лилли! „И онъ смотрѣлъ ребенку въ глаза съ такою улыбкою, которая больше смутила Тоби, чѣмъ бы иныя слезы, и Тоби пожалъ ему руку.

Я даже не знаю вашего имени, продолжалъ тотъ, но я свободно открылъ вамъ всю душу; оттого-что очень вамъ благодаренъ и не попустому. Послушаюсь вашего совѣта и остерегусь отъ этого“....

„Правосудія,“ прибавилъ Тоби.

„Да! сказалъ онъ,“ коли оно такъ у нихъ называется, — этого правосудія. — Завтра я попытаю счастья, если только можно его встрѣтить, гдѣ-нибудь около Лондона. — Доброй ночи. Счастливаго новаго года.

„Стой!“ вскричалъ Тротти, схвативъ его за руку, „Стой! новый годъ не можетъ быть для меня счастливъ, если вы такъ уйдете. Новый годъ не можетъ быть для меня счастливъ, если я только-что стану смотрѣть, какъ этотъ ребенокъ и вы пойдете, сами не зная куда, не имѣя крова! Пойдемъ ко мнѣ! Я бѣдный человѣкъ; у меня каморка; но все жь я могу дать вамъ на ночь мѣсто; мнѣ оно ненужно. — Пойдемъ ко мнѣ — сюда! — Я самъ возьму ее,“ вскричалъ Тоби, поднимая дѣвочку. „Эдакая милушка; Я нашивалъ въ двадцать разъ тяжелѣе, и никакъ не думалъ, что встрѣчу такую. Скажи, спокойноли тебѣ, какъ я иду? Я вѣдь хожу очень шибко; я ужь всегда такъ. Говоря это, Тротти сѣменилъ шаговъ по шести на каждый размашистый шагъ своего усталаго товарища, и качался на тоненькихъ ножкахъ подъ своею ношею.

Digitized by Google

„Да, она такъ легка," сказалъ Тротти, также частя языкомъ, какъ и ногами, — онъ хотѣлъ этимъ избѣжать благодарности и боялся одной минуты промолчать, — такъ легка, словно перо. Вотъ мы тутъ живемъ, пойдемъ сюда! Вотъ сказалъ онъ поворотимъ на право, дядя Ульямъ, да миновавъ насосъ, пойдемъ по корридору что на лѣво, прямо противъ трактира. — Вотъ мы тутъ живемъ, пойдемъ сюда. — Переходи, дядя Ульямъ, и замѣть наугду пирожника! Вотъ мы тутъ живемъ, пойдемъ сюда! — тутъ, за конюшнею, дядя Ульямъ и остановись у черной двери, съ надписью на дощечкѣ: *Т. Векъ, коммисіонеръ разнощикъ*, — тутъ мы и живемъ, пойдемъ туда ...да вотъ мы и въ самомъ дѣлѣ пришли, моя дорогая Мегъ, тебѣ на удивленіе!"

Съ этими словами Тротти, совсѣмъ запыхавшись, поставилъ ребенка посередь полу передъ своею дочерью. Маленькая гостья посмотрѣла на Маргариту, и съ полной довѣренностью къ ея лицу, и ко всему, что она тамъ видѣла, кинулась въ ея объятія.

„Вотъ тутъ мы живемъ, пойдемъ, сюда! кричалъ Тротти вертясь по комнатѣ и почти задыхаясь. Сюда, дядя Ульямъ, видите здѣсь есть огонь: что вы не подойдете къ огню? Вотъ тутъ мы живемъ, пойдемъ сюда. Мегъ, душа моя, гдѣ чайникъ? Да вотъ онъ тутъ! поди сюда! — Ну онъ сей часъ закипитъ."

Тротти дѣйствительно суетливо отыскалъ гдѣ-то чайникъ и поставилъ его на огонь; между тѣмъ Маргарита посадила дѣвочку въ теплый уголокъ, стала передъ ней на колѣна, сняла съ нея башмаки и терла ей ноги ветошкой. И вмѣстѣ съ тѣмъ она такъ ласково, съ такою любовію улыбалась Тротти, что онъ тутъ же, какъ она была на колѣнахъ, благословилъ бы ее: при ихъ входѣ, онъ замѣтилъ, что она сидѣла у огня и плакала.

„Ахъ, батюшка," сказала Маргарита, ты, кажется, бредилъ сего дня ночью. Не знаю, чтобы сказали на это колокола. Бѣдныя ножки! Какія холодныя!"

„О, нѣтъ! теперь онѣ согрѣваются!" вскричала дѣвочка. Вотъ и совсѣмъ согрѣлись!"

Digitized by Google

„Нѣтъ, нѣтъ!“ сказала Маргарита. Мы еще мало ихъ терли. Онѣ такъ устали; такъ устали. А вотъ какъ онѣ согрѣются, мы разчешемъ мокрые волосы; а какъ разчешемъ волосы, освѣжимъ личико холодною водою, а какъ умоемся, такъ станемъ такія веселенькія, рѣзвенькія, счастливыя!“ —

Дѣвочка, рыдая, обвилась ей около шеи; трепала ручкою по ея прекрасной щекѣ, и говорила: „Ахъ, Мегъ! милая Мегъ!“

И благословеніе самого Тротти не могло сдѣлать болѣе этого. Кто могъ сдѣлать болѣе?

„Ахъ батюшка!“ вскричала Маргарита послѣ нѣкотораго молчанія.

„Вотъ я здѣсь живу, сюда и пойду, моя милая, сказалъ Тротти.

„Господи Боже мой! Онъ помѣшался! — чепчикомъ этой малютки онъ покрылъ чайникъ, а крышку повѣсилъ на дверь.

„Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, моя милая, сказалъ Тротти, торопливо поправляя свою ошибку. „Мегъ, моя милая?“

Маргарита посмотрѣла на него и увидала, что онъ нарочно сталъ за стуломъ своего гостя, откуда съ таинственнымъ видомъ показывалъ ей заработанные шесть пенсовъ.

„Шедши сюда, моя милая, я видѣлъ гдѣ-то на лѣстницѣ лежало съ полунца чаю, и навѣрное знаю, что тамъ былъ еще кусокъ ветчины. А хорошенько не знаю, гдѣ это именно; такъ я пойду самъ, и поищу.

Вслѣдъ за этой мастерскою хитростью, Тротти отправился закупать припасы, о которыхъ онъ говорилъ, на наличныя деньги у мистрисъ Чикинстокеръ. Вскорѣ онъ возвратился, и объявивъ, что, съ начала, ему не удалось найти за тѣмъ что было темно.

„Какъ бы то ни было, вотъ они,“ сказалъ Тротти, ставя чайный приборъ, все въ порядкѣ! Я очень зналъ, что это было чай и кусокъ ветчины. Мегъ, баловница, не угодно ли вамъ приготовить чай, а между тѣмъ, вашъ недостойный родитель станетъ поджаривать ветчину и мы тотчасъ будемъ готовы. Любопытная вещь,“ сказалъ Тротти, исправляя съ по

Digitized by Google

мощью вилки должность повара, — любопытная вещь, хотя и очень извѣстная всѣмъ друзьямъ моимъ, что я самъ не употребляю ни ветчины ни чаю. Я люблю смотрѣть, какъ другіе лакомятся этимъ," продолжалъ Тротти, говоря какъ можно громче, чтобы его слова сдѣлали большее впечатлѣніе на его гостя," а мнѣ они, какъ пища, вовсе непріятны."

Однакожь Тротти нюхалъ запахъ шипящей на огнѣ ветчины такъ, какъ бы и любилъ ее. А когда сталъ обдавать кипяткомъ чай, то умильно заглянулъ въ чайникъ, и наслаждаясь благовоннымъ паромъ, который вился около его носу, и закрывалъ густымъ облакомъ его лице и голову. Но за всѣмъ тѣмъ онъ не ѣлъ и не пилъ, кромѣ того, что съ самаго начала, и такъ, чтобы только отвѣдать, взялъ маленькій кусочикъ, который повидимому, съѣлъ съ особеннымъ вкусомъ, хоть и сказалъ притомъ, что это для него вовсе неприманчиво.

Нѣтъ! его дѣло было только что смотрѣть, какъ ѣли и пили Уильямъ Фернъ и Лиліанъ; тоже занимало и Маргариту. И никода, даже при обѣдахъ, которые давались отъ городскаго начальства, или при дворѣ, не бывало зрителей, которые бы находили такое высокое удовольствіе смотрѣть, какъ пировали другіе, хоть бы пирующіе были король или папа, какое чувствовали отецъ съ дочерью, смотря въ этотъ вечеръ на ужинъ своихъ гостей. Маргарита улыбалась Тротти, — Тротти улыбался Маргаритѣ, Маргарита качала головою и показывала видъ, что готова хлопать въ ладоши. Тротти, а Тротти передалъ Маргаритѣ знаками непонятный разсказъ о томъ, какъ, гдѣ и когда онъ нашелъ своихъ гостей: — и они оба были счастливы, очень счастливы!

„Однако," печально подумалъ Тротти, я вижу, что помолвка разстроена."

„Теперь я скажу вамъ вотъ что, молвилъ Тротти послѣ чаю;" я знаю, что эта крошка ляжетъ съ Маргаритой.

„Да! съ моей доброй Маргаритой!" вскричала дѣвочка, ласкаясь къ ней," съ Маргаритой?

„Дѣло, сказалъ Тротти." А знаешь ли, вѣдь я бы нисколько не удивился, если бы ты поцѣловала Маргаритина отца: что, поцѣлуешь? — Ну, вотъ я отецъ Маргариты."

Digitized by Google

Очень пріятно было Тротти, когда дѣвочка робко подошла къ нему и, поцѣловавши, опять убѣжала къ Маргаритѣ.

„Она умна, какъ Соломонъ,“сказалъ Тротти.“ Мы пришли сюда и здѣсь....нѣтъ, не то, — я не то хотѣлъ я....что бишь я сказалъ, Мегъ?

Маргарита посмотрѣла на своего гостя, который, опершись къ ней на стулъ и отвернувшись отъ нея, гладилъ ребенка по головѣ, вполовину скрытой у Маргариты въ колѣняхъ.

„Да, конечно! сказалъ Тоби. Конечно! — Не знаю, что насумасбродилъ ночью. Кажется, я сбился съ толку. Уильямъ Фернъ, пойдемте со мною. Вы устали до смерти; вамъ очень нужно отдохнуть. Пойдемте со мною.

Уильямъ все игралъ кудрями ребенка, стоялъ опершись на стулъ Маргариты и все смотрѣлъ въ противную отъ нея сторону. Онъ не говорилъ, но въ его толстыхъ шероховатыхъ, пальцахъ которыми онъ перебиралъ въ прекрасныхъ волосахъ дитяти, было много выразительнаго краснорѣчія!

„Да, да!“ сказалъ Тротти, безсознательно отвѣчая на то, что онъ замѣтилъ на лицѣ своей дочери.“ Возьми ее съ собою, Мегъ. Положи въ постелю. Ну теперь, Уильямъ Фернъ, я покажу вамъ, гдѣ лечь. Мѣста немного: только сѣнникъ. Но имѣя сѣнникъ, я всегда говорю, что ничего нѣтъ удобнѣе, какъ жить въ конюшнѣ; пока этотъ сарай и конюшня не сыщутъ лучшаго наемщика, жить здѣсь дешево. На сѣнникѣ множество свѣжаго сѣна, которое принадлежитъ сосѣду; и онъ такъ чистъ, какъ только руки и Маргарита могли сдѣлать его чистымъ. Ну же, веселѣе! Не унывать! — Надо всегда имѣть новое сердце для новаго года!

Рука Уильяма опустила волосы ребенка, и дрожащая упала въ руку Тротти. А Тротти болтая безъ умолку, повелъ его съ такою нѣжностію и ловкостью, какъ бы самъ былъ ребенкомъ.

Возвратясь къ Маргаритѣ, онъ послушалъ съ минуту у двери ея маленькой комнаты, которая была рядомъ съ первою.—Дѣвочка лепетала простую молитву, готовясь лечь спать; вспомнивъ имя Маргариты, она прибавила „милая, дорогая!“ — слова ея лились,—Тротти услышалъ, что она молилась и за него.

Digitized by Google

Прошло нѣсколько времени, прежде нежели старый безумецъ могъ опомниться, — поправить огонь и придвинуть свой стулъ къ теплому очагу. Кончивъ это, и снявъ со свѣчи, онъ вынулъ изъ кармана свой листокъ газеты и принялся читать. Сначала онъ беззаботно пробѣгалъ по столбцамъ, но вскорѣ углубился въ нихъ съ сильнымъ, угрюмымъ вниманіемъ.

Отъ того-что этотъ страшный листокъ снова навелъ думы Тротти на тотъ путь, по которому онѣ бродили весь этотъ день, и которые припомнили ему и указали происшествія этого дня. Участіе, принятое имъ въ двухъ бѣднякахъ, дало-было на время иное и лучшее теченіе его мыслямъ: но оставшись одинъ, и читая о преступленіяхъ и буйствахъ народа, онъ опять попалъ на прежнюю дорогу.

Въ такомъ расположеніи духа онъ дошелъ до разсказа (и это ужь былъ не первый, который онъ прочелъ, въ этомъ родѣ) объ одной женщинѣ, которая съ отчаянія наложила руки не только на себя, но и на своего ребенка. Преступленіе столь ужасное и столь возмутительное для души, еще болѣе увеличивало любовь его къ Маргаритѣ, и онъ уронилъ журналъ и, блѣдный, упалъ на заспинокъ стула.

„Неестественно и жестоко!“ вскричалъ Тоби. Неестественно и жестоко! — Только тотъ, у кого дурное сердце; кто родится злымъ, — кто не нуженъ на землѣ: только тотъ можетъ дѣлать такія дѣла. Очень справедливо все, что я слышалъ сегодня; слишкомъ доказано! — Мы злые люди!“

Звонъ покрылъ эти слова такъ внезапно, раздался такъ громко, и ясно и звучно, что, казалось, пригвоздилъ Тоби къ стулу.

И чтожь говорилъ онъ?

„Тоби Векъ, Тоби Векъ, мы ждемъ Тоби! Тоби Векъ, Тоби Векъ, мы ждемъ Тоби! Поди къ намъ, поди къ намъ; тащи къ намъ его, тащи къ намъ его, бѣги за нимъ, лови его, бѣги за нимъ, лови его; буди его, буди его! Тоби Векъ, Тоби Векъ, дверь отворена для Тоби, Тоби Векъ, Тоби Векъ, дверь отворена для Тоби!“ — Потомъ звонъ съ новою яростію возвращался къ началу своей пѣсни; казалось и самые кирпичи и штукатурка стѣнъ ему вторили.

Digitized by Google

Тоби слушалъ. — Мечта! мечта! Это упреки совѣсти за то, что онъ ушелъ отъ колокольни нынче послѣ обѣда! Нѣтъ, нѣтъ. Это не мечта! — Вотъ опять, опять, и двѣнадцать разъ опять. „Бѣги за нимъ, лови его; тащи его къ намъ, тащи его къ намъ!“ оглушало цѣлый городъ.

„Мегъ,“ тихо сказалъ Тротти, стучась къ ней въ дверь. Ты слышишь что нибудь?“

„Я слышу звонъ, батюшка. Ночью онъ раздается очень громко.“

„Что она уснула?“ сказалъ Тоби, извиняясь, что заглянулъ въ дверь.

„Такъ спокойно и счастливо! Однакожь я еще не могу ее оставить. Посмотри, какъ она держитъ меня за руку!“

Мегъ! шепталъ Тротти: Слушай колокола. И она слушала оборотясь къ нему лицемъ во все это время. Но лице ея не измѣнилось: она не поняла колоколовъ.

Тротти ушелъ, сѣлъ на прежнѣ мѣсто у огня и опять сталъ слушать. Но онъ не долго тутъ пробылъ.

Нельзя было долѣе терпѣть: сила ихъ была ужасна.

„Если дверь башни въ самомъ дѣлѣ отворена“ сказалъ Тоби, кладя свой фартукъ и не думая взять шляпу, „такъ что мѣшаетъ мнѣ взойти на колокольню и самому убѣдиться? Если она затворена: мнѣ и не нужно другаго доказательства. Этого довольно.“

Крадучись тихо по улицѣ, онъ былъ совершенно увѣренъ, что найдетъ дверь затворенною и запертою, оттого-что онъ очень хорошо зналъ эту дверь и такъ рѣдко видалъ ее отворенною, что не могъ бы насчитать всего на все болѣе трехъ разъ. Эта дверь была низкая арка съ внѣшней стороны церкви, въ темномъ углу, позади колокольни; у ней были такія огромныя желѣзныя петли и такой чудовищный замокъ, что за ними почти во все невидно было двери.

Но каково было его удивленье, когда онъ — прошедши безъ шляпы къ церкви, и протянувъ руку въ темный уголъ съ какимъ-то предчувствіемъ, что ее кто нибудь вдругъ схватитъ и

Digitized by Google

съ боязливымъ намѣреніемъ отдернуть ее,—нашелъ, что дверь, которая отворялась наружу, дѣйствительно была полуотворена.

Онъ хотѣлъ, пораженный этимъ неожиданно, идти назадъ; или принести огня, или привести кого нибудь съ собою; но мужество ободрило его, и онъ рѣшился взойти одинъ.

„Чего мнѣ бояться?“ сказалъ Тротти: это церковь! „При томъ же тамъ, можетъ быть, звонари, и позабыли запереть дверь.“

И такъ онъ вошелъ, ощупывая дорогу, словно слѣпой; оттого что было очень темно. Все тихо: колокола молчали.

Въ проходъ надуло съ улицы пыли, и она, накопившись тамъ, и лежа кучею дѣлала его подъ ногою мягкимъ, будто онъ былъ покрытъ бархатомъ, — такъ что и въ этомъ было что-то страшное. Небольшая лѣстница была такъ близко къ двери, что Тоби споткнулся на нее съ перваго шагу. Падая онъ затворилъ за собою дверь, оттого-что ударомъ ноги онъ такъ сильно распахнулъ ее, что она отскочивъ назадъ, захлопнулась, и онъ уже не могъ опять отворить ее.

Это было, между прочимъ, новою причиною идти наверхъ. Тротти ощупывая дорогу, сталъ подниматься. — Выше и выше; все кругомъ и кругомъ; все выше и выше.

Это была непріятная лѣстница для всходу ощупью: такая низкая и узкая, что рука его безпрестанно до чего нибудь дотрогивалась: онъ часто чувствовалъ, какъ бы человѣка или духа, которые стояли тамъ на вытяжку и давали ему дорогу, что бы онъ прошелъ, не замѣтивъ ихъ, и онъ шарилъ гладкую стѣну сверху, ища ихъ головы, и снизу, ища ихъ ногъ, между тѣмъ какъ его обдавало рѣзкимъ холодомъ. Два-три раза какая нибудь дверь или углубленіе встрѣчались на этой однообразной глади стѣнъ; и тогда казалось, что это отверстіе было шириною со всю церковь; а Тротти воображалъ себя на краю пропасти, готовымъ летѣть въ нее стремглавъ, до тѣхъ поръ, пока снова не находилъ стѣны.

И такъ онъ шелъ выше и выше; кругомъ и кругомъ; все выше и выше! наконецъ густая и душная атмосфера начала свѣжѣть; вотъ пахнулъ легкій вѣтерокъ; а вотъ уже подулъ столь сильный, что Тротти едва устоялъ на ногахъ. И вотъ онъ

Digitized by Google

дошелъ до полукруглаго окна башни; поднявшись къ нему по грудь и крѣпко держась, онъ посмотрѣлъ внизъ на кровли домовъ, на закоптѣвшія трубы, на точку свѣта, туда гдѣ была Маргарита, которая, можетъ быть, удивлялась, куда онъ дѣвался, и звала его: все перемѣшалось и исчезло въ туманѣ и мракѣ.

Это было то мѣсто, куда приходили звонари. Онъ могъ схватить одну изъ протянутыхъ веревокъ, которая висѣла сквозь диры въ дубовомъ потолкѣ. Сначала онъ испугался, думая, что это былъ волосъ; потомъ задрожалъ при мысли разбудить большой колоколъ. — Колокола были выше. — Тротти въ своемъ ослѣпленіи, или подъ вліяніемъ очарованія, сталъ карабкаться выше; теперь онъ взбирался по лѣстницѣ съ большимъ трудомъ, потому что она была очень крута и слишкомъ не надежна для того, что бы на нее хорошенько опереться ногою.

Выше и выше, все лѣзетъ, да лѣзетъ; все выше и выше! До тѣхъ поръ, пока поднимаясь черезъ отверстіе въ потолкѣ, онъ поднялся выше балокъ, и очутился между колоколовъ. Трудно было разсмотрѣть въ темнотѣ ихъ огромныя формы: но они были тамъ, какъ тѣни, мрачные и безмолвные.

Тяжелое чувство страха и одиночества напало на него, когда онъ вошелъ въ это воздушное гнѣздо камней и металла. Голова пошла у него кругомъ. Онъ слушалъ, и вдругъ раздалось дикое: „Ау!“

„Ау!“ плачевно повторило эхо.

Смущенный, разстроенный, испуганный, едва переводя дыханіе, Тоби безсмысленно посмотрѣлъ вокругъ себя и упалъ въ обморокъ.

ТРЕТЬЯ ЧЕТВЕРТЬ.

Черны бываютъ нависшія тучи, тревожна глубина водъ, когда море мысли, только что пробужденное отъ сна возвращаетъ своихъ мертвецовъ. Возстаютъ дикія, безобразныя чудовища, воскрешенныя какъ бы ранѣе урочнаго часа, и то вполо-

Digitized by Google

вину; многія части и формы предметовъ случайно соединяются и перемѣшиваются между собою; когда же, и какъ и съ какою дивною постепенностью, онѣ отдѣляются одна отъ другой, и каждая мысль, каждый предметъ подлежащій уму опять принимаетъ свой обычный образъ,—никто сказать не можетъ, хотя всякій человѣкъ, и каждый день, бываетъ вмѣстилищемъ этого проявленія великой тайны.

Такимъ образомъ когда и какъ темнота мрачной колокольни смѣнилась яркимъ свѣтомъ; когда и какъ уединенная башня наполнилась миріадами образовъ; когда и какъ шопотъ „поди за нимъ, лови его“ едва слышимый для Тротти сквозь сонъ или обморокъ, обратился голосомъ, громко звучащимъ въ его пробужденномъ слухѣ: „буди его!“ когда и какъ онъ пересталъ имѣть сонное и смутное понятіе о такихъ вещахъ, которыя были и о множествѣ другихъ, которыхъ не было — Тротти никакъ не могъ сказать ничего этого. Наконецъ, очнувшись и вставъ на ноги на тѣхъ самыхъ доскахъ, гдѣ онъ недавно еще лежалъ, онъ увидалъ чудное явленіе.

Онъ увидалъ, что башня, куда онъ былъ приведенъ невѣдомою силою, роилась карликами, духами, и гномическими подобіями колоколовъ. Онъ видѣлъ, какъ они безпрестанно прыгали, летали, сыпались, падали около колоколовъ. Онъ видѣлъ ихъ около себя на полу; выше себя въ воздухѣ; какъ они карабкались снизу по веревкамъ; какъ смотрѣли на него съ толстыхъ, связанныхъ желѣзомъ балокъ; какъ выглядывали на него изъ разсѣлинъ и отверстій въ стѣнахъ; какъ дальше развертывались около него расширяющимися кругами, подобно водѣ, въ которую вдругъ упадетъ тяжелый камень. Онъ видѣлъ ихъ всѣхъ видовъ и образовъ: отвратительныхъ и красивыхъ, уродливыхъ и стройныхъ. Онъ видѣлъ ихъ молодыхъ и старыхъ; видѣлъ ихъ веселыхъ и печальныхъ; онъ видѣлъ, какъ они плясали и слышалъ какъ пѣли; онъ видѣлъ какъ они драли себѣ волосы и слышалъ, какъ они выли. Онъ видѣлъ какъ отъ нихъ густился воздухъ. Онъ видѣлъ какъ они безпрестанно приходили и уходили. Онъ видѣлъ, какъ они скакали внизъ, взвивались кверху,—плавали вдали, садились близъ него—и всѣ ни на минуту не знали покоя, всѣ страшно суетились. Камни, кир-

Digitized by Google

ничи, аспидъ, черепица сдѣлались для него также прозрачными, какъ и для нихъ. Онъ видѣлъ ихъ въ домахъ, —какъ они хлопотали около постели спящихъ. Онъ видѣлъ, какъ они обольщали людей въ сновидѣніяхъ; видѣлъ, какъ они бичевали ихъ узловатыми кнутами; видѣлъ, какъ они выли имъ въ уши; видѣлъ какъ они нѣжили иныхъ пѣніемъ птицъ и благовоніемъ цвѣтовъ; онъ видѣлъ какъ они, возмущая сонъ другихъ, представляли имъ очарованными зеркалами, которыя держали въ рукахъ, страшныя лица.

Онъ видѣлъ эти существа, не только что между спящими, но и неспящими; онъ видѣлъ, какъ они были дѣятельны въ непримиримомъ преслѣдованіи другъ друга, принимая и выказывая притомъ свойства совершенно противуположныя. Онъ видѣлъ, какъ одинъ цѣплялъ себѣ огромныя крылья, чтобы увеличить свою быстроту; а другой отягощалъ себя цѣпями и тяжестями, для того чтобы ее замедлить, онъ видѣлъ, какъ одни передвигали часовую стрѣлку впередъ а другіе назадъ, а третьи старались вовсе остановить часы. Онъ видѣлъ, какъ одни представляли здѣсь брачную церемонію, а тамъ другіе, — погребальную; въ этой залѣ — избраніе, въ той — балъ. Но вездѣ была та же суета, та же неутомимая дѣятельность.

Смущенный множествомъ перемѣнъ и необыкновенными лицами, также какъ и гуломъ колоколовъ, которые звонили во все это время, Тротти оперся на деревянный столбъ и блѣдный, посматривалъ туда и сюда въ нѣмомъ и безотчетномъ удивленіи.

Между тѣмъ какъ онъ смотрѣлъ, звонъ смолкъ, и все мгновенно измѣнилось. Весь рой привидѣній омертвѣлъ: формы ихъ сжались; быстрота ихъ оставила; они хотѣли летѣть, — но падая, умирали и смѣшивались съ воздухомъ. Новыхъ явленій на мѣсто ихъ не было.—Одинъ отсталой очень проворно спрыгнулъ съ большаго колокола и упалъ къ его ногамъ но тутъ же умеръ и пропалъ прежде, нежели онъ успѣлъ повернуться. Немногіе изъ запоздалыхъ, которые кружились по башнѣ, остались тамъ нѣсколько долѣе; но и они съ каждымъ оборотомъ становились безсильнѣе, меньше, слабѣе, и вскорѣ послѣдовали за прочими. Самый послѣдній изъ всѣхъ былъ малень-

Digitized by Google

кій горбунъ, который спрятался въ уголъ и тамъ еще долго вертѣлся, и носился; этотъ показалъ такое упорство, что прежде, чѣмъ убрался совсѣмъ, онъ съёжился сначала въ аршинъ, потомъ въ четверть; наконецъ и онъ исчезъ — и на колокольнѣ стало тихо.

Тогда только, а не прежде, увидалъ Тротти при каждомъ колоколѣ слившійся съ нимъ призракъ величиною и объемомъ съ самый колоколъ—и что непонятнѣе,—что призракъ и колоколъ составляли собою одно и тоже цѣлое. Громадные, и важные, они мрачно сторожили его, между тѣмъ какъ онъ стоялъ, словно приросшій къ полу.

Таинственныя и ужасныя явленія! Они ни начто не опирались, а какбы висѣли въ ночномъ воздухѣ башни; головы ихъ убранныя и покрытыя колпаками исчезали подъ темнымъ сводомъ; они были недвижны, и безтѣлесны, — безтѣлесны и мрачны, хотя онъ и видѣлъ ихъ при свѣтѣ, который выходитъ изъ нихъ самихъ — другаго тутъ не было — съ закутанною рукою у чудовищнаго рта.

Онъ не могъ уже спуститься черезъ то отверстіе, въ которое вышелъ на колокольню: всякая способность движенія его оставила. Иначе онъ непремѣнно бы скрылся, даже бросился бы лучше съ колокольни, чѣмъ сталъ смотрѣть, какъ привидѣнія сторожили его своими глазами, которые видѣли и замѣчали все, хотя вѣки ихъ и были опущены.

И вотъ опять боязнь и страхъ уединеннаго мѣста и угрюмая, страшная ночь, которая тамъ царствовала, обняли его, какъ руки страшилища. Его отдаленность отъ всякой помощи, длинная, темная, витая лѣстница, сторожимая призраками, которая лежала между имъ и землею, гдѣ жили люди; то что онъ былъ высоко, высоко, — выше того, куда, если онъ посмотритъ бывало днемъ на летающихъ птицъ, такъ у него кружится голова; разлученіе со всѣми добрыми людьми, которые въ этотъ часъ оставались спокойно дома и спали въ своихъ постеляхъ: все это пробѣжало по немъ холодомъ не какъ размышленіе, а какъ простое ощущеніе тѣла, между тѣмъ глаза его, мысли и опасенія были устремлены на сторожащіе его

Digitized by Google

призраки, которые не были похожи ни на какія фигуры здѣшняго міра; ни глубокимъ мракомъ и сѣнію, которыя покрывали и обвивали ихъ, своими взорами, — формами и сверхъестественнымъ ростомъ, который поднимался выше потолка, хотя ихъ также легко можно было видѣть какъ и дубовыя рамы, рѣшетки, перекладины и балки, на которыхъ висѣли колокола. Привидѣнія прорѣзывались между всего этого, какъ будто въ рощѣ, между нарубленнаго лѣсу; и изъ этой путаницы и чащи, словно изъ за вѣтвей валежнику, негоднаго для употребленія, держали свою мрачную неусыпную стражу.

Дуновеніе вѣтра — и какого холоднаго, и пронзительнаго! — пробѣжало со стономъ по башнѣ. — Когда оно стихло, большой колоколъ, или духъ большаго колокола началъ говорить.

„Кто тутъ?“ сказалъ онъ. Голосъ былъ тихъ, угрюмъ, и Тротти показалось, что онъ такъ звучалъ и въ другихъ призракахъ.

„Я думалъ, что мое имя было названо звономъ;“ сказалъ Тротти, поднимая руки съ умоляющимъ видомъ.“ Я едва знаю гдѣ я, и какъ попалъ сюда. Много лѣтъ слушалъ я звонъ. Онъ часто услаждалъ меня.“

„ И ты благодарилъ его?“ сказалъ колоколъ.

„Тысячу разъ!“ вскричалъ Тротти.

„Чѣмъ?“

„Я бѣдный человѣкъ,“ съ запинкою отвѣчалъ Тротти, „и могу благодарить лишь одними словами.“

„Но всегда ли такъ было?“ спросилъ духъ колокола. Не дѣлалъ ли ты намъ зла словами?

„О, нѣтъ!“ съ жаромъ вскричалъ Тротти.

„Никогда не хулилъ насъ, не обманывалъ, не осквернялъ словами?“ продолжалъ духъ колокола.

„Тротти былъ готовъ отвѣчать: никогда!“ но запнулся и смѣшался.

„Голосъ времени,“ сказало привидѣніе,“ говоритъ человѣку: иди впередъ! — Время подвигаетъ его и усовершаетъ;

Digitized by Google

время увеличиваетъ его достоинство и счастіе, и улучшаетъ жизнь. Оно стремится туда, къ той цѣли, въ достиженіи которой заключается его наука и оно останавливается только тамъ, гдѣ начались и люди, и время. Вѣка тьмы, злодѣяній и насилій пришли и прошли; неизсчетные милліоны страдали, жили и умерли, кончивъ свой путь прежде него. Кто старается обратить его назадъ или остановить его теченіе: тотъ останавливаетъ могучее орудіе, готовое поразить хитрую смерть, и да будетъ онъ навѣки презрѣннымъ дикаремъ за эту временную остановку!"

„Я, сколько мнѣ извѣстно, никогда не дѣлалъ этого, сэръ," сказалъ Тротти: „если жь и сдѣлалъ, то совершенно случайно. Я увѣренъ, что не захотѣлъ бы сдѣлать этого."

„Кто влагаетъ въ уста времени или его служителей," сказалъ духъ колокола," вопль сожалѣнія о тѣхъ дняхъ, которые оставили глубокій слѣдъ своихъ горестей и бѣдъ; — его даже слѣпецъ можетъ видѣть — вопль, который приличенъ только для настоящаго времени, оттого-что онъ показываетъ людямъ, какъ оно нуждается въ ихъ помощи, — кто дѣлаетъ это, тотъ дѣлаетъ зло. И ты дѣлалъ намъ это зло.

Первый испугъ Тротти прошелъ. Но, какъ знаете, онъ питалъ къ колоколамъ чувство нѣжной благодарности, и поэтому сердце его было поражено раскаяніемъ и горестію, когда онъ услыхалъ, что его обвиняли, какъ такого человѣка, который тяжко оскорбилъ ихъ.

„Если бы вы знали" сказалъ Тротти, горестно всплеснувъ руками — а можетъ вы знаете, — если же знаете, какъ часто вы были мнѣ товарищами; какъ часто вы утѣшали меня, когда я бывалъ печаленъ; какъ забавляли мою маленькую Мегъ (эта была ея единственная забава), когда умерла ея мать, и мы остались одни. — Такъ вы не стали бы на меня гнѣваться за какое нибудь слово!"

„Кто слушаетъ нашъ звонъ съ знаками видимаго пренебреженія, или угрюмаго уваженія, съ надеждой, или радостію, или горемъ, или жалобой, или печалью, или съ какими иными заботами; кто слышитъ въ насъ, отвѣтъ на свои человѣческія

Digitized by Google

страсти и наклонности, также какъ на расчетъ, которымъ размѣряетъ презрѣнную пищу, отъ которой изнываетъ и вянетъ человѣчество, тотъ дѣлаетъ зло. — И это зло ты намъ дѣлалъ!“ сказалъ колоколъ.

„Да!“ сказалъ Тротти. О, простите меня!“

„Кто слышитъ въ насъ отвѣтъ этому земному гаду собирающемуся уничтожать всѣхъ сокрушенныхъ и горькихъ бѣдняковъ, созданныхъ для возвеличанія, котораго эти уничтожители не могутъ и постигнуть,“ — продолжалъ духъ колокола: кто дѣлаетъ это, тотъ дѣлаетъ намъ зло. — Ты дѣлалъ намъ это зло!“

„Невольно,“ сказалъ Тоби. „По незнанію. Невольно!“

„Наконецъ послѣднее, и важнѣйшее, продолжалъ колоколъ. — Кто отворачивается отъ падшихъ, и обезображенныхъ своихъ братьевъ; оставляетъ ихъ съ презрѣніемъ; не слѣдитъ, не разсматриваетъ взоромъ сожалѣнія разверзтой пропасти, которая увлекла ихъ отъ добра — не видитъ какъ въ своемъ паденіи они хватались за куски той земли, которая разступилась подъ ними, и которую держатъ даже въ глубинѣ той бездны, гдѣ лежатъ они разбитые, умирающіе; тотъ оскорбляетъ Небо и людей, и время и вѣчность. И ты дѣлалъ это зло!

„Пощадите меня,“ вскричалъ Тротти, падая на колѣна,— ради самаго милосердія!“

„Слушай!“ сказалъ призракъ.

„Слушай!“ повторили другіе призраки.

„Слушай!“ сказалъ ясный дѣтскій голосъ, который, думалось Тротти, онъ слыхалъ когда-то прежде.

Органъ тихо заигралъ въ церкви. Поднимаясь постепенно, мелодія достигла потолка, наполнила хоры и всю трапезу. Разширяясь болѣе и болѣе, она поднималась все выше, выше; пробуждая смущенные сердца въ толстыхъ дубовыхъ бревнахъ, въ колоколахъ, въ дверяхъ, окованныхъ желѣзомъ, въ каменныхъ лѣстницахъ, до тѣхъ поръ, пока стѣны башни не стали ей тѣсны; — и она вознеслась въ поднебесье.

Digitized by Google

Не удивительно, что грудь старика не вмѣстила этихъ широкихъ, могущественныхъ звуковъ: они вырвались изъ нея потокомъ слезъ, и Тротти закрылъ лице руками.

„Слушай!“ сказалъ призракъ.

„Слушай!“ повторили другіе призраки.

„Слушай!“ сказалъ дѣтскій голосъ.

И торжественное пѣніе смѣшанныхъ голосовъ раздалось на башнѣ.

Это было самое тихое, плачевное пѣніе: — панихида. Прислушавшись, Тротти отличилъ между поющими голосъ своей дочери.

„Она умерла!“ вскричалъ старикъ. „Мегъ умерла. Ея духъ зоветъ меня: я слышу.“

„Духъ твоей дочери оплакиваетъ мертвыхъ и мѣшается съ мертвыми — мертвыми надеждами, мертвыми мечтами, мертвыми обольщеніями юности,“ возразилъ колоколъ; „но она жива. Учись изъ ея жизни живой истинѣ. Узнай отъ этого драгоцѣннѣйшаго тебѣ существа, какими злыми родятся злые. Посмотри, какъ каждая почка и каждый листокъ, одинъ за однимъ, обрываются съ прекраснѣйшей вѣтки, и узнай какою голою и безобразною будетъ она послѣ этого. Иди за ней! — Иди, по пути отчаянія!“

Каждый призракъ протянулъ правую руку и показалъ внизъ.

„Духъ звона будетъ твоимъ спутникомъ,“ сказало привидѣніе. „Иди! Онъ стоитъ за тобою!“

Тротти обернулся и увидалъ — ребенка. Дочь Уильяма Фернъ, которую онъ несъ по улицѣ, ребенка, за которымъ ухаживала Маргарита,“ который только что уснулъ.

„*Я самъ* несъ его нынче вечеромъ,“ сказалъ Тротти, „вотъ на этихъ рукахъ!“

„Покажите ему, что *онъ* теперь такое,“ сказали мрачные призраки всѣ вмѣстѣ.“

Башня разкрылась у его ногъ. Онъ посмотрѣлъ внизъ и увидалъ свою собственную фигуру, которая лежала на землѣ близъ колокольни, разбитая, недвижная.

Digitized by Google

„Такъ я ужь не живой!“ вскричалъ Тротти. — Умеръ!

„Умеръ!“ сказали привидѣнія всѣ вмѣстѣ.

„Милосердый Господи! — А новый годъ!“

„Прошелъ, прошелъ!“ отвѣчали привидѣнія.

„Ахъ!“ съ трепетомъ вскричалъ онъ, видно я сбился съ дороги, въ потьмахъ вошелъ по наружной сторонѣ этой башни, и упалъ, — ужь годъ тому назадъ?“

„Девять лѣтъ тому назадъ!“ возразили привидѣнія.

Говоря это, они опустили свои протянутыя руки, и на томъ мѣстѣ, гдѣ они были, остались одни колокола.

Они снова зазвонили; снова настала ихъ очередь. И снова явились тысячи призраковъ; снова засуетились они, какъ прежде; и снова, лишь только замолкъ звонъ, стихли и обратились въ ничто.

„Кто это такіе?“ спросилъ онъ своего провожатаго. Если я не сошелъ съ ума, — такъ кто это такіе?“

„Духи колоколовъ. Ихъ звуки, которые раздаются въ воздухѣ, отвѣчало дитя. Они принимаютъ на себя такія виды и такія занятія, какія надежды и мысли смертныхъ, и собранныя ими воспоминанія, даютъ имъ.“

„А вы,“ вдругъ сказалъ Тротти, „вы кто?“

„Тсъ! молчи!“ возразило дитя: „смотри сюда!“

Въ бѣдной плохой комнатѣ, за той же самой работой — за вышиваньемъ, за которою онъ такъ часто, также видалъ ее — ему представилась его любимая дочь, Маргарита. Она не трогалась съ мѣста, не торопилась на встрѣчу его поцѣлуямъ, не спѣшила прижаться къ его любящему сердцу; онъ зналъ, что такія ласки теперь для него не существовали. Однакожь старался утишить сердечный трепетъ; отеръ ослѣпляющія его слезы, чтобы только смотрѣть на нее, что бы только ее видѣть.

Ахъ! какъ она перемѣнилась! какъ перемѣнилась. Какъ потемнѣла свѣтлость яснаго ея взгляда. Какъ завялъ цвѣтъ ея щекъ. Она была прекрасна; какъ и прежде; — но надежда, надежда, надежда, — ахъ, гдѣ эта юная надежда, которая говорила съ нимъ прежде живымъ голосомъ!

Digitized by Google

Она отвела глаза отъ работы, и посмотрѣла на свою подругу. Слѣдуя за ея взоромъ, старикъ оглянулся.

Въ тужь минуту онъ узналъ ее въ взрослой женщинѣ. Въ ея длинныхъ, шелковистыхъ волосахъ, онъ увидѣлъ тѣ же самые завитки; на губахъ — тоже самое дѣтское выраженіе. — Смотри! въ глазахъ ея, теперь вопросительно обращенныхъ на Маргариту, сіялъ тотъ самый взоръ, который внимательно смотрѣлъ на его дочь, когда онъ принесъ *ее*.

Ктожь эта, которая была съ нимъ?

Посмотрѣвъ со страхомъ ей въ лицо, онъ замѣтилъ на немъ что-то повелительное, — что-то гордое, неопредѣленное и неясное, что-то бо́льшее, чѣмъ воспоминаніе объ этомъ ребенкѣ. А та, кто бы ни была она, была таже самая. А въ чепчикѣ!

Но слушай! — Вотъ они говорятъ.

„Мегъ," сказала Лиліяна запинаясь. Какъ часто ты поднимаешь отъ работы голову, чтобы посмотрѣть на меня!"

„Развѣ глаза мои такъ перемѣнились, что пугаютъ тебя?" спросила Маргарита.

„Нѣтъ, моя милая! Но ты улыбаешься тутъ про себя. А отчего не улыбаться бы тебѣ, смотря на меня, Мегъ?"

„Я и улыбаюсь. — Развѣ я не улыбаюсь? отвѣчала она улыбаясь въ самомъ дѣлѣ.

„Теперь ты улыбаешься, сказала Лиліана," но не такъ; какъ всегда. — Когда ты думаешь, что я работаю, и не вижу тебя, ты смотришь на меня такъ печально, съ такимъ сомнѣніемъ, что я едва осмѣливаюсь поднять глаза. Правда, мало причинъ улыбаться въ этой горестной и многотрудной жизни; но ты была прежде такъ весела."

„А теперь, развѣ я перемѣнилась?" вскричала Маргарита такимъ голосомъ, въ которомъ было замѣтно необыкновенное волненіе, вставая чтобы поцѣловать ее. Развѣ я дѣлаю твою горестную жизнь еще для тебя горестнѣе, Лиліана?"

Ты была единственнымъ предметомъ въ которомъ заключалась эта жизнь, сказала Лиліана, горячо цѣлуя ее; была

Digitized by Google

иногда единственнымъ предметомъ, который заставлялъ меня заботиться объ этой жизни, Маргарита. И сколько труда, сколько труда! — Сколько годовъ, сколько дней, сколько долгихъ ночей, безъ надежды, безъ радости, и все за нескончаемой работой — а для чего? — Совсѣмъ не для того, чтобы пріобрѣсть богатство, чтобъ жить пышно, весело, чтобы жить, хоть просто, да въ довольствѣ, — а для того, чтобы выработать кусокъ хлѣба, чтобы достать столько, чего едва достанетъ на подкрѣпленіе силъ, чтобъ опять потомъ работать, опять нуждаться и носить въ себѣ живое сознаніе своей горькой участи! Охъ, Мегъ, Мегъ!“ сказала она, возвысивъ голосъ, и обнявъ ее руками. Какъ могутъ эти жестокіе люди проходить мимо и равнодушно смотрѣть на такую жизнь!“

„Лилли,“ сказала Маргарита, лаская ее, и отбрасывая волосы съ ея заплаканаго лица.“ Какъ Лилли, и ты! — такая молодая, — прекрасная!

Охъ, Мегъ!“ прервала она, хватая ее за руку и съ мольбою смотря ей въ лице. Вотъ это всего хуже! — всего хуже! — Сдѣлай меня старухою, Мегъ! сдѣлай, чтобы я увяла, сморщилась; освободи меня отъ страшныхъ мыслей, которыя искушаютъ меня въ моей юности!“

Тротти обернулся, чтобы посмотрѣть на свою провожатую. Но духъ ребенка предался бѣгству, и исчезъ.

Онъ и самъ не остался на этомъ мѣстѣ; оттого-что сэръ Джозефъ Боулей, другъ и отецъ бѣдныхъ, давалъ большой праздникъ въ фамильной залѣ Боулеевъ въ честь дня рожденія Леди Боулей. А какъ Леди Боулей родилась въ новый годъ (что мѣстные журналы почитали особеннымъ указаніемъ перста Провидѣнія на число *одинъ*, какъ на цыфру, назначенную Леди Боулей самой природой), такъ и это торжество происходило въ день новаго года.

Зала была полна гостей. Краснолицый господинъ былъ тамъ. Мистеръ Фейлеръ былъ тамъ; великій Алдерманъ Кютъ былъ тамъ, — Алдерманъ Кютъ, видите, имѣлъ симпатію къ знати, и въ силу своего *вѣжливаго* письма вошелъ въ значительно короткое знакомство съ сэръ Джозефомъ Боулей; сталъ

Digitized by Google

просто домашнимъ другомъ съ тѣхъ поръ; — и много иныхъ гостей было тамъ. — Духъ Тротти также былъ тамъ и, — бѣдный призракъ, — скучно бродилъ туда и сюда, ища своего провожатаго.

Торжественный обѣдъ долженствовалъ происходить въ главной залѣ. Сэръ Джозефъ Боулей, по своему извѣстному званію друга и отца бѣдныхъ, намѣревался произнести пышную рѣчь. Въ другой залѣ его друзьямъ и дѣтямъ назначено было съѣсть извѣстный плюм-пуддингъ; по данному знаку имъ слѣдовало соединиться съ своими друзьями и отцами, составить съ ними семейный кругъ и не забыть при томъ прослезиться отъ умиленія..

Но тамъ должно было случиться гораздо большему, гораздо большему, гораздо большему! Сэръ Джозефъ Боулей долженъ сыграть партію въ кегли — именно въ кегли съ своими фермерами.

„Какъ это напоминаетъ," сказалъ Алдерманъ Кютъ, одинъ изъ дней стараго короля Генриха. — Прекрасный характеръ!

„Очень," съ досадою сказалъ Мистеръ Фейлеръ. — Жениться и убивать своихъ женъ. Да еще скольнихъ!

„Вы женитесь на хорошенькой дѣвушкѣ и не станете убивать ее, — а? сказалъ Алдерманъ Кютъ двѣнадцатилѣтнему наслѣднику Боуле. — Премилый ребенокъ! — Мы увидимъ этого малютку въ парламентѣ," продолжалъ Алдерманъ, взявъ его за плеча и смотря на него съ такимъ размышленіемъ, къ какому только былъ способенъ, — прежде нежели успѣемъ оглянуться. Мы услышимъ объ его успѣхахъ при избраніяхъ, объ его рѣчахъ въ палатѣ, объ его подвигахъ всякаго рода, — и, ахъ, станемъ говорить предъ нимъ свои рѣчи въ общемъ собраніи — прежде, чѣмъ успѣемъ оглянуться: ужь я ручаюсь за это!"

Ахъ, вотъ что значитъ быть въ чулкахъ и башмакахъ!" подумалъ Тротти. И ему было досадно на этого ребенка, изъ любви дѣтямъ, у которыхъ не было ни башмаковъ, ни чулокъ, и которымъ предназначено (Алдерманомъ) быть дурными. Между ними могли быть и дѣти бѣдной Маргариты!

Digitized by Google

„Ричардъ!“ простоналъ Тротти, бродя туда и сюда между гостями, гдѣ онъ? Никакъ не могу найти его! Гдѣ онъ?

А прилично ли ему быть тутъ, если онъ только живъ!— Но горе и одиночество смущали Тротти, и онъ безпрестанно бродилъ между веселымъ собраніемъ, ища своего проводника и повторяя! „гдѣ Ричардъ? Покажите мнѣ Ричарда?

Бродя такимъ образомъ, онъ встрѣтилъ Мистеръ Фиша, въ большихъ суетахъ.

„Господи помилуй меня!“ кричалъ Мистеръ Фишъ: да гдѣ же это Алдерманъ Кютъ? Не видалъ ли кто Алдермана Кюта?

Не видать Алдермана? ахъ любезнѣйшій! Да кто можетъ не видать его? — Онъ такъ значителенъ, такъ привѣтливъ, что въ умѣ каждаго естественно родится желаніе его видѣть. Если у него есть какой недостатокъ, такъ это именно желаніе быть безпрестанно на виду. Гдѣ бы ни собралась знать, ужь онъ вѣрно тамъ, привлекаемый родственною симпатіею, которая всегда бываетъ между великими людьми.

Множество голосовъ кричало, что Алдерманъ былъ въ числѣ окружавшихъ сэръ Джозефа. Мистеръ Фишъ отправился туда; нашелъ его и съ таинственнымъ видомъ взялъ за руку и отвелъ къ окну. Тротти присталъ къ нимъ, противъ своей воли. Онъ чувствовалъ, что его ноги шли сами собою по этому направленію.

„Ахъ, почтеннѣйшій Алдерманъ Кютъ,“ сказалъ Мистеръ Фишъ. Пожалуйте на минутку сюда. Случилось самое ужасное происшествіе. — Я сію минуту получилъ извѣстіе. — Думаю, что гораздо лучше не говорить объ этомъ сегодня Сэръ Джозефу. Вы знаете Сэръ Джозефа, и скажете мнѣ ваше мнѣніе.— Ужаснѣйшее, плачевное событіе!“

„Фишъ!“ возразилъ Алдерманъ“ мой любезный Фишъ! что это такое за дѣло? надѣюсь, нѣтъ никакого возмущенія. Ни....никакого покушенія воспротивиться начальству?

„Дидльзъ, банкиръ,....сказалъ задыхаясь повѣренный Сэра Джозефъ — братья Дидльзъ, — которому бы слѣдовало быть здѣсь — тамъ въ конторѣ компаніи Гольсмито.“ —

Digitized by Google

„Не ужли обанкрутился?“ вскричалъ алдерманъ, „Быть не можетъ!“

„Застрѣлился.

„Господи милосердый!

„Въ своей собственной конторѣ. Положилъ себѣ въ ротъ двуствольный пистолетъ,“ продолжалъ мистеръ Фишъ, „да и хватилъ, такъ что мозгъ вылетѣлъ. А нѣтъ никакой причины. Дѣла шли чудесно!“

„Чудесно!“ вскричалъ алдерманъ. Человѣкъ богатый. Одинъ изъ самыхъ почтеннѣйшихъ людей. Самоубійство, мистеръ Фишъ! Собственною рукою!

„Вотъ нынѣшнимъ утромъ,“ возразилъ мистеръ Фишъ.

„Ахъ, умъ, умъ!“ восклцкнулъ благочестивый Алдерманъ, поднимая руки. Ахъ нервы, нервы! — таинства этой машины, называемой человѣкомъ!—Можетъ статься, обѣдъ, мистеръ Фишъ. А можетъ, поведеніе сына, который, я слышалъ, велъ себя не такъ то, — имѣлъ привычку выдавать векселя на его имя, безъ законной на это довѣренности....Самый почтенный человѣкъ. Одинъ изъ самыхъ почтенныхъ людей, какихъ я только зналъ! плачевное происшествіе, мистеръ Фишъ, — общественное бѣдствіе! Я стану носить по немъ глубокій трауръ. Почтеннѣйшій человѣкъ! — Но буди Его воля; мы должны покориться, мистеръ Фишъ. Мы должны покориться!

Какъ алдерманъ! ни слова объ уничтоженіи такихъ вещей? Вспомни правосудіе—свою похвальбу и какъ ты гордился высокою нравственностью! Сюда, Алдерманъ! Уравняй на вѣсахъ этѣ двѣ чаши. Да смотри — брось мнѣ въ пустую, чашу, не обѣдъ, а побужденія природы въ какой нибудь бѣдной женщинѣ, изсушенной голодающею бѣдностью, и сдѣлавшейся настойчивою въ требованія того, на что она имѣетъ право по своему происхожденію, отъ общей нашей матери, Евы. Взвѣсь мнѣ эти два предмета, вѣдь ты, и самъ предстанешь на судъ, когда настанетъ твой день! Взвѣсь ихъ при глазахъ тысячь бѣдняковъ, этихъ свидѣтелей (и не безвнимательныхъ) печальной комедіи, которую ты разыгрываешь! — Или предположимъ, что и твой разумъ потемнѣетъ — этому не трудно статься, — моглобы быть и труднѣе — и ты самъ схватишь себя за горло: что тогда?

Digitized by Google

Эти слова вырвались изъ сердца Тротти, такъ какбы они были сказаны внутри его какимъ нибудь другимъ голосомъ. — Алдерманъ Кютъ обѣщался мистеръ Фишу помочь ему передать сэръ Джозефу извѣстіе о печальной катастрофѣ, какъ кончится торжественный день. — И тогда, прежде чѣмъ разстаться, онъ сказалъ, съ душевною горестію сжимая руку мистеръ Фиша; „Почтеннѣйшій человѣкъ!“ И потомъ прибавилъ, что онъ не знаетъ, — даже *онъ* не знаетъ, — какъ такія огорченія позволяются на землѣ!

Послѣ этого пожалуй можно подумать, — если бъ мы не были убѣждены въ противномъ, — сказалъ алдерманъ Кютъ, что иногда какія-то невольныя движенія разрушительнаго свойства совершаются въ тѣхъ людяхъ, которые имѣютъ вліяніе на благосостояніе общественнаго тѣла. — Братья Дидльзъ!“

Игра въ кегли довершилась съ величайшимъ успѣхомъ. Сэръ Джозефъ сшибалъ ихъ какъ нельзя искуснѣе, сынокъ его въ свою очередь тоже, хоть и на меньшемъ разстояніи. И всѣ говорили, что теперь, когда баронетъ и сынъ баронета играли въ кегли, очевидно, что благосостояніе отечества подвигается впередъ со всевозможною быстротою.

Въ это самое время началося пиръ. Тротти невольно вышелъ въ залу вмѣстѣ съ другими; онъ чувствовалъ, что его вело туда какое то побужденіе, которое было гораздо сильнѣе его собственной воли. — Зрѣлище очень пріятное, прекрасныя женщины, гости — довольные, веселые, въ хорошемъ расположеніи духа. Но когда отворились внутреннія двери и вошелъ простой народъ въ своемъ деревенскомъ платьѣ: красота этого зрѣлища достигла высшей степени совершенства. — А Тротти все бормоталъ про себя: „гдѣ Ричардъ? — Онъ долженъ бы помочь ей и успокоить ее! Не могу найти Ричарда!“

Было произнесено нѣсколько рѣчей; предложено здоровье Леди Боулей; сэръ Джозефъ Боулей отвѣчалъ на это и произнесъ свою великолѣпную рѣчь, въ которой очевидно доказалъ, что онъ былъ урожденный отецъ и другъ бѣдныхъ, и предложилъ тостъ въ честь своихъ друзей и дѣтей и достоинства труда; — въ это время произошелъ легкій безпорядокъ въ глу-

Digitized by Google

бинѣ залы, который обратилъ на себя вниманіе Тротти. Послѣ нѣкотораго замѣшательства, шуму и сопротивленія, какой-то человѣкъ выбился изъ толпы и сталъ впереди.

Это не Ричардъ, нѣтъ, а другой, о которымъ онъ думалъ и котораго нѣсколько разъ принимался искать. При болѣе слабомъ свѣтѣ, онъ могъ бы усомниться, смотря на этого человѣка, такого стараго, сѣдаго, согбеннаго: но при блистательномъ свѣтѣ лампъ, надъ его дряхлою головою онъ тотчасъ, лишь только тотъ появился, узналъ Уильяма Фернъ.

„Кто это?“ вскричалъ сэръ Джозефъ, вставая, кто впустилъ его? Это преступникъ, изъ тюрьмы! Мистеръ Фишъ, не угодно ли вамъ....

„На минуту!“ сказалъ Уильямъ Фернъ. „На минуту! Леди, сегодня новый годъ и день вашего рожденія: позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ.

Она приняла его подъ свое покровительство, и сэръ Джозефъ опять сѣлъ на свое мѣсто съ свойственнымъ ему достоинствомъ.

Оборванный посѣтитель — онъ былъ одѣтъ очень дурно — посмотрѣлъ на общество, и засвидѣтельствовалъ ему свое почтеніе низкимъ поклономъ.

„Благородные господа,“сказалъ онъ, „вы пили за здоровье земледѣльцевъ. Посмотрите на меня.“

„Только что изъ тюрьмы,“ сказалъ мистеръ Фишъ.

„Только что изъ тюрьмы, сказалъ Уильямъ и не въ первый, не во второй, не въ третій, не въ четвертый разъ.

Мистеръ Фейлеръ замѣтилъ съ неудовольствіемъ, что четыре раза очень много и что онъ долженъ бы стыдиться этого.

„Благородные господа,“ началъ опять Уильямъ Фернъ. посмотрите на меня: я въ такомъ крайнемъ положеніи, что ничто не можетъ больше ни повредить, ни помочь мнѣ. Время, въ которое ваши добрыя слова и добрыя дѣла могли бы мнѣ быть полезны — онъ положилъ руку на сердце и покачалъ головою — прошло, разлетѣлось въ воздухѣ вмѣстѣ съ запахомъ прошлогоднихъ бобовъ и клеверу. — Позвольте мнѣ

Digitized by Google

молвить слово за этихъ — онъ указалъ на крестьянъ; — и какъ вы теперь съ ними вмѣстѣ, такъ выслушайте сущую истину — хоть однажды!“

„Здѣсь нѣтъ никого,“ сказалъ хозяинъ, кто бы захотѣлъ имѣть его ораторомъ.

„Найдется, и довольно,“ Сэръ-Джозефъ: я увѣренъ въ этомъ. Это также справедливо какъ то, что я стану говорить. Можетъ это самое и послужить доказательствомъ словамъ моимъ. — Благородные господа, я жилъ въ этомъ мѣстѣ много лѣтъ. Вы можете видѣть тамъ, за заборомъ мою избушку. Сто разъ видалъ я, какъ знатныя леди рисовали ее въ свои книги; — говорили, что она была красива на картинкѣ, — на картинкахъ не бываетъ непогоды, такъ можетъ быть она и точно была лучше для нихъ, чѣмъ для житья. — Хорошо! Вотъ я и жилъ тутъ. Какъ тяжко, какъ горько я жилъ тутъ,— не хочу говорить. Что сегодня, что завтра — все равно: вы сами можете посудить.“

Онъ говорилъ также, какъ и въ ту ночь, когда Тротти встрѣтилъ его на улицѣ. Только голосъ его былъ грубѣе, сиповатѣе и дрожалъ отъ времени до времени. Но онъ ни разу не возвысилъ его до страсти, и рѣдко поднималъ выше суроваго печальнаго уровня простыхъ событій, о которыхъ разсказывалъ.

Гораздо труднѣе, нежели вы думаете, благородные господа, жить опрятно, просто опрятно, въ такомъ мѣстѣ. Что я жилъ тутъ человѣкомъ, а не скотомъ: это говоритъ за меня. — Что такое я былъ тогда, что я теперь — говорить обо мнѣ нечего, и нечего для меня сдѣлать, все прошло для меня!“

„Я очень радъ, что этотъ человѣкъ вошелъ;“ замѣтилъ сэръ-Джозефъ съ удовольствіемъ. Не мѣшайте ему. Кажется, это дѣйствіе Промысла; онъ можетъ служить примѣромъ, — живымъ примѣромъ, который, надѣюсь и вѣрю, и ожидаю смѣло, не будетъ потерянъ для друзей моихъ.

„Я кое-какъ перебивался,“ сказалъ Фернъ послѣ минутнаго молчанія. А какъ? ни я, ни кто другой не знаетъ. Только

Digitized by Google

такъ плохо, что никакъ нельзя было скрыть подъ благовидной наружностью, или увѣрить, что я было нѣчто иное, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ. Теперь, благородные господа, вы, которые засѣдаете въ парламентахъ! Когда вы видите человѣка съ неудовольствіемъ на лицѣ; вы говорите одинъ другому: онъ подозрителенъ. Я сомнѣваюсь, говорите вы, на счетъ Уильяма Ферна: надобно за нимъ присматривать! Я не говорю, чтобы это не было очень естественно: я только говорю, что это такъ. Съ этихъ поръ, чтобы ни дѣлалъ Уильямъ Фернъ, или хоть бы ничего не дѣлалъ, — всѣ противъ него!

Алдерманъ Кютъ засунулъ свои большіе пальцы въ жилетные карманы, развалясь на стулѣ, и улыбаясь, подмигнулъ ближнему подсвѣчнику, какбы говоря: „Дѣло извѣстное! Я говорилъ вамъ, это обыкновенныя всегдашнія рѣчи! Да слава Богу! мы знаемъ все это — я самъ и человѣческая природа.

„Благородные господа!“ сказалъ Уильямъ Фернъ, протягивая руки, и краска покрыла на минуту его блѣдное лицо. Посмотрите, какъ ваши законы преслѣдуютъ и гонятъ насъ, когда мы бываемъ доведены до крайности. — Если я пытаюсь прожить гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ: я бродяга! — Въ тюрьму его! Я прихожу опять сюда. Иду собирать орѣхи въ вашихъ лѣсахъ и сломлю — съ кѣмъ не случается этого? — какую нибудь тоненькую вѣтку, или двѣ: въ тюрьму его! — Кто нибудь изъ вашихъ сторожей увидитъ меня среди бѣлаго дня вблизи моего собственнаго садишка съ ружьемъ въ рукахъ: въ тюрьму его! Освободившись, я скажу этому человѣку какое нибудь грубое слово: въ тюрьму его! Я срѣжу палку: въ тюрьму его! Я съѣмъ гнилое яблоко, либо рѣпу: въ тюрьму его! Пойду я миль за двадцать и, возвращаясь, попрошу на дорогѣ какой нибудь бездѣлки, въ тюрьму его! На конецъ, полицейскій, или какой сторожъ, или кто нибудь другой найдетъ меня вездѣ, что бы я ни дѣлалъ: въ тюрьму его,— онъ бродяга, отъявленный каторжникъ! И тюрьма есть единственное для меня мѣсто!“

Алдерманъ кивнулъ значительно головою, какбы желая этимъ сказать: славное мѣстечко!

Digitized by Google

„Все это говорю я не для себя! продолжалъ Фернъ: кто можетъ возвратить мнѣ мою свободу? кто можетъ возвратить мнѣ мое доброе имя? Кто можетъ возвратить мнѣ мою невинную племянницу? — Ни всѣ лорды, ни всѣ леди цѣлой Англіи!—Но, благородные господа, когда вы будете имѣть дѣло съ подобными мнѣ: будьте справедливѣе! Дайте намъ лучше, изъ милосердія, — домы, когда мы еще въ колыбеляхъ; дайте намъ лучше хлѣба, когда мы работаемъ для поддержанія нашей жизни; дайте намъ лучше хорошіе законы, которые бы возвращали насъ на добрый путь, если мы съ него сшибемся: а не ставьте передъ нами тюрьмы, тюрьмы, и тюрьмы, вездѣ, куда бы мы ни обернулись. Тогда всякую ласку, какую вы окажете простому человѣку, онъ приметъ съ такою готовностію съ такою благодарностію, къ какой только человѣкъ способенъ; оттого-что сердце у него будетъ тогда спокойно, расположено къ терпѣнію, полно доброй воли. Да, прежде всего вы должны дать спокойствіе душѣ его, а не то, — если онъ будетъ убитъ и уничтоженъ, какъ я теперь, или вотъ кто нибудь изъ этихъ, которые стоятъ тамъ, она всегда будетъ далека отъ васъ. О, дайте, дайте ему это спокойствіе! — Дайте прежде чѣмъ настанетъ день, когда самая Библія измѣнитъ свое значеніе для его заблудшаго ума, и ему, какъ мнѣ, когда я былъ въ тюрьмѣ, будутъ представляться въ ней одни только слова гнѣва и кары!“

Вдругъ въ залѣ все взволновалось. Тротти сначала думалъ, что всѣ встали для того, чтобы выбросить Уильяма, и что оттого произошла такая перемѣна. Но черезъ минуту вся эта комната и все общество пропали у него изъ глазъ, и передъ нимъ опять явилась дочь его съ своей работой; только ея комнатка на чердакѣ, была еще бѣднѣе, хуже прежней, и съ нею не было Лиліаны.

Пяльцы, за которыми она работала, лежали въ сторонѣ, и были закрыты. Стулъ, на которомъ она сидѣла, былъ приставленъ къ стѣнѣ. Цѣлая исторія была написана въ этихъ бездѣлкахъ и на лицѣ Маргариты, изнуренномъ печалью. О! кто-бы не прочелъ ея?

Маргарита не отводила глазъ отъ работы до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалось такъ темно, что нельзя было видѣть нит-

Digitized by Google

ки; когда же настала совершенная ночь, она зажгла тоненькую свѣчу, и опять принялась работать. И между тѣмъ ея старый отецъ былъ невидимо подлѣ нея, смотрѣлъ на нее, любилъ ее, — и какъ нѣжно любилъ! — говорилъ съ нею ласковымъ голосомъ о прежнемъ времени, о колоколахъ; хоть онъ и зналъ — бѣдный Тротти! — что она не можетъ его слышать!

Прошла большая часть вечера, когда постучались въ двери. Она отворила. Какой-то мужчина стоялъ на порогѣ. Это былъ угрюмый, мрачный и пьяный неряха, разрушенный невоздержаніемъ и порокомъ, съ всклокоченными волосами, не бритою бородою, въ дикомъ безпорядкѣ,—но сохранившій нѣкоторые слѣды, которые показывали и теперь, что въ молодости онъ былъ строенъ и красивъ собою.

Онъ остановился и ждалъ, пока не получилъ позволенія войти. А она, отступивъ на шагъ или на два отъ двери, смотрѣла на него молчаливо и печально.—Тротти нашелъ своего желаннаго: это былъ Ричардъ.

„Можно мнѣ войти, Маргарита?“

„Да, войдите, войдите!“

Хорошо, что Тротти узналъ его прежде, нежели онъ началъ говорить. А то при небольшомъ сомнѣніи, которое оставалось у него въ умѣ, грубый, непріятный для слуха голосъ, увѣрилъ бы его, что это былъ не Ричардъ, а кто нибудь другой.

Въ комнатѣ было только два стула. Она уступила ему свой, а сама стала отъ него въ нѣкоторомъ разстояніи, ожидая, что онъ скажетъ.

Онъ сѣлъ, смотря между тѣмъ безсмысленно въ землю съ мертвою, безчувственною улыбкою. При видѣ такого глубокаго развращенія, такой отчаянной безнадежности, такого жалкаго упадка, она закрыла руками лице и отворотилась, чтобы не дать ему замѣтить, какъ сильно это ее тронуло.

Пробужденный шумомъ ея платья, или другимъ подобнымъ звукомъ, онъ поднялъ голову и началъ говорить, какъ будто бы и не останавливался, съ тѣхъ поръ какъ вошелъ въ комнату.

Digitized by Google

„Все за работой, Маргарита? — Вы долго работаете.“

„Долго.“

„И рано начинаете?

„Рано.“

„Такъ она и говорила. Она говорила, что вы никогда не устаете, или никогда не сознаетесь, что устали. Ни разу во все время, какъ вы жили вмѣстѣ. Даже и тогда, какъ упали въ обморокъ отъ труда и голоду. Но я сказывалъ вамъ объ этомъ, какъ приходилъ сюда въ послѣдній разъ.

„Да сказывали;“ отвѣчала она. Но я просила васъ не говорить мнѣ ничего болѣе, и вы дали мнѣ торжественное обѣщаніе, Ричардъ, что никогда не станете.

„Торжественное обѣщаніе,“ возразилъ онъ, съ безжизненной улыбкою и безсмысленнымъ взоромъ; торжественное обѣщаніе! Конечно, торжественное обѣщаніе!“ Спустя нѣсколько времени и пробуждаясь, также какъ прежде, онъ сказалъ съ внезапнымъ одушевленіемъ.

„Какъ мнѣ быть съ ней, Маргарита? Что мнѣ дѣлать?— Она опять была у меня!“

„Опять!“ вскричала Маргарита всплеснувъ руками. „Такъ она часто обо мнѣ думаетъ? — Опять была она!“

„Двадцать разъ была опять,“ сказалъ Ричардъ. Она часто ко мнѣ ходитъ, Маргарита. Подходила ко мнѣ на улицѣ, и кладетъ вотъ *это* въ руку. Я слышу ее шаги, когда сижу за работой (ха, ха, ха! это не часто бываетъ!) и прежде, чѣмъ успѣю обернуться, голосъ ея у меня въ ушахъ, и — она говоритъ: Ричардъ не оборачивайся. — Только ради самаго Бога, отдай ей! Она приноситъ это туда, гдѣ я живу; посылаетъ въ письмахъ; постучится въ окончину, и кладетъ на окно. — Что мнѣ дѣлать? — Посмотри!“

„Онъ протянулъ руку и показалъ небольшой кошелекъ, побрячавъ деньгами, которыя въ немъ были.

„Спрячь,“ сказала Маргарита, „спрячь его!“ — Когда она опять придетъ, скажи ей, Ричардъ, я душой люблю ее. Что

Digitized by Google

я всегда прежде чѣмъ лягу спать, благословляю ее, молюсь за нее! Что за моей одинокой работой я никогда не перестаю объ ней думать. Что она со мною день и ночь. Что если я умру хоть завтра, то вспомню объ ней при послѣднемъ вздохѣ: только на это не могу смотрѣть.!"

Онъ тихо отнялъ руку и сжимая кошелекъ, сказалъ съ какою-то сонною задумчивостію:

„Я говорилъ ей это. Я говорилъ ей, сколько можно сказать словами. Отдавалъ назадъ этотъ подарокъ; клалъ его у ей двери разъ десять Но когда она приходила въ послѣдній разъ и стояла передо мною лицемъ къ лицу: что мнѣ было дѣлать?

„Вы видѣли ее!" вскричала Маргарита. „Вы ее видѣли!— О, Лиліана! милое дитя мое! О, Лиліана, Лиліана!

„Я видѣлъ ее," продолжалъ онъ — не такъ, чтобы отвѣчая, а предаваясь медленному теченію своихъ собственныхъ мыслей.—„Тутъ стояла она, трепещущая! — Какова она, Ричардъ? — Говоритъ-ли обо мнѣ? — Не похудѣла-ли? — Мое прежнее мѣсто за столомъ — что на моемъ прежнемъ мѣстѣ?— А пяльцы, въ которыхъ она учила меня нашей прежней работѣ — не сожгла ли она эти пяльцы, Ричардъ? — Она была тутъ и я слушалъ ея рѣчи."

И Маргарита, удерживая рыданія, со слезами, которыя лились у ней изъ глазъ, продолжала его слушать, боялась проронить одно слово....

Опершись руками на колѣни и наклонясь впередъ, — какъ будто бы то, что говорилъ онъ было написано на полу нечеткими буквами, которыя ему надо было разбирать и складывать — онъ продолжалъ. —

„Ричардъ, я очень низко упала; и вы можете отгадать, сколько страдала я, получивъ назадъ свой подарокъ, когда я рѣшилась сама принести его.—Но, я помню, вы когда-то любили ее нѣжно. Другіе вмѣшались между вами; страхъ, ревность, сомнѣнія и суетность отдалили васъ отъ нея; но вы любили ее: я помню это!" — Думаю, что такъ," сказалъ онъ, прерывая себя на минуту. „Да! — А теперь этому не бы-

Digitized by Google

вать ни здѣсь, ни тамъ. — „Ахъ, Ричардъ, если вы любили ее, если у васъ осталась какая нибудь память о томъ, что было и прошло: отнесите ей это еще разъ,—еще одинъ разъ! Скажите ей, какъ я просила и умоляла. Скажите, что я клала голову къ вамъ на плечо, гдѣ могла лежать ея собственная голова, и какъ я униженно упрашивала васъ, Ричардъ. Скажите, что вы смотрѣли мнѣ въ лице, и видѣли, что красота, которую она такъ цѣнила, уже завяла, совершенно завяла. Что вмѣсто ея у меня блѣдныя, впалыя щеки, — такъ что она заплакала бы увидавши меня.... разскажите ей — все и отнесите это опять: она не откажетъ. У ней не достанетъ духу!“

Онъ сидѣлъ задумавшись, и повторялъ послѣднія слова до тѣхъ поръ, пока снова опомнился, и всталъ.

„Вы не хотите принять этого, Маргарита?“

Она покачала головою, и просила, чтобы онъ оставилъ ее.

„Доброй ночи, Маргарита.“

„Доброй ночи.“

Онъ обернулся, чтобы посмотрѣть на нее, тронутый ея печалію, а можетъ быть и сожалѣніемъ къ себѣ, которое слышалось въ трепетѣ ея голоса. Это было быстрое, бѣглое движеніе, легкая, минутная вспышка прежняго чувства. — Но онъ ушелъ также, какъ и пришелъ. Казалось, эта искра по тухшаго огня освѣтила для него сознаніе собственнаго униженія.

Въ такомъ расположеніи духа, въ такой печали, въ такой пыткѣ души и тѣла, Маргарита должна была продолжать свою работу. Она сѣла и начала. — Ночь, полночь: она все работаетъ.

У ней былъ разложенъ слабый огонь, оттого-что ночь была очень холодна, отъ времени до времени она вставала и поправляла его. Колокола прозвонили половину двѣнадцатаго. Когда они смолкли, она услыхала легкій стукъ у дверей. Удивляясь, ктобы это былъ и въ такое необыкновенное время, она отворила.

О, юность и красота! счастливыя, какъ вамъ и должно быть счастливымъ — посмотрите сюда! — О, юность и красота, благословляемыя всѣмъ васъ окружающимъ и все благословля-

Digitized by Google

вощія, вы, которыя исполняете волю своего Творца и Благодѣтеля, посмотрите сюда!

Она взглянула на ту, которая входила, и съ крикомъ произнесла ея имя. — „Лиліана!“

Она бросилась къ ней и упала передъ нею на колѣна хватаясь ей за платьё.

„Встань, милая! встань! — Моя милая Лиліана!“

„Нѣтъ, Мегъ; нѣтъ! — Здѣсь, здѣсь, прильнувъ къ тебѣ, держась за тебя, чувствуя на себѣ твое дыханіе!....

„Милая Лиліана! дорогая Лиліаня! дитя моего сердца! Любовь матери не можетъ быть нѣжнѣе — положи голову ко мнѣ на грудь!“

„Нѣтъ, Мегъ, нѣтъ! Когда я въ первый разъ смотрѣла тебѣ въ лице, ты была передо мной на колѣнахъ.... Дай же мнѣ умереть передъ тобой на колѣнахъ! Дай мнѣ умереть тутъ!

„Ты возвратилась, мое сокровище! — Мы станемъ жить вмѣстѣ, работать вмѣстѣ, надѣяться вмѣстѣ — и умремъ вмѣстѣ!

„Ахъ, Мегъ! Поцѣлуй меня въ губы! обними меня; прижми къ груди; посмотри на меня ласково; — только не поднимай меня; оставь меня тутъ. Дай мнѣ, Мегъ, насмотрѣться въ послѣдній разъ на твое милое лице!“

О, юность и красота! — Счастливыя, какъ вамъ и должно быть счастливымъ, посмотрите на нее! О юность и красота, исполняющія волю своего Творца и Благодѣтеля посмотрите на нее!

„Прости мнѣ, Мегъ! — О, моя милая! прости мнѣ! — Я знаю, что ты прощаешь, вижу: но скажи мнѣ это, Мегъ!“

И она простила, прижавшись губами къ щекѣ Лиліаны И она обняла свою несчастную подругу.

„Да будетъ надъ тобой Его благословеніе, моя безцѣнная! — Поцѣлуй меня еще разъ! — Онъ дозволилъ *ей* сидѣть у ногъ Его и отирать ихъ волосами: О, Мегъ! Сколько тутъ благости и милосердія!“

Когда она умерла, духъ ребенка опять возвратился къ Тротти, невинный и блистательный; онъ тронулъ старика рукою, и увлекъ его оттуда.

Digitized by Google

ЧЕТВЕРТАЯ ЧЕТВЕРТЬ.

Въ головѣ Тротти промелькнули нѣкоторыя новыя воспоминанія о призракахъ колоколовъ, нѣкоторыя слабыя впечатлѣнія ихъ звону, нѣкоторое бѣглое сознаніе того, что онъ видѣлъ рой привидѣній, которыя являлись и налетали до тѣхъ поръ, пока собраніе ихъ не изчезло въ самой ихъ бесчисленности; у него было какое-то убѣжденіе, а на чемъ основанное, онъ и самъ не зналъ, — что прошли уже многіе годы: а между тѣмъ онъ, въ сопровожденіи духа Лиліаны, стоялъ и смотрѣлъ на чету двухъ смертныхъ.

Это была плотная парочка; румяная, веселая парочка! — Ихъ было только двое, но они были румяны за десятерыхъ. Они сидѣли передъ свѣтлымъ огнемъ; между ними стоялъ маленькій, низенькій столъ, хотя благовоніе горячаго чаю и пышныхъ лепешекъ носилось еще по комнатѣ, но со стола было уже собрано. Всѣ чашки и блюдички были перемыты и стояли въ шкафѣ по своимъ мѣстамъ; мѣдная жарильная вилка висѣла въ своемъ всегдашнемъ уголкѣ, выставивъ четыре пальца, какъ будто желая, чтобы съ нея сняли мѣрку для перчатокъ. Другихъ слѣдовъ только лишь кончившейся трапезы не осталось, кромѣ тѣхъ, что сохранились въ особѣ кота, который грѣясь и мурлыча мылъ себѣ щеки, и что блистали на пріятныхъ, — чтобъ не сказать сальныхъ, — его хозяевахъ.

Эта чета (очевидно мужъ съ женою) прекрасно раздѣляла между собою тепло, и сидѣла, смотря на яркія искры, которыя выпрыгивали сквозь рѣшетку; она-то дремала, кивая головою, то снова пробуждалась, когда какой нибудь горящій уголь, побольше другихъ, выскакивалъ, какъ будто бы весь огонь вылетѣлъ вмѣстѣ съ нимъ.

Впрочемъ нечего было бояться, что огонь погаснетъ; онъ освѣщалъ не только что эту маленькую комнату и стеклянную дверь, съ полузадернутою на ней занавѣскою, но и небольшую лавку, которая была за дверью. Эта лавочка была въ изобиліи напичкана запасами; полнехонька, словно прожорливый желудокъ акулы. Тутъ были сыръ, масло, дрова, мыло, соленье, спички, ветчина, пиво, кубари, сласти, бумажные змѣи,

Digitized by Google

птичій кормъ, окорока, метлы, кирпичи для поду, соль, уксусъ, вакса, копченые сельди, бумага, сало, грибы, корсетные снурки, хлѣбы, яица и грифеля: все это было рыбою, которая попадалась въ сѣть жадной лавочки, и все было въ этой сѣти. Сколько родовъ мелкаго товару еще было тутъ — и сказать трудно. Пучки бичевокъ, вязанки луку, фунты свѣчь, вѣнички и щетки, висѣли подъ потолкомъ, словно какіе необыкновенные плоды; между тѣмъ какъ початые ящики чаю, разливавшіе ароматическій запахъ, подтверждали истину надписи висѣвшей надъ дверью и извѣщавшей публику, что содержатель этой лавочки былъ привилегированный продавецъ чаю, кофе, перцу и табаку, курительнаго и нюхальнаго.

Смотря на всѣ эти вещи, которыя были видимы при блескѣ пламени и неслишкомъ веселомъ свѣтѣ двухъ закоптѣвшихъ лампъ, которыя тускло горѣли въ самой лавкѣ, и взглянувъ на лица, которыя были передъ огнемъ, Тротти не трудно было узнать въ толстой старой женщинѣ мистрисъ Чикинстокеръ, которая всегда была расположена къ полнотѣ, даже и тогда, какъ она держала у себя мелочную лавочку и имѣла на него небольшой счетецъ.

Черты ея товарища были менѣе ему знакомы. Большой, широкій подбородокъ, съ такимъ огромнымъ углубленіемъ, что въ него можно было спрятать палецъ; удивительные глаза, которые, кажется, согласились между собою тонуть глубже и глубже въ наростахъ жиру на его пухломъ лицѣ; носъ, страждущій разстройствомъ въ отправленіи своей должности, которое обыкновенно называется заваломъ; короткая толстая шея, тяжело-дышущая грудь, и другія красоты подобнаго рода, — все это было нѣсколько памятно Тротти, хотя сначала онъ и немогъ приписать всѣхъ этихъ признаковъ никому изъ прежнихъ знакомыхъ. Наконецъ онъ узналъ въ товарищѣ мистрисъ Чикинстокеръ, въ этомъ горбатомъ, эксцентрическомъ существѣ, прежняго придверника сэра Джозефа Боулей, — того добряка, который давно уже въ умѣ его соединился съ мистрисъ Чикинстокеръ, оттого что ввелъ его въ тотъ домъ, гдѣ онъ сознался, что долженъ этой женщинѣ, и тѣмъ навлекъ на свою несчастную голову такіе горькіе упреки.

Digitized by Google

Тротти не обратилъ большаго вниманія на такую перемѣну послѣ тѣхъ перемѣнъ, которыя онъ видѣлъ. Но иногда бываютъ очень непріятныя соединенія, и онъ невольно посмотрѣлъ за дверь, гдѣ обыкновенно записывались мѣломъ долги покупателей. Объ его имени не было и помину. Было тамъ нѣсколько именъ, но совершенно ему незнакомыхъ, да и то гораздо меньше, чѣмъ встарину: изъ этого онъ заключилъ, что придверникъ любилъ вести торгъ на наличныя деньги и, вступивъ въ дѣло, смотрѣлъ очень строго за должниками мистрисъ Чикинстокеръ.

Тротти былъ такъ разстроенъ и печаленъ, при воспоминаніи объ увядшей молодости и надеждахъ своей дочери, что ему было еще грустнѣе не имѣть мѣста даже и въ числѣ должниковъ мистрисъ Чикинстокеръ.

„Какова ночь, Анна?“ спросилъ прежній придверникъ сэръ Джозефа Боулей, протягивая передъ огнемъ ноги и потирая ихъ, какъ только могли доставать его короткія руки, съ такимъ притомъ видомъ, который говорилъ; „я здѣсь, если дурная погода, и не имѣю надобности уходить, если хорошая.“

„Вѣтреная, съ изморозью, отвѣчала его жена, и того гляди, что пойдетъ снѣгъ. Темно и холодно.

„Я очень радъ, что у насъ были лепешки, сказалъ прежній придверникъ, тономъ такого человѣка, который успокоилъ свою совѣсть. Это именно такая ночь, которая прилична для лепешекъ, а также и для гречневыхъ блиновъ.

И старый придверникъ по порядку называлъ разные роды съѣстнаго, какъ бы дѣлая исчисленіе своимъ добрымъ дѣламъ. Послѣ этого онъ опять какъ и прежде теръ свои толстыя ноги, и сгибая ихъ въ колѣнахъ, чтобы поставить къ огню еще не согрѣтыя части, смѣялся, какъ будто бы кто щекоталъ его.

Ты въ хорошемъ расположеніи духа, мой милый Тюгби, замѣтила жена его.

Ихъ торговая фирма была теперь: Тюгби, бывшая Чикинстокеръ.

„Нѣтъ,“ сказалъ Тюгби, „нѣтъ, не совсѣмъ. Я немного навеселѣ Лепешки пришлись такъ кстати.“

Digitized by Google

За этимъ онъ продолжалъ хохотать до того, что побагровѣлъ, и потомъ желая освѣжиться, принялся выдѣлывать престранныя движенія ногами, но ничто не помогло до тѣхъ поръ, пока мистрисъ Тюгби сильно не ударила его по спинѣ и не встряхнула какъ огромную бутыль.

„Господи милосердый! спаси и помилуй его!“ вскричала мистрисъ Тюгби съ ужасомъ. „Что это онъ дѣлаетъ?“

Мистеръ Тюгби протеръ глаза и тихо повторилъ, что онъ чувствуетъ себя немного навеселѣ.

Такъ въ другой разъ, мой милый, остерегись этого, если не хочешь уморить меня со страху своимъ коверканьемъ и задорностію.

Мистеръ Тюгби обѣщалъ; а между тѣмъ вся жизнь его была такою *борьбою*, въ которой онъ, если можно судить по увеличивающейся трудности дыханія и краснотѣ лица, былъ всегда побѣждаемъ.

„Такъ вѣтрено, и идетъ изморось, а? и темно, и очень холодно, говорить ты, моя милая?“ сказалъ Тюгби, смотря на огонь и приходя понемногу въ себя.

„Да, очень дурная погода,“ возразила его жена, кивнувъ головою.

„Видишь ли, годы,“ сказалъ мистеръ Тюгби, „въ этомъ отношеніи тоже, что мы грѣшные. Одни умираютъ тяжело, другіе спокойно. Вотъ этому осталось доживать немного дней, ну такъ онъ и бьется за нихъ: молодецъ! Люблю за это!—Тамъ покупатель, милая!“

Услыхавъ колокольчикъ, мистрисъ Тюгби уже встала.

„Что жь такое!“ сказала она, выходя въ лавочку. — Что угодно?....ахъ, извините, сэръ! я не думала, что это вы.“

Она обратилась съ этимъ извиненіемъ къ какому-то господину въ черномъ платьѣ, съ заворочеными манжетами въ шляпѣ, молодецки надѣтой на бекрень, и руками въ карманахъ. Онъ кивнулъ въ отвѣтъ хозяйкѣ и сѣлъ верхомъ на пивную бочку.

„На верху дѣло плохо, мистрисъ Тюгби,“ сказалъ этотъ господинъ. Онъ не можетъ жить.“

Digitized by Google

Тотъ жилецъ, что на верху въ задней комнатѣ? вскричалъ Тюгби, входя въ лавку, чтобы принять участіе въ разговорѣ.

„Что на верху въ задней комнатѣ,“ мистеръ Тюгби, сказалъ пришедшій господинъ. „Онъ скорехонько спустится оттуда.“

Посматривая то на Тюгби, то на его жену, онъ постучалъ пальцами по бочкѣ, чтобы узнать полна ли она, и нашедши, что въ ней есть пустота, принялся барабанить какую-то пѣсню.

„Да, что на верху въ задней колнатѣ: умираетъ;“ сказалъ онъ, и Тюгби стоялъ нѣсколько времени въ нѣмомъ смущеніи.

„Онъ долженъ съѣхать,“ сказалъ наконецъ Тюгби обращаясь къ женѣ, „прежде чѣмъ умретъ: сама посуди.“

„Не думаю, чтобъ вы могли перенести его,“ сказалъ господинъ съ бочки, качая головою. „Я самъ не приму на себя отвѣтственности — сказать, что это возможно. Ужь лучше вамъ оставить его тутъ: онъ вѣдь не долго проживетъ.

„Вотъ объ этомъ предметѣ,“ сказалъ Тюгби, опершись кулакомъ на чашку вѣсовъ, такъ что она ударилась о прилавокъ, „мы ужь спорили съ нею:“ чтожь теперь вышло? — Вотъ теперь онъ и умретъ тутъ, у насъ, въ нашемъ домѣ!“

„А гдѣжь ему умереть, Тюгби?“ вскричала его жена.

„Въ богадѣльнѣ“ возразилъ онъ; „для чего жь богадѣльни?

„Не для того,“ сказала мистрисъ Тюгби, „съ особенною „силою; не для того!— Я не за этимъ вышла за тебя: и не думай этого, Тюгби! — Не хочу, не потерплю этого! Скорѣй разойдусь съ тобой, никогда не стану тебя видѣть. — Когда мое имя, какъ я была вдовою, стояло надъ этой дверью, и много, много лѣтъ: этотъ домъ вездѣ былъ извѣстенъ подъ именемъ вдовы Чикинстокеръ, и пользовался довѣріемъ и доброю славою; такъ вотъ тогда, какъ мое имя стояло надъ этою дверью, Тюгби, я знала его красивымъ, здоровымъ, мужественнымъ, свободнымъ молодымъ человѣкомъ, а ее премилою, предоброю дѣвушкою, такъ что только бы глядѣла на нее; знала ея отца (бѣдняжка, онъ упалъ съ колокольни, идучи туда во снѣ, и убился), простаго, трудолюбиваго, добросер-

Digitized by Google

дечнаго человѣка, какихъ на рѣдкость.... такъ вотъ видишь, если я вышлю ихъ изъ дому: пусть тогда Ангелы не допустятъ меня въ царство небесное.... пусть не допустятъ: я и буду стоить этого!"

И ея старое лице, которое передъ тѣмъ было только пухлымъ и толстымъ, казалось, блистало, когда она говорила эти слова. Когда же она утерла глаза, кивнула головою и махнула платкомъ своему Тюгби, съ выраженіемъ рѣшимости, которой очевидно нельзя было противиться, Тротти сказалъ: дай ей Богъ доброе здоровье!"

Потомъ онъ сталъ слушать съ біющимся сердцемъ что будетъ далѣе. Онъ еще ничего не зналъ, кромѣ того, что они говорили объ его Маргаритѣ.

Если Тюгби былъ немного навеселѣ въ своей комнатѣ, такъ это веселье было болѣе, чѣмъ перевѣшено огорченіемъ, которое онъ чувствовалъ въ лавкѣ, гдѣ, онъ теперь стоялъ посматривая на жену, но не пытаясь возражать ей. Однако, въ это же время, онъ потихоньку, — въ припадкѣ-ли разсѣянности, или изъ предосторожности, — всѣ деньги, какія были въ ящикѣ, переложилъ себѣ въ карманъ.

Ясно, что господинъ, который сидѣлъ на бочкѣ, и который, какъ водится, былъ медикъ назначенный для бѣдныхъ, очень хорошо привыкъ къ небольшимъ разногласіямъ въ мнѣніяхъ между мужьями и женами, чтобы сдѣлать какое нибудь замѣчаніе въ эту минуту. Онъ сидѣлъ, тихо что-то насвистывая и выпуская на полъ по нѣскольку капель пива, до тѣхъ поръ пока не водворилось совершенное спокойствіе. Тогда онъ поднялъ голову и сказалъ мистрисъ Тюгби, бывшей Чикинстокеръ.

„Еще и теперь есть нѣчто привлекательное въ этой женщинѣ. Какимъ образомъ она за него вышла?"

„Это тоже печальное время въ ея исторіи, сэръ," сказала мистрисъ Тюгби, садясь близъ него." Видите ли, они познакомились, она и Ричардъ, много лѣтъ тому назадъ. Тогда они были молоды и красивы; все было слажено, и свадьбѣ бы слѣдовало быть въ день новаго года. Да вотъ Ричардъ какъ-то забралъ себѣ въ голову, — ему наговорилъ это одинъ

Digitized by Google

господинъ, — что онъ могъ бы поступить лучше, что онъ скоро раскается, что она ему не партія, что молодому человѣку съ умомъ ненужно жениться; и ее этотъ же господинъ напугалъ, навелъ на нее грусть, сказалъ, что мужъ оставитъ ее, что ея дѣти не минуютъ висѣлицы, что женитьба ихъ есть преступленіе, и мало ли чего еще наговорилъ онъ. Ну вотъ они и стали тянуть да мѣшкать; довѣренность ихъ другъ къ другу рушилась, а наконецъ также и сватьба. А виноватъ онъ: она вышла бы за него съ радостью. Я видѣла, ужь много спустя послѣ того, какъ у ней надрывалось сердце, когда онъ проходилъ мимо ея спѣсиво и беззаботно. И никакая женщина такъ непритворно не жалѣла объ мужчинѣ, какъ она объ Ричардѣ, когда онъ началъ дурно себя вести."

„А онъ дурно себя велъ?" сказалъ господинъ, вынимая втулку и заглядывая въ бочку.

„Вотъ видите-ли, я не знаю, понималъ-ли онъ самъ себя. Думаю, что его мучилъ этотъ разрывъ, и что только стыдъ передъ добрыми людьми, да можетъ быть неувѣренность, какъ она приметъ его, мѣшали ему снова предложить Маргаритѣ руку. Такъ я думаю; а самъ онъ не говорилъ этого. — Онъ принялся пить, не сталъ работать, связался съ дурными товарищами, — за всѣ эти прекрасныя средства, которыя казались ему лучше, чѣмъ семья, которую бы онъ могъ имѣть. — Онъ потерялъ пріятную наружность, характеръ, здоровье, силы, друзей, работу — все."

„Всего онъ не потерялъ, мистрисъ Тюгби," возразилъ лѣкарь: „онъ досталъ жену; хотѣлъ бы я знать, какъ онъ досталъ ее?"

„Я сей часъ скажу вамъ.—Такъ продолжалось не одинъ годъ. Онъ падалъ все ниже и ниже; а она, бѣдняжка, терпѣла не мало горя, которое можетъ изсушить всякаго. Наконецъ онъ такъ опустился, такъ былъ заброшенъ, что никто не хотѣлъ ни принимать, ни знать его: куда бы ни пошелъ онъ, всѣ двери были для него заперты. Переходя отъ мѣста къ мѣсту, изъ дому въ домъ, онъ пришелъ ужь въ сотый разъ къ одному хозяину, который часто пытался брать его (онъ вѣдь былъ хорошій работникъ), — и этотъ человѣкъ, который зналъ его исторію, сказалъ ему: ты неисправимъ; есть

Digitized by Google

только одна особа въ мірѣ, которая можетъ навести тебя на путь истинный: пока она не попытается этого сдѣлать, ты и не хлопочи, чтобы я повѣрилъ тебѣ. Такъ, или нѣчто подобное, говорилъ онъ въ сердцахъ и досадѣ."

„А!" сказалъ лѣкарь. „Ну дальше."

„Ну вотъ онъ и пришелъ къ ней; упалъ передъ нею на колѣна; сказалъ, что любитъ, что всегда любилъ и умолялъ спасти себя."

„А она? — Не огорчайтесь, мистрисъ Тюгби."

„Она пришла ко мнѣ въ тотъ же вечеръ и просила, чтобъ я пустила ихъ къ себѣ на квартиру. — „Чѣмъ онъ былъ для меня," говорила она и чѣмъ я была для него, то ужь схоронено, — въ могилѣ: но я подумала объ его предложеніи, и, въ надеждѣ спасти его, хочу попытаться; — хоть изъ любви къ той беззаботной дѣвочкѣ (вы ее помните), которая должна была вѣнчаться въ день новаго года, и изъ любви къ ея Ричарду." Потомъ она сказала, что онъ приходилъ къ ней отъ Лиліаны, которая имѣла къ нему довѣренность, и что она не могла забыть этого. — Такъ они и женились. Когда они переѣхали ко мнѣ, и я увидала ихъ, то надѣялась, что предсказанія, которыя разлучили ихъ въ молодости, не всегда могутъ такъ сбываться, какъ они сбылись на этотъ разъ; а не то я ни за какіе золотые рудники не захотѣла бы быть ихъ свахою.

Господинъ сошелъ съ бочки, и замѣтилъ потягиваясь:

„Я полагаю, что онъ началъ дурно обходиться съ нею лишь только они успѣли жениться."

„Не думаю, сказала мистрисъ Тюгби, качая головою и утирая глаза.—Но онъ поправился не надолго: привычки его очень застарѣли и были очень сильны, что бы онъ могъ отъ нихъ освободиться. Онъ скоро опять упалъ, и въ это-то время съ нимъ приключилась болѣзнь. А я думаю, что онъ всегда любилъ жену; я увѣрена въ этомъ. Видѣла я, какъ онъ въ самыхъ жестокихъ припадкахъ, старался поцѣловать ей руку; слышала, какъ онъ звалъ ее „Мегъ," и говорилъ что это ея девятнадцатый день

Digitized by Google

рожденія. Такъ лежалъ онъ недѣли и мѣсяцы. Дѣля время между имъ и своимъ ребенкомъ, она уже не могла заниматься своей прежней работой; и впрочемъ, не имѣя возможности быть аккуратною, она потеряла бы ее и въ такомъ случаѣ, если бы и могла работать. Какъ ужь они жили, я и не знаю!"

„*Я знаю*," бормоталъ мистеръ Тюгби, посматривая на денежный ящикъ, на лавку и на жену, и повертывая головою съ особеннымъ значеніемъ. „Жили чудесно!"

Онъ былъ прерванъ крикомъ — плачевнымъ воплемъ — который послышался изъ верхней комнаты. Лѣкарь бросился торопливо къ двери.

„Другъ мой," сказалъ онъ оглядываясь, „теперь вамъ нечего спорить, можно перенести его, или нѣтъ: мнѣ кажется, что онъ избавилъ васъ отъ хлопотъ."

Говоря это, онъ пустился по лѣстницѣ въ сопровожденіи мистрисъ Тюгби. Мистеръ Тюгби, пыхтя и ворча, медленно потащился за ними; ему было гораздо тяжелѣе дышать, чѣмъ обыкновенно, отъ тяжести денежнаго ящика, въ которомъ было значительное количество мѣдныхъ денегъ. Тротти, съ своимъ спутникомъ, полетѣлъ на лѣстницу какъ вѣтеръ.

„Иди за нею! иди за нею! иди за нею!" Онъ слышалъ какъ колокола повторяли слова свои, между-тѣмъ, какъ онъ всходилъ на верхъ. — „Узнай это отъ существа драгоцѣннѣйшаго твоему сердцу!"

Кончено! кончено! Это была она, гордость и радость отца своего! эта блѣдная худая женщина, которая плачетъ у постели, едвали заслуживающей это названіе, — которая прижимаетъ къ сердцу ребенка, склонивъ на него свою голову.... И какой этой хилый, больной ребенокъ?....а какой милый!

„Господи! благодарю Тебя!" вскричалъ Тротти, поднимая руки." О, Господи! благодарю Тебя; она любитъ дитя свое!"

Медикъ равнодушный и холодный при такихъ сценахъ, оттого-что онъ видѣлъ ихъ каждый день и зналъ, что онѣ не составляли чиселъ большой важности въ итогахъ Фейлера, — что это одна черта въ дѣлѣ такихъ вычисленій, — положилъ

Digitized by Google

руку на сердце, которое перестало биться, прислушался къ дыханію и сказалъ: „его страданіе кончилось. Да и лучше!“ Мистрисъ Тюгби старалась утѣшить Маргариту ласкою. Мистеръ Тюгби пустился въ разсужденія.

„Полноте, полноте!“ говорилъ онъ, держа руки въ карманахъ: „вы знаете, что не слѣдуетъ упадать духомъ. На что? Вамъ надо ободриться. — Что бы сталось со мною, если бы я потерялъ твердость, когда былъ придверникомъ? бывало передъ нашими дверьми разъ по шести въ ночь случаются несчастія съ экипажами; но я вооружался душевною твердостію, и не выходилъ на улицу.“

Тротти опять услышалъ голоса, которыя говорили: „иди за ней!“ Онъ оборотился къ своему спутнику и увидѣлъ, что онъ поднимается на воздухъ. „Иди за ней!“ сказалъ онъ, и исчезъ.

Тротти носился около нея; сѣлъ у ея ногъ; смотрѣлъ ей въ лице, ища на немъ слѣдовъ прежняго; ловилъ слухомъ въ ея голосѣ прежніе пріятные звуки. Онъ пролетѣлъ около ребенка; какой блѣдный, какъ безвременно состарѣлся, — какъ страшно угрюмъ онъ, сколько жалобы въ его слабомъ, горькомъ плачѣ! — А онъ почти боготворилъ его. Прилѣпился къ нему, какъ къ единственному ея хранителю, какъ къ послѣднему неразорванному еще звену, которое привязывало ее къ страдальческой жизни. Онъ основывалъ свои отеческія надежды и увѣренность на этомъ слабомъ ребенкѣ. Слѣдилъ за каждымъ взоромъ, который она обращала на него, держа его на рукахъ, и тысячу разъ повторялъ: „Она любитъ его! — Слава Богу, она любитъ его!“

Онъ видѣлъ, какъ мистрисъ Тюгби ухаживала за ней ночью. Какъ пришла къ ней, когда заснулъ ея завистливый мужъ, и когда все утихло; какъ утѣшала ее, плакала съ нею, какъ поставила передъ нею кушанье. Онъ видѣлъ, какъ насталъ день, какъ пришла ночь, и опять день, и опять ночь. Время шло, — покойника унесли; она осталась въ комнатѣ одна съ ребенкомъ. Тротти слышалъ, какъ онъ стоналъ и кричалъ; видѣлъ какъ мучилъ, томилъ ее, какъ будилъ, когда она отъ истощенія засыпала, и заставлялъ томиться снова....Но она

Digitized by Google

была съ нимъ всегда одинакова, — добра, терпѣлива. — Да, терпѣлива была его мать, любящая всѣмъ сердцемъ и душою: она связала бытіе его съ своимъ также какъ и тогда, когда носила его подъ сердцемъ,

Все это время она была въ нуждѣ,—томилась въ страшной, убійственной нуждѣ. Съ ребенкомъ на рукахъ она ходила туда и сюда, ища работы, и между тѣмъ какъ онъ исхудалый лежалъ у ней на груди, и смотрѣлъ ей въ лице, она дѣлала что нибудь за самую скудную плату. — День и ночь труда за столько полу-пенни, сколько чиселъ на циферблатѣ часовъ! — Но хоть бы разъ она осердилась на него; хоть бы разъ не позаботилась объ немъ; хоть бы разъ взглянула на него съ минутною не пріязнію, хоть бы разъ, въ минуту гнѣва, толкнула его! — Нѣтъ! — Старикъ утѣшался: она всегда любила его.

Она никому не говорила о своей крайности, и уходила со двора, когда ея единственный другъ могъ спросить ее объ этомъ. Помощь, которую она получала отъ нея, причиняла новые споры между этой доброю женщиною и ея мужемъ: и для Маргариты было новымъ огорченіемъ сдѣлаться ежедневною причиною раздора и несогласій тамъ, гдѣ она была столь много одолжена.

Но она все любила своего ребенка; любила его болѣе и болѣе. Но произошла перемѣна въ выраженіи этой любви. — Была ночь.

Она тихо пѣла надъ нимъ и ходила взадъ и впередъ, что бы его убаюкать; какъ дверь ея комнаты тихо отворилась, и какой-то мужчина заглянулъ въ нее.

„Въ послѣдній разъ,“ сказалъ онъ.

— „Вильямъ Фернъ!“

„Въ послѣдній разъ.

Тротти слушалъ, какъ этотъ продолжалъ; онъ говорилъ шепотомъ.

„Маргарита! путь мой почти конченъ; но я не хотѣлъ совершить его, не сказавъ вамъ хоть одного слова — одного слова благодарности!“

Digitized by Google

„Что вы сдѣлали?“ спросила она, смотря на него съ ужасомъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее, но не далъ отвѣта.

Послѣ краткаго молчанія, онъ сдѣлалъ движеніе рукою, какъ бы отталкивая, отдаляя вопросъ ея, и сказалъ:

„Теперь много прошло тому времени, Маргарита; но эта ночь также свѣжа въ моей памяти, какъ была всегда. Мы тогда не думали,“ прибавилъ онъ ,смотря кругомъ, „что мы встрѣтимся такъ, какъ теперь. Это ваше дитя, Маргарита? Позвольте мнѣ взять его на руки; дайте мнѣ подержать ваше дитя!“

Онъ поставилъ свою шляпу на полъ и взялъ ребенка. Взявъ его, онъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ.

„Это дѣвочка?“

„Да.“

Онъ положилъ руку на ея маленькое личико.

„Посмотрите, Маргарита, какъ я сдѣлался слабъ: мнѣ надобно мужество, чтобы посмотрѣть на нее. Оставьте ее у меня еще на минуту: я не ушибу ее. Много времени прошло.... а какъ зовутъ ее?“

„Маргаритою,“ поспѣшно отвѣчала она.

„Очень радъ этому,“ сказалъ онъ, „очень радъ!“

Казалось, онъ дышалъ свободнѣе; послѣ минутнаго молчанія онъ отнялъ свою руку и, посмотрѣвъ въ лице ребенку, опять поспѣшно закрылъ его.

„Маргарита,“ сказалъ онъ, отдавая ей дитя: „это лицо Лиліаны!“

„Лиліаны?

„Я держалъ на рукахъ моихъ ребенка съ этимъ самымъ лицемъ, когда мать Лиліаны умерла и оставила ее.“

„Когда мать Лиліаны умерла и оставила ее?“ дико повторила она.

„Какъ рѣзко говорите вы! Что вы такъ пристально на меня смотрите, Маргарита?“

Она упала на стулъ, прижала ребенка къ груди и плакала надъ нимъ. Потомъ немного спустя она выпустила его изъ своихъ объятій, тоскливо посмотрѣла ему въ лице, и опять прижала къ сердцу. Въ то время, какъ она пристально глядѣла на него, что-то страшное, ужасное начало мѣшаться съ ея любовью. И тутъ-то испугался ея старый отецъ.

Digitized by Google

„Иди за ней!“ загремѣло въ домѣ. „Узнай это отъ существа, драгоцѣннѣйшаго твоему сердцу!“

„Маргарита,“ сказалъ Фернъ, наклоняясь къ ней и цѣлуя ее въ лобъ: „благодарю васъ въ послѣдній разъ. Прощайте! Доброй ночи! Дайте мнѣ вашу руку и скажите мнѣ, что съ этого часа вы забудете меня, и станете думать, что мой конецъ былъ здѣсь,“

„Что вы сдѣлали?“ опять спросила она.

„Нынче ночью будетъ пожаръ,“ сказалъ онъ, отходя отъ нея. Будутъ огни, чтобы освѣтить темноту зимней ночи,—Востокъ, Западъ, Сѣверъ и Югъ. Когда вы увидите, что отдаленное небо покраснѣетъ: они будутъ горѣть. Когда вы увидите красноту отдаленнаго неба, не думайте болше обо мнѣ; еслижь подумаете, то вспомните, что это адъ горитъ въ моей внутренности, и что это его пламя отражается въ облакахъ. Доброй ночи. Прощайте!“

Она звала его; но онъ ушелъ. Она сѣла какъ потерянная, и сидѣла до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не пробудилъ ее къ чувству голода, холода и темноты. Она всю ночь проходила съ нимъ по комнатѣ, убаюкивая его и утѣшая. Отъ времени до времени она повторяла: „какъ Лиліана, когда мать умерла и оставила ее!“ И отъ чего шаги ея были такъ быстры, взоры такъ дики, и любовь ея такъ страшна и ужасна, въ то время, какъ она говорила эти слова?

„Но она любитъ его,“ говорилъ Тротти. „Это любовь. Она никогда не перестанетъ любить его, моя бѣдная Мегъ!“

Утромъ она нарядила свое дитя съ особенною заботливостію, — ахъ, тщетная забота при такомъ бѣдномъ платьѣ! — и опять пошла искать средствъ къ жизни. Это былъ послѣдній день стараго года. Она ходила до вечера, и ничѣмъ не утолила свой голодъ: она искала понапрасну.

Она смѣшалась съ отвратительною чернью, которая остается на снѣгу до тѣхъ поръ, пока какому нибудь чиновнику назначенному для раздачи общественныхъ благодѣяній, угодно будетъ призвать ихъ къ себѣ, спросить ихъ, и сказать одному: „поди въ такое-то мѣсто,“ другому: „приходи на слѣдующей недѣлѣ,“ а третьяго бѣдняка толкнуть ногою и заставить его бродить туда и сюда, изъ дому въ домъ, пока онъ не истомит-

Digitized by Google

ся и не умретъ, или, потерявъ терпѣніе не приметъ красть и такимъ образомъ сдѣлается преступникомъ, для того, чтобъ требованія его не терпѣли отсрочки. — Маргарита упала духомъ. Она любила свое дитя и желала, чтобы оно было на груди ея. И этого было съ нее совершенно довольно.

Была ночь; холодная, темная, рѣзкая ночь, когда она, крѣпко прижимая къ себѣ ребенка, чтобы согрѣть его, пришла въ то мѣсто, которое называли *домомъ*. Она была такъ слаба, истомлена, что и не замѣтила человѣка, который стоялъ въ дверяхъ, пока не подошла къ нему очень близко и уже хотѣла войти. Тутъ она узнала хозяина дома, который такъ расположился тутъ, что занялъ весь проходъ, что для его особы и не было трудно.

„А!“ тихо сказалъ онъ, „вы опять пришли.“

Она посмотрѣла на ребенка и покачала головою.

„Пора бы вамъ подумать, что вы живете здѣсь довольно долго, не платя за пожилое; пора бы подумать, что вы, безъ денегъ, очень постоянная покупательница въ этой лавкѣ — а?“ сказалъ мистеръ Тюгби.

Она повторила тотъ же самый молчаливый отвѣтъ.

„Чтобы вамъ попытаться покупать гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, сказалъ онъ,“ и пріискать себѣ другую квартиру? Неужли вы не думаете распорядиться этимъ?

Она сказала слабымъ голосомъ, что теперь было уже поздно, что завтра....

Я вижу, чего вамъ хочется,“ сказалъ Тюгби, „и что вы думаете. Вы знаете, что въ этомъ домѣ двѣ партіи, и вамъ пріятно вооружать ихъ одну противъ другой. — Мнѣ не нужно ссоръ: я тихо говорю для того, чтобы избѣжать ссоры; но если вы не уйдете отсюда, я заговорю громко, и вы будете причиною такихъ словъ, которыя могутъ вамъ не понравиться.— Вы не войдете сюда: я рѣшилъ это.

Она откинула рукою волосы и вдругъ посмотрѣла на небо, въ темную, мрачную даль.

„Это послѣдняя ночь стараго года; и я не хочу перейти къ новому съ неудовольствіями, ссорами и спорами, для того чтобы угодить вамъ или кому другому,“ сказалъ Тюгби, который былъ настоящею частичкою *друга и отца*. Я удив-

Digitized by Google

ляюсь, какъ вамъ не стыдно вступить въ новый годъ съ такими обстоятельствами. Если у васъ нѣтъ другаго дѣла на свѣтѣ, какъ только что безпрестанно огорчаться, да всегда возбуждать несогласія между мужемъ и женою: такъ ужь вамъ лучше бы его оставить. — Подите же отсюда."

„Иди за ней путемъ отчаянія!"

Старикъ опять услыхалъ голоса. Посмотрѣвъ вверхъ, онъ увидѣлъ въ воздухѣ привидѣнія; они указывали куда пошла она внизъ по темной улицѣ.

„Она любитъ его!" вскричалъ онъ, молясь за нее съ тоскою. „Колокола! она любитъ его!"

„Иди за нею!" Тѣни неслись словно облако по тому направленію, которое приняла она.

Онъ догналъ ее, приблизился къ ней, смотрѣлъ ей въ лице. Видѣлъ тоже самое дикое, ужасное выраженіе, которое смѣшивалось съ его любовью, и свѣтилось у ней въ глазахъ. Онъ слышалъ какъ она говорила: „Какъ Лиліана! Такъ перемѣниться, какъ Лиліана!" И она спѣшила еще болѣе.

О, какъ бы пробудить ее! Какимъ бы видомъ, звукомъ, запахомъ, — возвратить въ ея воспламененной головѣ нѣжныя воспоминанія! Какъ-бы воскресить передъ ней милый образъ прошедшаго?

„Я былъ ея отецъ! я былъ ея отецъ!" кричалъ старикъ, протягивая руки, къ мрачнымъ тѣнямъ, которыя неслися въ вышинѣ. Сжальтесь надъ нею и надо мною! Куда идетъ она? Воротите ее! я былъ ея отецъ!

Но онѣ только-что показывали, куда она бѣжала, и говорили: „по пути отчаянія! — Узнай это отъ существа драгоцѣннѣйшаго твоему сердцу!"

Сотни голосовъ этому вторили. Самый воздухъ, казалось, дышалъ этими словами. Тротти впивалъ ихъ съ каждымъ вздохомъ. Они были вездѣ: нельзя было отъ нихъ освободиться. А она все бѣжала; тотъ же огонь въ глазахъ, тѣже слова на устахъ ея: „какъ Лиліана! такъ перемѣниться, какъ Лиліана!"

Вдругъ она остановилась.

„Воротись!" кричалъ старикъ, вырывая себѣ волосы. Дитя моя! Мегъ! воротись! — Отецъ небесный! вороти ее!"

Digitized by Google

Чтобы согрѣть ребенка, она завернула его своимъ старымъ платкомъ. Дрожащею рукою она гладила его члены, укладывала головку, оправляла его бѣдный нарядъ. Она прижимала его своими исхудалыми руками такъ, какбы никогда не думала его покинуть; цѣловала изсохшими губами— въ послѣднихъ мукахъ, въ послѣднемъ, предсмертномъ томленіи любви!

Положивъ его высохшую руку къ себѣ на шею и спрятавъ ее подъ платьемъ, близъ разтерзаннаго сердца, она прижала къ себѣ его сонную голову, близко, крѣпко, и пустилась къ рѣкѣ.

Къ рѣкѣ быстрой и мутной, надъ которою зимняя ночь носплась, какъ послѣднія мрачныя мысли того, кто искалъ въ ней убѣжища прежде несчастной матери. Огоньки, разсыпанные по ея берегамъ, свѣтились печально, тускло, красноватымъ пламенемъ, будто факелы, зажженные тамъ для того, чтобы показывать дорогу къ смерти. Ни одного жилища живаго существа не бросало тѣни на этотъ глубокій, непроницаемый, печальный мракъ.

Къ рѣкѣ, къ этому предверію вѣчности, направлялись ея отчалнные шаги съ быстротою водъ, текущихъ въ море. Онъ пытался схватить ее, когда она проходила мимо его, спускаясь къ берегу; но это дикое, разстроенное существо, — олицетвореніе страшной, ужасной любви и отчаянія, которое низпровергаетъ всякую человѣческую остановку, скользнуло мимо его какъ вѣтеръ.

Онъ пошелъ за нею. Она на минуту остановилась на берегу, прежде страшнаго погруженія. Онъ упалъ на колѣна и съ воплемъ обратился къ призракамъ колоколовъ, которые носились надъ ними.

„Я узналъ это!“ кричалъ старикъ, отъ существа драгоцѣннѣйшаго моему сердцу! „О, спасите ее, спасите!“ Онъ чувствовалъ, что можетъ схватить ее за платье, можетъ ее удержать что чувство осязанія къ нему возвращается, что онъ ее держитъ.

Призраки пристально смотрѣли на него.

„Я узналъ это!“ кричалъ старикъ. „О, пощадите меня въ этотъ часъ, если я своею любовію къ ней, такой молодой и доброй, оскорбилъ природу въ сердцахъ матерей, доведенныхъ до отчаянія! — Простите мнѣ мою гордость, злость, невѣжество, и спасите ее!“

Digitized by Google

Онъ чувствовалъ, что не можетъ удержать ее. Колокола молчали.

„Пощадите ее!“ воскликнулъ онъ: она рѣшилась на это ужасное преступленіе изъ любви, изъ самой сильной, глубокой любви, какую только мы, падшія существа можемъ чувствовать! подумайте, каковы должны быть ея страданія, когда они приносятъ такіе плоды! Богъ видитъ — она добра! — Да! нѣтъ на землѣ такой любящей матери, которая не дошла бы до того же если бы испытала напередъ такую же жизнь, какъ она. О, пощадите дочь мою! она и въ этомъ поступкѣ выказываетъ любовь къ своему ребенку: она умираетъ, губитъ свою безсмертную душу для того, чтобы спасти его!“

И она была въ его объятіяхъ. Онъ держалъ ее. Его сила равнялась силѣ исполина.

„Я вижу между васъ духа колоколовъ!“ кричалъ старикъ, хватая ребенка и говоря съ какимъ то вдохновеніемъ, которое внушали ему ихъ взоры. Я знаю, что наше наслѣдство сохраняется для насъ временемъ. Знаю, что есть море времени, которое возстало нѣкогда, и передъ нимъ все, что вредило намъ, что утѣшало насъ, исчезнетъ какъ сухой листъ. Я вижу, оно приближается! Знаю, что мы должны вѣрить и надѣяться, не должны сомнѣваться ни въ себѣ самихъ, ни въ добротѣ другихъ. Я узналъ это отъ существа драгоцѣннѣйшаго моему сердцу. И я держу ее опять въ моихъ объятіяхъ.

О духи; милосердые и добрые, Принимаю вашъ урокъ къ сердцу вмѣстѣ съ нею! О духи милосердые и добрые благодарю васъ.“

Онъ наговорилъ бы больше, но колокола, старые знакомые колокола, любимые, постоянные, вѣрные друзья, начали звонить для новаго года, такъ радостно, такъ весело, такъ счастливо, что онъ вскочилъ на ноги и разсѣялъ очарованіе, которое его окружало.

Какъ бы то ни было, батюшка, сказала Маргарита, не кушайте опять рубцовъ, не спросясь доктора, можно ли вамъ ихъ кушать; вы такъ бредили; что Господи милостивый!“

Она сидѣла у столика близь огня и отдѣлывала къ свадьбѣ свое простое платье лентами. Она была такъ совершенно счастлива, такъ цвѣтуща, молода, такъ полна радо-

Digitized by Google

стныхъ надеждъ, что онъ вскрикнулъ, какъ бы увидѣвъ ангела въ своемъ жилищѣ, потомъ побѣжалъ обнять ее.

Но онъ запутался ногами въ листкахъ журнала, который упалъ на очагъ, и кто то проскользнулъ между имъ и Маргаритой.

„Нѣтъ! — раздался голосъ вошедшаго — это былъ пріятный веселый голосъ — Ни даже вы! ни даже вы! Первый поцѣлуй Маргариты на новый годъ — мой: Я ждалъ тамъ, за дверью этого часа, чтобы услышать колокола, и требовать этого поцѣлуя. — Маргарита, сокровище мое счастливаго года! Цѣлую жизнь счастливыхъ годовъ, милая жена моя!

И Ричардъ осыпалъ ее поцѣлуями.

Вы никогда, во всю жизнь вашу, не видали ничего такого, что видѣлъ Тротти послѣ этого. Мнѣ и нужды нѣтъ какъ вы жили и что вы видѣли, только вы во всю жизнь не видали ничего подобнаго тому, что онъ видѣлъ! Онъ садился на свой стулъ, трепалъ себя по колѣнямъ и плакалъ; онъ садился на свой стулъ, трепалъ себя по колѣнямъ и смѣялся; онъ садился на свой стулъ трепалъ себя по колѣнямъ, и плакалъ и смѣялся вмѣстѣ. Онъ вскакивалъ со стула обнималъ Маргариту; онъ вскакивалъ со стула и обнималъ Ричарда; онъ вскакивалъ со стула и обнималъ ихъ обоихъ вмѣстѣ; онъ бросался къ Маргаритѣ, хваталъ ея свѣжее личико и цѣловалъ его, шелъ отъ нея задомъ, чтобы не потерять ее изъ виду, и опять возвращался, какъ фигуры въ волшебномъ фонарѣ; и дѣлая все это, онъ безпрестанно садился, и ни на минуту не оставался; однимъ словомъ онъ былъ внѣ себя,

„Такъ завтра день вашей свадьбы, моя милушка! вскричалъ Тротти. Точно завтра счастливый день вашей свадьбы?“

„Сего дня!“ вскричалъ Ричардъ, схватилъ его за руку Сегодня! колокола зазвонили новому году. Слышите?

Они дѣйствительно звонили. Благословеніе надъ ними — они звонили! Что это за великіе колокола, благозвучные, полнозвучные, благородные колокола! Они вылиты не изъ простаго металла; не простой человѣкъ выливалъ ихъ: когда жь они звонили такъ прежде?

„Но сегодня, моя милая,“ сказалъ Тротти — ты съ Ричардомъ что то сговорилась?“

Digitized by Google

„Отъ того, что онъ такой дурной человѣкъ, батюшка," сказала Маргарита. Не правдали, Ричардъ? — Такой упрямый, горячій! Онъ видите, не болѣе поцеремонился бы сказать свои мысли этому великому альдерману, и отправить его— я не знаю куда, какъ и....

„— Поцѣловать Маргариту," подхватилъ Ричардъ, исполняя на дѣлѣ свои слова.

„Нѣтъ ничуть не бывало, сказала Маргарита. „Но я не хотѣла бы его оставить, батюшка. Что пользы?"

„Ричардъ, голубчикъ мой! вскричалъ Тротти. Ты поступилъ именно по молодецки: будь же молодцемъ до смерти!— Да! ты Маргарита плакала вчера, сидя у огня, какъ я возвратился домой; отъ чего ты плакала?

„Я думала объ тѣхъ годахъ, которые мы провели вмѣстѣ, батюшка, вотъ и все. Думала, что вы разставшись со мною останетесь одни."

Тротти опять вскочилъ было съ своего стула, какъ Лиліана, пробужденная шумомъ, выбѣжала къ нимъ полуодѣтая.

„Какъ она здѣсь!" вскричалъ Тротти, схвативъ ее на руки. Малютка Лиліана здѣсь! Ха-ха-ха! — Мы здѣсь живемъ пойдемъ сюда! О, мы здѣсь живемъ, пойдемъ сюда, Да-да, Мы здѣсь живемъ, пойдемъ сюда! — Ба! и дядя Вильямъ!" прибавилъ онъ, идя къ нему своею обыкновенною походкою, и радушно съ нимъ здоровался. „Ахъ, дядя Вильямъ! вотъ такъ сонъ, какой я видѣлъ, ну звавши васъ къ себѣ! Очень обязанъ вамъ другъ мой, за то что пришли!"

Прежде чѣмъ Вильямъ успѣлъ отвѣтить въ комнату явилась музыка въ сопрожденіи толпы людей, которые кричали: счастливаго новаго году! Мегъ, счастливаго супружества! на многія лѣта!" и другія добрыя желанія подобнаго рода. — Барабанщикъ (который былъ искреннѣйшимъ другомъ Тротти) выступилъ впередъ и сказалъ:

„Тротти Векъ!" Всѣмъ извѣстно, что дочь твоя завтра выходитъ за мужъ; и нѣтъ ни души, которая бы знала тебя, и не желала тебѣ добра; или знала ее, и не желала ей добра или знала васъ обоихъ и не желала вамъ обоимъ всякаго сча-

Digitized by Google

стія какое можетъ принести новый годъ. И по этому мы пришли сюда для того что бы играть и танцовать здѣсь.

Эта рѣчь была принята со всеобщимъ одобреніемъ. Барабанщикъ правда былъ немного пьянъ; да что нужды!

„Это именно счастье," сказалъ Тротти „быть такъ уважаемымъ! Какъ вы добры и радушны! И все это для моей дочери! — ну, она и стоитъ этого!"

Въ одну секунду приготовились къ танцамъ (Маргарита и Ричардъ стали въ первой парѣ); барабанщикъ принялся работать изъ всѣхъ силъ....но тутъ послышались съ улицы удивительные звуки, и въ комнату вошла веселая, красивая женщина лѣтъ пятидесяти, или около этого, въ сопровожденіи мужчины, который несъ каменную кружку огромнаго объема, а за ними провожатые съ костями, косарями и колокольчиками, — не *колоколами* — нѣтъ, это были маленькіе колокольчики, привѣшенные къ рамкѣ, какъ обыкновенно водится на свадьбахъ.

„Это мистрисъ Чикенстокеръ!" сказалъ Тротти, и сѣлъ на стулъ и принялся трепать себя по колѣнамъ.

„Выходить за мужъ, и не сказать мнѣ! вокричала добрая женщина." Нѣтъ! Я не могла бы быть спокойною въ послѣднюю ночь стараго года, не пришедши пожелать вамъ счастія. Я не могла бы сдѣлать этого, Мегъ, хоть бы была такъ больна, что лежала въ постелѣ. Ну вотъ я и здѣсь! а какъ сего дня канунъ новаго года вашей свадьбы, моя милая, такъ я принесла съ собою не много пива.

Замѣчаніе мистрисъ Чикенстокеръ, что она принесла съ собою *не много* пива, дѣлало честь ея характеру. Кружка дымилась и курилась какъ волканъ. Человѣкъ, который принесъ ее, замѣтно усталъ.

„Мистрисъ Тюгби! сказалъ Тротти, кружась около ея съ восторгомъ. — Я долженъ бы сказать — Чикенстокеръ — да благословитъ васъ Господь Богъ! Счастливаго новаго года на многія лѣта, Мистрисъ Тюгби! Сказалъ Тротти здоровансь съ нею, — „то есть я долженъ сказать Чикенстокеръ, вотъ это Виліамъ Фернъ и Лиліяна."

Достойная женщина, къ удивленію его, и поблѣднѣла и покраснѣла.

*

Digitized by Google

„Не та ли это Лиліана Фернъ, которой мать умерла въ Дорсетшейрѣ," сказала она.

„Та самая," отвѣчалъ ея дядя; и торопливо подошедъ другу къ другу, они обмѣнялись нѣсколькими бѣглыми словами; слѣдствіемъ было то, что она схватила его за руки, потомъ опять поцѣловала Тротти, такъ сама, по своей волѣ, и взяла дѣвочку къ себѣ на грудь.

„Вильямъ Фернъ," сказалъ Тротти надѣвая перчатку на правую руку, это не та ли пріятельница, которую вы надѣялись найти.

„Да!" возразилъ Вильямъ, кладя руки на плеча Тротти." И надѣюсь что будетъ такимъ же добрымъ другомъ, какъ тотъ, котораго я нашелъ."

„Ну," сказалъ Тротти, не угодноли теперь играть — просимъ покорно!"

Музыка, колокольчики, кости, косари, все раздалось въ одно время; а тамъ весело гудѣли колокола. Тротти, ставя Маргариту и Ричарда во вторую пару, взялъ Мистрисъ Чикентстокеръ танцуя съ нею онъ, выдѣлывалъ такія па, которыхъ ни видали ни прежде, ни послѣ, и которыя были основаны на его собственной неподражаемой походкѣ.

И такъ Тротти бредилъ? — Его радости и печали, и дѣйствующія лица были только мечта? самъ онъ тоже мечта? разскащикъ этой повѣсти мечтатель, только теперь пробудившійся? — Если бы и такъ, читатель, любезный ему во всѣхъ его мечтахъ, — то попытайтесь представить себѣ тѣ суровыя существенности, отъ которыхъ произошли эти видѣнія, и въ своей сферѣ — для этого она не можетъ быть не слишкомъ обширною, ни слишкомъ тѣсною — постарайтесь исправлять, улучшать и облегчать ихъ. И пусть будетъ новый годъ счастливымъ для васъ годомъ, счастливымъ для тѣхъ, которыхъ счастье зависитъ отъ васъ! Пусть каждый годъ будетъ, счастливѣе предъидущаго и пусть меньшіе изъ вашихъ братьевъ и сестеръ не будутъ лишены той доли наслажденія, которая назначена для нихъ нашимъ Великимъ Творцемъ!

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ХРОНИКА РУССКАГО ВЪ ПАРИЖѢ.

Генв. 8.
Дек. 27.

Вчера я едва успѣлъ собраться въ 5 часу къ Рекамье, и нашелъ тамъ жаркое прѣніе между Архи или Ультра-Галликанцемъ Дюпенемъ (procuror junior) и Историкомъ *Mignet*, который, занимаясь, въ досужное отъ Архива и отъ Академическаго Секретарства время, Исторіей Реформаціи, напитался духомъ ея, ознакомился съ высокими мыслителями и корифеями Протестантизма, и самъ, хотя непримѣтно для самого себя, склоняетсякъ началамъ Лютеранизма, можетъ быть, возбуждаемый къ сему и отвратительною, страстною и пристрастною борьбою — между Іезуитами и Университетомъ, коего представители въ числѣ друзей и единомышленниковъ Mignet. — Dupin и Mignet точно ораторствовали и, къ удовольствію нашему, выходили изъ границъ салоннаго разговора (Causerie); Dupin — казалось, говорилъ съ трибуны Депутатской, убѣждалъ, обращался часто ко мнѣ, полагая меня лицемъ безпристрастнымъ въ семъ прѣніи; — Mignet, указывая на первое начало отчужденія Франціи, при Филиппѣ въ XIV столѣтіи, отъ Римскаго полнаго ига, проповѣдывалъ, какъ бы на каѳедрѣ Исторической, но съ жаромъ оратора, для коего ободрительная улыбка хозяйки, и киванье головою Шатобріана, замѣняли рукоплесканія публики, и воспламенился до того, что уже не слушалъ возраженій Дюпеня. Оба соглашались въ томъ, что Іезуиты, возродивъ во Французскомъ духовенствѣ сіи богословскія распри, подъ коими кроется страсть неограниченнаго владычества, овладѣвъ сперва низшимъ и должностнымъ духовенствомъ, салонами и нѣкоторыми домами, кои въ нихъ господствуютъ, мало по малу подкрались къ Епископамъ, изъ коихъ большая часть принадлежатъ къ разря-

Digitized by Google

ду — *Гренадскаго*, и склонивъ ихъ на свою сторону — поставили Епископство въ оппозицію противу гражданскихъ предержащихъ властей и противъ большинства народнаго, или общаго мнѣнія, еще животрепещущаго негодованіемъ при одномъ имени — Іезуитовъ и конгрегацій. — Шатобріанъ во все время молчалъ, но слушалъ внимательно и остался въ салонѣ долѣе нежели обыкновенно. Баланшъ, принадлежа болѣе къ умѣренному Галликанскому католицизму, Хрістіанскою Философіею проникнутому, и негодуя также противъ Духовенства и Епископовъ, сошедшихъ на журнальный или кулачный бой, оживлялъ состязателей словцомъ всегда примѣчательнымъ. — Полнаго отчета въ окончаніи этого разговора немогу отдать: Герцогъ Ноаль, легитимистъ довольно умѣренный, рѣдко вмѣшивался въ разговоръ, но иногда Дюпенъ вынуждалъ его къ мимолетному замѣчанію, когда сильное и отчасти грубое (rude) обозначеніе классовъ народа, и ихъ вліянія на участь Государства, задѣвало Пера и Дюка Франціи. Дюпень какъ-то щеголяетъ здравымъ смысломъ и выражаетъ его съ какимъ-то педантизмомъ въ ясности: адвокатъ виденъ и въ рѣчахъ и въ формахъ его; но часто позволяетъ онъ себѣ, въ салонѣ, и ораторскія выходки, или монологи: тогда онъ встаетъ и жестикюлируетъ. — Mignet сказалъ намъ объ успѣхѣ труда своего въ Исторіи Реформаціи.

Трудъ подвигается, но долго еще публика о немъ не узнаетъ. Между тѣмъ талантъ его, а можетъ быть и *мнѣнія*, зрѣютъ, и матеріалы накопляются. Архиваріусъ и пріятель всѣхъ министровъ иностранныхъ дѣлъ сбираетъ дань со всѣхъ кабинетовъ, и недовольно еще: много получилъ бумагъ изъ Испаніи, откуда высылались костры съ огнемъ и Герцоги Альбы для реформаторовъ. — Третьяго дня статья въ Constitutionel приписываетъ (какъ слышу — ибо не читаю Constit.) сумасшествіе Вильменя — Іезуитамъ, on prête aux riches. Мы оставили салонъ Рекамье вмѣстѣ съ хозяйкой. Она отправилась обѣдать къ страдальцу *Брифо*, коего почти ежедневно навѣщаетъ. Не желая лишить ни Шатобріана, ни насъ — минутъ, кои даетъ она гостямъ своимъ, она уже была въ нарядѣ для выѣзда: все ей къ лицу; блѣдность и худощавость лица были замѣтнѣе..... но улыбка все таже!..... Ввечеру былъ я на первомъ Протестантскомъ раутѣ у *Лютерота*, издателя Сѣятеля, близъ Русскаго посольства, place Vendome

Digitized by Google

живущаго. Болѣе 100 дамъ, и едвали не вдвое болѣе мужчинъ; но раутъ сей имѣетъ какой-то особенный характеръ: Протестантскій элементъ въ немъ преобладаетъ; почти всѣ Пасторы, Миссіонеры и Министры державъ Протестантскихъ. Въ числѣ замѣчательныхъ женскихъ лицъ была молодая M-me Gasparin, супруга Депутата — оратора и защитника въ Камерѣ Протестантизма во Франціи, и авторъ книги, о коей уже писалъ я вамъ: Sur le mariage; — Grandpierre, Valette, Verny — всѣ проповѣдники протестантизма; хозяйка пѣла; я возобновилъ знакомство со многими, кого болѣе уже двухъ лѣтъ не встрѣчалъ, по болѣзни моей. Въ библіотекѣ хозяина — журналиста перебиралъ всѣ новыя литературныя явленія и книги, присланныя изъ Англіи для *Съятеля*: замѣчу одну, которую желалъ бы и для себя и для васъ выписать; „the bible before the age“ моэта Богослова Монгомери, 2-е изданіе; первое разошлось въ нѣсколько мѣсяцовъ, in 8, печать и бумага Англинскія! Я давно слышалъ о достоинствѣ этой книги и надѣюсь, что скоро Нѣмцы переведутъ и пополнятъ ее. Кстати о библейской литературѣ: я купилъ недавно въ Протестантской лавкѣ маленькую классическую книжку, коей также разошлось уже нѣсколько изданій вдругъ въ Англіи: и здѣсь нашелъ я только 1 экз. (Companion to the Bible, intended for Bible classes, families and young persons in general. With maps of ancient world, Canaan, and the travels of the Apostle Paul).“ Всего три карты. Сказываютъ, что Mrs Fry, но не квакерша, недавно умершая, — авторъ этой книги. Это точно сокровище для прилежныхъ читателей Библіи: всѣ указанія, наставленія, объясненія найдете вы въ ней. Ее бы должно было перевести немедленно на Русскій. Она можетъ замѣнить своды (concordance) и другихъ указателей. Я нашелъ у Лютерота и молодаго Нѣмецкаго теолога, который года за два привезъ мнѣ письмо и книги отъ Неандера. Онъ сочиняетъ *Исторію Сорбоны*, для коей нашелъ множество рукописныхъ матеріаловъ въ здѣшней, еще не изслѣдованной въ тайникахъ ея, Королевской библіотекѣ. Французы не имѣютъ такого терпѣнія въ изысканіяхъ источниковъ, какъ Нѣмцы. — Рейхель написалъ лучшую и самую полную исторію Пор-рояля, коею и пріятель его Сен-Бевъ, пользовался, но остановился на первомъ *толстомъ* томѣ, перемѣнивъ какъ слышу, образъ мнѣнія своего о семъ строгомъ и высокомъ гнѣздѣ Янсенизма или

Digitized by Google

Французскаго Протестантизма. Мой новый знакомецъ укажетъ здѣшнимъ теологамъ на первое начало Сорбоны, прежде нежели она была Богословскимъ факультетомъ Парижскаго Университета, и доведетъ ея исторію отъ преобразованія оной, при Ришелье, въ факультетъ Богословія, до нашихъ безплодныхъ временъ, то есть, отъ славы — до ничтожества. Многихъ почитаютъ Сорбонцами, кои процвѣтали, когда Сорбона не была еще — Сорбоною въ послѣдующемъ значеніи этого имени: напр. *Герсонъ*, мнимый или истинный авторъ подражанія I. Христу. Въ кабинетѣ Лютерота любовался я прекраснымъ портретомъ сотрудника его, по Сѣятелю, Vinet: посылаю въ двухъ N° лекціи его, въ Лозаннѣ, sur les provinciales de Pascal: превосходно характеризуетъ талантъ и заслуги Паскаля, какъ писателя и Богослова—Философа. Въ *Комическомъ* элементѣ онъ ставитъ его выше Мольера! — Благодаря Іезуитамъ, Паскаля слава снова ожила и всѣ заговорили о немъ, но не всѣ поютъ на одинъ ладъ: Cousin, Faugère, Vinet, — Академія и Журналисты. Ультра Монтаны пышутъ злобою. 9 Января меня навѣстилъ молодый Русскій писатель, Б ....Я узналъ, что онъ издатель Харьковскаго журнала: *Молодика* и *Антологіи* изъ Жанъ-Поля-Рихтера, которую сего дня онъ принесъ мнѣ. Онъ разсказалъ мнѣ о своемъ путешествіи въ Германію и въ Белгію; онъ путешественникъ и писатель и обѣщалъ мнѣ отрывки изъ журнала своего — для Москвитянина: на пр. посѣщеніе его Жуковскаго, гдѣ видѣлъ и Гоголя (уже послѣ меня); ихъ бесѣда съ вдовою Жанъ-Поль Рихтера въ Барейтѣ, отъ коей узналъ много любопытныхъ подробностей о Германскомъ Юмористѣ, или отрывокъ изъ путешествія по Белгіи, гдѣ осматривалъ знаменитую тюрьму, со всѣми отраслями промышленности. — Если онъ принесетъ мнѣ отрывокъ о Жанъ-Полѣ, то я постараюсь отыскать въ журналѣ 1825 или 1827 г. — (не помню) мое посѣщеніе самого Жан-Поля въ Барейтѣ, гдѣ онъ доживалъ и допивалъ вѣкъ свой. Онъ показывалъ мнѣ тогда шкафъ съ ящичками, въ кои бросалъ разнаго рода мысли, блестящія или оригинальныя выраженія, предоставляя себѣ вынимать ихъ — и вставлять туда, гдѣ они понадобятся. Жан-Поль, съ милою откровенностію описывалъ мнѣ свой образъ жизни и свою оригинальную методу сочиненія. Я увѣренъ, что не онъ одинъ прибѣгалъ къ подобнымъ пріе-

Digitized by Google

мамъ и держалъ запасъ мыслей и вдохновеній, но не многіе подобно Жан-Полю, признавались въ употребленіи сей методы. Я бы желалъ, чтобы Г. Б... доставилъ мнѣ для Москвитянина: посѣщеніе его и описаніе салона и образа жизни Жуковскаго: это по всему принадлежитъ Москвитянину, ибо и Геній Жуковскаго — истый Москвитянинъ и Москва была его колыбелью. При первомъ свиданіи я напомню объ этомъ Г. Б.... При семъ случаѣ онъ можетъ извѣстить читателей вашихъ и о Гоголѣ, который гнѣздится надъ переводчикомъ Одиссеи, и читаетъ переводъ ея въ слухъ переводчику; думаетъ, что Гоголь *ничего не пишетъ*: такъ ему показалось, но Жуковскій извѣщалъ меня, что онъ все утро надъ чѣмъ-то работаетъ, не показывая ему труда своего. Гоголь писалъ сюда къ Г. В.... что въ Парижъ не пріѣдетъ. Можетъ быть и раздумаетъ еще и не отложитъ пріѣзда сюда на время, когда получитъ приглашеніе новое, отъ Г. Т.... недавно ему посланное. Изъ записки NN вижу, что онъ желалъ бы знать, что творятъ здѣсь такъ называемые Соціалисты и Комунисты, и какое дѣйствіе производятъ въ разныхъ слояхъ здѣшняго общества возбуждаемыя ими силы или элементы?—Дѣйствіе сіе выражается болѣе въ книгахъ и въ журналахъ, кои сосредоточиваютъ ихъ отголоски, нежели въ самомъ обществѣ: да и какъ въ него проникнуть? — вообще я весьма мало важности или существеннаго вліянія на настоящее общество приписываю симъ соціяльнымъ или комунистскимъ проявленіемъ, не отказывая впрочемъ соціялизму въ будущемъ вліяніи на Европейскій общественный бытъ; но кто это угадать или хотя отчасти опредѣлить можетъ? — Соціялизмъ будетъ измѣнять общества и измѣняться самъ, смотря не по состоянію тѣхъ сословій, изъ коихъ онъ возникать будетъ, а по Государствамъ, въ коихъ сіи сословія находятся: иначе въ Германіи, иначе въ Англіи, иначе здѣсь. Мѣры или пріемы правительствъ съ проявленіями Соціялизма тоже много могутъ измѣнить самыя направленія онаго. — Но сіи развитія разныхъ общественныхъ элементовъ еще намъ совершенно чужды! Мы должны обращать вниманіе соотечественниковъ на такія событія или явленія въ нравственномъ или въ политическомъ мірѣ, изъ коихъ могутъ и для насъ возродиться—польза или пагуба: остерегать отъ предстоящей опасности, или совѣтовать слѣдовать

Digitized by Google

данному примѣру, совершившемуся опыту. Гдѣ у насъ — почва для Соціялизма? Изъ какихъ элементовъ составиться симъ направленіямъ силъ или болѣзней общественныхъ? — Но какъ наблюдатель всего, что копышется во всѣхъ слояхъ умственной и гражданской дѣятельности, укажу вамъ только на главныя, не скажу лучшія, явленія коммунистской литературы, и на лучшую книгу, которая вышла о семъ въ Германіи, хотя о семъ явленіи христіанскаго міра умствуетъ и Stein der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs. Ein Beitrag, zur Zeitgeschichte von L. Stein, Doktor der Rechte. Leipzig 1842.

Въ книгѣ Штейна вы найдете все: онъ пользовался совѣтами и намеками Фурьериста: Considérant, Louis Reybaud, Louis Blanc u Cabet.

Исторія Сен-Симонизма, Фурьеризма, Комунизма и пр. раздѣлена на эпохи до самаго 1842 года. Описаны расколы между раскольниками; вы найдете характеристику и часто превосходно выраженную: Lamenais, Leroux, Prudom, Louis Blanc, и до послѣднихъ — travailleurs — égalitaires. — Fourier и его Фаланга подробно описаны: все объяснено, подкрѣплено документами, изъ коихъ нѣкоторые были не всѣмъ извѣстны.— Любопытно, но болѣе для Французовъ, видѣть значительность или участіе сихъ послѣдователей разныхъ доктринъ политическихъ и соціальныхъ въ политическихъ смутахъ послѣдняго столѣтія: все сіе было раскрыто, выведено на свѣтъ Божій или въ захваченныхъ бумагахъ, во время политическихъ процессовъ или самыми участниками въ обществахъ соціальныхъ и проч.

10 Генваря.

....Вчера вышли двѣ части примѣчательной книги: Histoire des Cabinets de l'Europe, pendant le consulat et l'Empire. 1800—1815. Ecrite avec les documens réunis aux archives des affaires étrangères, par Armand Leberre, ancien attaché au ministère des affaires étrangeres. 1-erè Livr. depuis le 18 brumaire jusqu'à la fin de la campagne de Prusse. (1806). Авторъ — самъ Дипломатъ и сынъ опытнаго Дипломата и собирателя любопытныхъ актовъ, коими сынъ воспользовался. Я пробѣжалъ 1-й томъ: авторъ не можетъ назваться продолжителемъ ни *Флассана* (hist. de la diplom. Franc.), ни *Бишона*. Онъ пользовался

Digitized by Google

ими, но черпалъ и самъ изъ рудниковъ и тайниковъ государственныхъ и частныхъ: отецъ многое собралъ въ теченіи своего дипломатическаго поприща.

Отецъ автора, послѣ 15 лѣтнихъ сношеній, съ большею частію Министровъ и Дипломатовъ его времени, долженъ былъ по порученію Герц. Ришелье, во время реставраціи, заняться сочиненіемъ Исторіи Франц. Дипломаціи съ 1789 до 1815 г. но только исключительно для употребленія въ Министерствѣ Иностранн. Дѣлъ: тогда еще не постигали, что и Дипломатическая тайна — отслуживъ свое урочное время — обращалась въ Исторію. Тогда конечно не могъ бы я, или Ранке, или Раумеръ — получить позволеніе черпать изъ самыхъ источниковъ: работая въ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ, надъ оригинальными документами! Но и это Tempi passati! по крайней мѣрѣ для меня.

Авторъ, допущенный въ Архивъ иностр. дѣлъ, посвятилъ трудъ свой чудесной борьбѣ, начавшейся въ равнинахъ Маренго и кончавшейся въ пустыняхъ Св. Елены! „Cette lutte a paru réunir toutes les conditions du drame à la fois le plus touchant et le plus terrible.“ Авторъ ограничилъ себя одними дипломатическими фактами, „n'admettant dans son cadre que ces grands faits interieurs qui se lient par des rapports intimes à l'histoire, et qui souvent l'expliquent en la complétant.“ — Отъ того первая глава сей книги, или введенія, вся посвящена внутренней Исторіи Франціи, послѣ быстраго обозрѣнія отношеній ея къ другимъ Европейскимъ Государствамъ. — Однимъ изъ происшествій содѣйствовавшихъ спасенію Франціи, послѣ угрожавшей ей опасности отъ Прусаковъ въ Шампаньи — почитаетъ авторъ и отпаденіе Павла I-го отъ *второй коалиціи*, составившейся для возстановленія въ Европѣ законныхъ престоловъ: онъ отдаетъ Русскому Монарху справедливость — рѣдкое явленіе во Французскихъ писателяхъ! „Paul ne saurait jamais ni se brouiller ni se dévouer à demi.“ Замѣтивъ измѣну въ союзникахъ — Императоръ Павелъ I отсталъ отъ нихъ, вызвалъ свои войска: „итакъ Франція была спасена отъ великой, близкой опасности.“ Тутъ начинается дѣятельность Бонапарте въ Парижѣ, — 18 brumaire и пр. — Первый консулъ. Посольство *Дюрока* въ Берлинъ, адъютанта и друга Бонапарте. Король Прусскій сказалъ Двору своему: „je vous

Digitized by Google

presente l'aide de camp du plus grand homme que je connaisse.“ Эти слова могли рѣшить систему политики Гауги, „qui avait pour maxime invariable de se ranger toujours du parti le plus fort.“

Duroc былъ принятъ и въ С-Петербургѣ съ такимъ же доброхотствомъ какъ и въ Берлинѣ: „Александръ осыпалъ его тѣми деликатными вниманіями, которыя выходятъ изъ привычекъ обыкновеннаго этикета.“ Здѣсь узнаемъ мы о конвенціи, заключенной 11 Октября между Императоромъ и первымъ консуломъ, которая, казалось, подчиняла уже тогда участь Европы двумъ Державамъ: Россіи и Франціи.

....Были и въ годину преобладанія Наполеона, свѣтлые пункты въ нашей Исторіи! — Мы должны отыскивать нашу славу вездѣ: и въ *Русскомъ вѣстникѣ* Глинки, и въ депешахъ Талейрана: въ словцѣ Наполеона, который судилъ Александра по началамъ Макіавеля, и въ станѣ Русскихъ воиновъ!

И какое заключеніе сдѣлалъ бы я изъ всѣхъ сихъ намёковъ: тоже, какое Императоръ Александръ въ письмѣ своемъ къ Карамзину: „Русскій народъ достоинъ знать свою исторію.“—

11 Генваря

7 час. вечера.

Зашелъ къ Рекамье, гдѣ нашелъ шесть дамъ, изъ коихъ двѣ сочинительницы: Sophie Gay, мать Дельфины, и Louise Collet. — Я спрашивалъ Louise Collet какое, по ея мнѣнію, примѣчательнѣйшее явленіе въ самой новѣйшей словесности? — Она назвала книгу о проповѣдникѣ *Flèchier*, недавно изданную, съ найденными его оригинальными записками. Она не хотѣла назвать Паскаля, *Кузена*, своего пріятеля и протектора. *Sophie Gay* разговорилась о своей дочери, коей талантъ ею возлелѣянъ, и *Д. Эстурмель* прочелъ на память нѣсколько прелестныхъ стиховъ *Дельфины*. — Добрались и до другихъ писательницъ, на пр. Герцогини *Дюра* и Mde Recamier примолвила, что она не только написала, но и создала Урику; изобразила портретъ милой писательницы, страсть ея къ одной изъ дочерей своихъ (Larochejaquelin), которую можно сравнить только съ страстію *Сталь*—къ отцу, Неккеру.—

Digitized by Google

....Послѣдній вечеръ стараго года, я провелъ у Гр. Гихъ, гдѣ слышалъ первые два акта Нѣмецкой трагедіи *Эленшлегера*: онъ читалъ ее очень внятно и con amore. Предметъ оной взятъ изъ Датской Исторіи, въ половинѣ 17-го столѣтія, изъ жизни казненнаго за предательство, Министра....(забылъ имя его). Первые два акта меня такъ заинтересовали и характерами и драмматическими сценами, что я неохотно оставилъ салонъ Гр. Гихъ, что бы ѣхать съ М., на Русскій раутъ къ Гр. Раз. встрѣчать запоздалый православный годъ. Мы нашли уже гостиную полную дамъ... Туалеты блестящіе! Англичанки и Француженки не уступали Русскимъ въ щегольствѣ и роскоши; въ столовой гремѣла полковая музыка; ровно въ полночь полилось шампанское и раздался Львовскій Godsavetheking. Я давно уже не былъ въ такомъ блестящемъ раутѣ; нашелъ много знакомыхъ. Русскихъ было не такъ много, какъ ожидали; знаменитостей еще менѣе. —

14 Февраля.

.... Статьи о *Паскалѣ* Кузена и Фужера, par Mr. Foisset въ Корреспондентѣ, болѣе за Фужера, нежели въ пользу Кузена. Паскаль воскресъ и съ новою жизнію. — Въ этой же книжкѣ и о *ереси Товіанскаго*. — Теперь не время объяснять вамъ ету ересь (если не хуже). .... Вчера кто-то замѣтилъ, кажется справедливо, что большая часть Парижскихъ Профессоровъ Университета, или несутъ сумбуръ, или нападаютъ на Церковь, или изъ за церкви на Правительство и на все гражданское общество, или *наканунѣ* учатся тому, чему сами учатъ. Къ первому разряду можно отнести Michelet, который иногда завирается и не въ исторіи; ко второму опять Michelet и сподвижника его *Quinet*; къ третьему *Ленормана*, коего Ультра-монтанизмъ вездѣ проявляется: на лекціяхъ, въ книгахъ, въ журналахъ: онъ принадлежитъ къ Университету, а вступается за Іезуитовъ! Къ четвертому разряду, т. е. къ разряду невѣжества или невѣдѣнія предмета преподаваемой науки, принадлежитъ редакторъ политическихъ и литературныхъ статей въ *Дебатахъ*, кои открыли ему входъ на каѳедру, въ Академію, въ Совѣтъ, въ Камеру: *Michel Chevalier*, Экс-Сен-Симонистъ, Профессоръ Политической Экономіи, уже на 2-й лекціи перваго своего курса незнавшій, о чемъ гово-

Digitized by Google

рить: послѣ опредѣленія предмета своего курса, не полнаго, односторонняго и никакъ не обнимавшаго всей области науки, онъ запнулся и пріостановилъ на ½ часа получасовую свою лекцію; первую читалъ онъ по бумажкѣ: мы не могли приписать этого застѣнчивости. — Впрочемъ это не мѣшаетъ ему писать дѣльныя статьи о предметахъ въ кругъ политической экономіи входящихъ; напр. о желѣзныхъ дорогахъ и т. п. но онъ не профессоръ. То же можно сказать и о Филаретѣ *Шалѣ*, какъ о Профессорѣ Сѣверной Словесности: Германской, Англійской и пр. И онъ пишетъ изрядныя статейки и его станетъ на двѣ или на три лекціи, на два или на три разбора какого нибудь Англійскаго классика; и его станетъ на бѣглое обозрѣніе книги или автора; но и онъ не Бутервекъ. — Я и его слыхалъ.

18/6 *Февраля.*

.... Когда я писалъ къ вамъ о *Michel Chevalier*, печаталась въ Дебатахъ умная статья его, въ отвѣтъ Louis Blanc, коего письмо въ свое оправданіе, вчераже напечатано въ Дебатахъ. Chevalier не пощадилъ его и добродушный Утопистъ справедливо наказанъ за неимовѣрную неосновательность теорій своихъ. Louis Blanc, какъ строитель политическихъ теорій, дитя передъ самимъ собою, передъ Историкомъ) хотя и въ исторіи его, проглядываютъ и весьма часто, тѣже начала; но здѣсь стремленіе повѣсти, фактами обильной, увлекаетъ вниманіе читателя; уроки, не только въ началахъ политической экономіи, но даже и въ государственной нравственности, кои M. Cheralier даетъ автору „de l'organisation du travail," конечно строги, но учтивы и не выходятъ изъ предѣловъ справедливой критики: онъ не забываетъ другихъ заслугъ Louis Blanc, иныхъ правъ его на уваженіе литераторовъ и публики „est ce un esprit comme le sien, qui a besoin qu'on lui dise: que les plus admirables passions du coeur humain, ne sont pas des intérêts?" — Далѣе: „nous ne sommes plus au temps, grace à Dieu, où l'on pouvait se croire uu ami du peuple, parcequ' on était un niveleur. La doctrine du nivellement, de quelque métaphore qu'elle se pare, ne doit plus faire illusion à personne. La société n'a qu'un service à en attendre, et celui qui se flatterait d'arriver par elle à une flatteuse popularité, se

Digitized by Google

prepareraît les plus amères déceptions.“ Конечно, *Cheralier* правъ во многомъ, но онъ не на все въ книгѣ L. Blanc отвѣчаетъ. Странно только то, что Профессоръ — Депутатъ противорѣчитъ экс-Сен-Симонисту; ибо прежде Chevalier слѣдовалъ совсѣмъ иной теоріи, и тогда онъ не былъ въ такомъ разногласіи съ нынѣшнимъ своимъ антагонистомъ. Я не осуждаю его за сіе отступничество: онъ самъ себя изъяснитъ въ опроверженіи L. Blanc. Взглядъ на прошедше свое, долженъ былъ смягчить строгость его, особливо къ человѣку, который душею выше его и поступки свои всегда соображалъ съ своими правилами: когда еще L. Blanc былъ кормильцемъ престарѣлаго отца, издатель вѣка (Siècle), предлагалъ ему главную редакцію журнала, съ окладомъ 30 т. Фр. въ годъ. L. Blanc спросилъ его — долженъ ли онъ будетъ, въ духѣ и въ направленіи журнала соображаться съ своими началами, или съ тѣми, кои господствовали тогда въ *Вѣкѣ*. Владѣлецъ журнала настоялъ на своихъ политическихъ мнѣніяхъ, впрочемъ не существенно различныхъ съ *доктринами* L. Blanc, и условіе не состоялось. А Michel Chevalier? Нѣкогда ревностный проповѣдникъ Сен-Симонизма — нынѣ по мѣстамъ и по участію въ журналѣ получаетъ до 30 т. Фр. въ годъ, уже сосваталъ богатую невѣсту, и *коммунизмъ* одобряетъ только въ семъ случаѣ. Правительства или тѣ, кои рѣшаютъ судьбою юношества, должны бы имѣть въ виду такія перемѣны въ образѣ мыслей, такіе перевороты въ убѣжденіяхъ — искренни ли они или нѣтъ: не въ томъ дѣло! — быстро или постепенно совершающіеся, и не спѣшить исторгать плевела вмѣстѣ съ добрымъ сѣменемъ. Остерегайте другихъ, обороняйтесь — но не лишайте себя радости Отца блуднаго сына, если вы въ самомъ дѣлѣ отцы!.....

.....

..... Я прочелъ въ одни сутки записки *Винскаго*: *Мое время.*“ Эта рукопись уже $\frac{1}{4}$ вѣка у меня, и я въ первый разъ вполнѣ прочелъ ее. Я не могъ оторваться отъ книги.— Винскій уроженецъ Малороссійскаго городка *Почепа* (въ 1752 г). учился въ Малороссіи, но оставилъ ее въ первой молодости и переселился въ Петорбургъ въ первые года царствованія Екатерины II (на 18 году). Онъ бѣгло описываетъ Петербургъ, но прежде оригинально описалъ Малороссійскую жизнь

Digitized by Google

свою, воспитаніе, семейство, — и отбытіе на чужую сторону. Не смотря на отсутствіе важныхъ происшествій, повѣсть его привлекательна какою-то искренностію и подробностями семейной и провинціальной жизни: *„мертвыя души“* снова ожили бы въ сей существенности! Для Гоголя эта рукопись была бы кладомъ. — Кіевъ, Академія, Шляхетство, Глуховъ, общественная жизнь въ Малороссіи, нравы, и справедливый взглядъ на вліяніе Французовъ въ Россіи, рѣдкій и въ наше время, вліяніе Екатерины II на смягченіе нравовъ — *„апелляція къ потомству“* — ученіе вмѣсто воспитанія; вотъ содержаніе первыхъ главъ этой біографіи; но я не досказалъ вамъ дальнѣйшихъ похожденій аутобіографа. Въ Петербургѣ онъ записался въ военную службу, какъ недоросль, и въ школу; выключенъ изъ оной за негодностью прямо въ полкъ, хотя ученикъ зналъ болѣе учителей. — Картина нравовъ тогдашнихъ въ полкахъ и въ обществѣ, ненависть взаимная Русскихъ и Малороссіянъ, и причина оной. — Винскій дѣлаетъ дурныя знакомства, мотаетъ, закладываетъ деревнишку въ банкъ — чрезъ заклады дѣлается орудіемъ секретной полиціи. Донось на Винскаго — крѣпость и казематы, (но прежде поѣздка въ Москву, къ торжеству побѣды надъ Турками и тамошнія приключенія: Потемкинъ, Орловъ, Кн. Голицынъ, Шепелевъ и проч. — Допросы въ крѣпости: Терскій. Губернаторъ Петербургскій Петръ Вас. Лопухинъ, къ коему привезли его передъ крѣпостію; содержаніе въ крѣпости. Толстой — ангелъ утѣшитель! Допросы, судъ. Взаимная злоба между Вяземскимъ и Потемкинымъ спасаетъ многихъ, изъ полковъ забранныхъ. Портреты *„Легкій абрисъ Европы“* право мастерски написанный, особливо если подумаешь, что писатель былъ до ссылки своей въ Оренбургъ *едва ли и читатель!* Политика Екатерины, учрежденіе намѣстничествъ, совѣстныхъ судовъ, и пр.

Привилегія дворянству и городамъ — Потемкинъ и К. Вяземскій. *„Нравы умягчаются, сердца разпущаются; роскошь во младенчествѣ:* все это живо и вѣрно изображено: слогъ самоучки, выучившагося писать до Карамзина, но по французскимъ образцамъ, изъ коихъ превозноситъ Вольтера, Руссо, Бюффона — и особенно Мерсье! Есть какая то оригинальность, хотя и не всегда правильная. *„Бурная жизнь“* его въ Малороссіи и въ Петербургѣ носитъ яркую

Digitized by Google

печать вѣка. — Мы должны дорожить этою вѣрною картиною стараго быта Русскаго: кто иной передастъ намъ его, особливо въ низшемъ или среднемъ слоѣ общества, въ коемъ жилъ, гнилъ и погибалъ Винскій. Описывая законодательство Екатерины, и именно коммиссію для проэкта новаго уложенія, подъ заглавіемъ: *„русскіе Фоксы и Шериданы,“* Винскій сообщаетъ важный историческій фактъ: „изъ всего происходившаго въ сей коммиссіи, достопамятнѣйшимъ можетъ почесться публичное прѣніе Кн. Щербатова съ Депутатомъ Карабынымъ; — которое прекращено было безъ дальнихъ пустословій, объявленною чрезъ Вяземскаго волею Государыни. — Рукопись Императрицы, положенная въ драгоцѣнный ковчегъ, отдана для сохраненія въ Сенатъ, сочиненіе же законовъ подъ разными начальниками продолжается и по сей день.“ (Винскій писалъ во время Розенкампфа. — Сосланный, по лишеніи дворянства, въ Оренбургскую губернію — Винскій провелъ тамъ большую часть жизни своей и кончилъ ее тамъ же: тутъ началось его нравственное возрожденіе съ молодой, милой женою, послѣдовавшей за нимъ, вопреки всему, въ ссылку. Винскій началъ заниматься языками, науками, учиться чтобы быть учителемъ. Описаніе эпохи своего *секретарства* при винномъ распутномъ откупщикѣ, учительства у Губернаторовъ, помѣщичьей жизни въ городкахъ и въ деревняхъ; обхожденіе дворянъ съ крестьянами и съ дворовыми; охота псовая и ружейная, и различное вліяніе каждой на нравственность охотниковъ. Портреты помѣщиковъ, и женъ и дѣтей ихъ: „жизнь русская домашняя.“ Чтеніе и книги: вліяніе на дворянъ. Благодарность его нѣкоторымъ помѣщикамъ: Мюллеру, Андреевскому. Знакомство съ Рычковымъ. Біографъ, кажется, довелъ свою рукопись до 19-го столѣтія, но главная жизнь въ 18-мъ, она отражается и на Руси и въ Петербургѣ, посѣщаемомъ Дидеротами и въ Бугульмѣ, гдѣ читаютъ Мерсье и Вольтера. —

19 Февраля.

Вчера опять былъ я на двухъ вторничныхъ вечеринкахъ и на первой узналъ, что Профессора *Росси* назначаютъ, если не посломъ, то органомъ Дипломатическимъ Франціи въ Римѣ. Многіе будутъ симъ назначеніемъ недовольны, Вы знаете, что Росси, родомъ изъ М. былъ во время Итальянскихъ смутъ,

Digitized by Google

приговорен Папскимъ правительствомъ къ смерти, укрылся въ Женеву, гдѣ сначала читалъ лекціи дамамъ; мало по малу овладѣлъ умами Женевцевъ, пріобрѣлъ право гражданства и наконецъ введенъ былъ въ совѣтъ Государственный и былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшимъ правителей *Протестатскаго-Рима.*—Но помысламъ его честолюбія было тѣсно въ Швейцарскомъ кантонѣ: около 1830 года онъ переѣхалъ сюда и подъ покровительствомъ Брогліо, написавшаго въ *Revue Française* Ензо превосходную статью о его теоріи Уголовнаго Права, Росси получилъ натурализацію (право Гражданства), потомъ каѳедры права и политической экономіи — не безъ упрековъ тогдашней оппозиціи мнимому пристрастію тогдашняго Министерства къ иностранцу — здѣсь отличился онъ какъ одинъ изъ весьма не многихъ профессоровъ, достойныхъ сего титла, *юная Франція* стекалась на его лекціи: мнѣ нравился особенно курсъ его о Государственномъ правѣ. Съ каѳедры нетрудно было ему попасть въ Академію, потомъ въ Госуд. Совѣтъ; въ Совѣтъ Университетскій, и наконецъ въ Камеру Перовъ, гдѣ онъ еще недавно сражался подъ знаменами Вильменя, слѣдов. противъ Іезуитовъ и комп. Единогласно приписываютъ ему тонкій и хитрый умъ, свѣдѣнія необыкновенныя, и талантъ вкрадываться въ сердца людей: Король имѣетъ къ нему личную, особенную довѣренность: одни старые пріятели упрекаютъ его въ крайнемъ эгоизмѣ, особливо его прежніе соотчичи и единомышленники говорятъ о немъ, что онъ *зазнался;* но — sic itur ad astra! — Прямой полётъ къ солнцу принадлежитъ однимъ орламъ.—Назначеніе его — предметъ всеобщаго разговора.

1845. 14 Февраля. Парижъ.

.... Вторникъ провожу я обыкновенно у Лютерота и у Ц. У перваго нашелъ Протестанта Ирландца, на сихъ дняхъ возвратившагося съ семействомъ изъ Италіи; на Сардинской границѣ, не смотря на все его упорство, отняли у него Англинскую Библію и не позволили ему слѣдовать христіанскому правилу: „въ законѣ твоемъ поучуся день и ночь!“ Ирландецъ узналъ на границѣ, что предписаніе о не впускѣ библіи въ Сардинскія владѣнія недавно возобновлено съ необыкновенною строгостію. Библію его отослали въ Женеву, гдѣ ему ее возвратили. — Передъ нами лежала разсказчица по-

Digitized by Google

добныхъ дѣйствій на другомъ краю Римскаго владычества: книга *Баррова: la bible en Espagne.* Многіе обвиняютъ автора въ юмористическомъ изложеніи столь важнаго предмета; но дѣло въ томъ — справедливы ли факты? Книга расходится по всѣмъ рукамъ, къ досадѣ нѣкоторыхъ фанатиковъ; но давно уже ни одна книга не производила такого ожесточенія во всѣхъ *толкахъ*, какъ *Michelet.* Le Normand посвятилъ ей всю 8-ю лекцію свою въ Сорбонѣ (или въ Collège de France), и напечаталъ ее въ тетрадкахъ своего историческаго курса.— Въ *Съятелѣ* найдете вы прекрасныя замѣчанія на статью закулиснаго пустомели, *Jules Janin*, въ Дебатахъ о сей книгѣ: кто его просилъ вмѣшиваться не въ свое дѣло! — Revue des deux Mondes, Revue de Paris, почти всѣ журналы оппозиціи проклинаютъ или превозносятъ автора! во всѣхъ аристократическихъ и политическихъ салонахъ — вчера у Дюшессы Розанъ и у Ламартина — только о ней и рѣчи! Между тѣмъ Michelet торжествуетъ, а товарищъ его — въ борьбѣ противъ Іезуитовъ, и на каѳедрѣ, провозглашаетъ, что онъ опередилъ самаго *Michelet* въ его образѣ мыслей противъ Іезуитовъ и готовъ—подвергнуться всякому гоненію. Между тѣмъ проповѣдники *единства Церкви и религіи любви* скачутъ изъ Парижа въ Ліонъ, въ Марсель—и на проповѣди ихъ стекаются толпы не народа, а аристократіи по рожденію и по капиталамъ. За недѣлю ускакалъ отсюда Лакордеръ и уже вчера слышали мы, что въ Ліонѣ тысячи слушателей восхищались имъ! Въ это время дочиталъ старшина Доктринеровъ и Профессоровъ: глубокоостроумный *Royer-Collard*, коего *словцо* дѣйствуетъ и на политику и на литературу, — книжку *Равиньяна* о Іезуитахъ, и сказалъ: pauvre jeune homme: il a la candeur de se croire Jésuite! — Вы читали посланіе Кардинала *Бональда* въ Дебатахъ противъ *Дюпена* и каноническихъ брошюръ его и конечно замѣтили ошибку въ имени *Мэстра*, сдѣланную редакторомъ статьи, вѣроятно нечитавшимъ Іосифа а только *Xavier* Мейстера: при семъ случаѣ одна дама замѣтила: c'est comme qui dirait Jean Jaques Voltaire!

По моему мнѣнію лучшая изъ ультракатолическихъ *Revues:* le corresspondant, paraissant le 10 et 25 de chaque mois, вмѣщающій: Religion, philosophie, politique, litterature, sciences, beaux arts. Главный издатель — пріятель мой *Вилькесъ*; участвующіе: *Lenormand*, Профессоръ и авторъ книги: sur les

Digitized by Google

associations religieuses, выходившей по частямъ въ корреспондентѣ; *Carné*, депутатъ ораторъ, авторъ книги о Германіи и пр.; *Champagny*, сынъ Наполеоновскаго министра, авторъ превосходной исторіи Кесарей, недавно напечаталъ прекрасную статью: (10 Янв.) *L'Eglise et ses adversaires en* 1825 *et* 1845. Не раздѣляя всѣхъ мнѣній его, я читалъ ее съ большимъ наслажденіемъ. Я бы желалъ сдѣлать ее извѣстною въ Германіи, ибо подобныя разсужденія заслуживаютъ не такое безмолвіе и не такіе отвѣты, какіе встрѣчаемъ въ *легкихъ*, а иногда и въ *тяжелыхъ*, Дебатахъ. Въ одномъ *Съятелѣ* найдутся достойные состязатели! И факты церковной статистики или литературы — представленны съ выгодной стороны и къ утѣшенію благомыслящимъ! Оборотъ умовъ или сердецъ отъ Вольтера къ Церкви, въ послѣдніе 20 лѣтъ, примѣчательный: во время Бурбоновъ, покровительствовавшихъ церкви и іезуитамъ, перепечатывали Вольтера и Гельвеція, теперь Боссюэта, отцевъ церкви, подрядженіе І. Х. Перепечатываютъ даже Фому Аквинскаго, но *Кондорсе* уже не читаютъ. — Такъ, — а *Блуждающаго жида*? — Не давно подслушалъ я Герцогиню Ноаль; она признавалась что не позволяетъ домочадцамъ своимъ касаться *Дебатовъ*, потому что въ нихъ *les drames inconnus*: у насъ случилось тоже самое: журналъ передавался изъ салона въ лакейскую, гдѣ пожирали его горячныя: теперь братъ прячетъ его какъ мышьякъ!

Въ этомъ же Корреспондентѣ помѣщаетъ иногда статьи и Гр. Монталамберъ; въ послѣднемъ N начало новаго романа M-de d'Hautefeuille (Анна-Маріи автора fleur de lys и пр.): *La famille cazotte*. Напомню вамъ о самомъ *Казотѣ* словами автора. „Во всѣхъ гостиныхъ Парижа ходилъ слухъ о странномъ предсказаніи Казота; въ послѣдствіи разсказъ объ немъ найденъ былъ въ бумагахъ Лагарпа и напечатанъ въ его сочиненіяхъ. Казотъ прозрѣлъ революцію съ такими подробностями, что многіе не хотѣли вѣрить, чтобы пророчество это не было сочинено уже послѣ событія. — Между тѣмъ нѣкоторые свидѣтели, слышавшіе предсказаніе, еще тогда же говорили объ немъ „хотя не вѣрили ему.“ Сочинительница историческаго романа посвятила его сыну Казота *Сцеволѣ*, который доставлялъ ей матеріалы объ отцѣ, о его жизни и особенно объ главнѣйшемъ изъ его пророчествъ Лагарпомъ описанномъ. Она напечатала и письмо сына къ

Digitized by Google

ней, въ коемъ онъ не только одобряетъ ее, но находитъ въ историческихъ портретахъ величайшее сходство; вотъ слова Сцевола Казота къ M-de D'Heutefeuille. „Въ разсказѣ вашемъ неистинно — только одна рамка, но судя по вѣрности, съ которою вы представили моего отца, мою сестру и Маркизу де Ла-Круа, — кажется, — Въ изображеніи вашемъ я свидѣлся съ самою Маркизою де Ла-Круа, и все, что она говоритъ у васъ, все, что говорилъ мой отецъ, — все это я слыхалъ отъ нихъ самихъ," и т. д. Свидѣтельство неподкупное сына даетъ роману прелесть исторіи Увѣряютъ, что въ послѣдующей главѣ революція описана со всѣми ея ужасами. „Грозная и разрушительная, она упала на насъ, какъ снѣжный обвалъ спадаетъ съ горы неожиданно и неумолимо низпровергая все напути своемъ." — И еще два слова женщины, которая написала съ глубокою вѣрою милыя повѣрья среднихъ вѣковъ: „я вѣрю, что и революція не осталась безъ плода для насъ: ибо мы стали лучше чѣмъ были прежде. Я не люблю громовыхъ ударовъ; — никогда они минуются, — позвольте мнѣ думать, что воздухъ сталъ чище."—Вы прочтете въ 1-й главѣ предсказанія Казота уже въ его деревенской жизни, сбывшіяся надъ Франціею. Маркизша de la Broix играетъ въ нихъ важную роль и ее называютъ послѣдовательницею Иллюминизма Сен-Мартена въ фактахъ, какъ сказываютъ, много правды; но Сен-Мартень никогда не былъ иллюминатомъ или послѣдователемъ *Вейсгаупта*, и Анна Марія вѣроятно приписываетъ *на обумъ* ученику *Мартинера-Пасквалиса* и *Якова Бёма*, теоріи Баварскихъ мечтателей. — Но Казота и дочь его увозитъ коммисаръ du salut public: деревенское жилище его сбираются грабить — добрые поселяне, — И такъ дослѣдующаго No въ этомъ есть еще двѣ три статьи примѣчательныя, на пр. *Des divertissements publics*, того же Профессора Ультра-Монтаниста, *Ленормана*: въ ней благіе совѣты префекту полиціи — *Делесеру*, коего дѣятельность Ленорманъ хвалитъ, хотя Делесеръ и кальвинистъ! Онъ нападаетъ не столько на театры, сколько на *балъ*, сперва возникшій въ малыхъ театрахъ — „pour arriver enfin à trôner au centre d'un établissement que couvre le nom de Louis XIV et qu'ont honoré le génie des Gluck et des Sachini (l'opera). Странная слабость ума человѣческаго! Въ шумныхъ и конечно не-

Digitized by Google

скромныхъ забавахъ Парижской и иностранной публики справедливо видитъ авторъ Историкъ и Моралистъ въ одно время развратъ во всей утонченной *нагопи* его: и въ тоже время какъ бы въ противуположность ему — указываетъ на перваго развратителя Европы и вселенной. — Лучше кончить словцомъ Персидскаго посла въ Парижѣ: должно быть эти люди очень сходны, что должны сами себѣ плясать!

— Правда, что для Мусульмановъ — „il n'y a pas d'outrage comparable à cet envahissement de leurs personnes:

— Передайте отъ меня Г. Шевыреву, что въ семъ же No Корреспондента напечатана новая статья извѣстнаго ему *Дантиста* Профессора *Озанама: Des sources poétiques de la divine Comédie.*" Въ Edinburg Review напечатана о семъ же диссертація *Фосколо;* послѣ книги Озанама: Dante et la philosophie Catholique du moyen age, — Labitte напечаталъ статью *о Божественной комедіи* до Данта. Озанамъ въ сей новой статьѣ, разсматриваетъ — въ чемъ именно состоитъ оригинальность *Божественной комедіи?* — Я люблю Озанама за сильную горячую вѣру его въ средніе вѣка, за одушевленный живымъ словомъ энтузіазмъ его на каѳедрѣ: но не раздѣляю его литературнаго и прочаго Ультра-монтанизма. Онъ знакомъ и съ Германской словесностію и говорилъ на лекціяхъ о ея старинной поэзіи (Niebelungen и пр.) безпристрастно послѣдуя во многомъ Исторіи Нѣмецкой словесности *Гервинуса*, на которую я когда-то указалъ ему: *Бутервекъ* былъ врядъ ли ему извѣстенъ; я не забуду торжества его передъ 12-ю экзаменаторами въ числѣ коихъ: Вильмень, Форіэль, Кузень, Лакретель, и другія знаменитости того времени. — Озанамъ заставилъ самаго Кузеня признаться, что онъ, выслушавъ его отвѣты и возраженія всѣмъ и каждому изъ нихъ, признаетъ въ немъ не ученика, а наставника, въ той обширной, хотя и частной области среднихъ вѣковъ, которую обнимала Дантова универсальность.«—Въ 17 столѣтіи было три, въ 19 болѣе ста изданій Данта! открыли предшественниковъ божественному поэту — въ XII столѣтіи. *Видѣніе монаха Альберика.* — „Нынѣ, — говоритъ авторъ,— пустыни среднихъ вѣковъ населяются и свѣтлѣютъ, Божественная комедія хотя и не перестаетъ еще господствовать надъ поэтическими зданіями, ее окружающими и поддерживающими; но вкругъ нея видно

Digitized by Google

безконечное множество подобныхъ изобрѣтеній; длинный рядъ разсказовъ того же рода восходитъ къ предыдущимъ вѣкамъ, и встрѣчается болѣе или менѣе во всѣ времена, свидѣтельствуя, такимъ образомъ, объ одной постоянной заботѣ человѣческой мысли.“ — Сравнивъ поэму Данта-съ Римской Базиликой — Озанамъ начинаетъ характеризовать эпоху приготовившую это чудесное явленіе: „Въ 13 вѣкѣ поэзія не пряталась въ одинокую мечту Флорентинскаго гражданина она была вездѣ, она жива въ дѣлахъ того времени, когда совершались послѣдніе крестовые походы, когда являлись высшія усилія борьбы между духовенствомъ и Имперіей; паденіе Фридриха II-го, призваніе Святаго Людовика, апостольство Св. Франциска и Доминика. — Когда Провидѣніе разсѣеваетъ великія событія, я знаю, что тогда зараждаются великія мысли. Такая мысль основала Кёльнскій и Флорентинскій Соборы, была вдохновеніемъ Монтрельевъ, Николаевъ Пизанскихъ и Чимабуевъ, она, наконецъ жила въ разсказахъ, возжигавшихъ вѣру, мужество и любовь къ отечеству. Изъ каждаго подобнаго повѣствованія образовывалась эпопея. Необъятное множество этихъ эпическихъ разсказовъ удивило новѣйшую науку. Посреди такаго очарованнаго міра проснулся Геній Данта.“ — Далѣе Озанамъ указываетъ на внутренній источникъ его поэзіи: „въ сокрушеніяхъ сердца разбитаго, изорваннаго, перевернутаго до дна, въ угрызеніяхъ совѣсти, въ безутѣшныхъ слезахъ, вижу я рожденіе поэмы. — Уже со смерти Беатрисы вдохновеніе владѣло поэтомъ. Данте предположилъ себѣ сдѣлать для возлюбленной сердца своего то, чего еще никто не дѣлалъ для другой!....“ Вотъ происхожденіе Божественной комедіи!

..... Въ субботу, въ салонѣ Ламартина, удалось мнѣ присосѣдиться къ Sophie Gay, къ автору *„Парижскихъ салоновъ,“* въ коихъ сіяетъ красотою и любезностію и дочь ея Girardin, также составляющая современную, салонную хронику мы часто встрѣчаемъ другъ друга, но никогда еще не вступали въ такой оживленный и продолжительный разговоръ. Sophie Gay давно въ свѣтѣ и пережила революцію, реставрацію и красоту свою! Но въ глазахъ еще сверкаетъ огонь, воображеніе не потухло, память вѣрна; она еще женщина и авторъ; и слѣдовательно пристрастна и самолюбива. Она была;

Digitized by Google

богата, бывала въ Англіи и помнитъ тамошнее и здѣшнее общество; была дружна съ корифеями онаго; слѣдила за ихъ воспоминаніями и съ перомъ въ рукахъ; разсказала намъ многое о Сегюрахъ, изъ коихъ одинъ былъ посломъ при Дворѣ Екатерины и оберъ-церемонимейстеромъ при Наполеонѣ, другой — историкъ: обѣщала показать мнѣ письма ихъ. Исчислила намъ toutes les bonnes fortunes de Chateaubriand, — описала характеръ Бенжамень-Констана, страсть къ нему M-me Сталь, которая жила въ ея домѣ и скончалась въ ея постелѣ. Она увѣряетъ, что Бенжамень-Констанъ никогда страстно не любилъ Сталь, но желалъ быть ея супругомъ изъ одного чванства: онъ преслѣдовалъ ее, она любила его но не соглашалась быть женою. Самолюбіе его раздражалось и онъ, желая показать, что онъ можетъ быть счастливымъ претендентомъ на руку аристократки, нашелъ вдову *Гарденберга* и женился. Отъ матери перешли мы къ дочери, Герцогинѣ Брогліо. Sophie Gay не любитъ ее за мнимую ея гордость, за мнимую сухость ея характера, за нелюбовь яко бы къ матери: Сталь! Тутъ я остановилъ ее и началъ вычислять *поклонницъ вѣка*— всѣ прекрасныя качества души и сердца Гер. Брогліо, ея чистое, христіанское ученіе, ея неистощимое милосердіе, ея милую непритворную набожность, ея примѣрный или лучше сказать безпримѣрный поступокъ, въ часъ кончины матери, когда она объявивъ пережившаго *Рокка* законнымъ мужемъ матери, отдала сыну ихъ — Рокка половину всего достоянія, наконецъ я пересказалъ Софьѣ Gay, какія суммы употреблены Брогліо на выкупъ писемъ матери (увѣряютъ, что до 200 т. фр.). Какъ она упрашивала самого меня никогда не печатать письма Бенжаменя къ Сталь въ 1805 г. (послѣ его свиданія съ Наполеономъ, описаннаго Бонштетеномъ изгнанницѣ на Женевскомъ озерѣ). Я старался оправдать самаго Бенжамень-Констана, коему Gay отказываетъ совершенно въ безкорыстной любви, — я напомнилъ ей, какъ онъ любилъ, страдалъ и писалъ къ Рекамье: она не читала, не слыхала біографіи Р. Шатобріана: я ее перечитывалъ: то что въ ней Шатобріанъ приводитъ изъ портрета Рекамье кистью или страстью Бенжаменъ К. написаннаго — превосходитъ страсть и перо Шатобріана. Приведу нѣсколько запомненныхъ мною словъ Бенжаменъ К. о Рекамье въ Шатобріановыхъ загробныхъ запискахъ). „Сначала удивлялись ея красотѣ, потомъ узнали

Digitized by Google

красоту ея души, и душа ея явилась еще прекраснѣе ея красоты. — Жизнь въ обществѣ доставила уму ея средства къ необыкновенному развитію, и умъ ея не остался ни ниже красоты ни ниже души ея. — Ея взглядъ, теперь столько выразительный, сколько глубокій, который, кажется, открываетъ намъ тайны ей самой неизвѣстныя, — въ первой молодости ея блисталъ только одною веселостію, живою и безпечною. — Никогда не видали ее при дворѣ Директоріи, гдѣ власть была ужасною безъ достоинства, и внушала страхъ не избѣгая презрѣнія." Вотъ какъ судитъ Бенж. К. о двухъ пріятельницахъ, изъ коихъ одна ему мила, другой онъ милъ: нельзя вообразить ничего привлекательнѣе разговоровъ Г-жи Сталь и Г-жи Рекамье. „Быстрота, съ которою одна выражала тысячи мыслей блестящихъ, новыхъ, огненныхъ; быстрота, съ которою другая понимала и судила ихъ; этотъ сильный мужественный умъ, который, проникая всюду, раскрывалъ все сокровенное, и другой нѣжный, тонкій изящный умъ, который все понималъ и цѣнилъ; — откровенія генія испытаннаго жизнію, сообщаемыя разуму молодому, достойному принять ихъ, — все это давало обществу ихъ ту прелесть, которую выразить невозможно." — (Съ подлиннымъ вѣрно). — Такъ изображалъ Рекамье Бенжамень-Констанъ, коего Шатобріанъ назвалъ: „l'homme qui a le plus d'ésprit apres Voltaire." Но не болѣе ли ума, чѣмъ чувства въ этихъ словахъ самаго Шатобріана о Рекамье, кои къ счастью я запомнилъ: „когда я мечталъ о моей Сильфидѣ, я старался придать самому себѣ всѣ возможныя совершенства, что бы ей понравится; когда думалъ о Жюльетѣ (имя Рекамье), тогда старался уменьшить ея прелести, чтобы приблизить ее къ себѣ: ясно было, что я любилъ существенность съ большею страстію, чѣмъ мечтательный идеалъ." — Нѣтъ, не такъ говоритъ истинная любовь, я самъ въ себѣ, выслушавъ Шатобріана.

— Отъ Ламартина вмѣстѣ со многими другими, явился я въ салонъ Герцогини *Розанъ*, — я уже болѣе двухъ лѣтъ не бывалъ здѣсь, но нашелъ все тѣхъ же и тоже! Милую хозяйку, литераторовъ, ученыхъ, депутатовъ, легитимистовъ, нынѣшнихъ роялистовъ; смѣсь аристократіи старой съ новой; и нашихъ Петербургскихъ дамъ.

Но знаете ли отъ чего трепетало два вечера сряду мое Московское сердце? Отъ цыганскихъ пѣсенъ! — Вообразите

Digitized by Google

себѣ весь таборъ *Патріаршихъ прудовъ* въ Парижскомъ салонѣ! не только знакомые звуки, самый пылъ цыганскихъ криковъ — въ самой дикой ярости: топотъ ногами, размашки и ухватки ихъ и любимая ихъ пѣсня: „Общество наше намъ запрещаетъ!“ И все это съ вѣрностію неимовѣрною! въ четыре голоса, коимъ вторили еще два. Я дрожалъ, а можетъ быть и плакалъ: Петровское, Марьина роща, Сокольники, Москва жили передо мною. Недоставало одной *Танюши*! — Вдругъ услышали мы заунывнымъ, родимыхъ голосомъ: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ:“ у меня забилось сердце; *другой* закрылъ лице руками: пѣсельники догадались.....и вдругъ грянули:

„Русской я мужикъ простой, выросъ на морозѣ и пр.“

И это не сонъ *а быль*....Французы, Итальянцы и Нѣмцы восхищаются ими.

Парижъ 1845. $\frac{25}{11}$ Февраля.

Здѣсь и въ журналахъ и въ салонахъ толкуютъ о дѣлахъ церковныхъ, и самые *дѣтскіе* балы не чужды сему вліянію. Недавно на балѣ министра двора *Montalivet*, гдѣ съ милой безпечностію, плясали дѣти Министровъ: Гизо, Сальванди, съ дѣтьми оппозиціи; Сальванди, взглянувъ на 11 лѣтняго Гизо, весьма похожаго на отца, и на своихъ дѣтей, вспомнилъ словцо свое на балѣ Пр. Орлеанскаго, нынѣшняго Короля, сказанное примѣнивъ его къ дѣтямъ: „Voici l'avenir de la France qui danse,“ Dupin, съ досадою: „Je voudrais bien faire *sauter* le present.“ — Но министерство удержалось! Дюпень извѣстенъ своею скупостію и грубостію: когда-то на Пиринейскихъ водахъ одна милая и добрая красавица, всѣмъ извѣстная обратилась къ нему письменно съ просьбою принять участіе во лотереѣ, въ пользу бѣдныхъ устроенной. Дюпень отвѣчалъ ей грубо и отказалъ въ пособіи, сказавъ, что у всякаго свои бѣдные: дама отмстила ему по своему, и противъ воли его заставила участвовать въ благодѣяніи: она выложила записку Дюпеня въ числѣ призовъ, и другая дама заплатила за нее 40 франковъ! — Онъ сдѣлалъ свою фортуну адвокатствомъ, per fas et nefas и прославился корыстолюбіемъ. По кончинѣ Наполеона оставившаго *Монтолону* милліонъ Фр. въ своемъ завѣщаніи, Монтолонъ явился къ банкиру *Лафиту*, коему Наполеонъ ввѣрилъ всѣ свои капиталы, и

Digitized by Google

предъявилъ право свое на милліонъ. Лафитъ, опасаясь, что бы сынъ Наполеона, тогда еще жившій, не началъ по сему завѣщанію процесса, присовѣтовалъ подать на него въ судъ жалобу: такъ и сдѣлано. Монтолонъ просилъ Дюпеня быть его адвокатомъ въ семъ требованіи; въ полчаса все дѣло кончено и Лафитъ выдалъ милліонъ Монтолону, который взявъ съ собою 10 т. франковъ пошелъ къ Дюпеню и спросилъ, что онъ ему долженъ за легкій трудъ? Дюпень началъ превозносить славу Наполеона, важность процесса, о коемъ узнаетъ Европа и потребовалъ 30 т. фр. за часовой трудъ свой! Монтолонъ пораженный требованіемъ идетъ къ другому адвокату, batonnier de l'ordre des avocats, въ такой же мѣрѣ участвовавшему въ семъ дѣлѣ: этотъ иребуетъ 500 фр. Монтолонъ думаетъ, что онъ худо вслушался, и адвокатъ сбавляетъ требованіе на 300 фр. Монтолонъ платитъ и возвращается къ Дюпену: онъ едва согласился принять 12 фран. вотъ черты къ портрету Дюпеня, о коемъ скоро опять заговорятъ журналы.

П. Г. ПАВЛОВЪ.

Профессоръ Физики, въ 1835 году.

Почти десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ покойный Профессоръ Павловъ оставилъ каѳедру Физики, лѣтъ шесть минуло уже съ того времени, какъ онъ умеръ. Думаемъ, нѣтъ и не можетъ быть болѣе ни пристрастія, ни вражды. Но не прошли и не пройдутъ въ душѣ учениковъ его тѣ впечатлѣнія, которыя производили на нихъ его лекціи Физики. Напротивъ до сихъ поръ — эти впечатлѣнія, перешедши черезъ горнило опыта, размышленія и критики, возстаютъ передъ нами при первомъ призывѣ памяти — прекраснѣе, чище и свѣтлѣе.

Изъ многочисленныхъ слушателей Павлова, нашихъ предшественниковъ и товарищей, немногихъ теперь мы встрѣчаемъ. Большая часть разсѣялась: но судя по общему тогдашнему голосу, по общему убѣжденію, мы увѣрены, что и теперь большая часть изъ нихъ думаетъ и чувствуетъ одинаково съ нами.

Ни одинъ изъ наставниковъ нашихъ, — хотя всѣ они дѣйствовали на насъ благотворно, хотя ко всѣмъ не погасло

Digitized by Google

въ насъ чувство признательности, — ни одинъ изъ нихъ не дѣйствовалъ на насъ такъ сильно и такъ прочно, какъ Павловъ.

Въ чемъ же заключается тайна этого дѣйствія?

Мысли Павлова, повѣряемыя критически, потеряли для насъ свою силу. Неопредѣленность основной идеи, невозможность вывести изъ нея что нибудь чисто формальное, ея значеніе, по которому она легко приложима ко всему, искуственное построеніе системы, гипотетическія начала ея — все это конечно не могло расположить насъ до такой степени въ пользу Павлова.

Фактовъ мало, и до того мало, что Физика покойнаго Профессора ни мало не знакомила насъ съ современнымъ состояніемъ науки. Это знали конечно и первокурсные студенты, — тѣмъ болѣе, что въ тоже время другой преподаватель г. Топоровъ излагалъ для Медицинскихъ студентовъ Физику, держась преимущественно Пулье.

Въ чемъ же заключается тайна дѣйствія Павлова?

До сихъ поръ какъ теперь вижу нашъ первый экзаменъ. Имѣя отъ природы безпечный характеръ, обладая нѣкоторою увѣренностію въ успѣхѣ дѣла или считая за одно и тоже успѣхъ или не успѣхъ, я могъ слѣдить за вопросами Профессора и отвѣтами своихъ товарищей. Одинъ отвѣчалъ быстро, не останавливаясь, видно выучивши Физику Двигубскаго—или даже самого Павлова наизусть, Павловъ морщился и ставилъ нули и единицы. Отвѣтъ другаго не былъ быстръ и состоялъ изъ нѣсколькихъ отрывистыхъ словъ.—Павловъ видимо былъ доволенъ. Сужденія свои онъ выражалъ обыкновенно однимъ словомъ „вы мыслите“ или вы „не мыслите“—и рѣдко ошибался.

Такая проницательность взгляда въ Профессорѣ уже одна могла заинтересовать слушателей. Но была другая причина — и эта причина оказалась съ первой лекціи, съ первыхъ словъ Профессора. Это необыкновенная послѣдовательность мысли и чрезвычайная сжатость изложенія. Павловъ не любилъ распространяться, былъ скупъ на слова. Каждое выраженіе его за то отливалось такъ хорошо, было такъ полно, такъ очевидно вязалось съ другими, что тогда уже мы-первокурсные студенты — удивлялись его Логикѣ, и не могли надивиться: теперь — при воспоминаніи объ немъ тоже.

Digitized by Google

Занималъ насъ, разумѣется, и полемическій характеръ изложенія Физики, но не самъ по себѣ, а единственно своею формою. Въ самомъ дѣлѣ — для насъ не могло быть интереснымъ опроверженіе теоріи атомической, — мы не знали и не видали ни одного атомиста, насъ не могъ интересовать приговоръ Пулье, Гей-Люссаку или Окену, мы ихъ еще нечитали. Насъ прельщалъ тонъ Профессора, мѣткость и быстрота, съ какими онъ разрушалъ системы въ самомъ основаніи, ловкость, съ какою онъ устранялъ возраженія противъ своихъ началъ.

Эти достоинства, первостепенныя для другаго, были однакожъ второстепенными для Павлова. Разсказываютъ множество анекдотовъ о его необыкновенной лѣни. Этому можно было легко повѣрить, взглянувъ на массу его тѣла, которая его душила.— Но только онъ взойдетъ на каѳедру, только скажетъ, задыхаясь, нѣсколько словъ, только коснется въ первый разъ своего предмета, вы уже не видите болѣе его тѣла, вы не замѣчаете болѣе его одышки. Огонь въ глазахъ, движеніе въ каждой чертѣ лица, непрерывная смѣна неудовольствія и торжества, волненіе рѣчи — иногда спокойной и льющейся, чаще обрывистой, восторженной, патетической — все это показывало страстную любовь къ своему предмету — а можетъ быть и къ своимъ слушателямъ. Отъ первой лекціи до послѣдней — не было ни одной холодной, ни одной сухой или скучной. Одушевленіе не оставляло Профессора не на минуту. И это одушевленіе переходило всегда въ его слушателей. Изъ полутораста человѣкъ — едвали можно было найти двухъ — трехъ, которые бы утомились на его лекціи, которые бы не выслушали ея съ удовольствіемъ отъ начала до конца, тѣмъ менѣе, которые бы проманкировали ее безъ причины. Никто не чувствовалъ времени, и кажется, не почувствовалъ бы, еслибъ Профессоръ каждый разъ вмѣсто часа читалъ по четыре часа.

И странное дѣло — мысли Павлова, мало принесшія намъ пользы въ самой его наукѣ, послужили для насъ однакожъ путеводною нитью въ другихъ, развили — или покрайней мѣрѣ послужили къ развитію какого-то особеннаго, критическаго взгляда на науку вообще, на ея начала и основанія, на ея развитіе и выполненіе. Не буду увѣрять, что это пріобрѣтеніе общее для всѣхъ его слушателей, — нѣтъ однакожъ сомнѣнія, что для многихъ.

Digitized by Google

Говорятъ — Павловъ мало занимался своимъ предметомъ. Мы этому не вѣримъ. Въ самомъ дѣлѣ есть два способа заниматься наукою, — читать и думать. Павловъ мало читалъ — и потому никто не видалъ его занятій; но онъ много думалъ, — это доказывала каждая его лекція.

Необходимые опыты были всегда производимы отчетливо, чисто и необыкновенно точно — даже изящно. Конечно по самому духу системы ихъ не могло быть много и они не были трудны и сложны.

Мы не слыхали и не видали Павлова на каѳедрѣ Сельскаго Хозяйства. Можетъ быть, онъ тамъ не былъ такъ хорошъ, да едвали и могъ быть тамъ хорошъ Профессоръ Натур-философъ. Впрочемъ мы думаемъ, что и здѣсь, какъ въ Физикѣ, онъ имѣлъ неотъемлемыя достоинства, что и здѣсь какъ и тамъ „Онъ былъ Профессоромъ не для науки, а для слушателей“ (1).

А. Студитскій.

(1) Въ Сельскомъ хозяйствѣ, какъ и въ Физикѣ, Павловъ имѣлъ безспорно неотъемлемыя достоинства. Строгая логическая послѣдовательность его мыслей, отчетливое ихъ изложеніе, живой, динамическій взглядъ на природу, философическій характеръ его ученія, и наконецъ умѣнье возбудить въ слушателяхъ, какого бы званія и образованія они ни были, охоту и рвеніе къ мышленію—вотъ его неотъемлемыя заслуги, вотъ чѣмъ снискалъ онъ справедливую признательность и уваженіе всѣхъ своихъ слушателей. Самъ Павловъ превосходно сознавалъ, въ чемъ именно состояло главнѣйшее достоинство всѣхъ его лекцій и сочиненій. Въ 1836 году, когда вызвался я перевести ему на Французскій языкъ его Физику, онъ вручилъ мнѣ книгу, въ которой вычеркнулъ изложеніе всѣхъ рѣшительно фактовъ или явленій, оставивъ одно только объясненіе своей теоріи, системы и принятаго имъ плана науки. „Фактовъ, говорилъ онъ, у меня въ книгѣ немного, „они не новы, изложены не съ достаточною подробностію, а потому и не „могутъ быть любопытными для иностранцевъ; но мнѣ бы хотѣлось познакомить ихъ съ моею системою, съ моими понятіями о силахъ природы, „ объ общихъ свойствахъ тѣлъ, о веществѣ и убѣдить ихъ, что Физика „какъ и всякая другая наука, должна быть не нумераціею матеріаловъ, а системою свѣдѣній, построенныхъ по идеѣ цѣлаго.“ Жалѣю, очень жалѣю, что не удалось мнѣ исполнить порученія Павлова, но книгу съ разными собственноручными его замѣчаніями и прибавленіями сохраняю у себя какъ сочиненіе, безъ сомнѣнія драгоцѣнное для каждаго изъ его учениковъ.

Линовскій.

Digitized by Google

ЗА РУССКУЮ СТАРИНУ.

Въ 25 нумерѣ Московскихъ Вѣдомостей помѣщена статья подъ заглавіемъ „Бретань и ея жители," статья прекрасно написанная, ясная, легкая, живая, — я прочелъ ее съ большимъ удовольствіемъ, находя въ ней доказательство новаго увлекательнаго таланта, который появляется въ области Русской Словесности.

Но мое удовольствіе было не безъ примѣси: авторъ, воздавая хвалу западнымъ хроникамъ среднихъ вѣковъ, разсудилъ по чему-то бросить тѣнь на наши, и какъ будто съ состраданіемъ произнесъ, что „Средній вѣкъ не существовалъ для нашей Руси, потому что и Русь не существовала для него."

Въ 1830-хъ годахъ, излагая, въ одномъ изъ журналовъ того времени, систему Европейской Исторіи Гизо, только что появившуюся у насъ, я имѣлъ честь замѣтить знаменитому Профессору объ его односторонности, и сказать, что исторіи Запада нельзя выразумѣть вполнѣ, не обращая вниманія на другую половину Европы, на исторію Востока, шедшаго съ нимъ параллельно, Востока, который представляетъ значительныя для науки видоизмѣненія всѣхъ западныхъ учрежденій и явленій: точно такъ натуралистъ долженъ изслѣдовать всѣ произведенія, всѣ виды, принадлежащіе къ одному классу, если хочетъ составить себѣ полное, основательное понятіе объ этомъ классѣ.

Не думалъ я, чтобъ чрезъ пятнадцать лѣтъ, — когда наука ступила столько шаговъ впередъ, послѣ того какъ издано въ свѣтъ столько свидѣтельствъ, доведшихъ эту мысль до очевидной убѣдительности, — пришлось мнѣ повторить тотъ же упрекъ своему соотечественнику, который, увеличивъ сверхъ мѣры ошибку, не можетъ даже привесть и оправданій Гизо,

Не странно ли въ самомъ дѣлѣ, чтобъ въ наше время, когда одна Археографическая коммиссія издала томовъ двад-

Digitized by Google

цать древнихъ документовъ, не говоря о частныхъ трудахъ, не странно ли встрѣтить, даже въ образованномъ классѣ, людей столько запоздалыхъ, столько отсталыхъ, или столько ослѣпленныхъ, которые, имѣя предъ своими глазами Петрову Россію, могутъ смѣло, не запинаясь, выговаривать, что этотъ колоссъ, готовый и вооруженный, произошелъ изъ ничего, безъ всякаго предварительнаго пріуготовленія, безъ Средняго вѣка, — людей, которые не хотятъ даже слушать другой стороны, старающейся понять, объяснить это всемірное историческое явленіе, отыскать его причины, ближнія и дальнія, его постепенности,—людей, которые рѣшились съ непонятнымъ упорствомъ коснѣть въ своемъ непростительномъ невѣдѣніи, и даже распространять свое мнѣніе, которые просто *затыкаютъ себѣ уши*, зажмуриваютъ себѣ глаза, восклицая съ Чванкиной Княжнина.

Хоть вижу, да не вѣрю.

Средній вѣкъ у насъ былъ, скажу я неизвѣстному автору, былъ, какъ и въ Западной Европѣ, но только подъ другою формою; тотъ же процессъ у насъ совершался, какъ и тамъ; тѣже задачи разрѣшались, только посредствомъ другихъ пріемовъ; тѣже цѣли достигались, только другими путями. Это различіе и составляетъ собственно занимательность, важность Русской Исторіи для мыслящаго *Европейскаго* Историка и Философа. И у насъ было введено Христіанство, только иначе, мирно и спокойно, съ крестомъ а не съ мечемъ; и мы начали молиться единому Богу, но на своемъ языкѣ, понимая свои молитвы, а не перелепетывая чуждые звуки; и у насъ образовалось Духовенство, но духовное, а не мірское; и мы преклонялись предъ нимъ, но предъ его словомъ и убѣжденіемъ, а не властію. Въ политическомъ отношеніи было также раздѣленіе, междоусобная война, централизація, единодержавіе. У насъ не было, правда, рабства, не было пролетаріевъ, не было ненависти, не было гордости, не было инквизиціи, не было феодальнаго тиранства, за то было отеческое управленіе, патріархальная свобода, было семейное равенство, было общее владѣніе, была мірская сходка, однимъ словомъ въ Среднемъ вѣкѣ было у насъ то, объ чемъ такъ старался Западъ уже въ Новомъ, не успѣлъ еще въ Новѣйшемъ, и едва-

Digitized by Google

ля можетъ успѣть въ Будущемъ. Мы явили свои добродѣтели и свои пороки, мы совершили свои подвиги, мы имѣли свои прекрасные моменты, мы можемъ указать на своихъ великихъ людей. ...

Но довольно! Доказывать, что Русская исторія имѣла *свой* Средній вѣкъ, не значитъ ли — доказывать, что бѣлокурый можетъ также называться человѣкомъ, какъ и черноволосый? Не значитъ ли доказывать, что между всякими двумя краями всегда бываетъ средина?

Неизвѣстный авторъ не можетъ уклониться отъ моего обвиненія, тѣмъ, что онъ отрицалъ существованіе на Руси только Западнаго Средняго вѣка, не можетъ, ибо объ этомъ говорить нечего. Развѣ нужно сказывать, развѣ нужно кому нибудь напоминать, что на Руси не было напримѣръ Парижа или Лондона. Это знаетъ всякій, и не будетъ спорить никто. У насъ разумѣется не было Парижа, но была Москва; у насъ не было Товера, но былъ Кремль; у насъ не было Западнаго Средняго вѣка, но былъ Восточный, Русскій, — что и хотѣлъ я доказать, *довести до свѣдѣнія* автора и его читателей, а можетъ быть и послѣдователей.

Петръ Великій, по необходимости, въ слѣдствіе естественныхъ географическихъ отношеній Россіи къ Европѣ долженъ былъ остановить народное развитіе, и дать ему на время другое направленіе. Кто изъ насъ не воздаетъ должной чести этому необыкновенному генію, кто не удивляется его безпримѣрнымъ трудамъ, кто не оцѣняетъ его спасительныхъ подвиговъ, кто наконецъ не благоговѣетъ предъ его любовью къ отечеству?

Но прошло уже слишкомъ сто лѣтъ, какъ онъ скончался, и полтораста, какъ онъ началъ дѣйствовать, а новое время идетъ быстрѣе древняго. Періодъ Петровъ оканчивается: главнѣйшія дѣла его довершены, первая задача его рѣшена, ближайшая цѣль его достигнута, то есть: Сѣверные враги наши смирены, Россія заняла почетное мѣсто въ политической системѣ государствъ Европейскихъ, приняла въ свои руки Европейское оружіе, и привыкла обращать оное съ достаточною ловкостію, можетъ по усмотрѣнію употреблять всѣ Европейскія средства и пособія для дальнѣйшаго развитія

Digitized by Google

своей собственной, на время замиравшей, жизни, во всѣхъ ея отрасляхъ.

Занимается заря новой эры: Русскіе начинаютъ припоминать себя, и уразумѣвать требованія своего времени; для избранныхъ становится тяжкимъ иностранное иго, умственное и ученое; они убѣждаются, что, склоняясь подъ онымъ, они не могутъ произвесть ничего самобытнаго, что чужеземныя сѣмена не принимаются, не пускаютъ корней, или производятъ одинъ *пустоцвѣтъ;* они убѣждаются, что для собранія собственной богатой жатвы, нельзя поступать иначе, какъ *воздѣлывать свою землю,* то есть, разработывать свой языкъ, углубляться въ свою исторію, изучать характеръ, проникать духъ своего народа, во всѣхъ сокровенныхъ тайникахъ его сердца, на всѣхъ горныхъ высотахъ его души, однимъ словомъ *познавать самихъ себя.* Они убѣждаются, что настало время испытывать свои силы,—и блестящій успѣхъ вознаграждаетъ нѣкоторыя усилія!

Время *безусловнаго* поклоненія Западу миновалось, развѣ отъ лица людей запоздалыхъ, которые не успѣли еще доучить стараго курса, между тѣмъ какъ начался уже новый. Имъ можно посовѣтывать, чтобъ они постарались догнать уходящихъ, и стать наровнѣ съ своимъ вѣкомъ, въ чувствахъ уваженія къ самобытности, слѣдовательно національности, и слѣдовательно старины.

Только такимъ образомъ, продолжу я имъ наставленіе, можемъ мы исполнить ожиданія самой Европы, ожиданія всѣхъ друзей общаго блага; только такимъ образомъ можемъ мы исполнить свои человѣческія обязанности. Мы должны явиться на Европейской сценѣ, стану употреблять ихъ любимыя выраженія, своеобразными *индивидуумами,* а не безжизненными автоматами, мы должны показать тамъ свои лица, а не мертвенные дагерротипы какихъ-то западныхъ идеаловъ. Своимъ голосомъ должны мы произнесть наше имя, своимъ языкомъ должны мы сказать наше дѣло, а не на чуждомъ жаргонѣ, переводя изъ Нѣмецкаго компендіума и Французской Хрестоматіи; наконецъ — посредствомъ своихъ мотивовъ мы должны выразить нашъ *паѳосъ:* иначе насъ не приметъ наша старшая братія; съ презрѣніемъ, или много-много съ состраданіемъ, они отвратятъ взоры отъ жалкихъ подражателей,

Digitized by Google

которые тѣмъ несчастнѣе, чѣмъ кажутся себѣ счастливѣе. Въ гармоніи не допускаются отголоски, даже самые вѣрные, не только *фальшивые*, а одни самобытные звуки.

Оставя шутки, я долженъ заключить это объясненіе о томъ, какъ понимаю *я*, и нѣкоторые друзья мои, наше время касательно науки, какими представляются намъ наши обязанности, наши отношенія къ ученой Европѣ и отечеству,—заключить отвѣтомъ на литературныя клеветы, взведенныя на насъ съ самыхъ первыхъ нумеровъ Москвитянина; т. е. 1841 года.

На насъ разносятъ клевѣту, будто мы не уважаемъ Запада. Нѣтъ, мы не уступимъ нашимъ противникамъ въ этомъ чувствѣ уваженія, мы изучали Западъ, по крайней мѣрѣ не менѣе ихъ; мы дорого цѣнимъ услуги оказанныя имъ человѣчеству; мы свято чтимъ тяжелые опыты, перенесенные имъ для общаго блага; мы питаемъ глубокую благодарность за спасительныя указанія, которыя сдѣлалъ онъ своимъ собратіямъ; мы сочувствуемъ всему прекрасному, высокому, чистому, гдѣ бы оно ни проявлялось — на Западѣ и Востокѣ, Сѣверѣ и Югѣ, — но мы утверждаемъ, что старыхъ опытовъ повторять не нужно, что указаніями пользоваться должно, что не все чужее прекрасно, что время оказало на Западѣ многіе существенные недостатки, что наконецъ мы должны имѣть собственный взглядъ на вещи, а не смотрѣть по прежнему глазами Французовъ, Англичанъ, Италіанцевъ, Прусаковъ, Австрійцевъ, Баварцевъ, Венгерцевъ и Турокъ. Ясно ли теперь для читателей, что эту клевѣту разносятъ на насъ напрасно!

Напрасно разносятъ на насъ еще клевѣту, что мы хотимъ воздвигнуть изъ могилы мертвый трупъ. Мертвый трупъ противенъ намъ, можетъ быть болѣе, нежели кому иному. Нѣтъ — душа безсмертная, которая обитала въ этомъ трупѣ, привлекаетъ наше вниманіе, возбуждаетъ наше благоговѣніе. И въ какомъ Западномъ просвѣщенномъ Государствѣ, въ какомъ Нѣмецкомъ Университетѣ, давно ли изученіе Древности, даже Мексиканской, Эѳіопской, стало награждаться подобною насмѣшкою, называться намѣреніемъ воскрешать мертвецовъ?

Напрасно взводятъ на насъ клевѣту, будто мы покланяемся нечестиво неподвижной старинѣ. Нѣтъ, неподвижность

Digitized by Google

старины намъ противна, столько же какъ и безсмысленное шатанье новизны. Нѣтъ, не неподвижность, а вѣчное начало, Русскій духъ, вѣющій намъ изъ завѣтныхъ нѣдръ этой старины, мы чтимъ богобоязненно, и усердно молимся, чтобъ онъ никогда не покидалъ Святой Руси, ибо только на этомъ краеугольномъ камнѣ она могла стоять прежде, и пройти всѣ опасности, поддерживается теперь, и будетъ стоять долго, если Богу угодно ея бытіе. Старина драгоцѣнна намъ, какъ родимая почва, которая упитана—не скажу кровію, кровію упитана западная земля,—но слезами нашихъ предковъ, перетерпѣвшихъ и Варяговъ и Татаръ, и Литву, и жестокости Іоанна Грознаго, ... и нашествіе двадесяти языкъ и наваждѣніе легіоновъ духовъ, въ сладкой, можетъ быть, надеждѣ, что отдаленные потомки вкусятъ отъ плода ихъ трудной жизни, а мы, *несмысленные*, мы хотимъ только плясать на ихъ священныхъ могилахъ, радуемся всякому пустому поводу, ищемъ всякаго предлога, даже несправедливаго, наругаться надъ ихъ памятью, забывая примѣръ нечестиваго Хама, пораженнаго на вѣки вѣковъ въ лицѣ всего потомства за свое легкомысліе.

Неизвѣстный авторъ статьи о Бретани, которая подала мнѣ поводъ выразить теперь свое мнѣніе, бросилъ также, можетъ быть нечаянно, камень въ Древнюю нашу Исторію, сказавъ съ насмѣшкою, что „мы хоть недавно, но рѣшительно распростились съ своей неподвижной стариною, съ безвыходнымъ застоемъ Кошихинской эпохи, и благодаря Богу и Петру Великому, пошли впередъ путемъ обновленной жизни и многосторонней дѣятельности.“

Благодарю за выборъ представителя!

Избави насъ Боже отъ застоя Кошихинской эпохи, но и сохраните насъ, Высшія силы, отъ Кошихинскаго прогресса....

....

Марта 3.
1845

М. Погодинъ.

Digitized by Google

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СТАТЬѢ

О БЕЗСОЗНАТЕЛЬНОМЪ ЛЕЧЕНІИ,

напечатанной въ 2-мъ N Москвитянина.

Entartung kann die Art nich kümmern.

Какъ врачь, я прочелъ эти замѣчанія не безъ удовольствія, хотя безъ пользы; не врачи могутъ читать ихъ съ удовольствіемъ, ежели озлоблены противъ врача, какъ лица или представителя званія, но — найдутъ и вредъ. Вредъ, я говорю, потому, что Авторъ представляетъ смѣшными или вредными способы леченія, которые, безспорно, въ рукахъ неопытнаго, или невѣжды, могутъ вредить; — но иначе, почти всѣ необходимы, всякій на своемъ мѣстѣ. Для подтвержденія сказаннаго, я войду въ разборъ частностей этихъ замѣчаній.

Цѣль Автора, доказать вредъ безсознательнаго леченія,— цѣль дѣльная, и всякій легко согласится, что оно можетъ быть вредно. Но нельзя не сознаться, что то воззрѣніе, которое одному врачу кажется сознательнымъ, потому что его понятія, напримѣръ, идутъ ровнымъ шагомъ съ анатомическимъ ножемъ (т. е. изслѣдованіями надъ трупами),—то самое другому врачу будетъ казаться сознательнымъ, потому что его убѣжденія основаны на фактахъ исцѣленія и т. д. Могутъ сказать, что и то и другое — односторонность; но можно ли не сознаться, что сознательность наша, вообще, только относительна, и что всѣ наши разсужденія имѣютъ границы, т. е. что мы должны доходить до такихъ истинъ, которыхъ объясненіе, или сознательное признаніе, намъ невозможно. Разсуждая объ *леченіи разводящемъ*, Авторъ говоритъ „разрѣшать — „глаголъ безъ имени; разрѣшающее — прилагательное безъ „существительнаго.“ — Не говоря о томъ, что выраженіе это licentia poëtica, разсмотримъ, дѣйствительно ли глаголъ этотъ не относится къ подлежащему (которое ниже Авторъ самъ находитъ въ желчи). Не ужьли не можетъ разрѣшеніе относиться къ застоямъ трудныхъ обращеній крови, слизи, желчи и другимъ отдѣляемымъ и испражняемымъ веществамъ? Если такъ по мнѣнію Автора, то для него Фармакологія и не существуетъ, т. е., онъ не признаетъ лекарствъ а слѣдовательно вѣроятно и не лечитъ. Хорошій врачь знаетъ, что Фармакологія, или лучше Фармакодинамика, не можетъ

Digitized by Google

одна быть достаточна для образованія врача; но и безъ познанія въ оной не льзя быть врачемъ. Это одна изъ стихій его существованія (*). Нельзя, при этомъ случаѣ, умолчать о томъ, что воспитанники новыхъ школъ, вообще, весьма скудны свѣдѣніями о лекарствахъ, т: е:, не зная гдѣ и когда ихъ употреблять, они избѣгаютъ ихъ; потому что прописывая ихъ некстати, они видятъ отъ нихъ только вредъ Парацельсъ началъ очищать Аптеки отъ лишняго вору; но Авторъ, кажется, уже Ультра Парацельситъ. —

Таже скорость въ сужденіи видна, тамъ, гдѣ авторъ говоритъ о лѣченіи *Минеральными водами*. Можно ли съ добросовѣстностію или съ сознательностію въ истинѣ, сказать: „что вредъ отъ Минеральныхъ водъ относится къ пользѣ, какъ „пятьдесятъ къ одному.“ — Я бы избѣгалъ совѣщанія съ врачемъ, который въ душѣ такого мнѣнія. Но авторъ любитель гиперболъ. Принадлежавъ самъ къ числу пользовавшихся Минеральными водами, я могу сказать, что онѣ часто бываютъ полезны, часто и безполезны; но весьма рѣдко вредны, и то въ такихъ случаяхъ, гдѣ назначавшій врачь несвѣдущь, неопытенъ и неосмотрителенъ.

Лѣченіе холодною водою. На все есть мода, и можетъ быть, она права свои распространяетъ и на Медицину; но не взирая на то, не льзя несознаться, что леченіе мужика, обратившее на себя не только вниманіе, но и заслужившее довѣріе, какъ въ низшемъ такъ и въ высшемъ кругу общества,— не можетъ быть такимъ губительнымъ, какъ описывается авторомъ: vox populi, vox Dei.

Безспорно, что нуженъ талантъ, навыкъ, сметливость, или обширныя свѣдѣнія и точное наблюденіе для удачнаго назначенія сего лѣченія. Но Присницъ ли виноватъ, ежели есть врачи, которые между дѣйствіемъ Русской бани и его холоднымъ лѣченіемъ, не видятъ разницы въ дѣйствіи?

Лѣченіе саломъ. Почему же его почитатъ столь безполезнымъ въ грудныхъ болѣзняхъ? — Не буду входить въ теоретическія разсужденія, которыя въ Либигѣ имѣли бы подпору; но укажу на лѣченіе простудныхъ кашлей прикладыва-

(*) Органическая химія обѣщаетъ намъ яснѣйшее уразумѣніе дѣйствія лекарствъ; но она еще въ колыбели, и врачь долженъ еще довольствоваться собирательными названіями лекарствъ, — по этой именно причинѣ.

Digitized by Google

ніемъ синей бумаги съ саломъ, всенародно и съ явнымъ облегченіемъ употребляемой.

Леченіе рыбьимъ жиромъ. „Изъ 34 хъ больныхъ, пользованныхъ отъ чахотки“ — говоритъ Авторъ — „ни одинъ не получилъ облегченія.“ Не удивительно, что онъ потерялъ къ нему вѣру! Сверхъ того Авторъ утверждаетъ, что и въ золотухѣ этотъ жиръ безполезенъ. Въ этомъ случаѣ можно только соболѣзновать несчастію Автора въ его опытахъ. Сожалѣю впрочемъ, что для измѣненія вѣры Автора въ это средство, не могу ему указать двухъ дѣтей врача же (Г. Н.....ъ), которыхъ самъ отецъ пользовалъ года два безъ облегченія отъ костоѣдныхъ (золотушнаго происхожденія) язвъ, и которые въ три мѣсяца совершенно излечились употребленіемъ рыбьяго жира. Авторъ говоритъ: „трупоразъятія показываютъ намъ ужасное разрушеніе легкихъ у чахоточныхъ, и должно быть изступленнымъ, чтобъ вѣрить здѣсь въ дѣйствительность рыбьяго жира.“ — Но должно замѣтить, что чахотка тянется иногда мѣсяцъ, иногда годъ, слѣдовательно кромѣ совершеннаго излеченія можно стараться и о продленіи жизни. Еще (что, кажется, для врача и лишнее) нужно замѣтить, что зародышь чахотки полагается излечимымъ, и это не то состояніе, которое оказывается уже у умершаго отъ этой болѣзни. Но что и разрушенныя даже части возстановляются при употребленіи рыбьяго жиру, это демонстрировалось мнѣ ad oculos при леченіи костоѣдныхъ язвъ.

Забавно говоритъ авторъ *о спинномъ раздраженіи*; но забавляетъ обыкновенно не дѣльное, а часто дѣльное въ искаженномъ видѣ. Такъ и здѣсь, — Впрочемъ, такъ какъ статья эта писана не для врачей, то не излишне будетъ пояснить, что спинное раздраженіе не есть новое болѣзненное состояніе; а что если на оное вниманіе въ послѣднее время обращено болѣе нежели прежде, это потому, что по атмосферическимъ вліяніямъ оно стало чаще появляться, точно такъ какъ теперь параличи или за нѣсколько лѣтъ холера, Англійскій потъ и т. п. Новѣйшаго времени наблюдателямъ, (а не одному фанатику, сидѣвшему долго въ тюрьмѣ), предоставлено было представить признаки спиннаго раздраженія въ яснѣйшемъ видѣ и приспособить къ нему особый родъ леченія, не безъ явной пользы для больныхъ; ибо дѣйствительно, часто случается, что врачъ, находившійся въ затрудненіи,

Digitized by Google

обративши вниманіе на спинное раздраженіе, получаетъ яснѣе указаніе къ врачеванію и съ тѣмъ вмѣстѣ освобождаетъ больныхъ отъ долговременныхъ болѣзней.

Противъ *Гомеопатіи* авторъ выражается короткими словами, вѣроятно, потому, что лежачаго не бьютъ. Нельзя, впрочемъ, и тутъ не сказать, что часто лучше ничего не дѣлать; а потому и Гомеопату можно бы уступить кроху. Кромѣ того можно бы поблагодарить гомеопата и за діэту.

Послѣдній способъ леченія, подвергаемый авторомъ разсмотрѣнію, есть *ясновидѣніе*. Принадлежа самъ къ числу врачей, которымъ попадались только обманутые или обманывающіе, я до сихъ поръ не имѣю права опровергать мнѣніе автора объ этомъ предметѣ.

Вообще авторъ упустилъ изъ виду, что писавъ для невračей, онъ смѣшиваетъ самую науку съ ея злоупотребленіями; и потому, хотя я согласенъ, что безотчетность и безсознательность въ леченіи бываютъ вредны, Aber man mufs das Kind nicht mit dem Bade ausschütten.

МОДЫ.

Изъясненіе картинки.

Молодой кавалеръ: шляпа на крючкѣ, à la Polka; положеніе правой ноги съ недавняго времени употребляется при встрѣчѣ съ любезною дамой; на лѣвой ногѣ утверждается его самостоятельность въ обществѣ. Раздавленный цвѣтокъ выражаетъ состояніе его чувствъ, а лорнетъ направленіе его мыслей. Прическа по системѣ Фурье. *Дама*: шляпка tulipe orageuse; платье изъ Пу де Суа; отдѣлка: воланъ, обшитый кружевомъ. Талія гро-гро, послѣдняго фасона; шея, безъ украшеній. *Почтенный кавалеръ*: картузъ Fare thee well, изобрѣтенія знаменитаго Сэръ Роберта Пиля. Сертукъ суконный, употребляемый обыкновенно при чтеніи Jour. des Débats; платье надъ сапогами атласное. Этаго возраста кавалеры съ нѣкотораго времени въ большомъ вкусѣ: — къ веснѣ ожидаютъ дальнѣйшаго развитія. — Вообще въ послѣднее время моды въ Парижѣ сдѣлались весьма изящны и многозначительны.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY

Return to desk from which borrowed.
This book is DUE on the last date stamped below.

8Feb54VL
FEB 8 1954 LU
7 May'60CR
REC'D LD
MAY 27 1960
17Jan'62LU
REC'D LD
JAN 4 1962
25Apr'62DM

MAR 27 1980
UCLA
INTERLIBRARY LOAN
FEB 14 1980
Due end of WINTER Quarter
subject to recall after
REC'D LD FEB 2 '73 -1 PM
INTERLIBRARY LOAN
MAR 14 1980
UNIV. OF CALIF., BERK.

LD 21—100m-7,'52(A2528s16)476

Digitized by Google

M304457

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google